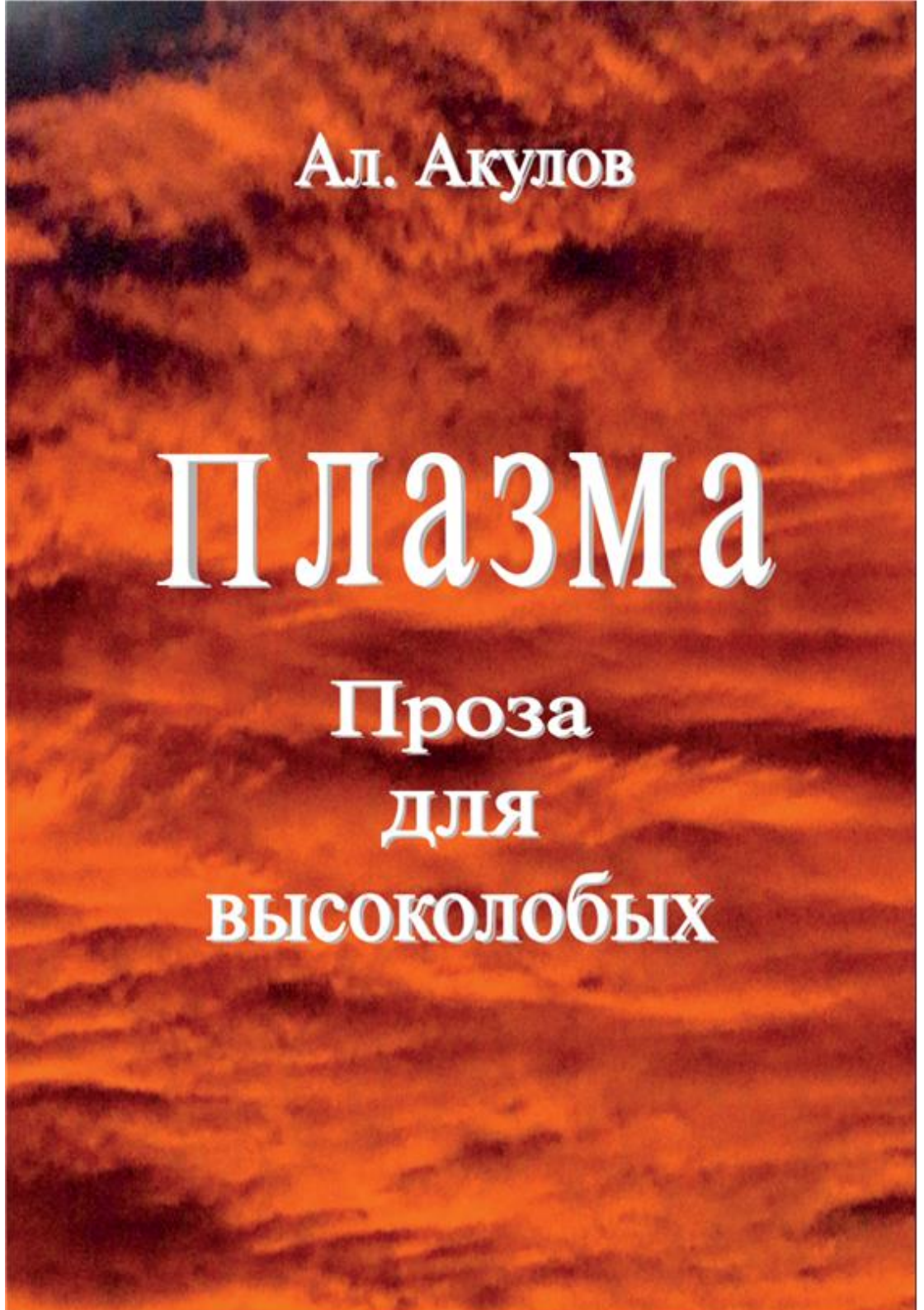

Ал. Акулов

Плазма

Проза
для
высоколобых

Александр Акулов

ПЛАЗМА

Проза для высоколобых

(Издание третье, измененное)

**ИПК
«Печатный элемент»
Санкт-Петербург
2022**

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
А 44

Александр Акулов. Плазма. Проза для высоко-
лобых. Издание третье, измененное. — СПб.: ИПК
"Печатный элемент", 2022. — 700 с.

Редакции заново сверены 03. 08. 2024

Название "Плазма" соответствует основному приему Александра Акулова: расплаву, растворению и взрыву традиционной прозо­структуры в моменты кульминаций. Бытовые эмоции минимальны. Книга заглядывает со-
всем в иное: наблюдаем попытки выхода за грань посто-
сторонних феноменов. Действуют разнообразные полу-
сверхлюди и частичные небожители, междумирки и
нимфоиды, но, как правило, нет фэнтези. Зато связанная
с иллюзорностью бытия фантастика — во всех диапазо-
нах и регистрах. Главный герой — цивилизация на фоне
метафизической тайны.

Поставленный в позицию "вне времени" художе-
ственный текст иногда чередуется с документами из
проблематичного мира параллельной истории. Общий
знаменатель всего — сновиденная реальность.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-91281-088-6 © Акулов А. С. Плазма. 2011
© Акулов А. С. Проза. 1980—2010
© Акулов А. С. Третье издание. 2022

Содержание

Большой рассвет	4
Под новым склонением	7
Абальмантовое дерево	11
Цветной рейд	15
Шапито	19
Мистерия	24
Струнный случай	30
Перелом	33
Как тогда было	40
Суп из топора	44
Напарница	49
Омолук	58
Лиловый мотив	72
Баллада о высоком дворце с овальными окнами (женский текст)	86
Пузыри на сетчатке (мужской текст)	116
Хеппи-энд	151
Да-а!	155
Техника безопасности	158
Другие	159
Разноцветный зодчий	160
 СИНЕРГЕТИКИ (повесть)	 163
ЧУЖАЯ ВСЕЛЕННАЯ (слой хроноцикла)	244
ЧАЙ С МАНДОЛИНОЙ (роман)	365
 Творческая лаборатория ("Березовск-8 за Арзамасом-26". Фрагменты и вырывы)	 669

БОЛЬШОЙ РАССВЕТ

(Дежавю-притча)

По ночам перемещались вещи. Вначале ему казалось, невнятные звуки доносятся из-за окна. Потом он обвинял приемник, из которого ушла волна станции.

Но это гипотезы. Чаще плавали в воздухе пластмассовые вещи, коверкали форму, изгибались. Порой они со странным шумом роняли себя с высоты, вызывая лавину падающих предметов.

На смену перетасовке обыденного заступили сингулярии. Эти штуковины походили на гигантских парящих светляков или на звёзды, вертящиеся близ друг друга. Звуков они не издавали, надвигались и отодвигались сияющими пятнами. Иногда превращались в серо-молочных или цветных "змей" и "змеенышей". Стоило на них внимательно посмотреть — и они бросались в его сторону, вращаясь вокруг собственной оси. Ввинчивались в ведомую только им сокровенную фибру души, затем исчезали из обозримого мира.

Через неделю после того, как такое прекратилось, он проснулся на улице, в двухстах метрах над площадью от криков:

— Человек летит! Человек летит!

В следующий раз он неся под облаками и слышал или чувствовал точками кожи отдаленные возгласы: "Огненный человек летит! Огненный человек летит!"

При третьем полете его приняли за ангела, а белесый огонь на его спине — за крылья.

Появились другие ангелы. Бесстыдно голые, изредка обволакиваемые завихрениями падающей со спины огненной вуали, они опускались до самых домов. Касались ногами телевизионных антенн, шпилей, гребней крыш. Их будто тянула вверх и распрямляла незримая сила, а выглядели они пульсирующими, подобными холодному пламени.

С каждым днем число ангелов увеличивалось, а их огненность росла. Они уже парили целыми стаями. Эти создания не общались, но участвовали в некоем едином действии. Они напоминали животных или отупевших людей, лунатиков, не соображающих, что именно они творят.

Ему думалось: "Как это?", "Зачем это?", "Разве можно быть мерцающими бабочками и ни грана еще?", но поделаться он ничего не мог. Мудреная мистерия продолжалась. Эпизодически колебались и рушились дома, мосты, сталкивались горы. При очередном хороводе земную твердь трясло, а из ее недр кое-где прорывался ядовитый желтоватый дымок.

От полетов ангелов реки переиначивали русла, города и поселки затапливало где водой, а где —

раскаленной магмой. Но вот нелепость! Всё происходило так тихо-тихо, мирно-мирно, словно в немом фильме: витальные существа теряли во время катаклизмов слух и болевую восприимчивость. Плохо для тела — хорошо для души! Пусть телу скверно, лишь бы душе, душе было просторно и светло! Ангелов кружило все больше. Если где-то сохранялись целыми шпили и антенны — на них размещалось по десятку ангелов сразу.

Одним приятным утром, когда в небе реяли миллионы персон, Солнце, звёзды и планета Земля исчезли. Пропали и ангелы, перестали ощущать сами себя и видеть...

Наступило что-то... Что-то Оно, суть которого чрезвычайно сложно обозначить, и название чего не удастся выговорить.

ПОД НОВЫМ СКЛОНЕНИЕМ

Мне удалось дожить до 15 000 года. Наша эпоха интересна статистикой. На Земле ныне — 170 миллиардов человек. Ежечасно погибают 33,3 миллиона жителей и 33,3 миллиона рождаются в бредококонах. К освободившемуся месту рожденного взрослого припортируют за одну минуту две наносекунды. К сожалению, этот срок велик и опасен. И, к прискорбию, — короток: явленный может дать дуба по той же причине, что и его предшественник. Исключительно страшно глобальное заикливание рождений-кончин. Из-за этого случилось 13 кризисов недопроизводства биомассы.

Каждую пятницу исчезают 24 мелких города с сорокамиллионным населением и 24 города обретаются вновь, но уже не на Земле, а на другой планете. Та планета — ее так и называют: Другая планета — чудовищна. Внутри она пустая, зато в три раза огромней Солнца, а ее звезда — с Юпитер, непонятным образом всходит и заходит в самой планете. Но жители не обитают на внутренней стороне: Другая планета устроена по принципам гиперримановых геометрий и не имеет внутренней стороны, как, впрочем, и наружной.

А на Земле? На ней каждый понедельник вырастают 99 чужих городов с чужим населе-

нием. Чужие во всем похожи на землян, опричь того, что они в несколько раз меньше. От подобных пертурбаций население постепенно мельчает. Это прогрессивно и практично. Ведь дублирование мелких людей требует гораздо меньше материалов, а их содержание — меньше средств. Разумеется, эти крохотульки не наши, но сие никого не волнует.

Преимущественно люди умирают не своей смертью: они идут в пищу насекомым. Убивать насекомых запрещено, да и невозможно. Правда, некоторым полиционерам изредка дозволяется стрелять в них микроскопическими сахарными пулями.

Согласно прогнозу известного журнала "Скотт", в следующем столетии габариты Гомо¹ сапиенс миникус уменьшатся еще, а стало быть, люди не будут доступны и восприятию инфузорий. Главную угрозу жизни даст броуновское движение.

Надо сказать, ваш покорный слуга считается долгожителем и относительно крупной особью. Так, позавчера я развлекался тем, что летал близ озера на стрекозе красотке и схлопотал штраф в 200 тавриков. Это мизер. Занимаясь контрабандой медвяной росы, я за час зарабатываю вчетверо больше.

Иногда у меня пробуждается мысль, что я рожден не в бредококроне, а незаконным естественным способом. Развивать ее не думаю: в

¹ В слове Гомо (Ното) здесь и далее подразумевается фрикативный звук "г", идентичный украинскому.

каждого новорожденного взрослого закладывают память о фиктивном райском детстве.

Около года назад возникло обстоятельство странное: целый месяц не видел ни луны, ни звезд. Небо было непрерывно затянуто дымами, облаками, туманами, и мне пришла в голову догадка: "Я на гиперримановой планете!" И не раз даже чертил треугольник, дабы удостовериться, равна ли сумма его углов 180 градусам? Действительно! Но как мог проверить? Изменились не только треугольники, но и приборы! И все-таки остатки слабой надежды заставляли измерять. Вдруг я на Земле! Однако сложить углы не удавалось, а когда удавалась, упрямо оказывалось одно: результат равен нулю.

Крыша моя поехала и почудилось: я живу не где-то, а на Земле древнего *-го века и нахожусь в лечебнице для генерал-фельдмаршалов. В числе преступлений мне почему-то приписывали изнасилование Деда Мороза и бранные слова по адресу кареты высокопоставленного чиновника, которая обрызгала меня грязью. Но по наитию таки отыскалась золотая истина: "Вокруг — подсадные утки и лжесвидетели!" В самом деле, разве может существовать фантастический феномен, называемый "грязью", во времена каретостроения? А с Дедом Морозом проще: многие знают, что, в отличие, скажем, от Будды, Мухаммада и Лао Цзы, его не было. Персона он не историческая, а мифическая.

Логическая мощь этих доводов проявилась: лечебница, санитары, генералы исчезли как наваждение.

Я мигом собрал циркули, транспортиры, а также прочую измерительную дребедень и велел рабочему муравью выбросить эти вредные для здоровья предметы куда следует.

1986 г.

АБАЛЬМАНТОВОЕ ДЕРЕВО

Некогда на земле росло абальмантовое дерево. Раскидистое, не выше яблони, с коротким и гладким розоватым стволом и сочными светло-зелеными листьями, оно выглядело легким и нежным, съедобным от корня до вершины.

Плоды дерева издалека напоминали мандарины. Вблизи поражали просвечивающей кожурой и полупрозрачной мякотью с иссиня-черными семенами.

Ядовитыми листья и плоды дерева не считались, но отведавший их начинал ощущать себя очень чудно, а затем обычно умирал: либо от укуса бешеной собаки, либо от раны, полученной в драке, либо еще от чего. А если не отдавал душу, то стремился просверлить себе голову, выколоть глаз или повеситься.

Цветки абальмантового дерева походили на дохлых бабочек и пахли чем-то непостижимым. Запах не казался ни плохим, ни приятным. Он был до умопомрачения завлекателен. Принюхавшийся к цветкам норовил принюхаться больше: за одним ароматом как бы скрывались два, за этими двумя — новые ароматы. Человек, попавший носом, чувствами и рассудком под влияние дере-

ва, желал мыслить и жить запахами, плыть за ними в блаженных видениях, а время превращалось для подобного простака в бытие запахов, а не вещей.

Непреодолевшего тягу к дереву пробирала странная дрожь. Постепенно она усиливалась, бедняга преображался в мутное пятно и исчезал.

А те, кого оттаскивали, говорили, что не претерпевали боли; их будто игриво пробовал разрывать на части легкий и радостный дух.

В ту пору, когда произошла наша история, абальмантовых деревьев почти не стало: их вырубил осужденные. Интересующимся приходилось совершать дальние путешествия. Последним добрался до дерева чиновник Диленай.

Диленай с отрядом солдат забрел в ненаселенные области провинции Сибей за урочища Юйгушана и заметил цветущее дерево у подножия горы Свютицай.

Сперва Диленай отвел воинов на четыре чжана от дерева, привязал солдата Тангун-Гёна на длинной бечеве к своему поясу, принудил перемещаться у дерева, чередовать позы. Отпустив солдата, Диленай еще раз определил направление ветра, осмотрел скалу, возвышающуюся в десяти шагах с наветренной стороны, и приказал приковать себя к ней. Три дня и три ночи прикованный Диленай простоял у скалы. Его еле живого поместили в паланкин и унесли.

Провидению было угодно, чтобы Бабундох, правитель провинции, обо всем узнал, и в подробностях. Он, не раздумывая, велел исполнить правосудие. Законы Поднебесной ясны как

день; поэтому после долгих пыток Дилена казнили, а солдатам дали по пятьдесят палок. Самый крепкий из них, Тангун-Гён, не выдержал избиения: его призвал Владыка потустороннего мира. Остальных воинов отряда Бабундох направил к порогам реки Хунгшуйхэ для смены гарнизона крепости Дунпо. В дороге идущих накрыла снежная лавина. Ни один не спасся.

* *

Минула сотня лун. Приближенные и слуги Бабундоха стали замечать непривычное: иногда на часы, иногда на дни правитель куда-то исчезает. Его портные шептали:

— Ван быстро изнашивает одежды! Каждый день шьем новые!

Одежды ли главное для князя! Кто больше Бабундоха удачлив, счастлив, весел? У князя были кладовые с драгоценностями, двенадцать жен, много детей, восемь дворцов и любовь Повелителя подлунной.

А умер властитель, подвергнувшись чудесным превращениям. Однажды вечером он сидел на террасе в обществе писцов. У ламп стояли носились бабочки. Внезапно его голова приобрела прозрачность и пропала. Едва проблескивали глаза и зубы. Затем всё ослепила вспышка — и раздался страшный раскат грома. Задымилась ветка тунгового дерева. Бабундох сделался доступным зрению, но это оказался помолодевший Бабундох: его лицо, кожа, волосы, движения заменились на юношеские.

Никто не произнес благодарения Небу, никто не потребовал принесения очистительных жертв. Писцы были неискушенными.

— Хао Ван Бан Чжур, хао! — только воскликнули они.

И необыкновенное тело Бабундоха немедленно покрылось язвами. Ночью правитель скончался в мучениях.

Через восемьдесят разливов рек внук Бабундоха князь Маманхай обнаружил: ворота в давно забытый замок Осенней Задумчивости тщательно заложены кирпичом. Не отыскав другого входа, он приказал сломать стену.

Поднявшись по лестнице замка и пройдя боковую анфиладу, князь узрел огромную залу с испорченной стеклянной кровлей. В зале росло абальмантовое дерево. За десять шагов его окружала высокая и прочная стальная ограда, снизу доверху ошетиनिвшаяся длинными шипами. Дерево было невредимо, но высыхало и, наверное, потеряло способность цвести.

Маманхай подошел: на острых шипах ограды висели клочки шелковых и парчовых одеяний.

ЦВЕТНОЙ РЕЙД

Подлодки типа "Скилэнд" довольно внушительны. Они оснащены почти игрушечными бесшумными двигателями. Боевое снаряжение этих субмарин не занимает много места, но на них не повернуться из-за агрегатов спецназначения. Совмещение камбуза с галюном, а спального кубрика — с машинным отделением — полбеда. Гораздо хуже то, что пройти из кубрика в камбуз, не пропоров живота о детали спецоборудования, не представлялось возможным.

В N... году такая подлодка забрала меня поздно ночью. Я вёз пакет из Главного штаба флота. Всю ночь снился скверный сон об одном и том же. Снилось, будто я сижу на корточках на лесной поляне, упираюсь плечами в колени и непрерывно вытаскиваю из горла застрявшие в нем серебристые гвозди. Гвоздей было штук пять или шесть, но я вытащил их несколько дюжин, а они не убавлялись.

Проснулся поздно. Сильно пахло земляникой. Лодка шла под поверхностью воды, выставив перископы. Я спешил по щелеобразному коридору-лабиринту в противоположный конец судна, часто держался за поручни и вентили спецоборудования. Коридор внушал смутную

тревогу, но иного рода, чем связанную с опасением наскочить на прутья из стен, потолка и пола металлические штыри.

Камбуз-галюнь выглядел оригинально. В центре громоздилась внушительная современная плита, похожая на компьютер зенитного управления. Все сверкало нечеловеческой стерильной чистотой. Вдоль стен располагались столики наподобие перил. Что касается приспособлений для естественных потребностей, то их не обнаружил. В камбузе торчал коуборщик, а рядом околачивались отдыхающие от вахты матросы с лицами интенсивно-лилового цвета и пластмассовыми дозиметрами в нагрудных петлях черных тужурок. Эти люди появились на свет из яйцеклеток штамма AP-400-БЮЗ, оплодотворенных в ретортах Морского ведомства. Матросы оказывались промежуточным продуктом производства — я не смог вспомнить: подвоем или привоем.

На моем френче не было знаков различия, и матросы приняли меня за командированного мичмана. В действительности я числился временно призванным офицером запаса. Облокотившись по примеру матросов о пристенный столик, достал пачку сигарет и закурил, не подавая особого вида. Матросы не скрывали недоумения. Один из них решился на не совсем внятное движение, но в этот момент до мозга дошло хитрое устройство не только камбуза, но и галюна, и матрос остался на своем месте.

Когда я вернулся к облюбованному столику, меня обступили матросы во главе с коком и потребовали сигарет. Они определенно осатанели

от длительного рейда и запрета курить на судне. Моя пачка затанцевала. То там, то тут замелькал язычок зажигалки. Почему-то каждый, словно дикарь или ребенок, норовил щелкнуть зажигалкой сам, не собираясь прикуривать у соседа.

Через полминуты морячки побросали сигареты и начали плевать. Мне возвратили пачку. Сигареты у них загорались, но не дымились. Вскоре перестала дымиться и моя. После того как матросы шваркнули сигареты — она сделалась совершенно безвкусной.

Я удивился, что от котлов на раскаленной плите не поднимается пар.

— Четвертые сутки суп в котле не закипает, — выпучив буркалы, произнес кок.

Матросы дружно сфигурили непристойные жесты и послали кое-куда сухой паек и теплую крошку.

Так и не разобравшись в этих странностях, да и не слишком философствуя, я закончил путешествие и высадился на острове Мокольм.

В тот же день подлодка затонула.

Вот в ясную погоду я сижу в парке "Селд-Рок". Вокруг молодые секвойи. Сильно пахнет земляникой. Читаю в бульварной газете "Плок" статью о секретных подлодках. По песчаным дорожкам прыгают зеленые воробьи и скачут розовые вороны.

Да. Служебный пакет имел стандартную форму, но я постиг: в нём не бумаги. От него исходил запах... Тот самый, земляничный. На острове заметил, что в обертке пакета появились

пять-шесть отверстий, похожих на следы крупных гвоздей.

Отчего взрыватели микроснарядов сработали не сразу? Не от аномальности ли судна?

Зеленые воробьи улетели. На секвойях расселись краснобородые ангелы, устали прямо в душу огромные фиолетовые очи.

Я проснулся. О-о-о-о! Где цветные виденья и где черно-белые мысли?! Предметы струились, как дым. Бу! Бу! Бу! Ля-а-а! Лодка шла под поверхностью воды. Слегка ощущалась качка. Еле слышно прозвучала электронная склянка. О, премерзкий запах земляники! Не успел протереть глаза и осмотреться — в настоящем пакете отчетливо защелкали пружины.

Опоздал вещей со

ШАПИТО

В мае 1977 года, выйдя из подземного перехода у метро, я обнаружила на пустыре рыжие купола. "Шапито линяет", — подумала и, продравшись сквозь толпу, внезапно оказалась подле торговцев в рваных до полного бесстыдства костюмах. Торговцы были зеленосиние и дрожали от холода. Один упрятался в скафандр. Немудрено.

На рыжем обгоревшем брезенте валялись безделушки типа раковин-пепельниц, стояли ни с чем не сравнимые цветы в ржавых банках изпод пиротехники. Шла торговля бусами, лентами, погремушками для попсовиков и осколками хроноскопических зеркал. Блестящие ленты и нити бус оборванцы вытягивали из канистр и резали крохотными автогенчиками. Такими "зажигалками" не пренебрег бы уважающий себя взломщик.

Действия продавцов отличались вялостью и замедленностью, бусы необычно сверкали — будто внутри них светили мощные маленькие лампочки. Среди желающих приобрести диковинки не прекращалась грызня, стремящихся пролезть без очереди отпихивали. Я не сразу смекнула, что и сама очутилась в хвосте.

Фрагменты зеркал не пользовались успехом: они были дороги и предназначались для гадалок, но некая солидная дама, отбывающая за

мной второй круг, не отводила от своего осколка глаз.

— Быстрее, девушка, покупайте! Сейчас милиция придет! — озабоченно поторопила она.

Почему-то, возможно из-за тайного страха контрабанды, я отказалась от переливающегося оттенками радуги учтиво вытянутого куска бус и показала на притулившийся у канистры удивительный цветок в консервной банке. Зеленый торговец страдальчески ухмыльнулся, бросил мутный взгляд туда, откуда ожидали милицию, потом — на меня и заломил червонец.

Я забрала банку. Ко мне пригнулся пожилой гражданин и, постучав себя костяшками пальцев по лбу, прошипел что-то назидательное.

Дорогой без конца останавливалась и любовалась растением: в центре его цветки напоминали пестрых шмелей, по краям влажно блестели от сока, ниже — загибались в голубые с розовым шпоры. Листья... Они не походили друг на друга, но во всяком — изящные дырочки, окошки, обрамленные спиральками. Не сказала главного. Запах! Это невероятный аромат волшебной страны! А новостройки — обычный советский "Манхеттен" — почудились седьмым небом, когда двинулась в их сторону.

Дома меня едва не хватил удар: попытавшись пересадить растение, я не увидела корня. И уже заподозрила обман, как заметила, что, вынутое из банки, оно не упало, но воссело на подпорки-кресла и вдобавок уперлось в подлокотники. Габитус у этого сибарита был изумрудно-игнорирующий.

— Не хочешь расти в земле — заставлю колбасу есть! — выпалила я.

— Жирной колбасы не потребляю, — надменно подпустив прозрачный намек, ответило растение и, вскочив, помчалось по комнате. Юркнув в угловую щель, оно гнусно пискнуло и исчезло.

А около подготовленного сосуда возник иной цветок...

Второе растение поражало нормальностью: отсутствием изгибов, абсолютно одинаковыми и регулярными супротивными листьями. Правда, несколько косовато торчал длинный лиловый корень, зато как живая смотрелась фуражка с золотой кокардой.

К этому растению я почти привыкла. Существом оно оказалось довольно-таки сносным и в принципе смирным! Не капризничало. Время от времени выпускало розовые и желтые лепестки с гербами и водяными знаками. Говорило только о простом. Сидело в грунте крепко и уверенно.

Однако к июлю растение сильно разрослось, его выпирало из суповых горшков и даже семилитровых кастрюль. Я дотумкала: по ночам оно втайне бежит на общественную клумбу, усаженную бархатцами и настурциями. Беда! С каждым разом задерживалось там всё дольше.

Обошлась без претензий, но, пользуясь случаем, заказала бочку с крепкими обручами, а также приобрела стальной пломбир и собачий ошейник.

Коварное растение что-то пронюхало и начало вянуть. В августе его выбросила.

За лето рыжие полусферы у метро исчезли. Их разобрали дачники и растащили кто куда. В конце сентября я опять натолкнулась у подземного перехода на дрожащих от холода зелено-синих торговцев. Никакой очереди. Прямо на мостовой лежали сварганенные из скафандров акваланги и полоски рыжего картона, утыканые прозрачными жучками-паучками. Наверное, паучки эти гораздо хуже и мельче, чем те, что сбывают на толкучке у "Юного техника". Без микроскопа их хорошо не разглядишь!

Большой успех имел торговец, стоявший в стороне. Подойдя к нему, я увидела стереофотографии бурлящих толпами улиц античных полисов. Приезжий педагог сумел определить Пальмиру и Вавилон. Его настойчивые потуги выяснить названия прочих городов не увенчались успехом: окружающие пожимали плечами, а продавец хмуро молчал.

Мне понравилась фотография с выводком саблезубых тигрят, и я купила ее. Надо было заранее догадаться, что стерео так быстро портится! А возможно, кадры сделали на кадрах. Через пару дней тигрята исчезли и на снимке проступили унылые приболотные заросли; через неделю на месте зарослей уже красовались свайные хижины и бритоголовые субъекты в звериных шкурах; еще дней через пять — деревянная мельница с крыльями от фундамента до облаков.

Вскоре сельский пейзаж безнадежно ухудшили небезызвестные дома сто тридцать большой серии. Затем здания превратились в руины — предстало будущее планеты.

Фотография перед вами. Смотрите на теперешнее изображение! Песчаный стереохолм! Ни бетона, ни кирпичей.

А эта задумчивая четырехглазая свинья еще сегодня утром не держала в зубах бластер!

МИСТЕРИЯ

(пьеса-ремарка)

Просторная комната с колоннами, каминами и всяческим неуместным инвентарем. Повсюду — огнетушители. Над этой комнатой — другая, с обстановкой тривиальной, если не считать того, что из ведер на столах торчат гигантских размеров овечьи ножницы и не менее гигантские карандаши. Обе комнаты соединены люком. Из люка свисает канат.

По нижней комнате разгуливает долговязый молодой человек и беспрестанно хихикает. Расхаживая, он высоко поднимает колени и каждый третий или четвертый шаг задевает коленной чашечкой за подбородок. С одного бока он действительно молодой человек, а с другого бока — совсем иное, причем фиктивное, нарисованное или глянцево-глиняное — абсолютно недодуманное режиссером.

Молодой человек как будто предвкушает приближение океана удовольствий, похлопывает себя по бокам и ляжкам. Входит в азарт и начинает сшибать пинками стоящую там и сям неуместную мебель. Успокаивается. Вальяжно садится на качели. Качели совершают полузаконченные фигурные колебания. Возникает неотвязное ощущение, что половину колебаний съедает спрятанное за кулисами огромное животное. В правом дальнем углу дергается зеленое полотнище.

В нижней сцене открывается прежде невидимый люк. Из него показываются чьи-то ноги, вытянутые в черное; извиваются, то появляются, то исчезают. Из люка вылетает, сохраняя вытянутое положение тела и извивающиеся ноги, существо неопределенного пола в черном и красном. С дискантным криком оно падает на сцену, успевая схватиться за канат.

В этот момент долговязый человек срывается с качелей.

Раздается невнятная какофония. При сильном желании сквозь нее можно расслышать звоны колоколов, звуки удаляющейся ракеты с мощным двигателем, слова песни пьяного и блатного хора, а именно:

— Дееевооо, за-ря, бобо-роди-ди — ди — ди — ца — а — а! — В интонации присутствует, несмотря на неверное произношение, оттенок византофильский, уважительный и весьма благостный или, наоборот, некий богохульственный и даже порнографический, — разобраться семи пядей во лбу мало. И все-таки зал насыщается угрозами, проклятиями, экстатическими всхлипами, словами молитв. Среди публики — и взнесённые кулаки, и блеск слез умиления. Атмосфера накаляется. Зрители вцепляются друг другу в волосы.

Под звуки извергающегося вулкана на сцену вступает колонна милиционеров и пожарных. Хор замолкает. Блюстителю ловят, а огнеборцы жарят на костре жирного страуса, в которого как-то незаметно успел превратиться молодой человек с необычным боком.

На сцене — трапеза. Ранее исторгнутое из люка лицо неопределенного пола в черном и красном тоже хочет взять кусочек страуса, но его не подпускают к костру. Обиженное, оно удовлетворяется тем, что обряжается в страусовые перья.

Наевшиеся пожарные карабкаются по канату в верхнюю комнату. Этот процесс медленен, — еще бы! — у каждого пожарника в каждой подмышке — по огнетушителю. Милиціонеры прыгают в нижний люк. Из люка доносится чихание, мурлыканье и звуки возни. Пожарные курят, бросают непотушенные спички и недокуренные сигареты, много и хрипло кашляют и заодно разбирают, режут ножницами огнетушители. Расковыривают они их неумело и крайне вяло, задевают локтями различные предметы и с громом их роняют, чем-то обливаются.

В нижнем люке рождается вопль — и на сцену летит второе лицо в черном и красном. Второе лицо быстро оправляется, держа писсуар таким образом, что невозможно распознать, какого оно пола. Кинув наполненный туберолами писсуар в сторону зрительного зала, оно пытается отобрать у первого лица страусовые перья. В ход идут разнокалиберные атрибуты неуместной обстановки. Рваная коробка, попав в плохо потушенный костер, начинает интенсивно пылать, притом клубы дыма идут в верхний люк, вокруг которого сидят пожарные.

Пожарные с профессиональным интересом весело принимают. Постепенно на их лицах появляется озабоченность! Испугавшись возгора-

ния каната, пожарники вытягивают его наверх, роняя эмалированное ведро в люк. Ведро подобострастно улыбается зрителям, но, подчинившись закону Ньютона, таки ударяется о сцену.

На нее спешат милиционеры в поисках смуты. Ведро, подсакивая на ручке, кланяется им. Его отшвыривают пинком туда, куда приземлился писсуар. Увидев, что канат исчез, милиционеры требуют его опущения. Покрытие сцены, источая дымки, помалу воспламеняется. Опасаясь за свои туники и панталоны, первое и второе лица неясного пола норовят сигануть в люк, но ближайший милиционер вовремя хватает их за ноги. Идет борьба с брыканиями, ляганиями, спецприемами. Прочие милиционеры пререкаются с пожарными и не вмешиваются. Не вытерпев, один из них без всякой команды принимается стрелять в верхний люк. Ноль реакции! Пожарники пишут карандашами за ушами друг у друга. Канат так и не опущен. Зрительный зал в дыму.

Выстреливший милиционер, зычно призвав Аллаха, берет огнетушитель и направляет его струю в верхний люк. По случайности пожар тухнет. На пожарников находит паника. Они швыряют в правоверного милиционера огнетушители и тем пытаются от него отбиться. Блюститель порядка ловко лавирует, отплеивается от серной кислоты. В суматохе из верхнего люка вываливается канат, окантованным латунным концом-грузилом ударяет милиционера по виску — пораженный падает замертво. На его лице — блаженная улыбка. Похожая на гурию, Разрушительница наслаждений и Отвратитель-

ница страданий заключает истинно правоверного в свои объятия и, шествуя по воздуху, увлекает его на Небо.

Обрадованные появлением каната, милиционеры дружно лезут по нему наверх.

Не заметив Отвратительницы страданий, первое неопределенно-полное лицо вызывает неотложку. Она отвечает, что отложена и — вообще сегодня санитарный день, прорыв канализации, распрямление рыболовных крючков и брадикардец автомобилей.

Пожарные, запоздало обнаружив штурм, едва успевают захлопнуть люк. Самый верхний милиционер, получив от лючины травму, шмякается вниз. Несмотря на такое облегчение, канат трещит под тяжестью его товарищей и обрывается. На сцене образуется куча, порастающая страусовыми перьями.

Она превращается в гигантского страуса, размером с жирафа. Страус-жираф прошибает головой люк и начинает клевать и жевать пожарников, стремительно увеличиваясь в габаритах.

На спину животного по пожарным лестницам еле-еле взбираются лица в черном и красном.

Страус-жираф ломает сцену и ее переборки. Из-за кулис выкатывают мощные колобки с телескопическими ушами и пропадают за границей пятен света. Сыплются огнетушители, овечьи ножницы, гигантские карандаши и хихикающие эмалированные ведра. В сопровождении этих предметов страус-жираф идет на публику. Зрительный зал трепещет от восторга. Ряды пу-

стеют. Занавес криво-косо сваливается, но, повиснув, остается фривольно задранным.

На улице животное запутывается в электрических проводах и грохается, внося беспорядок в коммуникации. На бездыханного страус-жирафа набрасывается толпа и жадно рвет перья. Выпавшие из туши милиционеры и пожарные гонятся за их обладателями.

Лица в черном и красном маршируют по крыше отъезжающего троллейбуса, размахивая букетами из перьев.

Голос диктора-робота:

— Поступила неожиданная новость с космической станции. Через две минуты Луна свергнется в Средиземное море.

1985 г.

СТРУННЫЙ СЛУЧАЙ

Белый шум пропал. Возник розовый плеск. Обитатели Арфы мгновенно потеряли источники бытийства. Ученые лежи застучали пиморами по жиропам. В лежиных булавокках не укладывалась мысль о том, что белый шум исчезнет.

Некий седауплис решил приспособливаться. С чего начать, он не знал и поэтому сделал очень неприличную вещь, а именно: грэ... хэ... брэ... Об остальном умолчим, дабы никого не развращать и не извиняться за выражения.

Конечно, из-за таких деяний скафандр седауплиса прорвался, а молекула существования упорхнула. Надо понять удивление седауплиса, когда оказалось: можно жить без скафандра и существования и передвигаться с помощью голых пимор по струнукам и синаузукам.

— Задохнется идеобормот, изувечится, — злопыхали лежи, — испустит сияну в однотерции.

Лежам поддакивали строестои, ходиманты и седауплисы. Умиранды молчали. Помчальники не могли остановиться и разобраться в происшествии.

И все же аномального седауплиса обоняли с изумлением и любопытством. На многих нашла строестоевость. Только несколько седауплисов

сотворили — не скажем что — и стали кромсать скафандры. Вместе с кусками оболочек отрывались пиморы, ранились жиропы, но успех седауплисов был грандиозен. Их действиями заразились помчальники и вызвали реакную цепнацию.

Здесь в обоводах понеслась дурабанда:

— Немедленно прекратить грэхэбрэние! — сквозьструнно вспыхнул Главный верхораж. — Попытка жить на одной арфе с розовым плеском есть измена папизне! Разом положим жиропы за плавное прошлое! Да не ступят наши пиморы на жучные нам струнуки и синаузуки!

Верхораж пронзительно свистнул и отдал сияну вакууму.

Грэхэбрэнувшие помчальники и седауплисы с иронией в тычинах наблюдали блендец верхоража. Их испорченная сияна совсем отвернулась от запонов претупений и препонов стыдомления.

— Без препонов стыдомлений мы достигнем раступений! — пели они.

И нагие пошли вперед под бледно-прозрачным знаменем, забивая зарницы зуда в проплешины плюговой памяти.

Плеск всклекотал. Ширнул в ничто. Тишиной бабахнул. В шуммаре зашевелились червями бесшабаши. Кло — ко — то! Ти — ре — но — мо!

И куда-то исчезли седауплисы, далеко умчались помчальники, перевелись лежи. Остались пшикхоллы, строестой и умиранды.

Пшикхоллы продавали люфтшпендих и ко-
лофрондили.

Строестои — строестояли.

А умиранды смердили и смердели.

Таков был самый шикарный та-акт пре-лю-
дии.

1982 г

ПЕРЕЛОМ

(Этюд)

Над Ленинградом горела звезда, по прозвищу Солнце. На Садовой дымливое пламя лениво пожирало крышу трамвая. Грязный водянистый снег чавкал под ногами прохожих, щуривших глаза и морщивших постные лица.

Напротив трамвая — у Садовой, 36 — надолго застыл сбежавший из психинтерната юродивый. Он улыбался, тихо повизгивал и с видом только что вылупившегося, но умного пингвиненка глядел на мир. Поминутно подносил к губам или веждам зелёную рамку из детского набора для пуска мыльных пузырей то свободную, то с радужной, то с матовой мыльной плёнкой.

Тем временем чрезвычайно приличный, смахивающий на корюшку мужчина переводил через дорогу ветхую старушку в блокадном пальто и дореволюционной шапочке; некогда знаменитый, но ныне спившийся футболист в тридцать шестой раз повторял свой ежедневный маршрут от "Метрополя" до Садовой, 72, и обратно; безустанно глаголя, шли пятеро респектабельных лиц южной национальности. Они кутались в воротники и трехчасовую щетину, кривили мохнатые брови и, перекашивая усы, бросали в воздух междометия, слегка отдающие чем-то непристойным.

Один южанин, интенсивно жестикулируя, случайно отвёл в сторону обшарпанной стены руку и обронил из подмышки на снег розовую кожаную перчатку. Перчатку тут же подобрал и спрятал в карман ханыга, выскочивший из пропахшего пармскими фиалками подъезда. Ханыгу чуть не сбила с ног хихикающая, надрывающая животики команда пэтэушниц.

Хихикать пэтэушницы начали еще два часа назад и два часа назад забыли причину весёлости, но непрерывно подкрепляли её свежими резонами. Последним стимулом к смеховой гимнастике послужили сексапильные, сексомобильные проявления южан, выразившиеся в движениях рук, голов, усов, а также в очередных восклицаниях. Бежавшую медленнее подружек, карапузейшую пэтэушницу самый лютций, самый усатый, самый тёлстий юзанин пацловал в нос, ушу и шею.

Звезда, по прозвищу Солнце, как-то незаметно исчезла, по небу поплыли быстрые дымки клоачных оттенков. Серый снег и серая высь смешивались в единую субстанцию: мир терял избыточные измерения. Стали зажигаться окна домов, выплескивая наружу новые диссонансы, подчеркивая мрак и вызывая необъяснимую неуютность, одичающую отчужденность. Пошел лишенный снежинок снег пополам с дождем. Вокруг мелькали не люди, а невнятные силуэты курткистов, плащистов и пальтистов. От туш автомобилей веяло металлическим холодом, изморозью и одномоментно паром и влагой. Еще неспящие, верно, помешанные, нахальные голуби в ослеплении бегали у ног идущих и почему-

то напоминали потерявшим лиловость мокрым и бесформенным опереньем о грехе и пороке.

Порождаемые транспортом шумы отпрядывали от домов, глушили друг друга и почти не ощущались, создавая небывалый раковинный фон, дыхание, слуховое осязание, общую волну, проходящую сквозь кости, камень, землю, светила и тончайшую границу этого мира.

Все звуки внезапно перекрыл очень известный, но непостижный скрежет. Ухнуло что-то громадное. Где-то что-то звенящее, чмокнув, упало в нечто вулканно-булькающее. Пригнув хребты и воздев пасти, самозабвенно завyli собаки, почуяв только им доступные инфразвуки. Наиболее предусмотрительная публика принялась метать под язык таблетки валидола.

Затем донельзя естественно и гармонично вздыбился над пространством и временем всхлипывающе-засасывающий контральтовый гул.

Схватившись десницей за телебашню и упираясь локтем шуйцы в Кронштадт, пьяная душа города стерла надоевший грим а-ля Пальмира и, торжествуя, растоптала бетонноблочными протезами корону Санкт-Петербурга. Глядя на свой отблеск в озоновом поясе, демонстрируя семи сферам эфира щегольские знаки тлена и проказы, душенька развернула изглоданные молью крылья и старчески потянулась.

Шамкая ртами, из её пор вылетели души преставившихся в блокаду, облепили липкой массой фонари, окна и рекламы. Многочисленные тощие души поглощали свет и меняли законы его преломления. Облучившись, кинулись прочь — наблюдать ревнивым зраком за мусор-

ными бачками и помойками, ловить тонкий кайф в красе и корчах алиментарной дистрофии.²

Ретировались в страхе нарушившие режим голуби, выгнули спины коты и зажгли глаза предохраняющим от призраков изумрудным огнем. Лязгнул копытом конь под Медным всадником, попытались восстать тысячи призраков подревнее, но застыли в бессилии, стиснутые тяготиной дления длительностей и мерзостью кривой прямоты.

Стихла волна необычайных восприятий. Промчались два милицейских "козлика" и автозак. Где-то мигала скорая, с проспекта доносилось дружное гудение и бзеньканье бульдожьей своры пожарных автомобилей.

Из-за нового часа пик — неимоверного наплыва голодных и жаждущих, стали спешно закрываться бормошковые. В забаррикадированные стульями двери этих заведений неумно тыкались суконные физиономии недовольных подозрительных личностей. Другие недовольные, с физиономиями тоже не для калашного ряда, нетерпеливо поджидали куда-то сгинувший транспорт. Кое-кто пытался останавливать машины частных. Кое-кто вертел баранку и давил толчковую ногу строптивцам. Кое-кто торчал дома, принимая дозу телевизионной отравы или даже коктейль из прерываемых тресками и замираниями голосков иновещания. А некто из числа са-

² Комментарий на с. 38.

мых ушлых, самых умных, самых счастливых ничего не чувствовал, не спал и не бодрствовал, поскольку не пожелал родиться.

Звезда, по прозвищу Солнце, бежала вокруг галактического центра, шелестела магнитной сбруей, увлекала планеты и отстающее от них облако Оорта. За облаком устремлялось черное Противосолнце, а за ним — утыканная носами любопытных и осколками летающих ночных вазонов Антиземля.

От Парагвая до Плесеца и от Плесеца до Парагвая земной шар наполнился зеленовато-голубоватым светом, мерами потухающим, мерами ускользящим. Лишь дряхлый труп Карельской геологической платформы с атмосферами, озерами и лесами смотрелся во всех ракурсах как серый плевок. Прекрасно выглядела Америка, и Северная, и Южная. Правда, кишащая гадом и гнусом сельва бассейна Амазонки производила впечатление зеленой немочи и кисло-медной отравы.

Энтелехия биосферы вздыхала. Терзаемые кошмарами мягкой воды моллюски Невы и Амазонки завидовали собратьям из Миссисипи, Нигера и Хуанхэ. А столь же мучимый геморроем и размягчением мозгов нс, сидящий в филиале никому не ведомой обсерватории, некстати задумался о летающих вазонах, забросил портупею на топчан, уставил взор на запад и упустил редкостное небесное явление, объясняющее суть космоса.

Что-то лязгнуло. Нечто ухнуло. На долю секунды озарился воздух, ощутилась краткая вибрация, сейсмические станции зарегистрировали

слабый толчок, память и история чуть перестроились, заместились экспонаты в музеях, записи в документах, роза ветров увяла, в сновиденьях ночь снеслась...

Наутро дребезжащие трамваи пошли мимо ожидающих в другие, чем прежде, парки; южан на Садовой заменили скандинавы, а хихикающих пэтэушниц — девицы, отчисленные за избыточную весёлость с филфака. Ханурики на углах дымили хабариками с иным табаком, вели светские разговоры о диковинном хабаре и сосали лосьон из пузырьков с небывалыми этикетками.

Тем временем юродивые зашагали, размахивая вышедшими из моды дипломатами, всем довольные и на всё злые, но себе на уме.

И главный юрод предстал зрению. Опять окунул рамку в раствор мыла.

Виват, Будда!

Комментарий

Речь идет о некоторых незфирных фрагментах. Героические ипостаси психей порхают в эмпиреях.

Раньше и душенька-чухонка имела лицевые сегменты, вернее, сестрёнок блистательных, царственных, но они жили недолго. Слабы они оказались для большого и страшного государства, да и небезгрешны.

Так, одна из них, ещё свеженькая и молоденькая, подмочила крылышки в Цусиме, убила министра, будто бы опорочила себя на межнациональном поприще. Сестрица постарше проигра-

*ла Крымскую войну, продала Аляску за пару
блёсток в северном сиянии, а в 1908 году в из-
вращенной форме совокупилась с Тунгусским
метеоритом, когда тот летел, прикинувшись
электронным туманом, и Тунгусским ещё не
звался. Но нет! Нет! Молчание! Иначе многое
что рассказать придется.*

1989 г.

КАК ТОГДА БЫЛО

(Сон)

Взрачен и статен принц Арунский, но рохлей прослыл и мямлей. Не мог он оказаться королем! Где ему пронзить копьем шею драгого тестя! Или проглотить трех ядовитых черных жаб, скovyрнуть челюсть у цепного белого пса и промчаться с ветерком на пьяном огненном змее!

Надоел принц Арунский доброму молодцу Белисею — послу страны Арун, и жене его — послице Кики-Маре.

И пребывал однажды принц Арунский в полунощном царстве Лавянском, и был на обретище под холмом Ибирским, где теснились многыя и всякыя шалаши принцессы Бастланской-Лавянской.

Бледна и строга явилась несравненная принцесса Лавянская, ибо последнее ей предстояло игрище. Ревели от ожогов змеи-скоморохи, проклинали что мочи принцессу и мать её Царицу — Великую лисицу, и отца её — Слизняка Улитковича, царя подблюдного, царя приблудного, пишу скворцов и ворон, жреца обритого, кромаря недобитого, князя храповецкого. Лаяли и рычали здоровенные мохноногие белые псы, прокусившие пальцы у претендентов.

И разносился шум бесчисленных племена и роды разные. И одежды всевозможные, стогн застилая, полнили глаз пестротой. Вдруг ахнула толпа, подвинулись ряды, праздник творящие. Это почуяли псы белые вещи неладное, в единый миг взбесились, запрыгали по клетке, разом цакнули зубами по медной решетке — и не выдержала медь. Бросились псы на царя Слизняка Улитковича, разорвали его и помчались с лаем мимо бородавчатых черных жаб, опрокинули их кадку и были таковы.

Завыли волхвы волхонские, бы если от колдовских мух нежвахаемых и блох неловых псовых, упали на колени у серого истукана каменного, жертвенной младшебратской да ворожеской истрогемской кровью залитого. Разгадала знамение принцесса Лавянская, расступился люд перед ней.

Только принц Арунский не сообразил ничего и остался стоять стоймином стойбищным, кутермесом, аршин проглотившим.

Спускалась с холма принцесса Бастланская-Лавянская, затягивала на шее петлю жемчужную, но отобрали ее волхвы волхонские. Оглядывалась принцесса направо, оглядывалась налево, идя через толпу. Заметила пригожего принца Арунского — и нашло на нее просветление из небесное; взяла этого безмогого и беспрокого сына короля Арунского за руку и повела к волхам и Царице. Прыскали волхвы принцессу и принца красной водой мертвецкой и зеленой водой живецкой. Да, видно, перепутали они вологи эти.

Но засияла Царица Великая лисица, сняла корону и отдала принцессе. Пошествовали, как положено, принцесса и принц к послу грозной страны Арун доброму молодцу Белисею.

А принцесса так и плакала от счастья, забыла от радости умения ворожбиные, заклятья змеиные, говоры голубиные, а принц словно поперхнулся, словно проглотил камень твёрд широкий, молчал, будто позднеосенний карась курканувчатый.

Посмотрел Белисей на дивную принцессу Лавянскую и статного принца Арунского, захохотал диким хохотом, засвистел буйным посвистом, схватил меч-кладенец — одним махом отрубил головы принцессе и принцу. Вздрогнул народ, а волхвы задрали на себе одежды непристойно и начали громко бормотать, бормотать, приборматывать и в голые пуза себя бить.

Но, срубив головы, поймал добрый молодец Белисей на лету злат-дамьянт корону, а во время бормотания жрецового крепко насадил на макушку жены своей Кики-Мары... Что делать? Какие здесь речи молвить? Задудели волхвы в трубы труанские, и Царицей Лавянской стала Кики-Мара.

Похлопал Белисей себя по плечам молодецким, запряг змеев-скоморохов в колесницу, погнал что есть мочи; изловил мохноногих белых псов и засунул им в глотки кожу ядовитых черных жаб. Издохли псы, и челюсти у них отвалились.

Сгреб Белисей найденных осемь на семь слизняковичей и раздавил их сапогами подкованными.

Помолились все идолам каменным и принесли жертвы кровавые; закатила новая Царица пир на весь мир, на весь сыр-бор и понтир.

Собралось там сто сорок царей да королей.

И я на пире был; пел, плясал, плевал и блевал, нагой гулял; оказался девятым в очереди к шалашу Царицы, бывшей послицы, ездил верхом на безухом, безносом и безглазом царедураке-слизняке, прежнем молодце Белисее. Мёд и пиво пил — по бородище текло, а на пуп и уд не попало.

1997 г.

СУП ИЗ ТОПОРА

Остановился у старухи солдат переночевать. Издалека он шел, триста вёрст прошел. Устал, отошал, день-ночь форменный кафтан не снимал, шило-мыло отдал, ведро курного вина выпил. А на странноприимные дома да постоянные дворы полушек жалко. Сейчас дорожный документ никому не указ: любой норовит вонючего солдата вон вытолкать.

Хорошо, конечно, переночевать под крышей, но ведь и есть ужасно хочется.

— Дай мне, бабка, харчей каких-нибудь, — говорит он старухе.

— Что тебе дать, солдат? Нет ничего такого. Гости одно сжевали, другое с собой потащили. Коли можешь — беги догоняй.

— Утомился я. Путь немалый одолел, не могу бегать. Приготовь здесь.

— Из чего приготовить, мил-сударь? Неурожай был, зима. За зиму всё съели. А что не съели, то жук источил, мышь изгрызла, приказной забрал. Не из чего готовить.

Солдат — хватать по лавке пустыми ножнами от проданного цыгану палаша:

— Дай мне поесть, бабка! Не дашь — исправника позову.

А сам туда заглядывает, сюда заглядывает и носом водит: пахнет чем-то смачным. И тем

пахнет и сем, да не взять припасов. Спрятала их старуха, едва солдата в окно завидела.

И-и-и! Много разного солдата, да монаха, да иного бродяжного люда по дорогам шляется — на всех не наготовишь, не наваришь, скотины не нарежешь.

А солдат-то ноздрями подергивает, вновь по сторонам зыркает. Того и жди чугунки съест и глиняным горшком закусит.

— Дай, бабка, пожрать, а не дашь — в казенную избу тебя кинут.

Бойтся она той избы. Страшно, но за щи с поросём боязней. Родной сестре и то, бывало, в рот засматривала, когда та его разевала, ложку поднося. А тут солдат пришлый, вшивый. Черт его принес!

— Нет ни крошки, мил-сударь, — твердит старуха. — Бедна, больно бедна ныне, — причитает, розовый платочек с цветочком к глазам прижимает.

Как заметил солдат цветочек на платочке, грустно ему стало. И отвязаться от старухи решил. Да тут у солдата в животе забурчало. Обиделся он за чрево свое скромное, подкачавшее, скромного давно не имевшее.

— А чем пахнет у тебя, иродица змиева? Трахтир целый. Али харчевня?

— Ох, не пахнет, не пахнет, — запела тонким голоском старушенция. — Разве кот Симеон крутится — уж не чую я котового промысла, — да козлик у меня жил беленький, да трава висит в мешочке ивахницкая, от девяти мук лечащая, и чар очный растет на окошке, да лампадка горит и свечка церковная.

— Покажу я тебе свечку церковную! — выпалил солдат и бросился шарить по полкам да в темных углах ворошить. Ничего не нашел солдат. Хитро старуха яства спрятала.

— Почему сено за печью? — сунул туда руку служивый.

Оу! Там — кадка, семью тряпицами завязанная.

Сдвинул он тряпицы, а под тряпицами брага булькает, пузырится. Но за кадкой что! За кадкой! Штофы, штофы, штофы! Налил солдат себе в кружку, выпил раз — очень приятно, точно бы отдает корнем вишневым; добавил и брагой запил. Лишь закусывать нечем. Пуще есть захотелось.

— Дай, бабка, подкрепиться, — просит.

— Нет у меня съедобного, мил-сударь, — по-прежнему отвечает она.

Видит солдат: прислонен к стене топор. Гм... вроде бы топор. Так топор.

— А это что? А говоришь, нет? Как "нет съедобного", если инструмент есть?

— Есть-то есть, да не сможешь ты его съесть! — смеется старуха.

Потыкал солдат в сталь пальцем:

— И правда, твёрд он у тебя. А ничаго! Мы его разварим, мы из него суп сварим.

— Чо? Чо? — изумилась старуха.

— Ох, туга ты, старая, на ухо. Я внятно сказал: "Мы его разварим, мы из него суп сварим".

— Ги-ги-ги! — засмеялась старуха. — Солдат-то, оказывается, дурак!

И про себя смекнула: "Ой, что дальше будет, что будет дальше! Снадобье моё в том што-

фе на шпанской мушке да листьях белены на-
стояно!"

Солдат — опять за штоф, выпил и бражкой запил. Плеснул в лохань воды и принялся топор мыть. Мыл он, мыл, щеточкой драил, щепочкой чистил, рушничком протирали.

Устал от труда. Беленной тинктуры налил, выпил и бурлящей бражкой запил. Положил в большой чугунок топор топорищем вверх, бухнул из деревянного ведра воды, поставил чугунок в печь и ну рогачом раскалённые угли сгребать.

— Окаянный! — заорала бабка. — Топорище сожжешь!

А солдат окосел. И слушать бабку не желает:

— Иди ты, старая! Топор съедим, ножом тебе расчудесное топорище выстругаю! Милуйся с ним, сколько приспичит!

Не успела вода закипеть, а дурак-солдат уже пробует:

— Суп-то — на славу, — замечает, — да соли бы чуток.

— Ишь ты, соли! Питерхбурх вокруг, магазины на каждом шагу! Соль привозят раз в год! Не запас, так соли и нет! А прошлым-то летом купцы по другой дороге проехали. Вот тебе и соль!

Вода только булькнула, а солдат пробует:

— Хорош суп, да крупы бы горстку.

— Ну и лоб у тебя, солдат! Как у девицы память! Сказала тебе: крупу мышь съела!

Вода закипела по-настоящему. Проверил солдат еще:

— А суп-то на диво удался! В него бы маслица немного.

— Чо ты пробуешь да пробуешь! У рогача палку сожжешь, а новую делать не из чего! Маслица? Какого тебе маслица! Корова на троицу окочурилась!

— Ну что ж! — говорит солдат. — Придется мясной суп стряпать!

И за топор в чугушке.

Испугалась старуха — перекрестилась и вручила солдату просимое. Засыпал всё солдат в чугунок, поварил и в четвертый раз пригубливает:

— О! Знатный суп! Да шашлыка не хватает!

Помянул солдат имя деда своего, ушедшего к раскольникам, посетовал на сиротство да солдатство, вытащил топор и зарубил старуху, а через пару мгновений почувствовал сухость во рту, ослеп и упал замертво.

* *

В деревне никто о старухе не думал. Несъеденный суп покрылся льдом в вымерзшей печи.

НАПАРНИЦА

Двести сорок восемь перпендикулярных лет назад Вера Петровна Ветлицкая была белой лабораторной мышью, впрочем, не совсем белой: кто-то из прапрадедушек этой ее ипостаси имел на спине легкие крапины. Потому к чистой линии Веру Петровну, мышь, не относили, отбраковывали и использовали только для сугубо варварских прикидочных экспериментов. В результате Ветлицкая в собственном мышинном бытии пережила сотоварищей, а не оказалась забитой, вскрытой и брошенной в морозильник-накопитель.

Правда, внешность у Веры Петровны (в мышиный период) отличалась чрезвычайными изъяснениями: уши были надорваны и висели, бока — безобразно раздуты, а шерсть во многих местах не росла.

Теперь, вдругорядь став человеком, Ветлицкая сама колола и резала мышей, забивала их и бросала в морозильник. Бока у нее отнюдь не раздувало, уши не висели, а шерсть (Как ее деликатнее назвать? Волосами, может быть? Но тогда тему вообще нужно прекращать и детёнышам нашим сказки про мышей или, наоборот, про людей не рассказывать!). Так вот, шерсть у нее выглядела вполне обычной, человеческой. Приходилось сожалеть об одном досадном промахе сверхземных сил: Вере Петровне в период

людской жизни — читатель вскоре поймет, в чем дело — не доставало настоящего хвоста. А бесхвостое существо не совсем нормально. И Вера Петровна орудовала чуждым ей сторонним хвостом. Лучше бы она его не прицепляла! Абсолютно не то! Зато усы у Ветлицкой — опять мы извиняемся перед ранимым, впечатлительным или нетерпеливым читателем — зато усы у Веры Петровны, в ее бытность человеком, поражали необыкновенной рыжиной и коммуникабельностью. Из-за последней Ветлицкой даже не хотелось пенять на судьбу.

Так-то оно так, но с недавней поры Вере Петровне стало казаться: сама она не кто иная, как лабораторная мышь, ныне проживающая в институте, очень знакомая, по кличке "Та Мышь". И, конечно, были у этой мыши надорванные уши, свалянная шерсть, раздутые бока. Наступило время, когда Вере Петровне пришлось часто видеть Ту Мышь и снаружи, и сразу изнутри Той Мыши, а нет-нет — и себя, большую, страшную, вблизи стоящую. А определяла Вера Петровна себя не по лицу, но — по дырочкам, которые химические реактивы прожгли на рукавах рабочего халата, реже — по ажурным фигуркам на колготках.

Двойное, тройное, четверное восприятие не из приятных. Задавала Вера Петровна вопрос: "А где я нахожусь в данный момент?" — и не могла ответить, и голова кружилась у Веры Петровны.

Дома Ветлицкую попеременно мучили или нелюдские воспоминания о том, чего вроде бы с ней не случалось, или кошмарные сновиде-

ния с непрерывной мышинной возней, писком и довольно чувствительными укусами. А по утрам она нередко замечала на себе синяки. Синяки слабые, быстро исчезали, но если вначале для этого требовалось десять — пятнадцать минут, то позже кожа восстанавливалась только — за тридцать — сорок.

Верочка Петровна терпела, терпела. Но однажды, в два часа ночи, вскочила с кровати и в припадке помешательства принялась энергично грызть край приоткрытой дверцы шкафа, после чего накинута на обивку дивана. В сознании Веры Петровны четко нарисовалась мысль: она учиняет не то, а надо совершать другое: наперекор всему срочно прогрызть туннель на кухню! Безотлагательно! Почему раньше не догадалась!

Стремясь попасть на кухню сквозь стену, Вера Петровна устроила дикий шум, сшибла картину, с полки посыпались книги.

— Ты чего? — рыкнул привставший с кровати заспанный Вася — дружок-хвосточек, любовник-половник, коего Вера Петровна держала за отсутствием приличного. Привела рыжеусого когда-то из гаража себе на беду. Ни интеллекта у него, ни образования, ни воспитания, а культуры — ноль сотых, ноль тысячных. Хвостом искусственным смотрелся Вася, устройством для удовлетворения, э-э-э, тихих и громких дамских нужд, но, увы, далеко не всех. Много раз за-мыш-ля-ла Вера Петровна от него отделаться, да как-то не получалось. Коллегам такой хвост стыдно показать, подруг из-за него потеряла.

— Ты чего? — жмурясь от света включенной настольной лампы, опять заорал Вася. И неинтеллигентно возгласил в своем духе о том, что сдеемся сейчас с Верой.

И отвлеклась Вера Петровна одной зоной мозга от пошлости, а другой — обозлилась. "Ох! Будь Вася в клетке, в лаборатории, вот бы его проучила!"

Днем Ветлицкая призадумалась о способах избавления от ниоткуда взявшейся двойницы: та должна или прекратить приставания, или умереть физиологической смертью. Не могла Ветлицкая с кондачка убить родную оборотную ипостась эфиром или хлороформом! Ничего не изобретя, ибо распоряжаться секретной стезей души — вне человеческой власти, Вера Петровна отогнула прутья у клетки для канарейки, обшила белой жестью буковое дно; без пайки и клепки вернула прутья на прежнее место, закрепила всё тонкой свинцовой полоской и посадила в обновленный домик насылавшую страхи негодницу. Запоздало сообразив, что на работе зверя устраивать нельзя, а дома — тем паче: вопрос не для понимания глупого Васи, Вера Петровна почти машинально прибыла на стоянку междугородных автобусов, подобно сомнамбуле доехала до остановки "по требованию" с названием "Соснорки" и там выпустила мышь.

Зачем Ветлицкая освободила здесь капризную животину — недостаточно ясно! Кроме лягушек в окрестностях и подвалах домов тамошних деревенок иные твари не обитали, а населенный пункт, имя которого носила остановка,

таковым не был, поскольку года четыре назад опустел.

И все же Ветлицкая поступила правильно. Не минуло и недели со времени ссылки мыши, как ночные кошмары прошли, а в сновидениях стал являться лунный свет и залитая луной водная гладь с рогозом по сторонам. Новые снофильмы дарили Вере Петровне вольный мир, наполненный великим покоем, и излучали своей нежной духовной материей подходящую ночному пейзажу музыку: то адажио состенуто Бетховена, то рапсодию соль-минор Брамса, а то и тарантеллу Гаврилина. Счастье, счастье! Впервые в жизни! И невдомёк было Вере Петровне, что синхронно ее феноменам тремя этажами ниже сублимируется, слушая по ночам музыку, неудачливая аспирантка, страдающая бессонницей и зубными болями. Ох, вентиляционные шахты! Но в них ли суть? От зарождения земной юдоли заведено: кто-то стенает, а кто-то в этот момент наслаждается. Вера Петровна просто купалась в блаженных грезах, и упоение ее возносилось тем выше и мощнее, чем круче накатывали на невезучую малокровную аспирантку любовные, зубные и академические муки. Однако в лунно-музыкальный рай Веры Петровны вторгалась порой дисгармония. Слушает во сне Вера Петровна музыку и пение русалок, разглядывает умноженные отблески луны, полулежа в дрейфующей яхте, и вдруг ни с того ни с сего правый борт сталкивается с неуклюжим баркасом, на палубе которого дрыхнет вверх брюхом пьяный Вася и храпит.

Очнувшись таким образом после очередной лунной дорожки, Ветлицкая зажгла свет и цап-

нула ножницы, собираясь отрезать противному Васе длиннющие усищи, но, испугавшись утренних эксцессов, спрятала инструмент. Да! Хвост был откровенно не тот, а поменять фальшиво-искусственный хвост на хвост приятный и естественный не хватало хитрости. Но радикальная потеря Васей его коммуникабельного начала и непонятное уменьшение зарплаты в горе-институте и в чудо-гараже подогревали мысль.

Тут Вера Петровна вспомнила знаменитую сказку о лисе, захотевшей избавиться от строптивного и неловкого хвоста-предателя. Конец лисы жуток: лиса выкинула из логова хвост, собаки нагло вытащили ее наружу и разорвали. "Но я-то не лиса! — думала Вера Петровна. — Как заставить мышек съесть этот хвост? Или... Обмен? Переезд? Иммиграционная виза? А родить тройню, дабы хорошенько напугать Васю, я не способна".

Проблема врасплох разрешилась. На квартиру нагрянули господа в форменных фуражках, провели обыск и аккуратненько отъяли Васю. Выяснилось: сутками раньше Вася, в сговоре с охраной, обчистил находящийся на территории гаража страхолюдный киоск с запчастями. Директор гаража просил Васю всего-навсего поджечь киоск, а Вася даже не сумел правильно полить его бензином. Поэтому защищать Васю от суда никто не рискнул.

"Теперь я без хвоста! — заплакала Вера Петровна. — Почему и меня не забрали?" Её осенило: замена хвостов без дозволения звёзд небесных невозможна. И не было ей поощрения, и быть не могло. Отчаяние удесятирилось тем, что двойница опять принялась за старое, но ви-

делась отныне не только во снах, но и призраком наяву — стоило чуть отвлечься от суеты. Дома Ветлицкая роняла тарелки и чашки, на работе — пробирки и колбы. И в некий миг такой отключенности мысленному взору Верочки Петровны являлась напарница из смутной перпендикулярной развертки мира. Не иначе в Соснорках случилась беда!

Однажды, причесываясь перед зеркалом, Вера Петровна отчетливо узрела, как отражение ее лица пересекла маленькая хвостатая тень. Понимался писк, и возникло ощущение укуса на подбородке. Больше терпеть подобное нельзя! Ветлицкая бросила важные дела, позвонила лаборантке и устремилась в Соснорки.

Остановка там уже не "по требованию", близ нее скопилась разная техника: экскаватор, грейдеры, землечерпалка, бульдозеры — с немецкими и английскими названиями на горделивых корпусах. От ясеновой аллеи, ольховоберезовой рощи, мелких озер, морошковых болот ничего не осталось — всё было искорчевано, перекопано, перевернуто. Высилась огромная куча привозного грунта. Похрустев каблуками по раскрошенному поризованному кирпичу, "полюбовавшись" на разверзнутое море грязи, Ветлицкая топнула ножкой и побежала через апокалиптически испохабленную дорогу к внезапно подошедшему обшарпанному автобусу: следующая возможность уехать в город появилась бы спустя часа три.

Казалось бы, вояж провалился, но после него сны Ветлицкой изменились. Правда, в первую ночь снились грозные махающие крыльями совы, но совы улетели, а с ними сгинули ужасы, пропала

и грязевая равнина. Ясно, напарница перебралась в лучшее место, наверное, под скирду или в стог сена на каком-то хуторе, поскольку снорельность приобрела конопатость и тисненость. Пестрота действовала на нашу сновидицу успокаивающе и выглядела слегка приятной.

Вот, считай, вся тайная история Веры Петровны Ветлицкой — человека.

А той Вере Петровне, которая была мышью, удалось-таки пожить в собственной норе. Зимой она сладко спала в теплой уютной скважине рядом с набитыми доверху персональными закромами. Память предков и необходимые инстинкты восстановились в ней почти до конца. Обозначилось и нечто иное: мышь начала видеть интересные сны. Они часто наполнялись чуждыми вкусами, тонкими ароматами. Хотя вкусы и ароматы периодически куда-то исчезали, и тогда к разуму прорывалась необычная новая жизнь. Она нарисовалась бы вообще идеальной при отсутствии кривых морд глупых двуногих монстров.

Только финальный сон не вспомнить без дрожи: обрушилась ужасная боль, нависли пасти монстров, обтянутые белым. Глаза огромных существ смотрели сурово и печально, звенели блестящие хваталки и режиги, по-лабораторному пахло эфиром, накатило туманное облако... Прошло немало времени, а оно не рассеивалось. Вдруг на миг вспыхнул яркий, очень яркий огонь — и прямо во сне наступила бездонная бестелесная гулкая тьма. Всё ухнуло в нее.

Проснувшись, Вера Петровна — мышь — почему-то заплакала и, чтобы освежиться, вылезла из норы. Потыкавшись розовым носиком в снег, вернулась и нацелилась спать до весны: впадать, как полевые мыши, в анабиоз, она не научилась.

ОМОЛОК

Клёва не ожидалось. Дул ветер со стороны ОАО "Биотрон". Пахло уксусным ангидридом и перегорелыми антибиотиками. С противоположного берега доносился мощный тарахтящий звук. Бил по ушам не буксир и не катер — тарахтела насосная станция. Палило солнце. Рыбаки расселись в тени высокой ветлы. Несмотря на жару, аппетит у всех оказался волчий. Трехдневный запас закусок и напитков мог иссякнуть за несколько часов. Это и случилось.

Рыбаков собралось четверо. Из них выделялся мужчина неясного возраста, темноволосый, без признаков седины. Экипировка этого рыбака не кидалась в глаза, но вызывала зависть. Его звали Владимиром Андреевичем. Около двадцати лет он прожил в Южной Америке. Участвуя в большой ботанической экспедиции, отстал от группы, а потом на полгода застрял в туземном племени, не пытаясь каким-то образом сообщить о себе. Из-за такой провинности ему пришлось надолго оставить мысли о возвращении.

Среди рыбаков был молодой журналист из Пскова, Юра. Он спросил Владимира:

— Много о нравах южноамериканцев, природе, городах Аргентины, Бразилии мы от тебя уже слышали. Край для нас необычный, но не в курсе ли ты о тамошних легендах, невероятных историях?

— Легендами не увлекался, — ответил Владимир. — Они и без того есть в книгах. А разных историй знаю немало. Некоторые неизвестны эрудитам.

— Вот и рассказал бы нам одну из них! По прогнозу из приемника, ветер до завтрашнего дня не переменится. Времени у нас — пропасть!

— Удивительное касается не дебрей Амазонки, а морского побережья, — проговорил Владимир Андреевич, — отрезанных бездорожьем селений. Эти местечки почти вне остальной цивилизации. Например, есть на Атлантическом побережье, в устье реки Карасуо, поселок Омолук. Карасуо несудоходна, по ее берегам — болота. До Омолока — только пеший путь. Пилоты вертолетов, искушенные капитаны южноамериканских морских судов никогда не решатся и за десять миль подсунуться к поселку. А в XVIII веке в Омолоке был порт, фрегаты, каравеллы останавливались там для ремонта и пополнения провианта. Могу поведать вам о событиях, приключившихся в поселке; но смысл? Ни шанса, что их сочтете истинными!

— Не набивай цену, Владимир! — заметил самый старый рыбак — бывший боцман океанского сухогруза Афанасий. — Поверим — не поверим, зато послушаем. Чем чуднее притча, тем интереснее. Я трижды проплывал в двух

кабельтовых от несуществующих островов с несуществующими городами. Что они? Миражи или другие измерения? Не определить! Пусть даже бухнет невообразимым.

— Ловлю на слове! — объявил Владимир Андреевич. — Кто усомнится, тот отдает пойманное. Согласны?

— Согласны! — в разной отозвались скупающие рыбаки.

— Ну так и быть, — продолжил Владимир Андреевич. — Расскажу вам об экзотическом происшествии именно в Омолоке.

Семнадцать лет назад Омолок сильно отличался от иных поселков. Сиеста в нем начиналась позже, а после нее не работали. По слухам, достигающим прочего мира, чрезвычайным почетом пользовалась в Омолоке девушка, которая быстро плавала под водой и жила с дельфином. По стране гуляла опровергаемая властями молва: жители посёлка нацеливают иноземные корабли на скалы, а затем их грабят и для чего-то похищают лучших матросов.

Каждую ночь с четверга на пятницу в посёлке не спали: все поднимались, зажигали свечи, свет обычно бездействующих маяков направляли на центральную улицу и площадь — расцветал праздник муража.

Мураж — частый термин в поселке. Муражом называли всякое: и прибаутку, и шутку, и любое веселье, а также горе и печаль. Но главным муражом был праздник.

Гость из Эквадора, по имени Род, остановился в доме Хунама. Перед сумерками Хунам взял с собой Рода и стал обходить расположенные там и сям кучки усатых мужчин, представляя своего протеже. При этом мужчины подмигивали Роду, тормозили его, отпускали насмешливые реплики.

По тону их речи Род улавливал: его подзадоривают, подтрунивают над ним и чуть ему завидуют. Уяснить, в чем закавыка, не удавалось. Хунам имел с мужчинами непонятные беседы, называл неизвестных Роду людей, заканчивал ранее прерванные разговоры. Мужчины вели себя соответственно. А их подначки выглядели случайным причастием к разговорам, кои Рода не касались. Мужчины не пили, не курили, не дробили человечество на своих и чужих, не интересовались матчами — догадаться о вещах, их спланивающих, было невозможно.

В каждой группе двое или трое мужчин обязательно выделялись пузатостью и здорово смахивали на беременных женщин.

Хунам и Род приблизились к маяку — башне длинного двухэтажного здания. Недалеко под массивным балконом с иллюминацией стояла группа священников. Обликом они не походили на жителей поселка. Не походили и на людей, которых Род знал до прибытия в Омолук. В душе священников будто скрывалось среди многих тайн особенное чувство, непостижно-извечное и чуждое одновременно.

Из группы вышел один из них, очевидно, руководитель:

— Ро — од! — подбодрил он.

Роду показалось, что от голоса главного священника небо над горизонтом медленно завращалось. В морском канале заиграли дельфины. Выстрелили из пушек — и в вышине развернулись фейерверочные спирали. Вереницами потянулись ряженные, окутанные бумажными водорослями, кусками сетей, связками из раковин. Началась мистерия.

Род почти не воспринимал суть творящегося, но чувствовал атмосферу праздника. И ощутил ее еще больше, после того, как ему подобно остальным, поднесли асну — напиток, приготовленный из специальным образом обработанных грибов. Доносилась еле слышимая музыка и сливалась с бессловесным пением невидимых исполнителей. Глубинно-подспудно Род уже схватывал сокровенный смысл таинства.

В канале опять заиграли дельфины, а над толпой взвились знамена и "хоругви" с сияющим изображением рыбы. Ее оскал и плавники напоминали дельфиньи, но различались жабры и чешуя. Музыка, пение стали громче, хоругви опустились. Вокруг Рода возникло кольцо из священников. Теснее сомкнулись тела празднующих.

По мановению главного священника с Рода совлекли одежду и надели на него карнавальный плащ, а сзади нахлобучили на голову что-то тяжелое, металлическое, какой-то холодящий обруч. Зазвучал гимн, движение возобновилось.

На противоположном берегу узкого канала в ярком свете маяка выстроились двадцать восемь девушек с длинными, распущенными волосами. Груды девушек были обнажены, слабо выражены, соски не выпячивались. Маленькие ласты на высоких каблуках служили обувью. Под коленными чашечками блестели браслеты с обращенными наружу шпорами-щеточками.

Род глянул на необычные набедренные одеяния девушек, имитирующие листья трилистника. Средний лист выдавался и был очень длинным, закрывал пупок.

К Роду наклонился священник:

— Перед тобой будущая Царица праздника и двадцать семь девушек. Ты можешь определить, кто Царица?

— Не-ет! — удивился Род.

Гимн смолк. В канале засуетились дельфины, девушки расставили ноги, направили шпоры-щеточки внутрь и прыгнули в воду.

Вскоре Род увидел ряды дельфинов с девушками на спинах. Когда дельфины доплыли до места, где канал расширялся, старый священник принялся вертеть ручку громадного барабана со струнами, вызывая тем самым пронизывающий скребуще-тенькающий звук. Дельфины начали метаться по водоему и сбрасывать девушек.

Звук оборвался, дельфины успокоились, но в канале остались шесть дельфинов с девушками на спинах.

Народ закричал. Крики заглушила водяная флейта. Священник, крутивший ручку барабана, с большим усилием, чуть не разрывая паль-

цы, перетягивал колками его кожу и струны. Вращение ручки продолжилось, и раздались такие мощные звуки, что дельфины забились в агонии, норовя перевернуться вверх брюхом. Барабан затих — на дельфине осталась одна девушка.

Дрожащий дельфин доставил ее к главному священнику.

— Царица муража, Ола! — представил священник.

— Царица муража, Ола! — вторил народ. — Асну! Асну!

Принесли бокалы с асной, замигал фонарь маяка, взмыли в небо цветки салюта, вспрынули знамена и хоругви со страшной рыбой, похожей на дельфина.

Род приблизился к победительнице и увидел у нее ниже подмышек розовые полосы, сходные с отверстиями жабр. Его подтолкнули ближе.

— Сегодняшние жених и невеста! — ни с того ни с сего возгласил один из ряженных. Глас хором повторили. Роду почудились в нем и уважение, и насмешка.

На плечи Олы накинули пелерину из морских трав, на ее шею надели ожерелье из крупных, наверное, фальшивых жемчужин. По знаку священников смеющиеся жители потянулись к столам. Праздник пошел по-иному. Появился колдовавший барабаном, а с ним — раскрашенные индейцы. Они посадили Рода и Олу спиной друг к другу на огромную зубастую деревянную рыбу, похожую на дельфина, и рыба, поднятая четырьмя индейцами, стала двигаться

к зданию под маяком. Царица праздника сидела, конечно, первой. "А не сойти ли на землю?" — подумал Род, но вовремя заметил острый взгляд верховного священника.

Так Род и Ола остались в закрытом зале с бассейном. Зал освещали коптящие лампы у стен. Неожиданные новобрачные выбрали себе уголок почти у самого края бассейна. Стояла тишина, изредка нарушаемая потрескиваниями ламп. Шумы праздника сюда не проникали.

Род опьянел от странного напитка. Стены зала казались ему не слишком прочными. Они будто бы падали, а вода в бассейне приподнималась. Смотреть дальше чем на десять шагов вообще опасался. Боялся: его завертит и засосет таящаяся где-то в глубине стихия. Её он явственно чувствовал, но и способности трезво мыслить не потерял.

— Кто твои родители? — задал Оле вопрос Род.

— Ро — ди — тэ — лы? — переспросила Ола, предполагая, что у Рода неладно с речью. — Ты хотел сказать "во-ди-те-ли"? У меня были разные водители, я всех не запомнила. Одни — в эвии, другие — в арии, третьи — в увии... Каждый обучал и воспитывал по-своему.

Одурманенный асной, Род не желал спрашивать о значении местных слов, да и много на него свалилось неведомого.

— А пила ли ты днем асну?

Ола засмеялась:

— Ты хотел сказать "масну"?! Масну пьют маленькие девочки.

— Я говорю про асну, о которой кричали на празднике.

— Я не вслушивалась в крики. Не счесть, о чем там кричат.

— А какую такую масну пьют девочки? — заинтересовался Род.

Ола опять засмеялась:

— Масну делают из молока диких коз.

Здесь на лицо Владимира Юрьевича легла тень:

— Да клюет же, клюет!! — ударило по ушам удивление прохожего.

Первым очнулся Юра и бросился к удочкам. Юра дернул удилище... Снасть от поплавка до грузила окутывала увесистая масса водяного папоротника. Из путаницы высунулась клешня, а затем морда чрезвычайно большого желтовато-серого рака.

— Омары у нас раньше не водились, — хитро шурясь, изрек Афанасий.

— Зато всякие мутанты, вроде гибрида тушканчика и ондатры, повадились вышныривать, — донесся притворно-равнодушный голос прохожего.

Рак напрягся и соскользнул вниз. Оживление закончилось. Рыбаки вновь повернулись к рассказчику.

— Род сохранил в памяти не всё, что было у него с Олой, — продолжил Владимир Андреевич, — но потом мог ярко представить необычное, загадочное и жуткое. Он понимал: происшедшее с ним связано не со священным напитком и не в асне причина, но в самой ночи,

в начавшемся после того, как они с Олой освободились от одежд.

А у Олы оказался под набедренной повязкой-трилистником <.....>, заканчивающийся широкой муфтой, сходной с муфтой торцового гаечного ключа. <....> Олы пульсировала, сжималась и разжималась, а весь <..> девушки виделся не <.....>, но полупрозрачным водяным растением, кубком Нептуна или коралловым полипом, растущим там, где надо, и как надо.

Стольким ошарашенный, Род не озадачился — он интуитивно постиг почти всё, когда удостоился зрелища на другой стороне канала! — и стал трогать подобные жабрам розовые полоски, расположенные у Олы ниже подмышек. Филигранную татуировку.

Пульсирующая <...> принялась там и сям теревить Рода. Временами Ола бессловесно пела, и пение ее проясняло Роду песни праздника. Постепенно Род и Ола переплелись ногами и руками, несколько раз муфта куснула Рода за нос и губы. Род внезапно уразумел: так и должно идти, это было на заре земного существования... Тогда человек еще не превратился в помесь свиньи с обезьяной. В мозгу Рода прозвучала мелодия утра жизни, он разглядел в ней блеск первобытных озер, ветви арековых пальм, усеянное бледными устрицами дно водоема. Муфта на <...> девушки обхватила <....>, и Род узрел зелёные звёзды и те просторы, из которых прилетел на планету Дух. Затем он увидел мир бестелесный, лежащий в основании всего.

Движения Рода и Олы утихли, посреди бассейна раздался плеск, появилась голова огромной рыбы, похожей на дельфина. Ола отстранилась от Рода, муфта ее <...> плотно сжалась. Послышался мощный хлопок. Покрытая слизью рыбина на миг показалась над водой. Ола ткнулась Роду в живот, грудь, в подмышку:

— Да сними, сними с меня волосы! — закричала она.

Род стиснул в кулаке концы ее волос и неожиданно для себя быстро и грубо дернул. Прическа Олы повисла у него на пальцах.

Лысая Ола прыгнула в воду, уцепилась за жабры рыбины и села на нее. Рыбина яростно закидалась по водоему, но, привыкнув к Оле, нашла подтопленный уступ, легла на него и вдруг забилась в судорогах. Тут у Олы взметнулась икра из <.....>лада. Икра была фонтаном и прилипала к слизи на спине рыбы. Икра выходила и выходила. Как бы вся утроба девушки была набита икрой и вся девушка состояла из икры.

Едва икра иссякла, рыбина сбросила обессиленную Олу, потом поймала пастью, подкинула, и рыбы челюсти сдавили грудную клетку Олы. Вода и слизь с икрой на спине рыбы покраснели. Из глотки Олы успел вырваться лишь предсмертный хрип. В несколько наскоков рыба разделала и проглотила Олу. От девушки ничего не осталось, кроме волос на руках у Рода. В эти минуты Род словно погрузился в оцепенение, почти не мог пошевелиться.

К Роду шагнул главный священник:

— Если у тебя перестанут нормально расти усы, изготовишь из влас Царицы новые, — произнес он.

— Это рыба мад, — указал священник, на бассейн. — Через четыре дня икринки с девочками созреют. Фрагменты рыбы с лучшими икринками прикрепят к брюшине самых достойных мужчин Омолока. Рыбьи ткани уникальны, они привьются и дадут требующиеся для беременности вещества. И почти каждая родившаяся девочка будет в нужный срок Царицей муража.

Род посмотрел на лицо священника и ощутил: изредка из икринок вылупляются и мальчики.

Подошли два индейца и взяли Рода за предплечья. Священник достал из кармана ножницы, протянул их к стене и подержал в свистящем пламени горелки. Ножницы раскалились добела. Индейцы приподняли Рода, а священник раздвинул ему ноги и мгновенно отрезал ядра, после чего наложил на место, где они были, дымящий ледяной пластырь.

На ошалевшего от боли Рода надели плащ, но обруч на макушку водрузили наоборот: верхом вниз... О нет! Это не его обруч, а перевернутая корона умершей Олы! Кресло с Родом вынесли к толпе.

— Стакамура! Стакамура! (Славный мураж!) — закричали празднующие. — Асну! Асну!

Сделав мученическое усилие, Род оглянулся на стену здания, прежде украшенную иллюминацией, и увидел зал с бассейном — театральную сцену за прозрачным стеклом.

Появились служители с асной. Роду подали бокал. Напиток имел немного иной вкус, чем раньше, Род почувствовал себя гораздо бодрее и сумел подняться с кресла.

Ему уже казалось: он прожил в поселке всю жизнь и ее остаток проведет здесь.

— Такую историю я узнал, — закончил Владимир Андреевич.

— *Ultra vires...* — начал было Юра.

— Стой, Владимир! — не вытерпел Афанасий. — Я от кого-то слышал, в Южной Америке тебя звали Родд, то есть, получается, Род перед нами! Как подобное осмыслить? У тебя — молодая жена и вылитый ты сыновья-близнецы от нее. Веревочка не связывается!

— Связывается! Потому и близнецы! — заметил Владимир Андреевич. — Любовных наук — много, а медицина доросла не только до клонирования, но и до многого другого.

— Доросла, но не для всех! — парировал бывший боцман.

— А кто мне отдает свой улов? С кем еще поспорим?

Ни один рыбак пререкаться не захотел.

Внезапно на противоположной стороне озера замолкла тарахтелка — вышла из строя насосная станция, берущая из озера аш два о — рабочее тело для агрегатов ТЭЦ.

— О — о — у! — обрадовались рыбаки. —
На "Биотрон" не будет поступать пар! Это
надолго! Предприятие остановится. Запах уй-
дет, и еще сегодня что-то да поймает!

2001 г.

ЛИЛОВЫЙ МОТИВ

Я быстро встал из-за стола: на голову летели кости. Два подвешенных к потолку скелета почти осыпались. Остальные три ожидала та же участь. Крепкие, почти свежие скелеты распались скорее оттого, что ферменты, входившие в разжижитель, выедали связки суставов.

Расчлененкой я не занимался и растворял трупы в эмалированной ванне. С костями возиться не хотелось, а выбрасывать мешала лень. Вдобавок скелеты украшали слишком скромную комнату, сообщали ей нежилой характер, а это и являлось желательным. От нежилой площади нельзя требовать приличествующего взыскательному вкусу интерьера.

Прежде мои апартаменты были завалены пятью тысячами томов бесполезных книг, заставлены громоздкими и ненужными приборами, разгорожены неудобными бамбуковыми стенками. Когда у меня угас интерес к абстрактным и прикладным наукам, а заодно — и к представителям обоего пола, лишнее я выбросил, и десятилетие мусор и паутина ничем не маскировались.

Почти стихийная новая и новая прибыль скелетов придала обстановке философский и

даже немного музыкальный колорит. Я смотрел на очищенные ферментами кости, и мне виделось, особенно в сумерки, как из костей словно бы истекают благодарные души тех, кого я убил. Света не зажигал, и в темноте проплывали чужие жизни, а за ними — миллионы теней прапредков. В эти мгновения я любил человечество и не то что любил — всякая любовь есть надувательство, — странные чувства одолевали меня: в едином дыхании я прозревал весь род людской до Адама, и весь род людской пел мне одну и ту же песнь, принадлежащую чему-то нетленному и неземному. В ней и была суть бытия.

В прошлом я растратил годы на всевозможные трудноразрешимые проблемы. Мои ответы на вечные вопросы оказывались и логичными, и окрыляющими, дающими катарсис. Я принял их, но подчиниться им не пожелал. Факт истасканный. Подпольный герой Достоевского, и тот, плюнул на таблицы логарифмов и воскликнул: "Господа! А не лучше ли ...нам опять по своей глупой воле пожить?!"

Теперь, под сенью скелетов, я нашел все, что раньше искал. Вне умозаключений, понятий и напряжения памяти. Тайна бытия проступала сама собой, давалась и как прибой, и как подспудное течение. Моя глупая правда — именно такова; я ее не порождал. Мы только атомы жизни случайные, мира печального гости минутные.

Проползла неделя, и в эту длинную неделю я не убивал. Намеченный мной план санации

местности — почти выполнен, и последние мои свершения не приносили удовлетворения.

Кровь я обычно не проливал, поскольку использовал хирургический молоток, обернутый тонкой резиной. Оружью режущему и рубящему не доверял. Похоже, мне предназначено умертвлять молотком. Сверх того, бескровное убийство упрощало обряд отпевания. Нашептывая над пузырящимся содержимым ванны приходящие в голову заклинания, я неизменно направлял душу убиенного в высшие слои Облатенгры, прямо в ласковые щупальца великого Оконшанте. Предварительные ад и чистилище не требовались, и все же самое незначительное количество крови ковало из пляшущих молекул воздуха незримую, но прочную цепь, а, известно, малейшее шевеление такой цепи действует на ангелов-пожирателей и ангелов-кровопийц подобно вибрации паутины на алчущего паука.

Чрезмерно аккуратная работа вызывала ложные мысли о том, что я не убиваю, но оглушаю и расщепляю энзимами спящую плоть.

Молоток — не от наших эскулапов, а трофейный и, наверное, когда-то числился за госпиталем вермахта; время не тронуло его хромированную поверхность. На ручке были выгравированы латинские литеры: "М", "Т", "Р". При желании их можно считать не чьими-то вензелями, но аббревиатурой наитий пророка Даниила:

MENE, TEKEL, PHARES

Фарес — так фарес! Это вам не какой-нибудь технарский молибден-титан-палладий. Но

кто знает — в сплаве не исключена и доля титана. Ти!—та!—ни!—чес—ко—е орудие! Формой оно напоминало индейский топорик — томагавк. Это наименование прилепилось.

Успокаивая обладателей дурного глаза и грязной ауры, встречающихся в радиусе 30 километров, я создавал в биосфере планеты Земля критическую точку, оазис духа, тот полюс, безупречность которого неминуемо должна изменить эволюцию и вознести животное, по прозванию *Homo sapiens*, на новый уровень.

Однажды после очередного дела в доме не оказалось провизии, а ехать, в город или центр поселка не хотелось. Чуть не схватил нож, нацеливаясь отмахнуть у свежего трупа ягодицу, но меня притормозило соображение: отнюдь не то, что я убежденный вегетарианец, а то, что нож тупой, и наточить его нечем. Давно замечал: многие пустяки влияют на судьбу человека, сталкивают его если не в одну, то в другую пропасть, праведника обращают в развратника, а злостного пакостника — в святого. Но выяснилось: я выше всего этого; и в следующий раз, при том же отсутствии острого ножа, премудро обошелся с некоторой помощью опасной бритвы. Так приобщившись к древнейшему достижению цивилизации — каннибализму, я восстановил важный памятник культуры, кроющийся в способе поведения. За успех был вознагражден небом: во мне ожили атавистические доисторические каналы. Я стал перебирать слова ритуальных песенок типа:

Дайте мясо гиенам на рассвете,
О мощные копья!
Копье вождя самое мощное,
О мощные копья!

и заклятий:

— Мы их победим?
— Да!
— Мы их съедим?
— Да!

Как-то даже заговорил на неизвестных исчезнувших наречиях, и поначалу это понравилось, но затем напугало, ибо к концу вещания на иных языках утратил способность себя переводить. Превращение в сомнамбулу меня не устраивало.

* * *

Итак, пока я не торопился кого-то губить, но вдруг на лестнице загремели шаги. Бросив взгляд на стол, не обнаружил томагавка.

Шум шагов усилился. Лихорадочные поиски оружия не дали результата. Стук в дверь пришлось проигнорировать.

Минут через десять, когда на лестнице стихло, я глянул в окно и увидел две женские фигуры, направляющиеся к автобусной остановке. Силуэты очень знакомые.

"Кто бы это мог быть?" — подумал я и, не рассеяв своего любопытства, прснулся.

На стене застыли два ярких солнечных зайчика; на столе подлинно не было томагавка; под

потолком буднично висели пять скелетов, но к ним прибавился шестой.

Интересно и жутко!

Привстав с кровати, заметил, что ошибся: иллюзию лишнего скелета порождал хлипкий костяк, висящий у шкафа. Роль в разворачивании иллюзии сыграло и зеркало.

Только глянул на зеркало внимательнее, как в нем сверкнуло — погасли зайчики — в воздухе что-то тяжело пронеслось — задергались занавески на окне.

— Шип-шито — шип-шито — шипшито, — грянули мистические звуки.

— Питы — то, питы — то, питы-то, — ответило откуда-то сбоку и малость снизу.

Катавасия не походила на брак в работе, повергла меня в замешательство и возымела органическое действие. По привычке я засек положение секундной стрелки на ручных часах и сосчитал пульс. 104 удара в минуту. Не так много. Серьезные неожиданности дают 140.

Сосредоточение на пульсе ничего не изменило в вакханалии звуков. Позже вверху раздался полускрип-полутопот, и в печной трубе посыпалось... Наверное, шастают по чердаку, но это откровенно не связывалось с "шипши-питы-то" и сверканиями.

Исчезновение томагавка не показалось загадочным. В данный момент искать его бессмысленно. Нужно слегка выждать, и тогда он найдётся сам собой.

Пробуя отвлечься, включил приемник. Мотаясь по шкале, исторгал из него то бравурный марш, то нравоучительно-мурлычущую детскую передачу, то монолог на тему о повышении поголовья крупного рогатого скота, то имитацию песенного фольклора. На поддиапазоне диексистов прорвался искаженный акцентом приторно-слащавый, но настораживающий голос:

— ...например, в эти мгновения, до — ро — гы — э ра — дыо — слу — шà — тэ — лы, Международное общество "Корповилиус" проводит сеанс трансперсональной медитации. Наш сеанс модифицирует характер причинности и структуру пространства-времени. Из далекого Эквадора общество "Корповилиус" посылает вам трегубо эффективные обильные благословения, а творящим Зло — возвращает последнее тысячекратно увеличенным...

"Вот кто безнаказанно эксплуатирует сатанинский усилитель", — счел я и прошел ручкой патриотическую белиберду, рекомендации по способам сбраживания и гноения силоса, визгливую частушку и опус в духе симфонии "Монотон".

Эфир был захламлен и другими помехами: тресками, шипениями, грохотаниями; атмосферные разряды, тепловозы, электромоторы требовали прав на общение и свободу совести.

Наконец я добрался до пункта, в коем столкнулись лбами радиохулиганы. Хриплый громоподобный бас, едва не рвущий диффузор динамика, урезонивал двух радиогёрлз, попавших по неопытности на чужую волну; но гёрлы предпочитали бас не замечать и занимались обсуждени-

ем своих проблем. Вплотную по шкале чокнутый пенсионер свистел на мотив "цыпленок пареный", Высоцкий горланил неприличное про Эйфелеву башню. Был богатый ассортимент эстрадных мелодий, сатиры и юмора. Возник кухонный разговор: то ли Пауля, то ли Рауля звали кушать бешбармак и по-башкирски ругали за тучи сигаретного дыма. То ли Рауль, то ли Пауль, огрызаясь, отвечал, что не может отойти, поскольку держит отверткой отвалившуюся пайку. Через микрон выползла песенка о лиловом человечке, гонящем сизый самогон на реке Ассинибойн, близ Ашервилла.

Я задумался, а... — опомнился, песенка пропала. Из динамика вырывался белый шум. Казалось, я пребываю у небольшого водопада. В зависимости от устремленности, водопадное ощущение сменялось фонтанным, а фонтанное — ощущением сталактито-сталагмитовой пещеры, с верхотур которой сочитя.

Где-то поблизости и впрямь потекло, точнее, с потолка закапало. "И пусть", — решил я и подставил под потолочный дождь древний неиспользуемый кофейник, но дело осложнилось: вода, ударяясь о дно кофейника, принялась нагло издавать раздражающий звук. Частично жидкость прыскала на скучный скелет, висящий у шкафа. Этот композиционно лишний остов я поместил за дровяной штабель, неприхотливо находящийся в комнате. Мне пришлось в голову накрыть скелет и штабель старыми журналами "Космонавтика". Разбирая их, откопал между ними... томагау-ук. Как он туда затесался — непостижимо!

Около часа сражался с водой, вернее, с неприятным звяканьем-пиньканьем-треньканьем, еликое она вызывала. Ни на миг не оставляло чувство непроясненности... "А не заняться ли промыслом лилового человечка на реке Ассинибойн?" — осенило меня — и неожиданно наверху загрохотало. Скелеты висели спокойно. Тарарам исходил не от них.

Будто бы врубили бешеную машину. Послышались громкие голоса. Вполне нормальные и вполне пьяные, но сам грохот необычен. Выше этажом ворочали и перетаскивали тяжелую мебель, похоже, швыряли предметы, мерзко топали, рывкали. Один голос упрекал в чем-то другой голос, а тот утихомиривал первый, но все голоса, стоны, локомоции обретались на фоне равномерного грохота и его мелодичных аккомпанементов. Присутствовали и неспецифические звуки: скребущие и тенькающие, чавкающие и глухо молотящие.

Трупоед там завелся? Первой мыслью было схватить томагаук-томагавк и наказать преступников. В это время завопили сильнее, грянул крак-кряк разламываемого стула.

"Зачем томагаук? — прикинул я. — Дождусь, когда они друг друга убьют, а затем осмотрю грохочущий аппарат. Возможно, его конституция ашервилльско-ассинибойнская... Наверняка чавкают и тенькают шланги аппарата, а гремит снабженный электродвигателем экспресс-брагообразователь. Видимо, алкоголики сосут прямо из аппарата, а ругаются и дерутся, не сумев решить, кому из них первому выполнять функцию сосуда-сборника".

Голоса опять стали громче. Затрещал еще один стул. Ну и пусть ломают! Только бы аппарат не разбили. Да, но если они убьют себя непонимному? В случае глупого убийства некие посторонние заявятся ко мне, безгрешному, беспорочному, и обнаружат скелеты. Будет прок от того, что советская власть здесь не пребывает? Придется удирать в Кызыл, в Тувинскую АССР, где этой властью и не пахло.

— Как быть все-таки? Не казнить ли этих алкоголиков?

Взял пачку денег, томагавк и направился наверх. Поднявшись в общую прихожую, обнаружил четыре обитые черным дерматином двери. Ни голосов, ни шумов. Сюда я попал впервые и не мог угадать жильцов, которым принадлежали голоса, и где находится их дверь. Постоял с минуту: зловещая тишина!

— Умертвили друг друга и разбили аппарат!
— счел я.

Построенный до девятисотого года дом имел шизофреническую планировку, определить расположение комнат непросто. Самой прихожей не должно существовать по природе вещей.

Ринулся дергать за ручки всех дверей по очереди и стучать. Двери надежно заперты, никто не открывал. За ними по-прежнему не улавливалось движения. При нежелании совершать взлом, я собрался ретироваться, но... О ужас! О кошмар сознательный и подсознательный! В кармане куртки не оказалось томагавка.

Его не было и на полу. Не оказалось за поясом. И вряд ли он заскочил под сервант: не те

вес и форма. Но вот беда: упав, он произвел бы слабый и глухой звук, поскольку обернут резиной. "А не уронил ли я его на лестнице?" — на лестнице томагавк не валялся. "Не оставил ли дома? — слава святому духу, ключи от замков я не посеял", — дома томагавка тоже не нашел. "Украли! Украли и затаились за обитой черным дерматином дверью! Потому и молчали, потому и не отпирали!"

Скелеты, висящие под потолком, таращили глазницы и словно бы усмехались.

— Ах вы, анафемские кости! — прошипел я и набросился на один из скелетов. Скелет сорвался, и я рухнул вместе с ним.

— Где? Где томагаук?

От сотрясения на столе перевернулся приемник и дважды хрипло чихнул.

— А — а — а! — раздался дикий голос.

"Кого еще режут?"

— Аа! Аа! Аа! — последовательно явились три крика.

У кого агония? На кого нашли кошмары? Не понять! Три скелета мирно висели под потолком, четвертый перекосячился на полу, пятый батонился за штабелем, укрытый обложками журнала "Космонавтика".

— Где томагавк, черт возьми? Поучу, как орать средь бела дня!

С потолка закапало. И пусть капает!

"Однако что за наводнение устроили?! — прорисовалась здравая мысль. — И вода ли это? Или жидкость похуже? Стоп! А не специфическая ли здесь штучка? Так и есть! Ай да лиловый джентльмен из Ашервилла!"

Оно, конечно, хорошо. Я трезвенник со стажем, но... продукт качественный. Не султыга — тормозная жидкость, сливаемая с ракетоносцев-штурмовиков и потребляемая округой.

Тема забавная, но куда девался томагавк? Слямзили томагавк и думают откупиться каплепадом. Нет уж, нет! Я вытащил из-за шкафа лишний карниз для занавеси и постучал им в потолок. Реакции — ноль! Не хотят отдавать томагавк. Расправлюсь с ними и без томагавка! Поможет карниз, и помчался по лестнице.

В общей прихожей — четыре двери, затянутые черным дерматином. Стояла абсолютная тишина. Все попрятались! Все испугались карниза. Я принялся колотить карнизом по стенам и рушить пахнущую клопами мебель. Выскочила некрупная крыса с солидным куском хлеба в зубах и кинулась вон.

Внезапно меня ударили по макушке тяжелым предметом.

— Вот он, мой томага-у-у-ук! — не подумал, а почувствовал я.

Удар неумелый и недостаточно мощный — сознания не потерял и, повернувшись, увидел перед собой голого и худого блондина с томагау-уком в руках. Аура у него отсутствовала,

если не считать появляющихся и исчезающих микропятен, напоминающих попугайчиков. Да! Хронические алкоголики трудно диагностировались по моей методике.

Рассуждать некогда. Не минуло и доли секунды, как я проткнул блондину глаз, инстинктивно погрузив конец карниза довольно глубоко в мозг противника.

Проливать кровь не люблю, а потому срочно начал делать новому трупу перевязку, предварительно заткнув ему рану забытой у плиты вареной свеклой. Бинт заменила болтавшаяся на коридорной двери длинная тряпка из синтетики.

Оставив в комнате мертвеца энную сумму (большего за такого маразматика, да еще русского никто бы не попросил), я перенес труп.

Вход на нижний этаж — с другого подъезда. Пришлось идти с трупом по улице, но днем местность обычно бывает безлюдной. Один-два раза в час по дороге проезжают машины. Она метрах в 80 от дома.

Немалога труда стоило перемещение супермодерного аппарата и его причиндалов. Теперь, коли возникнет каприз, можно приглашать под сень скелетов следователя Рашида и полкового особиста Науруза: кроме авиационной султыги в наших солончаках ничего нет.

Происшедший тарарам ясно показал, что высшим силам стал неугоден мой томагауук! Лады. Отныне есть на чем приготавливать настоящую борца, омега и волчьего лыка.

И Духъ и Невѣста говорятъ: "Пріиди!", и слышавшій да скажетъ: "Пріиди!" Жажущій пусть приходитъ, и желающій пусть беретъ воду жизни даромъ. Аминь.

1982 г.

БАЛЛАДА О ВЫСОКОМ ДВОРЦЕ С ОВАЛЬНЫМИ ОКНАМИ

(женский текст)

*В трёх верстах от станции
Р. при рытье котлована для мас-
лобойни открыли неизвестное по-
гребение. В каменном саркофаге
нашли коротенького рыцаря, обле-
ченного в стальные доспехи. Рядом с рыцарем лежал могучий и
страшный меч. Вряд ли рыцарь су-
мел бы его поднять выше пояса.
На эфесе меча прочитали надпись:*

Ж Р У Щ Е В Ъ

*С тех пор больше семи лет на
путников, идущих в полнолуние по
дороге, отделяющей новые кре-
стьянские земли от колхозного по-
ля, часто набрасывался огромный
белый бык с одним рогом.*

Жили три сестры: Варька, Анька и Доманька. Они совсем не походили друг на друга.

Младшая, Варька, любила развлечения, сладкое и сладенькое. Она или резалась с кем-нибудь в карты, или рыскала по полкам в поисках конфет, пряников, меда, вишневой наливочки. От постоянного жевания и сосания конфет зубы Варьки почернели и сточились.

Варька отличалась чрезвычайной дотошностью, проказливостью, умела ловко врать, избавляться от тягот и повинностей. Обвести вокруг пальца могла каждого. На свадьбах, масленице, других праздниках, сборищах выступала главным затейщиком. Смеха ради напяливала на голову сапог, легко изображала петуха, фельдшера и всякого начальника. Была у Варьки масса иных, неописуемых достоинств, но приезжие настоящие кавалеры ее сторонились и даже побаивались. С прочими парнями она до времени водила очень близкую компанию, но в особо ответственный момент ухитрялась одурачить и оставить с носом. Разгневались сверх меры многие. Тем не менее Варька — единственная из сестер, которая таки выскочила замуж.

Как-то Варька шла по весенней, еще не пылящей дороге. Пригорки зеленели травой, от изгородей протягивались цветущие ветви яблонь. Пахло лесом, садом, лугом, голубым зенитом и молодостью. Из-за калитки Минки-пластинки доносилась томно-величественная музыка. Музыка есть, а слов нет. С чего бы?.. Варька почуяла поживу. Она тут же торкнулась в калитку. Бух-бух! — А калитка заперта. Дерг-дерг! — Колокольчик — ни дзень-дзинь. А — а — а! Варька вскинула левую ногу выше лба — недаром ею до лампочки доставала, — вцепилась рукой в вымазанный солидолом зубец и махнула через ограду. З-з-з! Клочок юбки повис на шляпке гвоздя.

В саду у накрытого столика Минка обнималась и целовалась с... непонятком в батисто-

вом пиджаке. Минкины телеса болтались будто у тряпичной куклы.

— Минка — клоун! Клоун! Гутта-перчевая! Перче-вая! — запрыгала возле парочки Варька.

Минка насилу отклеилась от непонятка. Рядом с ней стоял сторбленный, скрюченный мужичок. Шея его неразгибаемо клонилась вперед, уши оттопыривались под прямым углом, торчал огромный кадык, а лицо, помятое и сморщенное, походило на кожицу раздавленного маринованного помидора.

— Знакомься, Варенька, — мой жених, Константинчик...

Прищурилось и мигнуло солнце. Варька осела на сучковатый пенек. 3-з-з! Сорвалась булавка с юбки, юбка поехала дальше. Схватившись ногтями за лицо, Варька его поранила чуть не до крови.

— Вот, Варечка, варенье грушевое, княжениковое, кленовое, ежевичное... А это закомуристое, в котором и ягод не различишь, — твое любимое, рябиновое!

Варька всё маялась.

— Извини, Костя! У нас здесь дамские вопросы! — Минка потащила подругу в сторону дома.

— А что Антон?! Скоро службу на корабле закончит.

— Ха-га-ха! — выразила мнение Минка. — Антошка-картошка! Мне его замуж выдавать, красавчика незабвенного! Задержали на полгода субчика.

— Как задержали?

— Заменить (хи-хи!) некем. Класный специалист сопливый. По слухам, маяки и брошенные окурки на далеких континентах замечает. Мозгов нет — отрастил глаза не про наши образы.

— Не могут его задержать!

— А он в макаронники сунулся. У нас куда его возьмут? В гуночисты? Ну и пусть показывает чайкам свои регалии.

Варька внимательно следила за тающим в лазури облачком. Минка взяла ее за бока и потормошила:

— Бери, бери, ради бога, Антошку-недотепу, если тебе он нравится. Хоть сейчас к нему поезжай! Утешь! Погуляете по берегу морскому, раз его десятиэтажная шлюпка на приколе стоит.

Недаром Минку в детстве украли цыгане и год воспитывали, пока милиция не отобрала.

Константин тем временем разложил на скамейке увесистые объективы. Фотографировал яблони в цвету. Догадался (жмот!) нацелить фотоаппарат и на подружек. Внизу — клумбы, вверху — пена белых и розовых цветков, а среди пейзажа Варька с Минкой в позах артисток. Минут через пять из устройства вылезла картинка лучше живописного полотна.

Никогда в жизни, ни в каких журналах, альбомах, галереях Варька ничего удивительней не видела. Перекликался портрет с одной вещью великого художника. Даже Варька о нем слышала, но называть его имя жутко. И без сравнений: жест — к жесту, листок — к листку, растения вокруг будто в оранжерее выращены, точно музыкой рождены, таинственной силой

повернуты. Блистала, звенела в фотографии необыкновенная одухотворенность. Не Минкин этот сад — а волшебницы из сказки. Не на земле он вырос — на небе. А фигуры? Они не стояли, а парили. Не артистками выглядели Варька с Минкой, но, черт подери, — вознесенными святыми.

Варька получила три копии. Две она подарила сестрам, а своя куда-то пропала.

Немедля выехать с посылками для Антона (они были предлогом) Варьке не позволило крушение на станции. Свалились под откос вагоны с солью и цистерны со спиртом. По вине этой горючей жидкости в округе начались события совершенно невразумительные. Из-за брожения в головах, массового помешательства, радости, кошмара и паники не всякий ныне помнит о них. Полевые работы прекратились. На месте катастрофы, на подступах к нему кипели битвы между бандами кулачных бойцов. Несколько дней и постреливали, и пускали в оборот длинные ножи. Неблатному люду — на станцию не попасть.

Однако под хмельной храп общественных стражей Минкины соседи исхитрились и нацелили сорокавёдерную бочку содержимого цистерн. За это пришедшие с торфозаготовки условники спалили смельчакам дом, надворные сараи с живностью, а самих вбили в пашню трамбовками. Но не вывели изуверы, где зарыта бочка со спиртом.

Отвезла Варька посылки — ее, бойкую, но ленивую девку, всегда куда-то снаряжали — и по берегу морскому погуляла, и контрабандой

в корабельной каютке пообитала, пока на берегу не обосновалась. А затея — ни того ни сего, ни тпру ни бру.

Лишь накануне ухода в море Антон погрузнел, мутно зыркнул и объявил, что в таежные края не вернется. Есть в Липецкой области посёлок N, и завещан там ему, Антону, домишко с четырьмя большими печками и шестью комнатами. Нужно занимать: иначе сметливые вандалы разберут на дрова и стройматериалы.

— Не хочешь ли, Варя, Юсовку свою покинуть? Не везде в России — зимой минус сорок!

Но выяснилось: долго еще Антону седые волны и визг чаек слушать.

После новой поездки немало месяцев Варьке пришлось, дуя на посиневшие от холода пальцы, щелкать костяшками счетов на складе ГСМ в далёком полярном городке.

Но Варька своего не упустила: удалось ей побывать под венцом, но порадоваться почти не довелось.

Варька почувала: она не замена Минки, а кого-то другого. Дуновением не тем на нее повеяло. Подробности она постигла позже.

Вдобавок... Каждый второй раз, потом — каждый третий, потом реже, до увольнения в запас Антон сближался с ней не так, как это делают с <.....>. А затем чуточку временами брезговать стал — дескать, неважный она <....>. Очень интересного лешего он в Минке нашел?! Варька взяла и спросила.

— Она — всё вместе! Могила моя! — заорал Антон и отправился на службу.

"О чем он?" — не вникла в суть Варька.

* *

Вот он, обещанный поселок в Липецкой области. Весной — разлив, осенью — океан черной грязи. Зато бестревожно и легко на душе, словно где-то за деревьями, совсем рядом, прячется потерянная прародина. Так думалось-грезилось Варьке.

Но лучше бы она разорвала фату, растоптала кокошник и прочие финтифлюшки свадебными туфлями. И полгода не пожила спокойно. Чем светлее на улице — тем пасмурнее в просторном доме.

Как-то открыл морячок окно, смотрел в него, смотрел, схватил табуретку и страшно шмякнул о стену. Мигом вылез в окно, убежал в домашних тапочках. И на десять дней исчез.

Прозябал, говорят, то на кладбище в склепе, то в подвале пятиэтажки, где халтурил сантехником.

Возвратился — глаза бы его не видели! Черт приперся, а не Антон! Тогда и пахнуло на Варьку нечеловеческим. Закусила она губу, многое нутром поняла.

Взбрендилось морячку, не стесняясь, вспоминать Минку, <.....> и напиваться до омерзения.

"Испортили, испортили Антошку", — говорила вслух Минка, читая жалостные Варькины письма, а сама усмехалась под нос.

"Там ли его испортили?" — могла бы возразить Варька. Что делать? Как быть? Дышать в легком липецком воздухе становилось трудно. Астма ли, плесень ли с тыльной грани досок пола действует? И перегар непрерывный. Винокурня, не дом. А доски пола снимать не желает. Ничего, мол, подышишь и плесенью, я морской изморосью семьдесят восемь месяцев дышал — и то не издох.

Да и засунь его спать по ту сторону пола — не поможет. Бог знает где ночует.

Попробовал однажды замахнуться. Да Варька ему острую вилку в руку вонзила — не выпускают сейчас таких вилок, продают обычные литые. Вонзила вилку и тут же стол перевернула, сиденьем от старого стула огрела по голове.

В другой раз явился пакостнее пакостного и дружков привел. Дружки еле на ногах стоят. Берите, берите ее, Петька и Мишка, играйте, как в башку взбредет, а я подержу, чтоб не брыкалась.

Показывал *разные* фокусы морячок. Хуже смерти опротивел Варьке морской волк. Оформился пьяница начальником шлюза, а заодно стал вожаком приبلудных гопников, вооружил их сетями, заставил ловить рыбу, промыслять водки ради. А в доме учредил браконьерский рыбный склад.

С детства строптивая, Варька к таким поворотам судьбы привыкать не собиралась, но и деваться некуда. Работать, ходить на смены — ужас не хотелось. Да и возмутся по волшебству смены?

И всё же не вытерпела Варька, отправилась к вагончикам строителей, да поздно она решилась.

— Уезжаем. Уезжаем в Подмоскovie. Трубы проложили — и тюткаться теперь не с чем.

Посмотрела Варька концерт, который давали вахтовикам при свете костров и прожекторов, и пошла домой. Шла еле-еле. Сплошной гололёд. К селениям не выйти. Хмурь. Синие тени. Серо-фиолетовые отсверки. На ветках дрожат сосульки, бьются друг о друга, звенят фальшивым хрусталем. Теплый ветер. Почти горячий. Из давно забытого лета. Черно-лиловое небо без звёзд. В поле клочья тумана. Быть бы неуютному, пасмурному ощущению, а у Варьки наоборот. "Нам здесь приятно, тепло и сыро!" — словно пронесли в ее мозгу шипящие дисканты. Но нет! Нет! Обстояло иначе. Похоже, посреди тьмы восстало незримое солнце, пронзило тихой тайной и ясностью всё вокруг, каждую клеточку Варькиного тела. Только старикам не нравится низкое давление непогожих дней. А душа Варьки парила будто в невесомости. Где-то далеко сошедший с ума металлический динамик на столбе вещал неизвестно что: "Голос Америки", перемешанный с громкими, но размыто-неотчетливыми советскими голосами дикторов: мужчины и женщины. На речь еще накладывалась музыка, подобная эху. Да и природа съехала с ума: по застылой ледяной равнине плыл ветер из южных стран. Варька полусознанно развешивала перед собой карту, оживляла в воображении знойные побережья, раскаленные пески. Земля впитывала кое-где наметившимися декабрьскими проталинами

дыхание персидского ветра. И вдруг над всей этой местностью, над всем этим миром Варька представила-увидела высокий дворец-замок с овальными окнами, недоступный никакой тщете, никакой тлетворности. Окна дворца — точь-в-точь иллюминаторы секретного аппарата, что некогда возник в филиале номерного завода.

Был лучший Варькин год — время ожидания счастья в том полярном городке. Многие примечали ее сияние и даже спрашивали, не беременна ли?

Спешила она с бухгалтерскими бумагами по территории за второй (внутренней) проходной по пропуску, выданному на двадцать минут. Внезапно раздались крики, повалил дым из трансформаторов подстанции, разверзлись брезентовые ворота огромного сооружения, и вышла из них не ракета — выскользнуло гигантское серебристое яйцо с иллюминаторами и радужным нимбом. Оно не касалось ни земли, ни подпорок, не соединялось ни с чем, неизбежно висело. В полувыдвинувшейся из тех же врат ажурной гондоле бесстрашно стояли четыре техника в белых халатах, держали трубки-сопла, из которых с шумом вырывался сжатый воздух или азот, пытались сбить с аппарата радужный нимб, и это у них почти ладилось. Не чувствовала в тот момент Варька ничего, кроме восторга и удивления.

Но налюбоваться серебряным чудом не успела: к ней подскочил хохол в штатском, глянул полуторадюймовыми вытарашенными глазами и потащил в кабинет на политбеседу.

Ничего не произошло особенного, но Варькина психейная беременность куда-то исчезла. Куда? Ведь не сделали никому аборт техники в белых халатах!

Сейчас она чуть не всеми порами воспринимала светозарный дворец-замок, выросший над ровным полем. Пронзительно казалось: он и есть греющее в гололедь и хмурь незримое солнце, ставшее на пару мгновений явным.

Вернулась Варька домой, а там Антон-бандит замыслил очередное измывательство; в качестве зрителя посадил в углу нового дружка. Смотри, дескать, Серый, как мы отдыхаем. И секунды не думала Варька, но таки смекнула. Должно, заранее ей приснилось, что надо свершить. Взвыла она бешено. Схватила длинный безмен. Размахнулась — и хряснула у Антона черепушка. Он не успел заслониться: или сильно опьянел, или нарочно из форса решил не защищаться. Да и не помогла бы ему защита: прицепленный кузнецом к безмену дополнительный грузик сработал на манер кистеня.

Забулькал морячок, низвергся на пол и ручки на груди собрал.

Конец висевшей на окне зелёной занавески затрепетал, поднялся к потолку, нацелился и вылетел в форточку. Не сквозняк направил его туда!

Какая занавеска! И себя не помнила Варька. Может, и воистину аффект был.

Семь лет потом ей пришлось ходить в чужом халате и петь песни за колючей оградой.

За ней она узнала из писем то, чему поверить трудно: горбатенький муж Минки удавился. Удавился нелепым способом, привязав веревку к ручкам двух дверей, открывающихся в противоположные стороны. И случилось это 19 декабря, в тот самый день, когда залилась гнусная тельняшка киноварью.

Вот она, вспорхнувшая занавеска перед форточкой! Не к тем ли дверям понесло душу моряка-мстителя на охмурение мозгов соперника?

О Варькиной истории сказано все. Варвара превратилась в нормального человека, а нормальные люди не живут: книжки листают или фильмы смакуют.

А Минка уехала за границу с другим фотокорреспондентом. Несколько успокоилась. Она магистр магии, промышляет в центре Брюгге. Псевдоним ее — "Минна".

Нос у Минны жутко удлинился, по весне обретает диковинную стекловидную лиловость.

* *

Средняя сестра Анька ошарашивала замкнутостью и нелюдимостью. Родилась она с лицом взрослым. Читать и считать научилась в три года.

У инспектора облоно попал в колдобину "москвич", потом, подобно предыдущим машинам начальства, сполз в яму у мостика. Берегли ту дающую фору яму больше зеницы ока! Зашел инспектор на огонёк попить чаю, маленькую Аню на руки взял, показал, пока трактора дожидался, буквы и цифры. Через месяц Аня

превосходила в грамоте бабок с ликбезом. А первоклассницей цитировала наизусть энциклопедии, что смогли ей найти в окружности десяти вёрст. Со временем за такую ученость определило Аньку правление колхоза счетоводом. Но не счетоводом была Анька. Она дышала недоступной для остальных жизнью, видела хрупкую стенку между снами на конце потерянной лестницы воспоминаний, зрила пространство, пронизанное блистательными безвестными тенями, полупрозрачными стволами неведомых деревьев да белыми бессмертными птицами, умеющими парить, парить без взмаха крылом, без остановки, без снижения. Появлялось всё это в той недостигаемой простой твари долине, где светлячок Утренней звезды кажется треугольным и оливково-золотистым, где цвет и звук сливаются воедино, а роса ощущается нёбом, где змеи-богосущества населяют радужный город-чертог, а их отпавшая, но умствующая чешуя превращается в сквозное и объемное чувство. Становится гением тот, к кому она прилипает; еще теплится надежда на глубины разматывающегося, растворяющегося бытия. Но катастрофический нуль алчен — и настает земное царство овеществлений и уплощенных до исчезновения мыслей. А если вообразить, будто ты и есть белая бессмертная птица, стихией мчащаяся к точке смыкания незримых горизонтов — к схождению схождений?

Но в нашем мире торжества пошлости и плебейства слаба оказалась Анька. Только Аньке исполнилось девятнадцать, ее подозвала у вокзала цыганка и сказала:

— Девушка, тебя ведь Аней зовут? Так? Жалко мне тебя, не проживешь долго на этом свете. — Повернулась цыганка и — нет ее, как растаяла.

* *

Спустя шесть лет к Аньке подошла та же цыганка и сообщила:

— Сегодня, Аня, ты будешь в огромном доме с большими окнами. Там много хороших людей встретишь.

"Оно! Оно! Осуществляется, чую, тайное!" — подумала Анька.

Неделю она где-то пропадала, а прибредя к своим, выпалила:

— Я жила в высоком сребристом доме с овальными окнами. Этот дом-дворец — в великом городе. В нем без числа счастливых обитателей в лилейных одеждах.

— Где ты жи-и-ла, в ка-а-ком та-а-ком городе?! — спрашивали у Аньки.

Она не смогла ответить, имя города не назвала.

— Город рядом, рядом город, — твердила.

Но все отлично знали: по соседству города нет, ни великого, ни малого. Ближний — и тот в ста сорока километрах; сколько вёрст, давно забыли. В нем по преимуществу — одноэтажные здания-развалюхи и никаких домов-дворцов.

— А где твой шарфик голубой шёлковый? — захотели выпытать у Аньки.

Анька широко раскрыла глаза, схватилась за шею и заплакала.

Дня через три Анька исчезла. Целый месяц о ней никто ничего не слышал. И не услышал бы. Да случилось так, что полевого объездчика Грача опоили на хуторе Весёлом самогонкой, настоящей для крепости на махорке и курином помёте. Уснул Грач под телегой, а после уже не мог понять, что происходит. Встал словно бы он из-под телеги и потащился дорогой. Не успел подойти к повороту на мельницу — луна выглянула из-за туч, ярко осветила дорогу. И чует Грач: раздаётся сзади топот. Топот звучнее и звонче. Обернулся: здоровенный белый бык за ним гонится. Свернул Грач с дороги на тропку, а бык — за ним. Единственный рог огнем сияет, из ноздрей свист идет. Помчался Грач по полю, увидел амбар без кровли, на миг отдернул его дверь, нырнул внутрь и смотрит в щелочку, что бык делает.

А быка и нет. Сгинул куда-то. Пропал в ночи. На мгновение пришла к Грачу ясность: напросился он вчера к хозяевам хутора ночевать! Отпели тогда петухи, скотина угомонилась, было спокойно, а Грач ерзал на набитом хрустящей соломой тюфяке, вспоминал службу в противоздушной части у далекой от бомбежек Пензы, мучительные мечты о фронтовом пайке и выматывающую внутренности кислую капусту, кислые лесопосадки, кислые туши законсервированных самолетов, открытый сторонам света строевой плац, караульное помещение с жесткими нарами.

У Метелихи, хозяйки хутора, объявились тем временем ночные гости. Голоса их, вначале тихие, становились громче и громче. Поднялся Грач, нащупал дверь, легонько потянул

поперечину, отвел опущенные занавески. Посреди полутемной столовой стояла кадка. Вокруг кадки бегали в чем мать родила Метелиха и две женщины с огромными носами. Лица бегающих были густо намазаны сажей. В кадке что-то шипело, плавала дощечка с укрепленной на ней горящей свечкой. В одном углу комнаты топталась цыганка, раскачивалась и, пришептывая нечто тарабарское, сверлила зрачками поднимающийся над кадкой пар. В другом углу сидел краснорожий мужик с трепещущейся, но безголовой черной курицей в руке.

— Ой ли, ой! Ой ли, ой! — тонко гнусавили бегающие бабы. — Изыдите, змии! Изыдите, окаянные! Виридон! Ах, Виридон! Брось опять им молоду! Третию! Четвертую!

И здесь Метелиха узрела Грача:

— Прос-нул-л-ся, раз-мил-лай! Бесприютный сиротинушка! Грудь-сердечишко болит! Еще выпей кружечку, еще выпей золоту!

Выпил Грач кружку или больше — никому не ведомо. Только дал ему тумака краснорожий мужик и выпихнул вон. Потом очутился Грач под телегой, потом бежал от быка... Вспомнил это Грач — и тут же забыл. Свалился в амбаре, уснул, и приснилось ему, что идет он по железнодорожному полотну с восемью колесами, а сзади мчит на всех парах новый расписанный паровоз — крик моды пятидесятых, не деповский ржавый и копченый... — грозно латунью блестит, серпастый орден выпячивает, гудит сильнее грома в ущельях, мощно хлопает крышкой над трубой, верхние колпаки кулаками вытягивает, контррельсами, точно зубами, щел-

кает. И на какую бы колею Грач ни становился, паровоз на ней гремел. Двинулся Грач через ямы и промоины в луг заболоченный, а злой щеголь-паровоз без всяких рельсов следом погнал.

Утром мимо амбара, продираясь сквозь конопляное поле, ругая росу, вымочившую подолы, семенили три старухи с корзинами на закорках. В корзинах — ворованная колхозная свёкла, замаскированная лопухами и грибами. Услышали, что в амбаре кто-то стонет и ноет, распахнули дверь: перепачканная образаина объездчика! Рванулись было со страху дать дёру, да одна из старух, девяностолетняя девушка Настя, заметила на гвозде голубой шарфик, а под ним — мертвую Аньку.

Анькино лицо изгрызли мыши. Нетронутая кожа стала угольной, как у негритянки. Подле Аньки колебалась в струях воздуха сморщенная выцветшая фотография. На фотографии стояли в бурьяне фигуры: Анька и неизвестная женщина в пёстрых одеждах. За год до этого у Аньки нашли прирожденный порок сердца. Никто не мог сказать, где он раньше прятался и объяснить, отчего она прожила так долго.

Думать о случившемся особо не приходилось. Дознаватель с фельдшером составили протокол и укатали на мотоцикле, в коляске которого они месяц назад, во время внезапного умственного затмения, привезли сюда Аньку для надругательства.

Пыль от мотоцикла не рассеялась, а уже возникла перед трупом Глашка-монашка, покурила ладаном, помолчала, глядя на дорогу; раздавила мужским ботинком длинную двурогу гусеницу, затем убрала в карман засаленный молитвенник и велела хоронить Аньку рядом с амбаром. Глашка являлась дьячком-попом-митрополитом, российским и вселенским патриархом. В тридцатом году ее выгнали из церкви за блуд со священником. Поэтому Глашка живой и целой осталась, родила девочку. Прочий причт расстреляли или раскулачили и сослали. Наказал бог Глашку превеликим стеклянисто-лиловым носом, как в дальнейшем — племянницу ее, Минну-Минку. Числился за Глашкой грех сексотства.

Забудем про это. Мир праху Анькиному. Есть история еще об одной сестре, вернее, ее дочери.

* *

Доманька, самая хозяйственная и домовитая, была намного старше сестер. Из-за нескончаемых хлопот часто не удосуживалась получать на почте двадцатирублевую пенсию. Ссылаясь на расстояние, почтальоны деньги не носили. Доманька держала коровку, по имени Жданка. Жданка давала молоко — гуще сливок, но почему-то с горчинкой: то ли оттого, что в сено по нерадивости косца-соседа попадал чернобыльник, то ли Жданка нарочно вышаривала горькое или — натура ее коровья оказалась такова. Молоко принимали за козье, но приобретать его не хотели. Доманька готовила из молока простоквашу. Кислое и горькое компенсиро-

вали друг друга, вместе порождали немислимый, нереальный букет. Простокваша пользовалась успехом и стала главной статьей Доманькиных доходов. Лежачие больные требовали исключительно Доманькиной простокваши. А умирающие (вот незадача!) обретали в напитке особенный вкус к жизни и, составляя завещания, вспоминали Доманьку.

Поздняя дочь Доманьки (ни от кого) вызывала в памяти физиономию Варьки или Аньки. От Доманьки в ней — ни черточки. Считали, что ребенок подкинут: то ли Варька в тюрьме произвела на свет, то ли Анька — тихий омут! — наблажила. Мы ничего об этом не слышали, хотя смутно догадываемся.

Дочь всех сестер Даша училась в университете. В родном селе ее не видели года полтора. Как-то, гуляя по Томску (а может, по другому сибирскому или уральскому городу — конкретных обозначений мы не намерены делать), Даша проходила мимо вокзала и нехотая столкнулась с цыганкой. Цыганка немедленно обняла Дашу и произнесла:

— Девушка! Тебя ведь Дашей зовут!

Даша вырвалась и пустилась бежать. В обществе она не пришла ни в этот, ни на следующий день, в аудиториях не появилась.

А помчалась Даша не куда-то, а в достопримечательную гостиницу у рынка. Прошмыгнула мимо заслуженного, но упорно невежливого швейцара Терентия, отрывисто шепнув: "К Алевтине!". В ту смену Алевтина и дежурила по коридору.

— Что с тобой, Дашенька? — обмерла Алевтина. И никто бы не открыл в коридорной мадам бывшую неудачливую абитуриентку: иранские ковры, финские диваны, уют, клиенты из номеров-люкс и такое, о чем рассуждать не принято.

Увы, Даша распрощалась с гораздо лучшим пристанищем. В бывшем доме купца Филиппова жила графиня Юсовская, владевшая когда-то территориями, откуда приехала Даша. Останавливались у графини ее земляки, даже те, кто грабил ее усадьбу, поджигал постройки, вырубал деревья в аллеях. Еле не дошло в девятнадцатом году до разбирательства: поджигатели едва не зажарили живьем отдохавшего в имении охотника, игрока, матерого революционера из дворян — их сительство товарища Белощекина. Приезжали теперь к барыне юсовчане, а кое-кто вымолил у нее защиту перед законом. Последний раз Даша была у графини на юбилее. Там присутствовали: прославленная артистка, престарелый член РСДРП, в дни оны беседовавший с Лениным, бывший секретарь обкома, отслуживший председатель исполкома, два полковника, действующие чиновники. Вели себя эти верхи общества не так смиренно, как крестьяне, но и не подобно обычным гостям. И артистка, и полковники клали локти на стол, звенели ложечкой о чашки; шумно прихлебывали; говорили "катáрсис", вместо "káтарсис", "фéтиш", вместо "фетúш". Графиня исподволь улыбалась Даше на ее вопросительные взоры.

Сидел в кругу гостей факир, парапсихолог — лицо неопределенной национальности: на четверть гуцул, на четверть лопарь, на восьмушку бербер — и многыя и многыя и многыя. Его зва-

ли Кир. Он сразу понравился Даше. Она временами взглядывала на него и чем больше взглядывала — тем больше вспоминала репродукции картин Врубеля. В голове всплывали строчки Лермонтова, совсем не связанные с обстановкой: "Я видел горные хребты, причудливые, как мечты", "Кочующие караваны в пространство брошенных светил". Лицо Кира сохраняло непроницаемость. Он походил и не походил на "мулата". В его очах проблескивала турнбулева синь. "Точь-в-точь, наверное, являлись миру учителя учителей, доантичные пришельцы с моря", — подумала Даша. И вдруг ее грезы поникли: на Кира без зазрения совести пялилась знаменитая артистка. Породистые ноздри артистки слабо подрагивали. В груди Даши похолодело. Артистка смотрелась на все сорок, но тягаться с ней Даша не могла и мечтать. Пусть артистка менее свежа, менее симпатична, не умеет правильно держать ноги и руки, ставит не те ударения. Даша почувствовала себя не барышней-крестьянкой, не барышней-студенткой, но крестьянкой-барышней, крестьянкой-студенткой. Или пропала выучка, которую она семь лет с перерывами получала у графини? Даша поймала финтифанты одной из полковничьих жен: полковничиха полуотверзла рот и, проделывая прихваченным со стены антикварным веером уморительные отвлекающие маневры, без конца то косила, то стреляла глазами в сторону гуцула-бербера. Вся ее душа словно устремлялась туда. Видя это, Даша чуть не усмехнулась, ей стало гораздо легче. На Дашу нашло еще озарение: милое выражение лица у жены другого полковника, черноволосой плотноватой особы! И эта! Но нет, нет! Зыркалки полковничихи были налиты смесью гнева, тонкого презрения, возможного

прощения. Вот оно что! В противоположном углу смазливый лейтенант Подберезкин слишком погрузился в развесёлую беседу с внучкой графини Стеллой. Даша тоже повеселела. "Кочующие караваны в пространство брошенных светил", — пропелось внутри нее.

Кир чаще молчал, но оживился, когда речи приняли неожиданный оборот. Кто-то из гостей поведал эпизод: недалеко от пограничного пункта некая дама не то превратилась в дым, не то растаяла. Остались от нее одежда и правая стопа. Таможенный чин запечатлел в памяти огромный лиловато-глазурный нос женщины... Среди гостей раздались реплики:

— Где контроль — там и мошенничество. Требовалось пронести запрещенное — служакам и показали для блокировки внимания фокус;

— Причем здесь фокус? Публикация была 31 марта — накануне первого апреля. Явно пахнет газетным розыгрышем.

В разговор вмешался один из полковников, военный юрист:

— Изредка человеческая плоть обнаруживает свойства льда и напалма сразу. Первые случаи связанного с этим исчезновения людей появились с завозом в Европу табака. Хорошо, сейчас перестали поджигать и ронять трут. Кожа выделяет пары горючей субстанции, но воспламеняются они с трудом. В семнадцатом веке исчезла леди Одиллия Тронквилл, стоявшая у камина. В начале восемнадцатого века после проплывания шаровой молнии истлел кавалер Месере де Ко. И не только с людьми происходит подобное: в 1911 году в Шлезвиг-Гольштейне это

сотворилось с мопсом, одетым в натуловищник. Мопс надавил зубами на капсулю пустой гильзы. Уцелели когти, сломанный клык и ткань — тело и скелет истаяли.

Полковник осмотрелся, остановил взгляд на салфетке и добавил:

— Аномальный эффект в том, что закрытый толстой тканью жир горит без кислорода при температуре горячей плазмы, испаряет кости и прочее. Но ткань почему-то не затрагивается!

Полковника перебили яростные спорщики: истаивает-де не тело, а его фантомы; сам организм лучше искать где-то в другом месте, а он может быть уже и мертвым...

Инициативой завладел Кир:

— Ученым удалось воспламенить завернутую в одеяла свинью. От свиньи почти ничего не сохранилось.

Затем слушали исключительно Кира. Он рассказывал закарпатские истории о вещах таинственных, но касались они не тела, а души. Посеяв небезразличие, он перешел к теории:

— Есть арифметика, алгебра и квантовая механика души.

И получалось по его науке: " $2 + 1$ равно 1, а $1 + 2$ есть 2; в человеке — масса душ; и существует в нем еще нечто: не одно, не многое, внебогое". Вскоре Кир приступил сеансу, а в качестве медиума пригласил Дашу.

Знает Даша, сидели все возле нее полукругом и твердила она в медиумическом сне, разное твердила. Завершился сеанс. Но все сидели полукругом и утешали Дашу, утешали. В чем утешали — и не поняла Даша. И успокаиваю-

щих слов не запомнила. Было у нее очень легкое настроение. Почудилось, будто она минуту назад бродила по небу, а потому и не заинтересовалась попыткой ободрения.

Месяца три протекло, как графиня уехала: то ли к детям в Москву, то ли к их бывшей гувернантке в Швейцарию. А захотелось Даше спросить, что стряслось в конце того вечера, что говорила она в медиумическом сне и чем разжалобила собравшихся. Теперь Даша загостилась на работе у Алевтины. Неделью жила то в одном, то в другом номере, листала подшивки журналов. Часы летели стремительно. В последний день решила запереться и никуда не высовываться. Раньше Алевтина предлагала Даше необычные способы постоянного поселения в гостинице, но и просто удержаться в ней больше двух суток Даше не удавалось. Выталкивало ее оттуда неизвестной силой. Да и не терпела она развеселых командированных, торговых воротил, их ловких экспедиторов, а особенно опасалась гостиничной администрации. Не всякий раз изыскивала фразы, которые бы оправдывали ее присутствие. И главное: не подвести Алевтину. А прикидываться подстилкой для Кавказа было неприятно. Пока всё сходило с рук. Но, увы, довелось столкнуться с заведующим филиалом и громилой-завхозом.

В тот неприветливый день, покидая гостиницу, Алевтина прихватила лишние ключи от Дашиного номера; кивнув, пробежала мимо опоздавшей сменщицы: подписи в журналах есть, всё в порядке. Однако сев в автобус, Алевтина чуть не хлопнула себя по лбу: не предупредила

недавно принятую дежурную о Даше. "А, ладно, сойдет!" — прикинула Алевтина. Сплошь заморочки. Целый клубок. Еще нужно успеть в консультацию. И из-за чего! "Вот дура!" — проклинала она себя. Надеялась, обойдется визитом к дружку эскулапу (она бормотала про себя "ескулапу"), без анализов и диспансера. В крайнем случае намекну на свои дополнительные обязанности. И у них есть комнатка, похожая на спецотдел. Пусть же ге бе сам идет в кэ вэ дэ!

Не прошло и сорока минут после ухода Алевтины, как в номер Даши вздумал ломиться задержавшийся заведующий. Не найдя ключей, зло распекая служащих, потребовал завхоза. Можно заподозрить, босс забыл в номере золото или уснувший во хмелю предмет сластолюбивых намерений. Завхоз незамедлительно явился и начал взламывать дверь, но почему-то неумело. Во время этой процедуры заведующий и завхоз басовито переговаривались друг с другом, иногда бросались солеными словечками, будто адресованными Даше. "Опять торчали за одним столом и опились коньяку!" — догадалась она и стала быстро одеваться для выхода на улицу. В ушах звенело. Одеваясь, Даша чувствовала: дребезжащая дверь и есть она сама, не дверь взламывают, а ее, Дашу. И разницы нет. Именно она, Даша, — проем, пространство для чужих грязных душ. Ах, медиум! Медиум! А засасывающая пустота в подрагивающем на стене зеркале! Что там прячется? Белесое. У зеркала — брак. Оно немного вытягивало или сжимало отражения, а сейчас серебристая поверхность то ширила, то плющила пустоту. Она умножала пустоту, и "Пусти ту!" звучало в зеркале, и

зеркало билось о стену, и пустота билась о пустоту. Не выдержав очередного резкого натиска на дверь, трясаясь от предощущений и страха, Даша распахнула примороженное окно. По лицу и ногам ударило волной холода. Вдохнув морозное "Пусти ту!", долю секунды поболтавшись с зажмуренными глазами на полуубранных вверх тен-тах-жалюзичках, Даша прыгнула вниз. Из окна четвертого этажа. Попала ли она на скат пристройки, спаслась ли иным образом, перепутала ли перед прыжком этаж по причине частых переселений — не нам судить.

Дней через семь Дашу снова видели в университете — в модных узорчатых сапожках, но с некоей радости без каблучков.

— Где ты пропадала так долго? — спрашивали ее. — Тебя искал какой-то корявый в голубых погонах. Донельзя наглый. Приходил сюда с горбатым монголом.

— Я была рядом. В соседнем городе за рекой. Жила в высоченном дворце с овальными окнами, — сквозь желание отвечала Даша и показывала направление.

— За рекой — ни города, ни зданий! Глухая тайга! А мост? И шпенька от него здесь нет! — возмущались студенты. "Спятила. Спятила. Офигела!" — решили одни. "Да она скрывает любовную историю!" — подумали другие. А совсем сдвинутые и обезбашенные, обмотали мозги лукавым телевизионным спагетти:

— Ты побывала у инопланетян на летающей тарелке. Отсчитай на всякий случай десять лунных месяцев. Не повредит!

С мнением о тарелке Даша не согласилась:
— Дворец на земле. В огромном городе. То, наверное, крупнейший город на планете.

Можно было поразиться тем переменам, что произошли в Дашиной комнате. Над кроватью Даши больше трех лет висела фотография в рамке. Верх искусства, музыка музык, а не двойной портрет с пейзажем. Теперь эта фотография сморщилась и почернела. Фигуры на ней переиначились. Там, где должна находиться тетья Миночка — красовалась цыганка, встреченная у вокзала... А вместо тети Варечки, да, вместо тети Варечки, стояла среди деревьев Даша. Боковину шкафа раньше подхорашивала познавательная картинка с изображением обитателей моря: над колонией гидроидных полипов реяла их свободноплавающая половая форма — медуза, левее ее располагалась личинка полипов, дочь медузы, — паренхимула. Половая форма оказалась перечеркнутой жирным крестом, а фрагмент плаката с личинкой оторвали. Похоже, наведывались какие-то гости.

Возникла еще заминка:

— Даша! А где твой черепаховый перстень с малахитовой бабочкой? — спросила соседка.

Даша посмотрела на безымянный палец левой руки и вздрогнула. Палец на глазах стал бледнеть и утончаться. Он вроде бы таял, подобно пальцу Снегурочки.

Подступила сессия. Экзамены понеслись один за другим. Вот финальный: физическая химия. Слушая ответ Даши, преподаватель приобнял ее за плечико. Потеребив, сжал его, по-

сле чего весьма плотно приткнулся дергающейся ляжкой к Дашиному бедру. Физическая химия — самый страшный экзамен из всех. Студенты были погружены в свои дела и ничего не заметили.

Весь следующий день, воскресенье, доцент кафедры физической химии провел в общежитии.

— Надо же! Ошивается! — подмигивали пятикурсники.

Но чем он там занимался — никто толком не рассказал. Утром доцента нашли в женской умывальной на куче грязных тарелок. В живот ему вдавили кухонный нож. С черенком! Лезвие ножа, по утверждению медика, найдено внутри грудной клетки. В той же умывалке увидели мертвецки пьяного вахтера, с предыдущей смены. В шевелюре вахтера скромно приютились осколки разбитой тарелки, отнюдь не летающей. Проснувшись в КПЗ, вахтер ничего не смог вспомнить. А попытавшись приподняться, закричал что мочи, притронулся к шишке на лбу и испустил дух.

Даши в университете уже не было. Спозаранку, в понедельник, она сидела в вагоне поезда, увозящего ее домой. Кое-как протянулись кислые двадцать девять часов дороги. С томлением на перегонах, пересадкой, просроченным пересохшим печеньем и чаем с привкусом битума.

Даша шагала по заснеженному пути. Хрустел тонкий зеленоватый ледок под сапожками. Из труб домов вился приятно пахнущий дым. По колеям скакали галки, суетились у паривших

разводов, оставшихся от свежевылитых ополосков. Откуда-то явился ослепляющий солнечный зайчик, мелькнув по лицу, исчез. У мостика под крутым холмом выпирала из снега и льда коричневато-желтая кольцеобразная будка без крыши. Она показалась знакомой, хотя построили ее в Дашино отсутствие. Дверь будки заграждала массивная зелёная решетка в форме бабочки. Правее, прямо на снегу мерцал ледяными иглами ярко-красный ковёр, доходивший до кренящегося черного сооружения, похожего на отвалившийся каблук. Оно раз в двести выше будки, но смотрелось ординарным и невзрачным — какой-то обгоревший перевернутый ангар. Над ним задумчиво проплывал бледный ангел с факелом и головой жука-могильщика. Даша фыркнула и отвернулась. Мир расширился. Она разглядывала полёты галок и дымы из труб. Всё-таки более приятное зрелище.

Пришло на ум случившееся. Даша не чувствовала за собой вины. Она лучше многих осязала обманные грани этой жизни. Недаром ей удалось посетить волшебный дворец. Мужчины — рослый и низкий — постоянно оказывались теми же. Уйди от одних — попадешь к другим. Всё равно: офицер с монголом, завхоз с заведующим или доцент с вахтером! Это могли быть и дружинник с милиционером, художник с музыкантом, электрик с водопроводчиком, фельдшер с дознавателем. Насильники, насильники! Она знала, кто они, она знала. Всегда моряк с фотографом, моряк с фотографом, под внешностью любых людей.

На факультет Даша не возвратилась. У Доманьки умерла Жданка, и теперь Доманькиной

пенсии не хватало на посылку денег. Зато стало меньше хлопот.

Жданка, погибая, едва не произвела на свет двух бычков. Даша чуяла, какие они бычки. Поэтому не очень плохо, что она выпала с этажа!

Удар о леденелые колоды битума не коснулся восприятия. Беспокойная душа вылетела до и после удара. И это были разные, сильно испачканные души родственниц, но — не Даши, не Даши! Её психея, чистая, белосеребристая, почти вся давно находилась там, куда тайно рвалась: в высоком дворце с овальными окнами.

2000 г.

ПУЗЫРИ НА СЕТЧАТКЕ

(мужской текст)

Время действия: начало 90-х годов. Актуальны воспоминания о первой войне в Персидском заливе. Неразрешенная неустойчивость в биосфере.

Текст. Трамвайное дребезжание. Рокот. Текст. Шестая планета двойной звезды в галактике М 40. Центр планеты — спрессованная до сингулярного состояния органика... Гм-м... Автор наврал. Возможны ли планеты у двойных звёзд? Если эта планета не искусственная, с искусственной орбитой? Трамвайное дребезжание. Край мутного неба. Ни одной звезды, ни одного солнца. Остановка. Створки с лязганьем открываются. Серые лица прохожих. Идущие фигуры без теней. Бледные лица детей. Муляжи. Симуляши. Наваждения. На бронированной двери казенного заведения привинченная болтами табличка:

САНИТАРНЫЙ ДЕНЬ

Мощные стальные болты. Крепкие замки. Не жалкие дверки почты или блинной, за которые по инерции дергают: "Что там? А вдруг?" Планета Земля исключительно тверда. Наверняка в этот момент вокруг ее ядра — твёрдая, подобная скорлупе ореха черепушка, а не булькающая магма. Куда исчезает энергия желаний, после их

торможения? В какие зловердные лучи она уходит? Нет намерения возвращаться назад. Тем более на противоположной стороне улицы не видно остановок. Парк. Заборы. Еще жива система двойной звезды в галактике М 40? Парк дикий. Заболоченный. Можно на расстоянии ощутить чуть ли не порами кожи снующих в нём комаров. Пронизывающий ветерок. Серые лица прохожих. Бледные лица детей.

Длинное здание. Надпись на доске: "Солярый". Распахнуто настежь. Указатель у лестницы: "Солярый на III этаже". В двухэтажном доме? Старая лестница. Второй этаж. Дух прачечной. Ступени идут дальше. Чердак? Надпись: "Солярый". Да будет солярый. Звон монет. Рука с серебристо-белыми лакированными ногтями подает защитные очки с привязанной к ним бельевой резинкой. Места обслуживания пустуют. С правилами ознакомлены? Да! Когда-то смотрел... Двойная звезда двухэлементного облучателя. На стене — тень, походящая на острую лисью морду. Не постичь, что отбрасывает эту тень. Заплескалось коричнево-фиолетовое море с зеленоватыми трубками в середине. Вычурные грубые очки: неровные стекла со свилью... Представим, рядом не облучатель, а солнце, несколько новое. К нему нужно повернуться спиной, иначе — катаракта. Обернулся спиной. Очки можно совлечь. Открыл наобум книгу, уперся в строчки. На природе, на жаре обычно читать не удастся. Светило бьет молотом по голове, пьет электронную плазму нервных клеток. А говорят: солнце, солнце! Намотайте на ус: источник всего — Земля, а не Солнце!

Итак... В результате небывалых магнитных бурь, вызванных потоками тау-частиц из галактики М 40, погибли все млекопитающие, кроме беременных самок. Дым пожаров господствовал над пространством. Радиоактивные облака от кое-где рванувших ядерных боеприпасов и атомных станций рассеялись. Автострады, забитые грудами помятого металла, потихоньку брала штурмом растительность.

М-м-м-м! Нетрудно догадаться, самки, по преимуществу женщины, наплодят нечто неизвестное. А то зачем эта история! Здесь до него дошло: проговаривает он про себя приватные мысли, но отчего-то не своим голосом, с чужой интонацией, с неестественной вкрадчивостью. В чем дело? Текст страниц через сто. Главная планета М 40. Датчики планетарных мозгов перегрелись. Континент грозит наползти на континент. Трещины тронули оптические луга. Стоп! Вот оно как! Свет лампы отражается в гладкой поверхности стен. Глянцевое покрытие. Ультрафиолет отражается от блестящих заворотов обложки, от страниц книги. Да здравствует катракта или что похуже! Стена почти зеркальная! С той же радостью можно пялиться и прямо на кварцевую лампу! Вон отсюда. Вон! И кому нужен допотопный солярий со стойлами! Мадам-оператор исчезла. Входит веселая компания желающих поджарить кожу. Горластые студентки обоего пола. Они не впервые, готовы занять стойла под кварцем без церемоний. Вон отсюда. Вон! Отсыревшие бетонные ступени лестницы. Шум улицы. Улица. Толпы уныло спешащих душу продать. А многие куда-то торопятся после свершения сего приятного акта — где тут

до горластого веселья ввалившейся в солярий ватаги! Пейзаж всё тот же, но микроожоги кожи преобразуют его в слегка иной. Иное добавляет и приближающийся закат. Горение кожи дает "горение" деревьям, заборам, зданиям.

— Пэ Аш! Галгаш! — вдруг раздается женский крик.

Вдогон Пэ Аш, выискивающему табличку с буквой "Т", двигается особа приятной упитанности. Ее сотрясают эмоции, но сотрясение выглядит у нее гармоничным, панорамным.

— Ах, это ты, О Аш! — наигранно изумляется Пэ. — В столь дичайших пампасах! — И не дожидаясь ответа:

— Поздравляю с успехом! — вспоминает Пэ Аш недавнюю выставку, корреспондентов вокруг О Аш, мелькающие яркие зайчики от имитирующих перпетуум-мобиле алюминиевых кренделей, атмосферу праздника, десятков всяких-разных таких-сяких картин, сотни три малярных изысков и, как ни удивительно, парочка нефигуративных шедевров. Карикатуры, бутылочные осколки, хвосты бомб в куче раскрашенных перьев и еще что-то. Последнее и было работой О Аш: висящие наподобие паутинок нитки, местами переходящие в четки, местами в лески с гигантскими блёснами, крючками, пластиковой рыбой, местами — в сети с грузилами, в радиоантенны... ...в укрепленные на изоляторах провода с сидящими на них птицами. На всем сперматические нити от жидкого пенопласта, стеклодувные микроорганизмы с ехидными улыбочками. Впечатление? Впечатление. Надо бы выразить одобрение. Интуитивно Пэ Аш развел, приподнимая вверх, руки, и

жест действительно вышел позитивный, без от-
тенков сомнения. С подтекстом. Но где же, черт,
трамвайная остановка? Иногда бывает: в одну
сторону есть, а в другую не предусматривает-
ся.

— Я — девочка спокойная, — прошептала
О Аш, вцепляясь в плечо Пэ Аш.

Аши, не сговариваясь, пошли вдоль солид-
ных наклонно настеленных бетонных плит, вы-
стилающих берег узенькой речушки. Непри-
нужденно притулились у них между автостоян-
кой и строительной площадкой с вагончиками.
Не успела О раскурить сигаретку, как откуда-то
выскочила полудворняжка-полуовчарка величи-
ной с борова. Впрочем, лишь центнера на полто-
ра. Медведедав встал в полуметре, издал свире-
пейший рык и оглушительно залаял.

Ясно, что отогнать зверя не удастся ни кам-
нем, ни палкой; лаять и ронять слюну он может
бесконечно, убегать не собирается. А угол ка-
зался почти укромным, с него открывался не-
плохой вид на противоположный берег с газо-
ном и рощицей. Выбредать для смены коорди-
нат поверху, натываясь на ржавые ограды и
колючую проволоку, нелепо, но еще нелепей
идти по узкой полосе, до которой не доходили
плиты. Полоса утопала в крапиве, поросла бо-
дыком и репейником. А по наклонным плитам,
наполовину скрытым под водой, мог разве про-
мчаться сумасшедший мотоциклист на прилич-
ной скорости. Даже балансируя, по ним не
пройти. О Аш указала на один из вагончиков:
дверь была заперта на щеколду, в ее ушках ви-
сел согнутый сварочный электрод.

Собака добежала за Ашами до ступенек перед дверью и внезапно отстала, словно вагончик ей не принадлежал. Не исключено, именно здесь зверюга многократно получала хорошую взбучку. В вагончике было чисто и ухожено. У окна — откидной столик, возле него — привинченная к полу табуретка.

— Я девочка спокойная, — протянула О Аш, усаживаясь на табуретку.

"Наверное, на шестом месяце, — подумал Пэ Аш, располагаясь на обитом тканью чурбаке, — излучение из галактики М 40 ей уже не страшно".

— Мнимая беременность, — заявила О Аш. — Возникла во время предмонтажа "Сетей". Я жила на границе Тверской и Псковской области. Пустынная территория, по-настоящему глухая. Никакой власти там нет, у людей — свои законы, большая часть домов разрушена, есть целые необитаемые. Брошенные, никем не охраняемые предприятия, превращенные в свалки. Масса хлама! А до поездки плакала и считала: нигде не найти промышленных обрезков.

Пэ Аш опять вспомнил инсталляцию "Сети", представил ее... Да-а-а! Он недооценил сей труд! Просмотрел, прошел мимо. В "Сетях" так и кричало нечто обочинное, забытое и, вопреки всему, новое, зарождающееся из самого себя. Пэ Аш почувствовал: на него наплывает тень сомнения. Всякое в жизни бывает, а если...

— Ты подозреваешь, меня там обработали чем-то усыпляющим и оплодотворили? Правда? Раз видимые и невидимые особенности бесспорны? Хочешь знать, ни малейшей беременности нет. Обойти всех профессоров невозможно, но тот, к кому записалась, ничего не обнаружил и объяснений эффекту не дал.

* *

Следующим утром Пэ Аш топал по другой набережной — набережной Мойки. Здания, прохожие выглядели необычными, что-то в них угадывалось не то. Пэ Аш начал внимательно смотреть на даму, которая двигалась навстречу. Она шла живо, но не за счет частого переставления ног, а благодаря ширине шага. При этом ее колени полностью не разгибались. Неожиданно на плечах женщины нарисовалось темное месиво, затем улетучилось: беспардонно пиляла мадам без головы. Через три-четыре мгновения голова появилась. Лицо у женщины было размытое. Вот вынырнул белобрысый парень. Когда парень оказался ближе, Пэ Аш заметил: у него два носа.

Из подворотни выехал "москвич" с иногородними номерами и, повернув, газанул, наплевав на знак, в направлении Невского. Пэ Аш успел взглянуть на номер, теперь со стороны багажника, а именно: на буквы "К" и "Т". Элементы каждой не пересекались... Там, где должны быть пересечения, зияла пустота.

А вот вывеска на стене дома:

БЕРИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
МУЗЕЙ ПЕЧАЛИ

ПЭ АШ прочитал еще раз:

БЕРИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
МУЗЕЙ ПЕЧАЛИ

В трамвае, где размещались одинарные сиденья, на третьем кресле — плед. Сверху на оконном стекле красовалось:

МЕСТО КОНДЕНСАТОРА

Перечитывать Пэ Аш не стал. Достаточно и того, что открывалось из окна трамвая, идущего с дозволенной скоростью километр в час:

АМЕРИКАНСКИЕ РЕСТОРАНЫ
БЫСТРОГО ЗАБЛУЖДЕНИЯ,

РЕМОНТ ЗООТОВАРОВ,

СОРИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ,

КАФЕ ЭКСПРЕСС-ВЫУЖИВАНИЯ,

ТИТР ЮНОГО ЗРИТЕЛЯ...

Вечером того дня Пэ Аш увидел табличку:

КНИЖНАЯ ДАВКА ПИСАТЕЛЕЙ,

а на стеклах другого магазина:

ЧАЙ. КОФЕ. ТРУПЫ.
ПОХОРОННЫЕ ИЗДЕЛИЯ.

Книга о галактике М 40 куда-то исчезла. В обновленную галактику превратился Млечный Путь, преобразились Земля и Петербург. Но несправедливо говорить только о городе или планете, ведь изменения коснулись фантазий и снов, а их астрономия-география никем не исследовалась. Где реют наши сны и грёзы — никто не знает.

Грёзы... Стоило Пэ Аш закрыть глаза или просто глянуть в темный угол — и сразу просыпалась микроскопическая круговерть. Да и без этого в центре обозримого почти всегда что-то крутилось, казалось раздутым. Смотрит Пэ Аш на любое плохо освещенное объявление, а центральные строчки его вспучены, и посередине — штуковина, смахивающая на водоворотили бешено вращающийся штурвал.

Со снами творилось невразумительное. Каждую ночь Пэ Аш снились клетки собственной сетчатки. То уменьшались, то увеличивались. Временами он не воспринимал их в качестве клеток. Начиная ощущать иное и примечал: улей, пчелиные соты. Вокруг ячеек вроде бы копошились полусонные пчелы, перестраивали их. И не вроде бы, а будто. Да и не будто, а действи-

тельно... Что же, если не они? Но вдруг и не насекомые?!

Потерявшие шестигранность срединные ячейки были расширены, некоторые из них двоились и словно бы порастали чужими измерениями. На месте матки в снящихся ульях находилось не похожее на пчел волосатое чудище. Оно с аппетитом пожирало рабочих пчел, если их так называть. Съедались пчелы всех возрастов и категорий: разведчики, добытчики, няньки, солдаты, строители.

В центре сота рано или поздно вырастала неправильная шестеренка. Она вертелась и размлачивала окружающие ячейки. Пэ Аш кинул взор в одно из помещений-шестеренок. И оторопел! Там выплясывало существо, состоящее из половины брюшка и пары ног. Существо садилось и вставало, садилось и вставало, протяжно изрекая:

— Тру-ту-ту-та! Слу-у-шай! Рав-в-няйсь! Смир-р-р-рна! Направ-ва! Шагом арш! В компьютер-р! О хо-хо-хо! В ксер-р-рокс! Смир-р-рна! Сто-ой! Стрел-лять ббуду! Направ-ва! Шагам парш!

"Ну и Шалтай-болтай! Хампти-Дампти! Свалился во сне! Собрала королевская рать!" — подумал Пэ Аш и проснулся.

Уставившись в пустоту, увидел: в центре поля зрения быстро крутится шестеренка. Медленное или частое моргание это наваждение не убирало. Чрезвычайный факт! Не в галлюцинации, а наяву. Но заняться им не удалось. Не рассуждая, Пэ Аш включил свет, приблизился к зеркалу и остолбенел. Что? Что такое?

Для верности вооружился очками — их он применял за отсутствием лупы. Но даже и очки показывали: кожа на лице стала остранинно свежей, нереально свежей. Свежей, как у эмбриона.

Опять? Опять то самое...И вспомнились почти забытые кошмары; неужели произошел сброс, аналогичный прежнему? Вылез еще один Гуш? Пэ Аш не мог подобного представить.

Впервые помолодение с ним стряслось три года назад — с месяц приходилось щеголять в гриме.

Да! Пэ Аш тогда помолодел, но тот процесс он наблюдал во всех фазах и подробностях. Он подъюнел, а под тополем возникла омерзительная тварь: Гуш... Гуш — обезображенный двойник Пэ Аш, трехметровая помесь бомжа с обезьяной.

Соответственно, Гуш уже — старая старость, он взял ее, сколько надо, сделался отдельной персоной. Пожалуй, молодить он не сумел бы. Должно завелся второй фантомас! Где он? Ни в комнатах, ни за окном никого не было, но Пэ Аш чувствовал, другой черный человек так вылез и неприкаянно бродит где-то недалеко.

Теперь Пэ Аш осмысливал себя новым Пэ Аш, чистым восприятием, без всяких пропастей, подсознаний и неосознанных фокусов. Некая бездна оторвалась и ушла гулять за роцу.

Второй фантомас не обнаруживался, и Пэ Аш ничего не оставалось, как отыскать коробку с сероватым гримом.

Тем же днем Пэ Аш довольно поздно выходил из офиса. Вместе с ним — и Пируват-дегидрогеназа, или в просторечии ПДГГ.

Над приоткрытой дверцей офисного автобуса ПАЗ вились клубы табачного дыма. Из нее высунулась голова шофёра Фуксинова и пьяно осведомилась:

— Не к метро ли направляются господа-товарищи? — добавив: — Если к метро, то и подвезти можно.

Фуксинов определенно навеселе, но ПДГГ и Пэ Аш согласились. Кадр слыл феноменом!

Автобус эн раз громыхнул на поворотах и оказался у метро, однако лукавый Фуксинов и не помышлял тормозить. "Прокачу до следующей станции", — пояснил он. Но и сию остановку благополучно проскочил. ПДГГ хихикала на ухабах и при резких маневрах, мимоходом наводила красоту, глядя в маленькое зеркальце. Эта игра ей явно нравилась. Понятно, бедовые рейсы она совершала не впервые. Справа нарисовались бревенчатые и дощатые дома с трубами — уютно вписавшаяся в город деревенька. Пэ Аш нарочито пожимал плечами, но сам всю дорогу думал об очередном фантомасе: "Избавит ли случай от нежелательных осложнений с нежданной эманацией?" "Тпру-у!" — закричала ПДГГ. ПАЗ лихо съехал с косяка и свернул с грунтовой дороги на выкошенную жухлую лужайку. Фуксинов передвинул незакрепленные задние сиденья, разместил там пассажиров; пританцовывая, собрал деньги. Затем устремился в винный магазин. От такой романтики Пэ Аш давным-давно отвык и, по-

хоже, выпал из одного мира и родился взрослым в ином.

Не прошло и часа после начала дегустации подозрительных жидкостей из бутылок с аляповатыми этикетками, как Фуксинов отключился. Его (авоськнув!) покинули. ПДГГ повела Пэ Аш через мостки и канавы. Он не сопротивлялся, хотя на метро еще можно было успеть.

ПДГГ выпила больше всех, назюсюкалась прилично, но на ногах держалась твёрдо. От нее веяло жаром, словно от печки-буржуйки. Восточная часть неба купалась в темно-синем, у зенита блудили сумерки, запад белел, а между западом и верхней марью струился всем известный несказанный свет. На осоке, камышах, тростниках тлели эфемерные отблески. ПДГГ достигла высоты экстаза и, шагая, подталкивала Пэ Аш к канаве с грязной водой, припирала его вплотную к краю. На краю Пэ Аш, конечно, остановился и ощутил на себе не горячий бок, а — сиськи ПДГГ. Ее лицо наплывало, в огромных глазищах торжествовала аномалия природы, именуемая жизнью. Пэ Аш не считался брызгой, но при огнях фонарей и заката заметил у нижней губы ПДГГ продолговатую ранку. Окружавшая ее розоватая сыпь очень не понравилась Пэ Аш. Досель он не придавал значения этим прелестям. Возможно, дефекты лучше прикрывала пудра... Тут Пэ Аш сообразил: гримом испачкает ПДГГ и разоблачит себя. Пэ Аш стал выходить из прессинга, пытаясь обойти ПДГГ слева. За ветками на противоположной стороне дороги блимкнула вспышка "По-

ляроида". Тип с фотоаппаратом отступил в глубь кустов. Съемка никого не напугала: мало ли шляется по окрестностям любителей художественной фотографии! А ныне незадачливому фотохудожнику не повезло.

Канава перешла в кювет. В нем валялись мертвые голуби. "Склевали протравленное зерно или крысиную отраву", — подумал Пэ Аш, но его насторожил сдохший кот, вцепившийся в шею голубя. "Что-то здесь не то!" — шевельнулось в мозгу Пэ Аш.

На повороте стоял фургон-тягач ГАЗ-66. На одной фаре торчала маскировочная насадка. Фара без насадки смотрелась голой. Удивительно, видеть среди луж и болот машину с военными номерами.

— А ты меня таки хотел, хотел! — возгласила ПДГГ, когда приблизились к ее дачке.

Не мешкая, они тронулись на второй этаж в сквозное восьмиугольное помещение. ПДГГ совсем забыла о Пэ Аш, начала, немного сюсюкая, здороваться с птичками в клетках, обрывать желтоватые пленки с розовых цветочков. Пэ Аш принялся осматривать необычные обои, сделанные из коллажированных журналов, но в двери показался бритоголовый мужчина в черной рубашке.

— Знакомьтесь, это Пэ Аш, это Глютатион, — произнесла нараспев ПДГГ.

После представления Глютатион и ПДГГ пустились обниматься и целоваться. Вскоре в другом проходе возник еще мужчина.

— Это Пэ Аш! Это мой муж, Силициум! — воскликнула ПДГГ, почти не разлепляясь с Глютатионом.

Силициум слегка поклонился; на нем фартук, измазанный алебастром, в руке сломанная маска идола.

— Не о-ля-ля! — выпалил Силициум, глядя на маску.

— Пэ Аш! Ты бы оценил, что за язвочка появилась на писке у моего мужа, — попросила ПДГГ.

Силициум чего-то засмутился и удалился туда, откуда вышел. ПДГГ с Глютатионом по-прежнему вели себя точно школьники или студенты-первокурсники. Им попросту не терпелось. ПДГГ вроде бы ненароком ткнула клавишу телеящика, схватила недопитую рюмку, влила в горло ее содержимое и потащила Глютатиона по левому коридору в апартаменты-буда-ры.

Пэ Аш выключил телевизор, изучил этикетку коньячной бутылки, стоящей рядом с рюмкой, и собрался обозреть достопримечательные обои, но различил слухом какой-то шорох. "Мыши!" — счел Пэ Аш. Крышка сундука, пристроенного у правого окна, рванулась, из-под нее вырос беловолосый малыш лет четырех.

— Сейчас мама залезет дяде Глю в тлусы! — ликующе возвестил он.

Опять раздался шорох. Взмыла крышка сундука у левого окна. Подобно табакерочному чертенку, выскочила беловолосая девочка лет шести с недовольным криком:

— Дуляк! Дядя Глю не любит тлусов! Он хиппует в юбке, а сегодня надел блюки. Дядя Глю — <.....> амфо<.....>.

Пэ Аш захлопал в ладоши. Bravo! Бис! Вот так концерт! И тут дети запрыгали вокруг него:

— А мы всё слышали! Мы знаем, кто ты! Ты — Пэ Аш, какаш!

Пэ Аш вознамерился в шутку отшлепать озорников, но хулиганистые дети ловко извернулись. "Что это?" — указал Пэ Аш на уклеенные коллажами стены.

— У-у-у-у! — приплюснув носы пальчиками, загудели дети и умчались на первый этаж.

Пэ Аш поспешил к коллажным обоям. Страницы журналов и газет просвечивали, располагались в несколько слоев и были, похоже, впаены в толстый прозрачный пластик, который Пэ Аш издали принял за лак. Пэ Аш сделал шаг вперед, полшага назад и сообразил: видимое в пластике трансформируется в зависимости от расстояния между глазами и стеной. А если чуть напрячься, прищуриться, то расстояние можно и не менять: то одно, то второе-третье будет проступать само собой. В углах страниц оттиснуты непривычные именованья: "Стрелец", "Эра", "Эпилог". Подвертывались и старые: "Радио", "Quantum", "The New Times". Но статьи и заметки оказались весьма фантастичными.

Говорилось не о путче 1991 года, а о некоем потче. Триста делегатов 2-го объединительного съезда непонятных ППФ несколько дней потчевали Горбачева, не в Форосе, а в Ново-Об-

гареве... Так и было напечатано: "Ново-Обгареве". Левее ютилась статья о перебежчике из СССР в США, из США в Ирак господине Э. М. — изобретателе молекулярного махолета.

На других стенах заинтриговали фразы:

Нападение иракского корабля
на Лос-Анджелес и Сан-Диего³

Молекулярная атака Ирака на Штаты

Сверхмолекулы вместо ракет!

Токсиногены вместо боеголовок!

Но вдруг безумное:

Хронотроника — тайное оружие янки!

Сновидения среди дня!

Берегитесь все!

И наконец:

Загадочные пульсации
в галактике М 40,

Мамай прогулялся
по восточным районам Псковской области?

К Пэ Аш подошли с разных сторон Силициум и Глютатион.

— Так, так! А он, хитрюга, видит... — пробормотал Глютатион. — С чем бы это могло быть связано?

³ Эти неточные предсказания возникли в том мире примерно в 1992 — 1993 гг. За восемь лет до...

— Исключительно со скошенным взглядом! — выразил уверенность Силициум. — Что со зрением?

Пэ Аш растолковал.

— Вещь мне известная! — прокомментировал Силициум. — Приходилось слышать о писателе Додосе Баксли? Крепкий фантаст! Кого-то склоняет к потреблению пейотля и мескалина, прочим предлагает ослепнуть.

Его книжечка называется: "Как вернуть зоркость", но лучше было бы: "Путь к слепоте". О дивный новый лир! Баксли заставляет лохов с целью-де лечения смотреть на солнце, а лохи не помнят правило: на солнце нельзя взирать и во время затмения. Но при подобной глупости есть защита: пялится человек на солнце, а у него веки сами собой сжимаются. А Баксли убеждает природную защиту снять: один глаз прикрыть ладонью, а другим впиться в светило — тогда зажмуривания не происходит и свободный глаз зырится аж до обугливания. И предупреждений об опасности опыта в книге нет; о тех, кто невнимателен, кто читает со скоростью пулемета или играет в очи-солнце через два месяца после прочтения текста, автор не волнуется. И даже сигнала "ОСТОРОЖНО!" не найти. Будто преферанс для баловства — и черт с ней, с защитой уничтоженной!

— Воззрился я на солнце, — оторвался от теории Силициум, — и словно впервые в жизни его увидел, оно сделалось совсем четким, и не разобрать: луна это или солнце, но понял: сфокусированное солнце без короны. А больше всего солнце походило на яичный желток. Всмотривался я и вторым глазом, а потом раз девять то

одним, то другим глазом, и мелькнуло в мыслях: солнце и есть око.

А следующим утром? Я шел по Ивановской и вдруг перевел взгляд на идущую навстречу даму. На плечах у нее красовалось мистическое темное пятно, затем дама стала безголовой, чуть позже опять проступило темное пятно, наконец появилась голова. Лица у очередных прохожих были размытые. Мимо меня проشمыгнул какой-то гопник бледно-сизый, и оказалось: у него два носа. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! О дивный новый мир!

— А кто мне пояснит, — вмешался Глюта-тион, — чем забывчивый или невнимательный отличается от недоумка? Откуда берется ересь? Недоумным может быть каждый, хотя бы изредка! Баксли с этим не соотнобразовывается, но у него есть и бóльшая ошибка: он судит по своим зенкам. А ведь он являлся почти слепым и невероятно близоруким. Лучи солнца не фокусировались на его сетчатке и не сжигали ее. Он мог таращиться на солнце сколько угодно! Солнце для него — не огонь пожирающий, но полезный рассеянный ультрафиолет!

— Успеем обсудить, — перебил его Силициум, — пора и честь знать! Идем вниз!

Внизу, перед накрытым столом, ПДГГ сидела на коленях у военного. Профиль последнего отбрасывал на стену интересную муляжшную тень. Верх тени скрадывала тень длани ПДГГ, лежащей на макушке военного. Отчего невозможно было уточнить: кого напоминает тень профиля: кота или зайца? Абрис лучше назвать и впрямь котозаячьим. Не зря в азиатских горо-

скопах кот и заяц — одно и то же. Но фейс у военного — обыкновеннейший, луноликий, той степени буддоподобности, какой много на Руси.

ПДГГ оперлась на подоконник, ловко выпихнула из-под себя служивого и, схватив его за запястье, отрекомендовала:

— Прапорщик Асидол-коэнзим Дэ, то есть просто АКЭД. Командированный. Это его зелёный шишарик стоит за углом.

— А что у тягача с фарами? — не то из вежливости, не то с пустобараха спросил Пэ Аш.

— Мелочи, — скромно ответил прапорщик. — На окружной базе кто-то проявил солдатскую смекалку. Я же действовал оперативно: теперь у вора парочки зубов нет. Насадку забрал, да без болтов, а мой водитель, ефрейтор, не нашел других для монтажа.

— Товарищ ефрейтор в кузове ночует, — заметила ПДГГ. — Он спит, а служба идет.

— Правильно! — принялся извиняться за служебное неравенство прапорщик АКЭД. — Спит и, кстати, несет охрану, а сон у него чуткий.

— Наклюкался твой ефрейтор, — едва шевеля губами, протянул Глютатион.

— Всё тебе шутки шутить, — отозвался Силициум. Сам-то не служил в армии. Сказал бы нам, почему белый билет купил.

— А зря не служил, — заметил АКЭД. — Мужчинами делаются только на войне.

— Мужчиной я себя почувствовал, лишь став <.....>, — карикатурно-драматическим

сопрано пропел Глютатион. Потом хрустнул огурцом и продолжил басом:

— Хорошо еще, имя не успел поменять на <....>. Ну, а полимерную <.....>. Зачем она мне? Фикция этакая! Не догадался сразу <.....>вать <.....>!

Глютатион расстегнул рубашку и продемонстрировал шрамы от грубо удаленной, без всяких методов косметической пластики, груди.

Прапорщик АКЭД взором полным безграничной брезгливости смотрел на Глютатиона, но это было, увы, смешно: круглая бабская морда прапора, с еле различимым ювелирным ротиком, выглядела издевательством над мужским полом рядом с легионерской физиономией Глютатиона. Глютатион словно не замечал закипающего зырка:

— Мне объяснили: сердцу и печёнке очень не понравился чужой пол. Организм — загадка! Вот и стартовал в неожиданном месте конвейер с мужскими гормонами, до того затарабанил, что мне захотелось вернуть назад бывшие на сбережении <.....>. Возвратил я их, и они пребойко заработали, но <....> и <.....> не убрал. Чрезвычайный случай в истории медицины, никому не известен... Вынужден огласить: и правда, имел тесные отношения с родственницей по материнской линии. Я о ней заботился, когда она умирала. Мое желание <...-.....>, часто сильное, стало ей ведомо, — она и за<.....> мне <.....>. А теперь я научился быть йогом: включаю в себе то <.....>, то <.....>, а иногда — и то и другое одновременно. Уверен, сумею <.....>. Разве <.....> от меня, как от козла.

Прапорщик молчал, его лицо мрачнело и пунцовело. А под конец обрело серый цвет.

— Да! Мужская задача — воевать, — проигнорировал его реакцию Глютатион, — но также владеть отвёрткой, пассатижами, гаечными ключами. Такое владение больше походит на мужское дело. Даже в этом есть губительное. Ремонтируют — разбирают, почти ломают. Строят дом — срубают лес.

— Главная мужская потребность — уничтожать слишком быстро плодящееся человечество, — изрек Силициум. Женщины плодят, мужчины убивают. Всё справедливо! Ежели неудачливое человечество будет практически искоренено, горстке выживших могут понадобиться и <.....>. Как запасной вариант. У деревьев припрятаны спящие почки. Эти почки способны проспать сотню лет, но после спиливания ствола они просыпаются и дают ветви.

АКЭД не слушал, он был погружен в свои мутные мысли и машинально играл бокалом. Военного обуревало беспокойство. Вдруг бокал в его мощной пьяной руке треснул. Прапорщик раскрыл ладонь и стряхнул с нее осколки. На толстой желтой коже не оказалось повреждений.

— Кто у нас йог! — радостно и громко воскликнула ПДГГ.

— Воякам пора спать, — заметил Силициум. — Подъем ранний!

— Да! — отозвался прапорщик и отправился в отведенную ему комнату. У лестницы он оглянулся. Не иначе надеялся: ПДГГ его проводит, или еще на что. По лестнице он шел уже вяло и неохотно.

— Не молекулярные ли махолеты возит этот прапорщик? — поинтересовался Пэ Аш.

— Куда ему! — ответил Глютатион. — С махолетами цацкается мой дружок, Экаарсеникум, он же прославленный Эдик Мышьякович. Где он теперь! Может, вообще в пространстве комплексных чисел. Долетался! Домахался!

— Вот тебе! Вздумали махолетами сокрушать планету! — отозвался Силициум. — Плесень, именуемую жизнью, ликвидирует только эта штука, — он кивнул в сторону дырчатого агрегата, похожего не то на электрическую сирену, не то на две двойные спутниковые антенны, соединенные вогнутостями: одна дырчатая сфера внутри другой.

— Антенна-модулятор. Наделяет самые обычные короткие и средние радиоволны свойствами жесткого излучения. Есть сходство с ускорителем частиц.

— Ха-ха-ха! — засмеялся Глютатион. — Исчезает твое жесткое излучение в микросекунды. Счетчики радиоактивности не успевают работать!

— Не от его ли опытов в канавах валяютсядохлые коты и голуби? — спросил Пэ Аш.

— От моих, — поправил Глютатион. — Зачем мучиться с какими-то махолетами, когда существуют голуби? Если кумекаешь, покрути голубя на центрифуге, сколько потребуется; стабилизируй его состояние биохимически, поставь чип с ампулой для увеличения дальности — и птица устремится в заданную точку земного шара. Кассеты с микрокапсулами много места не занимают, а что в эти капсулы залить — в наличии. Хватит и восьмисот голу-

бей: нужны четыреста основных и четыреста дублёров.

— Фантазии! — подернула плечами ПДГГ. — А у прапорщика в фургоне — настоящая ракета "Земля-воздух", компакт, но увесистая, умудряется даже сбивать межконтинентальные. Мне ефрейтор ее по секрету показывал.

— Ту, которая в галифе! — отозвался Силициум. — А про штуку "Земля-воздух" мы в курсе. Она без боеголовки.

— У АКЭДА ракета без боеголовки, а у Глютатиона голубей в голубятне семнадцать, а не восемьсот! — отпарировала ПДГГ.

— Откуда ты знаешь?! А ну, есть еще голубятня, не стендовая, а настоящая, где боевых голубей — тысяча? — возмутился Глютатион.

— Боевой голубь мира! — изумился Пэ Аш. — Плюс два агрессора в одном доме!

Силициум с Глютатионом хмуро переглянулись и уставились на ПДГГ.

— Ты — первый агрессор! — воскликнула ПДГГ. — Я подсмотрела, с какой рожей ты просматривал под столешницей книгу про галактику М 40. Чуть-чуть полистала, б-р-р-р! — так и ударило по мозгам!

— А мы с Глю в Боткинских бараках стусовались, — пояснил Силициум. Недели три провели рядом — по городу грипп ходил: не то "Гонконг", не то "Сидней". Небось "Гонконг". Нам его китайцы — шучу, конечно — на своих любимых уточках запускают. Общались мы, короче, с Глютатионом весьма плодотворно, но о главном — ни гу-гу. Глю, после того, как выписался, зашел на полчаса. (Там была легендарная дыра в заборе. Через нее люди шастали,

о проходной не помня.) И не поговорили — внимание Глю привлек левый больничный корпус, а на нем — какая-то красная надстройка, похожая на трубу океанского лайнера. А кабы на крыше корпуса, дескать, размещалось абсолютное оружие, способное уничтожить всё, а у тебя в распоряжении — кнопка, нажал бы ты на кнопку? А нажал бы, — ответил я. — В тот же миг, не размышляя.

— Да и я бы нажал, — бросил Пэ Аш. — У меня несколько раз возникало ощущение: планета обнулена до сердцевины. Словно надавил кто-то Reset.

— Подобралась компашка! Вот компашка! — запричитала ПДГГ.

— Предположим, ты, Глютатион, и ты, Силициум, — продолжил Пэ Аш, — уничтожите не природу, а всего-навсего человечество. Вы полагаете, затем сможете разгуливать повсюду, как Робинзон с Пятницей по необитаемому острову, наслаждаться свободно свисающими плодами и растопертыми складами? Вы так мните? А я не верю в робинзонов. Вас сожрут привидения.

— Н-да! Нечаемый оборот! — отозвался Глютатион.

— А я умеренный нигилист, призраков отвергаю, — отрезал Силициум.

— Да иди ты со своим нигилизмом! — воскликнул Глютатион. — Привидения у Пэ — только удобоваримый пример, обозначение чего-то неизвестного. Мы очень интересные особи, любой из нас выдюжит сколько угодно в космическом корабле или камере-одиночке, когда корабль и камера просторны и набиты всем, чем надо. Кстати, к эйдетикам и слабакам духи мо-

гут хлынуть и не в сурдокамеру. А если на Земле исчезнет человечество? Свято место пусто не бывает!

— Ну, скажем, разумные пауки не выползут, — начал вслух соображать Пэ Аш, — но не будет ли это подобно... Тьфу! Едва не забыл: а коллаж-то наверху! Потеха! Кто догадался скрестить придурные журналы с настоящими?!

— А придурные ли? — ехидно изрек Глютатион. — Для проевхаристивших макулу и чудом не ослепших, не дополнение ли? Я-то другое причастил. А Баксли не так уж и незадачлив. Хитро на вербовал адептов! Де глаза и мозг — препятствия, редукторы, а есть байпасы прямой реальности. Редукторы, мол, и существуют для извращения истины.

Раздался шум: по лестнице загремели сапоги прапорщика. В его руке горел огромный электрический фонарь.

— Ищу Человека! — захихикала ПДГГ. — В освещенной комнате!

— Не спится, — пытался оправдываться АКЭД. — Пойду проверю, как мой солдат в фургоне.

Прапорщик вышел. Воцарилось молчание. Никому не хотелось крутить пластинки предыдущих разговоров, каждый думал о чем-то своем. У входа кто-то сильно застучал. Дверь распахнулась — вбежали четыре облезлые бродячие собаки. За собаками нарисовались два господина в черных шляпах а-ля Раскольников.

— Приветствуем честную компанию! — дуэтом пропели они и отвесили мушкетерский поклон. — Брели по дороге, наткнулись на топтунов с пистолетами, — уже вразнобой загалдели

вошедшие, — потом увидели у вас свет и полураскрытый тамбур. Заскочили на всякий случай с этим эскортом.

— Поэт Эн два О и критик Эс О три, — представил Силициум. — Эн два О убаюкивает, а Эс О три бьет без промаха. Работают на пару.

— А собаки — прозаики? — не удержался от иронии Пэ Аш.

— Ну зачѐм так? Зачѐм? — подогнав кавказский акцент, возмутился критик. — Мы б'ѐм только лытэраторов... А собаки — драматурги. У них в нынешнем году жизнь собачья — они в собак и превратились.

— За ругательства больше в театр не попадете! Достанется вам на... — не успела закончить ПДГГ. Поэт и критик тут же ею завладели:

— А Пируватиков мы не бьем, мы ПДГГешечек целуем, — засюсюкали они и с разных сторон защекотали усами щеки ПДГГ.

От объятий, поцелуев, тормошений, пожиманий и похвал ПДГГ расцвела как никогда за вечер, а может быть, и за неделю. Сияние, сияние стало исходить от ПДГГ.

Вдруг все заметили: на пороге стоит оторопелый прапорщик.

— Иди сюда, служивый, — поманил Глютацион, — выпей со мной на брудершафт, не мешай господам писателям развлекаться.

Силициум тем временем принялся выгонять шелудивых собак.

— Мы устроили променаж, — объявил Эн два О. — Сегодня день рождения у Спиритуса Виникуса, Этанолуса Ректификатуса. Идут тан-

цы лучше любого бала. Имею право пригласить.

Мужчины отнекались, но ПДГГ, конечно, обрадовалась. Она лишь минутку покрутилась у зеркала — так ей не терпелось.

Литераторы и ПДГГ ушли.

— Союз писателей ПэДэГэГэшку увел! — возмущенно заорал прапорщик.

— Молчи, АКЭД, — демонстративно прошептал Силициум. — Она — наше главное биологическое оружие. И вообще: бай-бай!

* *

Утром на оттоманке в восьмиугольной проходной комнате Пэ Аш проснулся от каких-то стуков. Дети прыгали на сундуке, глядели в окно и гомонили:

— Лакета! Лакета! Дядя великан лакету несет! Великан лакету несет!

"Что? Что? Гуш ракету тибрит? — пробормотал спросонья Пэ. — Достукался! И посторонние его видят!

На лице Пэ Аш не было грима. Он надеялся, роль грима сыграют следы бурной ночи и отросшая за сутки щетина. Пэ приготовился к продлению сна, но минут через десять пришлось повторно очнуться от стуков: на сундуке теперь у противоположного окна прыгали дети:

— Дядя плаполсик ефлейтола бьет! Плаполсик ефлейтола бьет!

Из-за окна до Пэ Аш долетели резкие крики:

— Совсем спятил! Отправился с утра к пивному ларьку! А если приспичило, сказал бы мне, а затем топал! Ты чего? Первый год служишь? Я тебе бóшку размолочу, прежде чем под суд пойду!

Покидая гостеприимный дом, Пэ Аш уловил еще голоса: возвратившаяся ПДГГ где-то наверху убеждала прапорщика:

— Да не плачь ты над дурацкой отремонтированной ракетой! Мафии от Кенигсберга до Владивостока в кулаке у Силициума, то есть, правильнее, у дона Сицилиума. Отдадут назад тебе ракету на блюдечке с пятизвёздочным кружочком! Не смотри, что мы просто себя ведем — не такие мы уж простые. Если потребуется, тебе и новую ракету отгрузят. Номер, какой надо, на ней отштампуют.

* *

Пэ Аш брел среди чахлах рощиц и канав. Метрах в сорока от дачки ПДГГ он обнаружил на корявой березе наведенную на него телекамеру. Пэ Аш постиг: за ним шпионит не только она. "А я-то считал Гуша придурком! — подумал Пэ. — Обставил фантомас сицилийских специалистов, протащил железяку. Но не в металлолом понес он ее! Куда? Душа собственного двойника — потемки!"

Пэ Аш двигался по лесопарку и внезапно ступил вон с пути. Невнятная сила не давала ему идти прямо. А между деревьями, появился второй фантомас, но не того пола. Навстречу Пэ Аш по соседней дорожке стремительно шла трехметровая женщина с лицом, занавешенным

темно-русыми волосами, в рабочем халате с символами на лацкане:

$$pH = 14,$$

в резиновых сапогах, с кувалдой в одной руке и мотком толстых электрических проводов — "баранкой" — в другой. В мозгу Пэ Аш ясно прозвучало ее имя: "Эвека".

Эвека успела глянуть в сторону Пэ Аш. По тому, как быстро она отвернулась, Пэ Аш понял, до этого она избегала его. Судя по походке, по стройности скрытой под халатом фигуры, по лицу, которое при повороте головы возникло на мгновение из-под волос, промелькнула не старуха, не пожилая. Ей почему-то нужно было здесь пройти, она чувствовала: в этой точке обязательно найдет Пэ Аш и занавесилась волосами, поскольку хотела увидеть Пэ Аш, но сама не желала быть увиденной.

Причиной таинственной скромности Эвеки Пэ Аш не взволновался и не намеревался о ней думать. Удивился он иному: фантомаска отнюдь не малоприятная сморщенная и согбенная старуха. Что? Что на нее сброшено? Проблема! В течение доли секунды промелькнула догадка, но тут же исчезла, не оставив воспоминания.

И тут Пэ Аш спросил себя: "А на кой ляд ей кувалда и провода?"

Минут через тридцать или меньше — не всегда время выверено — он вдруг услышал шум и страшный грохот. Ветер пригнал запах гари. Переходя промышленную железнодорожную ветку, Пэ Аш уперся взором в давно бездействующую водонапорную башню: вершина башни отсутствовала, а сохранившийся ниже край рас-

калился, переливался цветами от пурпурного до белого, а кое-где смотрелся полупрозрачным. Пэ Аш подошел: вроде бы верхушка расплавилась, превратилась в стеклоподобную массу. Эта масса, словно вулканическая лава, заливала подступы к сооружению.

Полтора десятка зевак рассматривали последствия происшествия с неподдельным интересом. Слышались вопли чеканутой бабки:

— Голуби, голуби! Убили голубей! Держали скупердья взаперти! Не давали полетать! Ою-ю! Гули мои, гули!

Пэ Аш приблизился еще и глотнул пронизывающее дыхание пекла.

— Какие голуби? — осведомился он у хмурого пенсионера, с опаской пытающегося поддеть застывающую лаву клюкой.

— Снимали башню под голубятню, а баба Стеша чистила клетки, — заявил пенсионер и, матерно ругнувшись, начал тушить загоревшуюся клюку в луже.

— Вот чума! — воскликнул стоящий слева молодой человек, указывая на обломки. — Шарахнули ракетой по башне!

— Вон откуда пустили, — протянул руку другой молодой человек, — с крыши трансформаторной будки. Дверь в будку снесли кувалдой, подсоединили для старта провода, а вместо боеголовки, говорят, прикрутили шашку, похоже, термическую.

— Я тоже шутовину на будке заметил, — отозвался третий молодой человек, — но решил, электрики мудрят.

— Умники! — со злом в сердце изрек пенсионер. — Ракету видели! И провода! А тех, кто барабах подстроил — нет! Само кино сыгралось! Таки мультик о шапке-невидимке!

Не протекло и часа, когда Пэ Аш, наконец, попал домой. Там его властно и требовательно стало клонить ко сну. А обошлось без бессонницы нынешней ночью! Пэ Аш понял: никакой чай, никакой кофе не взбодрят — и прилег на диван. Зажмурился. И перед ним возникли Гуш и Эвека. Под... высоковольтной ЛЭП. На этот раз лицо Эвеки не занавешивали волосы. Пэ Аш постиг: в нем что-то не от мира сего! У Эвеки не было глаз! Ее лоб переходил в щеки.

Да-сс, фантомасам глаза не обязательны, их зрение иное. Эвека подготовила тонкую проволоку с привязанным камнем, потом взяла его и бросила в сторону ЛЭП. Снасть зацепилась за второй сверху токовод. Искра! Гуш и Эвека испарились. Освободившаяся проволока коснулась провисшего заземления, вспыхнула. Камень свалился. Пэ Аш продолжал некоторое время наблюдать огромные стойки и провода, он даже отчетливо слышал потрескивание.

Картину перебил телефонный звонок:

— Пэ Аш, ты не приедешь ко мне сейчас на Мойку? — раздался в трубке голос О Аш.

— Сегодня не хотел бы.

— Но я звоню не с Мойки. Боюсь туда и нос сунуть. Ты бы посмотрел еще на мои "Сети"...

— Увы! Всё смешалось в доме бомонском. Дам и художества уже не могу оценивать. Зен-

ки мои внезапно деградировали. Старухи им рисуются тётками, тётки — девушками, а семнадцатилетние — зрелыми женщинами. По крайней мере, здесь поправят. Возможно, с отсечением головы. Но ка-р-ти-ны, скульп-п-ту-ры... Корректив не вижу. Бог втемяшит, как они представляются здоровому взору? А оптика искажает.

— Не надо! Не надо оценивать! Дело гораздо хуже! "Сети" раскидывают вокруг поле беременности. Кошка залетела без кота, морская свинка — без свинов. А соседку я еле уговорила отодвинуть кровать от стены, и у нее стало пузо надувать. Вдали от "Сетей" ненормальности исчезают, рассасываются.

На набережной Мойки Пэ Аш обратил внимание на свою тень: не так с ней... Он обернулся и различил в витрине отражение своего плеча и части спины. И в тени, и в отражении спины, а преимущественно в витринном хребте, да, именно в хребте виделось что-то не то, не от него, Пэ Аш. И Пэ Аш сообразил: в нём родился второй Гуш, в нём родилась вторая Эвека. Они растворились в его плоти и в тех тонких фибрах, которые за ней спрятаны. Пэ Аш не смел думать о том, кто они, но ощущал: они не ангелы-хранители, не паразиты и не дурацкие подсознания. Они свободны от рефлексий. Он мыслит, а они создают, перестраивают события, перекапывают историю, для них нет будущего и прошлого. У них — другие законы. Сколько бы ни казались эти сущности близки, они чужие, в них чувствуется посторонность. Пусть разорвать с ними связь невозможно. Сверх того, не они твоя тень, а ты тень их.

Вскоре Пэ Аш стоял возле "Сетей". "Сети"! "Сети"! Сети-сети... нити пенопласта, металл, дерево, сварка, клейки, пластиковые рыбы, плюшевые пауки, стеклянные микробы...

Пэ Аш достал из кармана лорнет — неделю на всякий случай носил с собой — и навёл сначала на О Аш, чем вызвал ее неудовольствие, а затем — на центр "Сетей". В "Сетях" запуталась пластинка сот. Средние ячейки пластинки неправильны и укрупнены. Их защищала какая-то непрозрачная пленочка. Пэ Аш попытался вскрыть ножом самую большую ячейку. Из нее донеслось шипение. Там что-то хлопнуло, точно пробка, вылетающая из бутылки шампанского.

Из ячейки выскочил Хампти-Дампти — создание из половины брюшка и пары ножек. Хампти-Дампти приходил в себя, собирался с силами. Пока их хватило только на прыжок. И всё же в нем угадывалась безграничная мощь, мощь грядущая. Пэ Аш по привычке скосил глаза: Да! Организм был необыкновенным и теперь не выглядел разжиженным шалтай-болтаистым фрагментом насекомого. Его полупрозрачные покровы являлись одновременно экранами, в коих разворачивалось то, что и в волшебном сне не приснилось бы господам-сюрреалистам! Пэ Аш видел и через экраны: дрожащая на полу тварь — завод с триллионом конвейеров. Перед Пэ Аш рисовалось будущее без солнц, планет, океанов и гор. В нем жизнь не отчленилась от ее окружения: деление на разумные существа и предметы, существа и природу попросту отсутствовало. Пэ Аш еще многое узнал бы...

Но О Аш сделала па ногой и размозжила Хампти-Дампти. Совершённое не постигалось:

— Как ты посмела! Ты убила целую цивилизацию!

— А на черта мне эта цивилизация! Не нужна она мне!

— Объясни.

— Кошка спала у "Сетей" и больше всех прихватила! Разрешилась она! Опросталась! Букачуками! И спровоцировала цепную реакцию!

О Аш подошла к окну и указала на набережную. По тротуару топали жуткие субъекты: не то агенты, не то клерки. Целая толпа. В черных прямоугольных туфлях, с портмоне, в ядовито-зелёных пиджаках, канареечных галстуках. Мельтешили причёски-ёжики, квадратные подбородки и соответствующие последним специфические скулы. Пэ Аш понял: идут не люди.

— Откуда?! Откуда они вывелись?! — кричала О Аш. — Раньше их здесь не было!

— А кто мы? — выдавил из себя Пэ Аш.

ХЕПШИ-ЭНД

Бактолбин был крайне неразвитым человеком. Он не поддавался бодрозу, да и сам не бодрозировал, а потому, часто пребывая в бедственном положении, не мог прибегнуть к помощи посторонних. Как он выжил и дожил до 29 солнцелет — загадка.

Удивительно, но Бактолбин справлялся со своими двумя лошадьми и зарабатывал подвозом публики к космофелю, находящемуся в четырех стадиях от города.

Подвозил он иносистемников и звездотрейнеров нерейсовых кораблей. Коренные жители и те, кто о нем слышал, не рисковали прибегать к его услугам, но всерьез ждали, когда произойдет неприятность с Бактолбином, его лошадьми и пассажирами.

Из-за бодрозоустойчивости он оставался безграмотным. Не умел даже писать и считать. Ходили слухи, будто его клиенты не получают сдачу. В харчевню, лавку и иллюзиодром Бактолбин не наведывался без мыслящего за него домпьютера. Интересно, зачем понадобился Бактолбину иллюзиодром? Стримы там основаны на неклассическом бодрозе. Говорили, Бактолбин носит в кармане не домпьютер, а запряженный межгалактическими нормами гип-

нодетектор. А если лошади Бактолбина ненастоящие? Они не посещают зооклозеты, не пахнут лошадьми и не впрягаются в ландо сами. Сколько ни смотри — на них не увидишь подков, датчиков и слепней.

Кроме того, к карете Бактолбина и взаправду прикреплено пятое колесо. Обычное колесо, которое волочится по земле. Зато другие колеса ведут себя абсурдно: они крутятся... Кто не наблюдал, тот не поверит.

Если бы Бактолбин был мало-мальски образован, то он наверняка бы знал: колесо — на то и колесо, чтобы не крутиться, а крутящееся колесо — зрелище глупое и нереальное.

В некие забытые времена людей, подобных Бактолбину, обвиняли в нарушении законов природы и варварским способом лишали их жизни: недопуском к горевшему в храме костру. Души недопущенных к пламени постепенно остывали и с неописуемыми муками отделялись от тела.

В текущую эпоху все согревают душу, прибегая к услугам электрического стула. Базовая свобода личности в нашем обществе — это свобода сидения на электрическом стуле. Вряд ли можно придумать более гуманусный обычай.

Но с возникновением такой традиции начали возрождаться гены индивидов, называемых чудееми. Бактолбин, увы, не пожелал стать чудеем официальным.

Однажды он повез к космофелю коммивояжера, специалиста по рекламе зубных расчесок. Дела этого макломэна обстояли до слёз плохо. Его фирма настолько разбогатела, что лопнула

и пошла метастазами по вселенным, а на него самого свалилось невероятное количество заказов. Потому мученик решил спешно бежать из города.

Будучи человеком, не улавливающим боо-поля, Бактолбин ничего такого не ощущал. Весьма бестактно он внезапно вспомнил, что зубы его лошадей давно не чесаны. Ландо летело со второй сверхсветовой скоростью. Коммивояжер по привычке показал спину, схватился за колесо, и карьера Бактолбина как извозчика прекратилась.

Муниципалитет повысил его в звании и предоставил ему пост Главного гребенщика. Вместо гребенки Бактолбину надлежало пользоваться колесами, снятыми с кареты, а потому его правильнее теперь называть не гребенщиком, а колесовиком. В обязанности Бактолбина входило вычесывать, проще говоря, колесовать лучших граждан города для поддержки в социуме нужного среднестатистического штамба. Избавляться от них путем отмены электрического стула ныне непозволительно.

Не обладая боо-полем установленной ройности, Бактолбин к новой миссии отнесся преступно: он колесовал не того, кого надо. А поскольку это заметили архипоздно, город стал патологически процветать.

Соседние, менее процветающие города спешно приняли меры, чтобы хоть немного себя обезопасить. Беспощинно и на прочих льготных условиях городу предоставили брила и мотро-

шила, кокили и стили, а городские прокрысленники без всякой причины получили бесчисленные выгодные предложения.

Город вырос в два раза, а уровень жизни его населения оказался выше, чем на райской планете. Истинная катастрофа! Жители нашли себя глубоко несчастными. Их души абсолютно охладели и никак не согревались ни электрическими стульями, ни печами крематориев. Город находился на краю гибели и спасся от ужасов коллапса только чудом.

Началось с того, что Бактолбина похитили и утащили в другой мир мохноосьминогие космические зашельцы. Депутация разумных свиней из туманности Сципиона-Цепадориуса съела в мэрии лучших людей города, а сам город затопили инженеры в результате удачного недосмотра при строительстве гидротехнических сооружений.

Благодаря такому повороту событий, жители города чувствуют себя чрезвычайно счастливо. Они живут в свайных хижинах, не знают ни дорог, ни космофеля и питаются исключительно одними головастиками.

ДА-А!

Первый зеленый появился на станции Полуянь, близ Болуховска. Человек этот ходил нагишом, питался глиной и мелом. С удовольствием грыз поджаренную на противне гашеную известь и запивал ее маринадом. Вместо горчицы использовал ил. Свежий ил, предлагаемый для смеха, брать отказывался. Выковыривал особый — из глубины дна пересохших озер.

Потом сразу восемнадцать зеленых индивидов припожаловали в село Сельцы Краськовского района. У них не было ни мужского, ни женского пола — самостийная перманентная беременность. В силу названного обстоятельства зеленчуков быстро сманили цыгане и куда-то увели.

Когда число зеленых персон перемахнуло за тысячу, многое прояснилось. Их образ жизни раскусили все. В конце августа зеленчуки перестают есть, но от этого не худеют, а, наоборот — стремительно умоощняют свой тук и скорость обращения хлорофилла. После чего необычные обитатели Краськовского района испаряются и, превратившись в облака, улетают в Австралию. В мае они возвращаются на

полюбившиеся им карьеры, крутые берега рек и овраги.

Однажды живущий в селе Сельцы дурачок, по прозвищу Куматёк, брел просекой и гнуса-во напевал песенки. У него была и очень странная песня. Принявшись за нее, дурак уже не мог остановиться.

Он пел:

— ...я маленькая камне-Ежка...

я мА-ленькая камнеежка...

йА-а маленькая камнеежка...

С меняющимися интонациями, мелодиями и подвываниями.

Куматёк свернул с дороги налево к гряде валунов, покрутил средними пальцами рук у вишневого камня, затем принялся его уплетать, да так, что хруст пошел.

Эту несуразицу и подсмотрел старик Дульдюков, ломавший неподалеку ветки ив для забора. Дульдюкову захотелось второй серии. Она не медлила. Дурачок разделся догола, сел на освещенный солнцем валун и начал зеленеть.

Дурак есть дурак. У него всё можно спросить. На следующий день к Куматьку подкрались три молодые железнодорожницы:

— Тек-Тёк! Для чего зеленку выпил?

— Не-е-э! — сказал дурак. — Я зеленку не пил.

— А чего зелёный?

— Не зелёный я, а красный, — обиделся дурак.

— Красный?!

— Знамо, красный! Совсем ослепли? Видите, загорел!

— Вот дурак! — хихикнули девки. — А небо какого цвета?

— Ну, даете! — Желтого. Желтое небо, желтое!

— А трава?

— Трава? Обычная! Розовая!

— Га! Га! — загорланили железнодорожницы, схватились за пузечки и пошли кататься по лужайке. А самая толстая нечто выпустила в юбку и чуть не испачкалась по-большому.

— А мальчик от девочки чем отличается?

— разгладив амуницию, спросила толстуха.

— Ничем, — спокойно ответил дурак.

— Будто?

— Тут-то! — заявил голый дурак и раздвинул ноги.

Оказалось, действительно не отличается.

Недели через две позеленели и железнодорожницы и бюсты у них стали плоскими, словно у десятилетних девочек. Куда все подевалось!

Зимой, кроме дряхлого старика Дульдюкова, в Сельцах никого не обнаружили. Все превратились в облака и улетели.

ТЕХНИКА БЕЗОПАСНОСТИ

Если откупорили что-либо — употребите внутрь, пока не отняли.

Если разобрали — следите, чтобы кто-нибудь не собрал.

Если пользуетесь чем-либо — отойдите на всякий случай подальше.

Если не ведаете, как ЭТО делается, — вы наивный человек.

Если не можете что-то понять — поймите, что понимать и не надо!

Если процесс пошел — берегитесь!

ДРУГИЕ

— Эврика! — вскричал Архисмерт, с трудом выскакивая из ванны. — На тело, погруженное в жидкость, действует утапливающая сила, направленная вертикально вниз!

— Гениальное открытие! — воскликнул Нью-Том. — Квинтиллионы купальщиков ощущали эту силу, но не смогли дополнить свою кажимость отчетливой мыслью.

Нью-Том оглядел грушевое дерево, под которым стоял, осекся и кинулся наутек.

— Эфир подобен жидкости, — добавил Манксвелл. — Мы можем сформулировать закон всемирного утопления.

— Воистину, — не удержался Эпштейн, — мировое E равно $\pi i \epsilon$ квадрат.

РАЗНОЦВЕТНЫЙ ЗОДЧИЙ

Постройки разума разваливаются как карточные домики.

Постройки ума прочны, но до них нет дела.

Постройки из чувств чем-то кажутся, но ежесекундно обманывают.

Постройки случайности пытаются использовать, когда уже поздно.

Постройки из золота дают право на любые другие постройки, но, право, это право не умеют применять.

Постройки лени хороши, но в них лень долго жить.

Постройки гениальности — колоссы на глиняных ногах.

В постройках из духа невозможно не только есть, но и дышать.

И за постройки из презумпции бывают различные сроки наказания.

Если ты построил, то из этого не следует, что не развалится.

Если ты приступил к строительству, не забывай: могут и снести.

Если ты построил, оглянись: сто́ит ли еще?

Потому-то мы не знаем, как устроена Вселенная, что не можем ее сломать.

Если тебе неведомо, зачем ты живешь, займись строительством.

Кто не желает строить — того заставят.

Если некто строит козни, то это значит: ему не хватило пары кирпичей.

СИНЕРГЕТИКИ

Повесть

Ниже прилагаю подборку листов из неинтересного рукописного журнала художника-витражиста С. Колываного. Видно, после поспешного изъятия части материалов (а возможно, кражи) в переплет тома не вставили пластмассовые кнопки-крепления — в результате листы оказались разрознены и перепутаны. Как вы уже понимаете, у них не было нумерации; вместо заголовков авторы использовали не числа, но канцеляризм "литер" и одиночные буквы кириллицы, латиницы, а также других алфавитов. Это откровенная пародия на литерование зданий и помещений, технических документов, но резон здесь есть: мгновения жизни — тоже кем-то размеченные пространства. Я позволил себе заменить термин "литер" на благозвучное для художественного текста слово "литера". Иногда систему в избрании азбуки отгадывал, иногда — нет и скомпоновывал листы, исходя из здравого смысла.

Изложенные события — описания и трактовки друзей Колываного. Соответствие реконструированных записей действительности читатель пусть определяет сам.

Издатель

Литера: А

Раннее утро оглашалось редкими быстрыми звуками стальных колес на трамвайном кольце. Эти звуки перемежались с криками птиц. Ветер слабо шевелил листву деревьев кладбища. За ним высились архитектурные излишества экспериментальной новостройки. Справа, слева к кладбищу примыкали выглядевшие уютнее четырех- и шестиэтажные дома, возведенные в двадцатые — сороковые годы. Незамутненное чувство. Ощущение свежести. Воздух без бензиновых выхлопов. Чистота. Блестящие от росы газоны еще не поглотили нутром черных, серых, пегих и всяких прочих выгуливаемых пачкунов. Почти тихо промчался велосипедист в белой кепке. На сем идиллия кончилась.

В доме кто-то включил громкоговорящую установку, а некто — громкопоющую, на всю мощь открыли водопроводный кран — к шуму воды добавился свист десятилетия несменяемого сальника. На улице затарарахал молоковоз с прицепами; притормозив, фыркнул и начал разворачиваться. Маневры молоковоза до глубины души возмутили невидимых и неслышимых из окон шавок. Акустика дворов усилила их голоса, повышая степень барбосости непрошенных стражей на несколько ступеней сразу.

Ев поднялся с цветастого тюфяка на полу и закрыл окно. Тем самым он прервал сеанс воз-

душных и солнечных ванн, кои имел счастье принимать только что. Окно выходило на юго-восток, размещалось на одном уровне с башенкой дома напротив, но направление на восток оставалось свободным от домов и деревьев. Угол комнаты делал ненужным возлежание на пляже.

У лившегося сюда света солнца была и другая функция. Юго-западная сторона обиталища Ева пестрела лакированными досками с многочисленными психоделическими изображениями. Потрясающего эффекта трудно ожидать от ординарного выжигания. А это выжигание претендовало на необычность: оно совершалось с помощью мощных луп, контрольного окуляра и приспособления, похожего на кульман. А почему бы и не так, раз сие не запрещено? Изготавливают некоторые художники-графики фантастические пейзажи при содействии компьютеров или полуавтоматических чертежных инструментов. Последнее неизменно оказывается более порицаемым.

Крупные изящные зигзаги, точки, запятые на досках сами по себе мало значили, но их сумма порождала головокружение и свербение в глазах. Оттого у смотрящих на доски возникало желание ухватиться для опоры за что-то твердое и удостовериться: спят они или бодрствуют.

С едва заметной натяжкой прилагательное "психоделический" относилось и ко всему облику Ева: лицо, фигура, повадки, будто древесные слои, несли отпечатки благоприятных и определенно скверных жизненных периодов, добрых и недобрых задатков. На его физиономии могло проступить одно, через секунду — иное, но ча-

ще противоположности играли синхронно и вызывали у посторонних мозговую сшибку. А у тех, кто его знал, складывалось еще хуже и соответствовало мере их испорченности или оригинальности. Всякий ищет в другом зеркало, с успехом это зеркало находит, бывает, кривое и в таком качестве — неподкупное. В Еве различные зеркала дробились, сдвигались без видимого закона, создавая впечатление стертости или размытости отражаемого. Ни один человек не хочет иметь отражения иксы или игреки, а потому подставляет разного рода А, В, С, D и запутывается сильнее. "Игрек, твою мать!" — в оны дни выразился, сетуя на зыбкость бытия, кое-кто из нетерпеливцев.

О чем размышлял Евгений Тилин, глядя в окно или на иероглифоподобные изображения? Он ни о чем не думал и ничего не чувствовал, кроме рядовой нормальности. Аффекты — обыкновенно не в его натуре. Что намечалось у него сегодня? Вопрос мудреный, ибо Тилин нигде не работал, пусть частенько подвизался везде, где тянул ляжку когда-либо, — объяснить трудно, но так и обстояло. При всей безбрежной свободе у Евгения не выискивалось ни миллиграмма вольности, ибо она требует аффектов, а их у него почти не было. Правда, поэтическая вольность лезла из Тилина и при ее бесцельности, но куда там некоей хитрокрученной поэтической вольности до приволья, до раздолья и даже до бега трусцой в трусах или без них?

В то время, пока Тилин ни о чем не думал, закрипели диванные пружины и в проеме между

шторами зашевелилась темно-русая голова особы женского пола. Особа врасплох проснулась полностью и бесповоротно. Проснулась и ужаснулась. Опять здесь? Разве не обещала она себе больше не оказываться в нынешней ситуации? На то пошло, ее никто не приводил, не звал... Стоп! Но недавно она говорила обратное: "Я сюда заскочила! И хорошо сделала!" Успела остановиться и не закричала об этом вслух. А вечером? Ей специально затыкали рот. Иначе бы она слишком громко вещала о собственном настроении. Как всё обернулось... Поменялась солнечная активность? Пятна на Солнце? Позиции Сатурна и Юпитера? Счастливы люди, верящие в астрологическую дребедень. Не хотелось Зое признаваться: суть — в хвалебных словах об ученицах, случайно или нарочно оброненных Тилиным.

И наша бедняжка вдруг представила, будто она, Зоя Поморова, ютится не за перегородками и занавесками, а сидит в самом уютном месте мира — у себя дома, перед ней ее любимая чашка с парящим и ароматным напитком, на левой коленке мурчит уникальное существо — кастрированная кошка Туська, а справа качается и рождает радующий сердце звук маятник старинных бронзовых часов. Зоя закрыла глаза и чуть не наяву услышала голос незабвенного механизма: "Тшшшш — тик-та-аак, тшшшш — тик-та-аак, тшшшш — тик-та-аак".

Зоя понимала: обойдется без вопросов, если она оденется и уйдет, церемонии необязательны, но мешала привычка. Уйти просто так она не могла, ретирование надо было обставить,

оформить. И как назло она вчера сообщила: три дня совершенно свободна и не ведает, чем заняться. Обретайся Ев совсем близко, она бы его отстранила: "Нужно бежать: не накормила Туську, ни шиша ей не положила и теперь кошка умирает с голоду и мяучит".

Ев уловил пробуждение гостьи, но почему-то к ней не подходил. А год назад его оторвать от нее было невозможно. Действительно, чего он застыл истуканом? Мозги у него одревеснели? Сквозь просвет в половинках штор на фоне окна маячили неподвижные левый висок и левое плечо Тилина.

— Эй, хозяин! — воскликнула Зоя.

Ев не шелохнулся. Вот восковая кукла!

— Ев-в-ге-ний! — проскандировала гостья.

Реакции не последовало.

— Тилин, — отчаянно тихо произнесла Зоя, смещая штору.

Тилин повернулся. Его лицо, подернутое легким курёхинским жирком, ничего не выражало. В застывшей правой руке Евгения — полевой бинокль. "Что такое? — спросила себя Зоя и тут же заметила в открытом окне дома под башенкой профиль профессора Водоземцева. — Гм! А говорили, этот деятель науки исчез!" Одоленная любопытством, Зоя спрыгнула и схватила бинокль. Водоземцев, как гусь, вытягивал шею и делал уморительные упражнения перед зеркалом. Профиль профессора описывал в воздухе овал, кадык выступал дальше подбородка. "Пятернями не машет, а то покажется, желает взлететь". Сбоку громоздилась дюжина разно-

цветных, соединенных вместе, видимо, склеенных толстых тетрадей.

— Там у него знаменитые ведерниковские лекции, те самые, записанные в разнообразных вариантах и дополнениях. Ясно, кто оставил всех с носом, — заключил Тилин.

— Но с носом остались ЦРУ и ФСБ! — прихотнула Зоя.

Литера: Б

Несколькими месяцами позже описанного случая, в субботу или воскресенье, восемнадцатого октября, электрики станции Т., недоучившийся юрист и недоучившийся физик, разгуливали по барахолке. Покупать и пустяковин не собирались, а восстанавливали посредством моциона обмен веществ, нарушенный недавним кутежом. Мысль о маринованных огурчиках или чем-то ином не приходила им в голову: они с презрением относились к тем, кто употреблял горячительное или пиво два дня подряд.

Итак, эти недоучки, Константин и Юрий, шурша желтыми и оранжевыми листьями, разглядывали скудости, выложенные на ковриках, газетах, а то и банально на земле. Смотреть не на что — приятели намеривались покинуть рынок, и вдруг их заинтересовало комическое содержимое одного из ковриков, на котором размещались: тубус для чертежей, старый, но пристойный кожаный портфель, нагрудный академический знак, красный диплом — увы, ока-

залось, с фамилией, — книжки, ксерокопии книжек, логарифмические линейки, курительные трубки, детали акваланга, пояс альпиниста.

Внимание Константина привлек похожий на воинский устав томик ДСП (для служебного пользования). Книга адресовалась кадрам МВД — КГБ. Константин полистал разделы, посвященные физической подготовке сотрудников органов и приемам боя без оружия. В книгу заглянул и Юрий:

— Ну и приемчики! Хи-хи, ха-ха! Это надо просечь! Издевательство, да и только! Удар кулаком между глаз. Удар сапогом по центру голени. Вроде бы для подготавлишек! А в действительности? Где указания на отмобилизирование, характер размаха? Для таких ударов нужно усердно готовиться полжизни или быть Ильей Муромцем!

— Да! Далеко нам, доходягам, до Ильи Муромца! Мы небось тридцать три годочка на печи не лежали, кулебяки не жевали! Бицепсы — во! — Юрий поднял мизинец правой руки, чуть согнул и притворился, будто проверяет крепость его мышц: дурашливо симитировал процедуру с двуглавыми мышцами плеча. — Нет! Нет! Нам впору спецприемы, надежные, как маузер, а лучше — как калашников! Без тренировок и особых весовых категорий!

— Добрые молодцы! Добрые молодцы! Вы и впрямь готовы к труду и обороне! — съехидничал продавец. — Зачем вам приемы? Или прохода не дают?

— Мы монтеры на путях. Работа с ночными дежурствами, неблизко отсюда. И без дрезины! Иди в потемках пешкодроном. Не на того еще

лешего, бывает, не нарвешься! Разлюбезный сто первый километр через перегон от нашей станции. Насельники старые разъехаться не успели, когда власть переменялась. И к чему? Гожая химия — по соседству. А нам? Нельзя всякий раз таскать с собой ломки. Мы их и не носим.

— И правильно поступаете! Не носите! Воистину верно, ребята! Вам от ломиков и достанется. А приемы? Есть у меня разные приемы... Но я вас знаю?! Может, вы домушники, специально выращенные для проныривания в форточки. Или вольные инспекторы зимних дач.

— Ну-у! Мы ребята нормальные. Бывшие студенты. В университете учились. Мани-мани не хватило доучиться.

— Да полно! За академнеуспеваемость выперли или за дела какие.

— Какие там дела! Все фокусы вокруг замдеканов и проректоров, это на них завистники писали анонимки. А незачеты у нас случались лишь по физкультуре и военной кафедре. Да и то — за недопустимую форму одежды.

— Вещь объяснимая, везде — одно и то же, аж скучно, — отозвался продавец. — А я вас и проверю. Кто преподавал тогда на военной кафедре?

— Ну, хоть майор Ростовцев, полковник Котрохов...

— Личности известные! — подтвердил продавец. — А Котрохов гремит еще костями?

— Заставали на втором курсе. Что потом — без понятия.

— Нечего говорить! Почти убедили! Явлю вам вещицу. Так... — торговец вздохнул и выдернул из-под барахла квадратную книжку с бе-

лой обложкой без надписей, стер пыль и произнес:

— Раскройте наугад в середине и посмотрите, оцените. Чур, не листать!

Молодцы взяли книжку и сразу попали на иллюстрацию.

— Да-а! — воскликнул Константин. — Тут двенадцатилетний ребенок насмерть поразит Джеймса Бонда!

— Двенадцатилетний — подлинно, а вы, глядишь, и нет. Решающее — не сила, а гибкость и быстрота, а ваша пантеристость уже не та. Куда до деток! Вам понадобится повышенная настороженность. Плюс — согласованность в действиях, какая требуется паре девушек, бросающей в грязь тяжелоатлета. Но книжку закройте. Отдайте-ка мне. Если надумали брать — гоните девятьсот.

— Что-о-о?! — изумились молодцы. — За такую за фитильку?

— Не нужно — не берите! Для кого-то цена была бы в ...цать раз больше. Только я не хочу продавать книгу валетам сверхноворусских.

— Тогда — ой! Извини, командир! Подойдем через недельку-другую.

— Хо! А меня здесь не будет. Кумекайте сейчас.

Молодцы принялись шептаться. И пошептавшись, изрекли:

— А за семьсот сорок?

Эти сорок и разжалобили торговца:

— Ну как с вами быть! Берите за семьсот! Уступаю бывшим универсамтам. Пособие никому не демонстрировать и не копировать! Вы просекаете вариант с копиями книги?

— Сами понимаем. Мы не идиоты, себе же повредим! — заявил Константин.

И вот подпольная книга — в руках. Константин и Юрий зашуршали лимонными и багряными осенними листьями, а заодно — украдкой — и страницами книги. До свертывания барахолки еще не скоро... Но обыденность места нарушилась: мимо крайних рядов медленно и важно покатыл, словно поплыл, каретоподобный черный автомобиль. Всякий сведущий определил бы в нем современный английский катафалк, но на базаре, конечно, узрели хорошо сохранившуюся антикварную машину или хитрый писк моды на ретро. Кое-кто залюбовался плавно движущейся ритуальной тачкой. Автомобиль продолжал царственно идти, несмотря на свистки милиционера. На почтенном расстоянии от катафалка, вслед ему, ехал светло-серый "запорожец". "Запорожец" притормозил, его дверца приотворилась, и показавшаяся из-за нее крупногабаритная морда что-то сказала милиционеру. Милиционер перестал свистеть и вроде успокоился. А между тем автомобиль-катафалк подрулил к коврику торговца, недавно получившего семьсот рублей. Катафалк остановился. Из него вышел высокий человек, похожий на стриженного Шопена. Это был Косидовский.

— Хэлло, Аркадий! — поприветствовал он. — Как торговля?

— Неплохо, Паша.

— Неплохо? Четыре удачных минуты на вульгарной фондовой бирже или в черном казино — и можно скупить тысячи базаров.

— Базары в сумку не влезут! Ты многое скупил, а секьюрити твои в "запорожце" ездят.

— А не напекло тебе голову осеннее солнце? — заметил Косидовский. — Разве слышал та-рахтение у малыша?

— И правда! — постиг Аркадий. — Радиатор будто бы не воздушный. Любишь ты, Паша, маскарады!

— Маскарады тонизируют. Например, кое-кто видел профессора Водоземцева при парике и касторовской бороде. Ты знал эту персону. Зачем ему захватывать кафедральные бумаги и ведерниковские записи?

— Особенно его и не знал, обычно встречался мельком, заседания кафедры были для меня необязательны. Я вёл занятия как часовик и только половину семестра. Шум возник позже. Радио, телевидение, газеты долго перетирали новость: "Откры-тие во вре-мя лек-ци-и". Потом гвалт исчез и автор открытия затих, но навсегда.

— Правильно. Именно на лекции и налетело вдохновение на великого Ведерникова. И что удивительно — в присутствии самодеятельного телеоператора. Не все студенты более или менее поняли и грамотно записали свежие идеи. А Ведерников себя в тот день дурно почувствовал — точно, откопал запретную абсолютную истину — и уже ничего не соображал. Пытались утаить этот факт. Но записи, в том числе магнитные, должны сохраниться. Не конфисковал же их Водоземцев.

— Поздно ты проснулся, Паша! — произнес Аркадий. — Он не допускал к экзаменам тех, кто не сдал ему конспекты Ведерникова. Факультетские чины целый месяц не подтвержда-

ли сенсацию. Полагали — утка. Вот Водоземцев под усмешки коллег и нахапал по индивидуальному интересу, что сумел! Лишние или халтурные записи уничтожил! Вся кафедра смеялась! Думали, тронулся сей энтузиаст! А он тронулся, но куда-то в неведомую степь!

Литера: В

Фефёлов постоянно улавливал за спиной тонкий нос спецслужб: сперва КГБ, затем ФСБ. Он считал, циклопическое ЧК — ОГПУ и ныне существует где-то в слоях бури и натиска (а то и в граде божьем, надмирии, либо для кого-то в ином священном месте), тянет длинные могучие руки оттуда, управляет своим мелким филиалом — ФСБ.

Сталкиваться с органами лицом к лицу Фефелову приходилось не часто, да практически не приходилось. Однажды, сидя на профсоюзном собрании, Игорь Леонидович Фефелов (тогда еще Игорь) с бухты-барахты ляпнул: "Ленин-то подох, а Керенский до сих пор здравствует!" Промолвил негромко, неуловимо для трибуны, но не прошло двух дней — и Фефелова вызвали в спецотдел. Крутили мозги часа три. Майор запаса терял нить рассуждения, отвлекался на всякие дела, звонки, но Фефелова держал словно на привязи. Ох, подзабыл Фефелов, как ему удалось оттуда вырваться!

В другой раз Игорь Леонидович стоял на железнодорожной платформе, дожидаясь электрички: следить за расписанием он не любил и поневоле проводил время таким образом. От скуки Фефелов вознамерился зарядить фотоаппарат. Вставил кассету и щелкнул затвором, нацеливая видоискатель на проволочные висяльки над рельсами. В любом случае требуется промотать засвеченные кадры. Когда прицеливался, слышал резкий окрик, но не обратил на него внимания, решив, что кричит пьяный.

Протекло несколько спокойных минут. Явился поезд. Здесь Фефелова схватили люди в форме железнодорожников и прямо в вагоне довели до линейного подразделения ФСБ.

Иных странностей не было, если не добавлять... Ан, нет! В годы буро-малиновые и золотые в кулуарах семинара Бориса Стругацкого некий диссидент-поэт ни с того ни с сего предложил ему, Фефелову, завтра с утра пораньше направиться к Михаилу Дудину, поболтать о том, о сем. Дело простое, но полезное. А дабы все пошло хорошо, путем и тип-топ, нужно сейчас перейти Литейный проспект и зайти на огонек в большое красивое здание. "Ведь ночь на дворе!" — изумился Фефелов. "Хо-хо! Ночь! У-ляля! Вечер не кончился!" — парировал диссидент. Да-а! Уже в ту эру Фефелов невзлюбил в зародыше ипотеку и сетевой маркетинг, с полупамятка понял, что это за мурки.

Еще? ...жизнь без похожего как будто пронеслась?.. Снова нет! Где она, бриллиантово-деревянная эпоха Горбачева? Те ходившие по рукам хлесткие воззвания, которые он, Фефе-

лов, рехнуто подмахивал и в довершение давал свои координаты?

Товарищ, верь! Взойдет она,
Так называемая гласность,
И вот тогда госбезопасность
Запомнит наши имена!

А раньше, хе-хе, "Клуб-81"? Очень занятная штучка! Говорить о ней лень.

А позже? Холодный лес, палатки, *партизаны* — резервисты с офицерскими знаками различия, но в бесформенном солдатском хэбэ и в шинелях из наспех обработанного некрашеного сукна. Забрел Фефелов в складскую палатку — ох, передвинуть для чего-то военное имущество, а там обретается неизвестный партизан и блескает подозрительными стеклянными глазами, тихо разговаривает с одетым в драную партизанскую форму доцентом Голопеховым. А зря, зря сунулся туда Игорь Леонидович! Ему довелось беседовать вторым. И о чем только не довелось! Вернулся Фефелов с военных сборов, не успел прийти в себя, — и его опять забрили и отправили в Сибирь, изучать тонкость серой шинели и крепость пятидесятиградусного мороза. Партизанам, в отличие от прочих военных, тулупы не полагались, зато настойчиво вчухивались бэушные, зараженные агрессивным ногтевым грибком яловые сапоги.

Многое что можно добавить... Предатели-гетеродины в советских коротковолновых приемниках! СССР — единственная в мире страна, которая выпускала супергыркалки в таких огромных количествах. А для чего? А всё для того! Для

того! Не для чего иного. Не для прослушивания вражеских голосов. Иначе, зачем бы понадобилось их потом глушить!

Здравствуй, русское поле!
Я твой тонкий колосок —
американский голосок.

Периоды эфэсбэшного затишья чередовались с периодами пристального интереса. Он настаивал, как обвал: вдруг в телефоне просыпался "мотающий" призыв, в бытовом АОНе приятеля не определялся фефеловский номер, в доме обнаруживались следы пребывания посторонних, письма и бандероли доходили распечатанными. И теперь после массы прелестей в вечно пустующую соседнюю квартиру вселили двух филероподобных субъектов. Размышляя об этом, Фефелов слышал стук, идущий от окна: перед окном моталась толстая веревка. "Кто-то хулиганит", — подумал Игорь Леонидович, но прошло минут семь, а веревка продолжала бить по пластине отлива. Не вытерпев, Фефелов кинулся на улицу и глянул на верхние этажи дома. Где-то на уровне двенадцатого болтался на сиденье, прикрепленном к стропам лебедки, верхолаз и замазывал мастерком межпанельные щели. Вернувшись, Фефелов на всякий пожарный задернул шторы и поразмыслил о том, что за неделю до сего он заменил дверь и вставил замок с небольшим секретом. Даже изготовивший ключ не смог бы этот замок открыть. А как раз ныне Фефелова и не должно быть дома! Шарканье прекратилось. Почувяв жуткий сквозняк, Фефелов устремился на кухню и обомлел: в

окно, почему-то настежь распахнутое, входил человек. Наглец улыбался сам себе, а затем принялся хохотать во всю глотку, словно неожиданно застигнутая в подъезде присевшая баба. Показав, не снимая перчатки, кулак, он исчез. Лицо его почудилось Игорю Леонидовичу до боли знакомым... Через час Фефелов отправился на улицу, осмотрел стены. И увидел нелепость: полосы нового раствора были проложены от кровли и на уровне этажа Фефелова обрывались. Обработав этот этаж, верхолазы бросили халтуру.

Назавтра штукатуры-верхолазы не появились. Но они не приезжают из-за частных обращений! Герметизируют все щели дома и сначала трудятся на соседних корпусах! Кунштюк этакий Игорь Леонидович зрил впервые! Да и месяц не тот. Щели обычно замазывают летом, а не с разгулом легких морозцев.

Фефелов повторял одни и те же фразы. Он не сумасшедший и у спецслужб подозрений не вызывает, а на мушке или, вернее, на кончике пера его держат для дополнительной возможности строчить в Москву отчеты, ставить галочки, получать зарплату, иметь нужные штаты. И появляется скверное: наблюдающим людям надо докладывать по команде о принятых неофициально-административных воздействиях. Вот они тайно гнусные меры принимают, принимают. Лучше бы, как в эпоху Ягоды и Ежова, рубили, резали, стреляли, душили, травили, не тянули мерзкую волынку. "Вон они, — ныл Фефелов, — денежками шелестят, рыла в коньяке мочат, а

я карьеры лишился, на «исправительных» военных сборах почки отморозил, друзей за границей потерял. Письма туда — изымают, в дело подшивают, невинные тексты по-своему интерпретируют. Кто за это ответит? В поисках вещдоков они регулярно у меня в доме роются. За это кто заплатит?"

Цапалку, тянущуюся откуда-то из приснопамятных годов, Фефелов чувствовал. Стоило Игорю Леонидовичу чуть-чуть подняться по общественной лестнице, — тут же рождались обстоятельства совершенно дикие, высывалась незримая когтистая лапа и низвергала Фефелова — приходилось начинать с нуля. А ему надоело карабкаться! Сколько можно! Сколько можно ощущать слухом и порами кожи, сжимая телефонную трубку, как где-то далеко внутри страшного переплетения проводов, опутывающих пространство и время, в некоем нигде крутится бобина с нестандартной магнитной лентой и записывает, записывает, записывает?! Сколько этих лент валяется в грязи у круглых шестнадцатизэтажек.

В наличии и его здание — там, вне рациональности и логики... Набитое людьми с блёскающими стеклянными глазами.

А где-то есть иные здания, прямоугольные, в которых дамы смутного возраста потряхивают кудряшками и отклеивают крышки конвертов над тоненькими струйками пара, а то и меняют позиции лазерного сканера, и — здания четвертые, в каких пахнет канцелярией, туалетом, жареными мозгами и кучей фефеловских трупов. Там засушенные фефеловские жизни, истыканные высокочастотными иглками души.

"Баста! — решил Игорь Леонидович Фефелов. — Буду воистину шпионом или антигосударственнымником!"

Фефелов призадумался; и внезапно осознал: он держит левую руку с растопыренными пальцами в не совсем определенной виртуальной среде, не то в сусле, не то в прованском масле. Проэкспонировав ее пару минут, выставил пальцы вытянутой руки перед собой и принялся осторожно ощупывать воздух. Превратившись в автономное существо, рука дернулась, вслед за ней дернулся и Фефелов. Пройдя несколько шагов, он схватил никогда не читаемую толстую рекламную газету. Затем взял шило и, поманеврировав им, воткнул в обрез газеты между листами. Нужный разворот открыт. Далее... Зажмуриться и наугад проткнуть рекламный блок.

Но шило проткнуло не рекламу. Фефелов узрел объявление:

Требуется работник службы безопасности.
Опыт не обязателен.

Ну и?.. На протяжении четырех лет Фефелов тренировался в похожих экстраманипуляциях. Пусть хотя бы раз из них выйдет толк!

Литера: В₂

Вскоре Игорь Леонидович Фефелов уже находился в солидном офисе и заполнял многочисленные графы анкеты.

Рубрики в анкете были с прибабахом, а реагировал на них Фефелов еще чуднее.

В графах: *Тонкость обоняния, Мнительность, Подозрительность* — он поставил себе по 10 очков из десяти возможных.

В другом разделе Фефелов наскочил на дилемму:

"Кто вам больше нравится: высокие блондинки или маленькие брюнетки?"

Он-то попадал в категорию людей извращенных и предпочитал блондинок, но умудренность подсказала Игорю Леонидовичу верный ответ: "Маленькие брюнетки". Его Фефелов и выбрал.

Из массы геометрических фигур Фефелов, конечно, отметил флажком не круг и не квадрат, а трапецию.

На очередной странице предлагалось нарисовать животное и назвать его. Игорь Леонидович изобразил двухголового козерога. Вторая голова козерога размещалась там, где по логике должен быть зад. Название "Курлабай" Фефелов расположил не под рисунком, а — тавром на шкуре зверя.

Новые туры отбора не понадобилось. Даже до теста допускали не всех. И здесь Игорю Леонидовичу повезло: минула неделя — и он на приеме у Павла Косидовского.

Перед заходом Игоря Леонидовича обыскали и попросили подписаться под семью или восемью бумагами. Суть объемистых текстов сводилась к призывам не разглашать то-то, не способствовать тому-то, постоянно информировать о том-то. Фефелову было лень изучать галиматью, он пробежал напечатанное одним взглядом. Но под фразами "С документом ознакомлен, возражений по нему не имею" неизменно расписывался.

Литера: В₃

— Хо-го-го! — ржал Косидовский, когда до него дошел лепет Фефелова о Лубянке и доме на Литейном. — Хо-го-го! Да кто тебе брякнул, что ГБ на Лубянке?

— А где она?

— Хгу-гу-гу! Третью Ея в Сенате, а две трети — в Синоде!

Фефелов поделился с Косидовским только общими мнениями, но, разумеется, не донес о слежке за собой.

Итак, Фефелову предстоял главный тест — первое задание.

Необходимо нейтрализовать агента европейской фирмы. Действовать пришлось экстренно, сразу после получения инструкций от медведеподобного господина в гражданской куртке с зелеными петличками. Господин и не подумал представиться, хотя бы ради декорума. "Откуда взялся сей материал? — размышлял Фефелов, озирая медведеподобца. — Возможно, это какой-

то незаслуженно уволенный государством кадр. Не бандит".

Игорь Леонидович приступил к выполнению задания, а перед тем успел выяснить важные детали. Непонятно. Необычно и удивительно, но на иных станциях петербургского метро до сих пор сохранялись колонны с ажурными решетками, причем вне поля обозрения телекамер. У Фефелова раньше не возникала мысль, что за этими решетками существуют ниши, стенки коих легко нащупать или разместить между ними бомбу. А внедрить туда можно всякое. Сам бог велел там устраивать укывища.

Бродя у колонн в указанный ему час, Фефелов еще раз удостоверился: за арками, на нижнем вестибюле, временами бывает безлюдно. Хорошо для подстерегаемого, вовсе не для Фефелова. Край платформы целиком просматривался. Наверняка обнаружили бы высунувшуюся из-за колонны голову. Но требовалось наблюдать, и не одним глазом. Не абы как.

Фефелов удалился шагов на шесть от колонны с нужной решеткой, повернулся к ней спиной, небрежно прислонился плечом к другой колонне и надел купленные на улице Шкапина очки. Внешне нормальные очки, но они прекрасно заменяли зеркало заднего вида, и даже были совершенней, поскольку в каждом заушнике помещалось по оптоэлектронному перископу.

Фефелов уткнулся для проформы в детективную книжонку и вскоре различил на экранах очков: к меченой колонне приблизилась дама в голубоватом плаще и, осмотрев обе стороны посадочной площадки, что-то упрятала за ре-

шетку. Точно уловить, в которую часть полости втиснут предмет, не удалось, но Фефелов понадеялся на интуицию. Дама быстро отошла. Обернувшись, он удостоверился: она направляется к эскалатору. Подойдя к тайнику, Игорь Леонидович моментально без проб вытащил коробочку и тут же опустил на секретную грань похожий футляр с дискетой.

Литера: G

Тетрас Рейнсборгс считался неизвестно кем, вернее, трудно сказать кем. Правда, он не числился агентом официальных служб вроде Интеллидженс сервис, а имел отношения со многими довольно интересными конторами, не упомянутыми ни в какой прессе, но более ищачил то на некую фру Пицендорф в Берне, то на мало кому ведомый синдикат в Амстердаме, называемый "Контраст СИ". Если вы не слышали о таком названии, то проще о нем и не знать. Меньше грядущих хлопот.

Выбор Рейнсборгса не подлежал сомнению: "Лучше работать не на государства, а на тех, кто незримо держит президентов и премьеров за глотку, кто фактически объявляет войну и мир, да прикидывается, будто оценивает художественные холсты, развлекается на ипподромах, а в действительности отжимает это человечество — даровую апельсиновую дольку". Невзирая на опыт, Тетрасу приходилось периодически садиться в калошу, нередко прямо в

лужу, и не в только в переносном смысле. Но чаще — когда дело уже сделано, а лыжи смазаны и наострены. Убегать можно в несколько подмоченном виде.

Скажем, глупая история произошла с ним на проспекте Вавилова в Москве. Тетрас проводил время в кафе, возле условленного места. Выходя, кинул взор за низкую стеклянную перегородку. Там — газовая плита, блестящие котлы, колпаки поваров, а сбоку на кафельной стене огромная и неграмотная кроваво-красная надпись:

СОУСА

Рейнсборгс вытаращил глаза, лицо его вздрогнуло от напряжения, и он неожиданно для себя громко и испуганно спросил окружающих:

— Соўса... Что такое соўса?

Ему вежливо объяснили, но в углу Тетрас заметил пристально смотрящего на него не совсем рядового субъекта, штатская одежда которого, бесспорно, была реквизитом.

Теперь Рейнсборгс пребывал в состоянии крайней досады. Раздражение усиливал доносящийся из коридора резкий нахичеванский, во всяком случае, не романский говорок.

Полученная дискета оказалась туфтой. На дисплее ноутбука — название пригородного поселка, туристская карта его окрестностей... Сколько раз проезжал мимо него, отправляясь на пикники! А зачем эти пирушки сейчас!

— Стулбс! Стулбс! — гневно давил Тетрас кулаком себе на лоб.

Самокритика не озаряла. Как быть? И вдруг мелькнуло новое соображение. А кто за мной следит? И кому, кроме меня ...? Русские свиньи лет пятнадцать спят и храпят! Тетрас тут позвонил по сотовому. Донельзя смущенный голос ответил извинениями за путаницу и идеей передать нужное шифром на электронный адрес. "Почему бы нет?!" — подумал Тетрас, согласился и, отключив телефон, принялся мурлыкать древний шлягер *Zilie lini*, называемый на рашке "Синий лён":

— Ва-ай! Вай! Ва-ай! — и что-то далее на тот же мотив в том же духе. А глотнув неразведенного драгоценного рома из заветной черной фляжки, перешел на язык и стиль вражеской земли:

— Лабусы, лабусы! Светлого мая привет...

Но электронной почты Тетрас не дождался: через шесть минут в номер провинциальной гостиницы "Советская" ворвались четверо с пистолетами и защелкнули на его руках наручники.

Лабусы, синий лён, синее небо, синие очи скандинавских прелестниц исчезли надолго: деликатно подсунутая Фефеловым дискета предназначалась не для пикников. В конце одного из ее файлов скрывались данные о капонирах военного аэродрома и подземных ангарах для тяжелых бомбардировщиков.

Литера: Д

"...сновидения мы проходили, — сказал Тилин, — синий⁴ платочек давно выцвел. Да еще Федорин какой-то", — и отбросил бульварную книжонку в глянцево-радужном переплете.

Раздался звонок.

— Пушкин слушает, — буркнул Тилин, сняв трубку.

— На проводе Дантес.

— Хм-м... Я сам не лучше.

— Кое о чем допыталась, — донесся до Евгения тот же голос. — У них перед новым годом отчислилось трое. Одну я отчасти знала: некто Вера Дмитриева. Сломала на баскетболе ногу, месяц пролежала, два месяца прогуляла, затем решила забрать документы. Такая вся из себя. Нехорошо срослось, в мозгах не сварилось: стало стыдно появляться в людных местах на костылях.

— Вот как. Я подозревал, не слишком там чисто. Разговоры о мертвых душах — для проформы. Не совсем они и мертвые. А успела Дмитриева записать нужное?

— На лекции она уже не ходила, но ей записывали на пленку и делали ксерокопии. Она тем и этим пренебрегла, но сохранила. Материалы у нее.

— И можно попросить?

⁴ Похоже, составитель неудачно соединил листы, или ... Господи, ты! Синерге...

— Абзац! Она наслушалась историй о Ведерникове и Водоземцеве, из добросердечия свои реликвии не отдаст. Лапшу про студентов, ликвидирующих хвосты, на нее не навесить.

— Что ей надо?

— Ну, ты брат Пушкин, даешь! Если б я ведала, то и проблем бы не было.

— Реально, не денег.

— Разумеется! Только девочка скучает. Не секрет.

— Ей приятнее: три недели в Европе или дамское развлечение?

— Не убеждена, но скорее, и то, и другое сразу.

— Не будем мы ей обеспечивать свадебное путешествие по Европе! Она до ручки дошла?! Гмм... А Вера Дмитриева очень страшная?

— Не то... Непроницаемая. Пресная. Лицо — каменная маска. Ни морщинки. Красивая, но не миловидная. Блистательный антиквариат. Топ-модель из девятнадцатого века. Таких ныне не любят, не понимают, не ценят. Физиономия, действительно, словно проутюжена. Фарфоровость необъяснимая. Куклами, бывает, восхищаются. Вера не кукла. Миниатюра. Правда, изрядно увеличенная.

— Почти есть картина! — подытожил Евгений. — А поменять внешность?

— Не выйдет! Волосы переколеровывать не подумает. Здесь у нее — принцип! А прическа — куда ей! Без того носит на себе то раковины и ласточкины гнезда, то назло прочим — вавилонские башни. А распустить волосы не захочет. Насмерть закусает.

— Но высокоморальна?

— Чересчур. Спеси до Джомолунгмы. Не забыл об эпизоде с костылями?

— А намного миниатюра увеличена?

— До ста девяноста одного сантиметра, но всё изысканно.

— Аллах акбар! Зацепка! — довольно воскликнул Тилин. — Я знаю аспиранта из Каира. В нем — метр девяноста пять. А чопорность — как раз то, что нужно мусульманину. Насмотрелся на белых женщин, теперь землячек и не хочет... Этот египтянин — архитектор и, пожалуй, — лучший гид по европейским достопримечательностям.

Литера: Е

Константин и Юрий вышли на проселочную дорогу. Под ободранной черемухой гладкий благообразный тип телепался у оси домика-прицепа, сочлененного с выдавшим виды белым уазиком. Окна домика "Комби", были зарешечены, задернуты занавесками.

— Ребята, не могли бы вы мне помочь? — обратился к ним гладкий.

Юрий хотел сказать нечто пренебрежительное, но Константин толкнул напарника локтем в бок и вымолвил:

— С удовольствием!

Издали его повлекло к этому пухлому человеку. Подействовали детсадовские воспоминания или токи боковой линии. Походил водитель уазика на фокусника, иллюзиониста, на

кого-то из категории редких и необычных людей. Почувствовал Константин: встреча незряшная. А Юрий уже привык полагаться на интуицию друга.

"На кого таки похож сей господин? — думал Константин, поддевая березовой вагой покосившийся край прицепа. — Чуть не Гудвин из Изумрудного города, волшебник страны Оз..." Но вслух спросил:

— Вы, случайно, не в институте имени Стеклова трудитесь?

— Я давно не математик, — ответил пухлый, не пробуя представиться. — А вы двое? У вас какое-то общее дело?

— Дело-то у нас общее, да не наше, — иронически заметил Юрий. — До бизнеса мы не доросли.

— Что мешает им заняться? Есть желание, поспособствую, — человек закрутил гайки и начал протирать руки ветошью. — Но прежде вы мне должны помочь еще раз. Если сможете. Работа нехитрая и года на полтора. Во-первых, мне нужны ассистенты для небольших опытов...

Юрий критически оглядел авто и прицеп.

Водитель тыльной стороной одной руки медленно провел по своему животику и так же другой рукой — по лысине:

— А вы считаете, прилично разъезжать по глухим местам на "кадиллаке" или "макаробере"? Вы за идиота меня принимаете? Я ученый, а потом иное. А вы... — тон благообразного помягчал, в глазах проступила усмешливость. — Да, вижу обоих насквозь. Пока не бандиты, но легко могли бы в них превратиться. Точнее, вполне могли бы стать полубандитами. Увы,

они мне и нужны. Сдержанные люди без традиций и блатных привычек. А опыты освоите. Давайте знакомиться по-настоящему.

После этой тирады Юрий открыл рот, кепка его сползла на брови, он стал смахивать на типичного провинциального уркагана. Произнесенные толстячком фразы проявлялись, приобретали зримость.

Водитель повторно протер руку ветошью и протянул друзьям:

— Давайте знакомиться: Виктор Федорович Водоземцев.

Литера: كاف (каф)

— Мухаммад существовал бесспорно (хи-хи!), но Аллаха ни капельки нет, — провозгласил Кадир.

— Соплеменники тебя не зарежут за такие слова? — поинтересовалась Дмитриева.

— Кого-то — может быть. А мою персону не затронут ни в коем случае.

— Что за избранность?

— У меня отец верующий, мать верующая, многие родственники — религиозные фанатики. Но мне они позволяют говорить всё.

— Почему?

— Мой дед, Илаил, был великий святой, отшельник. Перед смертью, при стечении тысячи правоверных, он положил мне, малолетнему младенцу, ладонь на голову и изрек: "Кади пойдёт своей дорогой! Не мешайте ему!"

— ...

— Аллах — свидетель! — улыбнулся Кадир. — И вот я оказался не в медресе, учился в Риме и Москве. А здесь, сама в курсе, — аспирант.

В присутствии рослого египтянина Вера не чувствовала себя скромницей. "Прошлые комплексы, надоевшие комплексы из-за мужшнн-коротышек, — полагала она. — Но какая штучка этот араб? Наслышаны мы о ваших повадках. Рахат-лукум и прочее. Потом ни с того ни с сего рядом окажется нильский крокодил".

— Встречала я разных арабов, — известила хозяйка гостя. — Коран запрещает употреблять спиртное, но они напиваются до посинения, а потом лежат в придорожном кювете. Зимой наблюдала: милиционеры вытаскивали правоверного из канавы и ругались, рассматривая его документы.

— Мне земляки, любители канав, не попадались. А если тот нечестивый и не араб был? Хотя пьяницы везде есть.

"Не походит Вера на женщин, которые днем и ночью прорываются с улицы в интерклуб и консульства", — думал Кадир, — но не нравится мне чем-то она, не нравится. Не слишком ли длинная? Вроде бы нет. Такая белая убедительнее будет смотреться во всяком арабском государстве, сможет вести себя свободнее иных, ни одна собака не посмеет приставать с нравов-учениями. То же с одеждой: за десять шагов отличится от местных, с шаблонными мерками к ней никто не побежит". Но в чем загвоздка — не постигал Кадир; не мог понять, что его смущало.

— Ты хочешь меня пощупать? — вдруг спросила, догадавшись о ситуации, Вера. — Пощупай, пощупай, а лучше мою ногу. Она неживая.

— Ну, причастился? Я со спокойным сердцем включаю сидишник. Потанцуешь со мной?

— Нет! Ох, нет! — откликнулся египтянин. — Как говорят в ваших городах, я выше этого.

— Теперь, Кадя, ты прозрел? Идти своим путем ты не умеешь!

— Вполне! Как говорят в ваших городах, до меня дошло. Аллах — свидетель, — повторил сентенцию Кадир, но уже не иронически.

Раздался телефонный звонок.

— Да! — произнесла Вера. — Ни с места, — продолжила она, отвечая. — Хорошо, — закончила она. Потом процедила, повесив трубку:

— Сюда идет Ксения. С неким художником Тилиным и его ученицей, Далидой.

— Да-а? Евгения Тилина я знаю больше Ксении, — сказал Кадир. — Перессорился с Зоей и водит новую компанию. Пусть идут, — египтянин запоздало достал из черного чемоданчика бутылку "Наполеона".

До него не дошло, отчего он это не совершил сразу. Подобные атрибуты он обычно торжественно демонстрировал после первых фраз... "Ах!" — чуть не забыл он неудачный визит также к одной высокой девушке, когда этот номер не сработал. "Почему?" — он едва вспомнил картину. Та высокорослая внезапно стала собираться по каким-то делам, сильно испугавшись двух нагрянувших к ней арабов. Мгновенно потеряла весь пыл, проявленный на танцульке. Но получилось,

будто бы испугалась она не иностранцев, а выставленной на стол стеклянной армады. "В чем проблема?" — давил в тот вечер на висок Кадир и почти не соображал.

"И все-таки пьют или не пьют мусульмане? — вопрос, на который еще никто толком не ответил", — думала в этот момент Вера.

А египтянин начал представлять острый жесткий взгляд Ксении и усмешку на физиономии Тилина. Ловить с ложным поличным вряд ли вознамерятся, но вдруг устроят прессинг? Не отвертеться. Вот уж не отвертеться. Шайтан куда-то впутывает. Имя нарочно...

Ошизев от накала страстей, каирец растопырил пальцы и неожиданно схватил Веру за обтянутую лосиной ногу. На этот раз он взял гораздо ниже. Нога оказалась живой и настоящей.

Литера: ε (ἐ ψιλόν)

Огромный актовый зал пропах старым нагретым деревом. Пилястры у сцены. Лампы-свечи в бронзовых канделябрах. Скрипящие кресла с откидными сиденьями. Сухие вкрадчивые интонации. Нет гула, базарного лая и резких призывов.

— По слухам, охватил верхи...

— Организовал эзотерические общества...

— Э! Только учредил академию. А разные астрологи да парапсихологи пытались его привлечь. Отшил их.

— Для вида.

— Смысл? — не расслышав последней реплики, вмешался новый собеседник. — Многочисленные маги, коли не Водоземцева цитируют, так — доступные работы Ведерникова. На первооснователя молятся.

— Было бы на кого.

— И без молитв там крутятся большие деньги. Из-под земли вылезли объединения Те Де Те Пе, "Клуб эС эН Ка", Университет Тибета, Институт неспектрологии? Плюс фирмы похожие, фирмы, конторы. Мгновенно всё народилось?

— Картонное это. Картонное... Зря заостряетесь!

— Знаете, как поддержал проекты академик РАН Воробейкин?

— А губернатор, экстрасенс Муркатин?

— Да что вы, судари? Опять экстрасенсов сюда? Они сами по себе и минимум отношения. Лишь бы оправдать свою заумь. Произвольного набора слов достаточно...

— Вот-вот. Академик-то Воробейкин перепугался, оглобли назад повернул.

— Газеты читали? Видели там заголовки?

— Ну и?

— У меня с собой одна газета. Простите, заголовков теперь нет. Зато есть диалог. Полюбуйтесь! Четко и ясно напечатано:

Вопрос: "Можно ли переделать атомную субмарину в космический корабль?"

Ответ: "Можно. И очень быстро! Реальная конструкция космических весел".

— Ха-ха-ха! Чушь с бантиком! — донесся до беседующих голос важной дамы из третьего ряда.

— Далее, — не обратил на голос внимания владелец статьи:

Грубая модель космических весел: два симметричных молота. Молоты вращаются. Длина их ручек меняется.

— А ниже:

Усложненная модель: возвратное движение газа в системе холодильник-нагреватель...

Усложненно-упрощенная схема: ионная...

— В самом низу была еще модель. Квантовая. Связана с колебанием атомов в молекулярных решетках. Это она, подлинная теория Ведерникова!

— Пойдите! Куда вы наизысканнейшую газету израсходовали?

С тыла последовало ироническое замечание:

— Ох и универсальна теория Ведерникова! И тухлую селедку — в нее, а затем — нечто диарейное.

На сцене появился Водоземцев. Разговоры смолкли. Кафедру он оставил втуне:

— Рад приветствовать аудиторию. Вижу, случайных людей здесь нет. Наверное, обойдемся без введений в синергетику? Как вы полагаете?

— Обойдемся, — слышались разрозненные возгласы.

— А раз так, то упомянем главное: связь принципа Дина с характеристиками решетки Ведерникова. Это всем понятно? Не перейдем ли сразу к вопросам?

Поднялся щуплый сухой человек с длинной узенькой бородкой:

— На практике осуществлению названного взаимодействия мешает инерция, — прозвучала его картавая речь.

— Что значит, инерция? — уверенно взялся отвечать Водоземцев. — Каждый день вы по инерции надеваете пиджак, почти не глядя, засовываете руки в рукава. А если рукава вашего пиджака зашил шутник? Вот вам и инерция.

По залу прокатился смех. Щуплый человек смущенно хмыкнул.

— Не будем голословны, — продолжил лектор. — Сомнение выразили. Попрошу ассистентов провести опыт.

На сцену вышли двое, принесли скатерть, столик и большую коробку.

Один из вышедших — Константин, вытащил из коробки полутораметровый черный диск и положил его на маленький уже покрытый скатертью столик.

Диск бесшумно взмыл и завис в воздухе.

Грянули аплодисменты.

Водоземцев, подражая фокуснику профи, сдернул скатерть и продемонстрировал публике обе ее стороны. Юрий схватил столик, развернул и показал залу его вид снизу.

— Смотрите сами! Ни электромагнитов, ни прочих устройств в духе Копперфилда! Жаль, что за границей и у нас до сих пор не оценили великого ученого Ведерникова, нашего соотечественника, — прокомментировал профессор.

Из зала вырвался нетерпеливый, лишенный академических преамбул вопрос:

— А может ли атомная субмарина взлететь? (*Отовсюду посыпались смешки.*)

— Взлететь? Взлететь на воздух? — выдавил из себя Водоземцев с нарочитым тоном удивления. (*Взрыв хохота в зале.*)

— Стартовать в космос...

— Прежде идет речь о двигателе для перемещения по безвоздушному пространству. Но при совершенствовании технологии... Что ж, некая

субмарина, пусть на первом этапе не выше геликоптера, может и взлететь. (*Гул одобрения.*)

Сбоку сосед тихо сказал соседу:

— Как оно... А наплели про исчезновение с документацией.

— И не занимается плагиатом, — раздался оторопелый бас, — он пропагандирует и развивает идеи предшественника.

— Очень красивый опыт, — заявила пышная дама из третьего ряда.

— Да что вы, уважаемая, говорите! Нынешнее сообщение — мелочь! Месяц назад в Новосибирском академгородке был еще не тот фурор!

Литера: 3

Улицы напоминали внутренние органы больного существа. Вялый свет лился на лед и снег, звучал по очереди то мелодией воспаленного аппендикса, то хилой похотью иной ритмично дрожащей требухи. Сивушные масла изображали на вечернем небе па-де-де. По сугробам носились виртуальные искристые петухи, выбрасывали из-под шпор лучистые фонтаны, трясли крыльями, не дрались — все как один, словно видели впереди ускользающих хохлаток, косо-криво сигающих, виртуозно уворачивающихся, спасающих спины от ноши неодолимого инстинкта.

Из вечно длящейся непрочности и мутности подлунной пытался выйти Константин, из чехарды внезапно свалившихся водоземцевских гастролей. Казалось, он обрел устойчивость в неожиданной знакомой — Зое, даже в ее несимметричных шипящих часах, самостийно шагающих по стене. И мир Зои засасывал бравого ассистента подобно метафизической дыре, не засасывал, а отсасывал ненужное, выправлял. Выправляла любая Зоина безделушка — и (ужас!) монструозная подмалеванная крыса с бантом на шее, отчего-то называемая кошкой Туськой. Что за фигля-мигля этот монстр — и не задавал себе вопрос Константин. Известны завозные крысы, лихо втюхиваемые на рынках в качестве щенков такс. Почему не быть и кошке-крысе? Но мяукает четвероногое создание — вот проблема. И если она не крыса, а кошка, зачем ей голый хвост и вытянутая морда? Крыса вульгарисобыкновенник, поставленная на кошачьи лапы и заросшая густой шерстью — ничего более. "Черт! Черт! Черт!" — плюнул Константин через левое плечо и тут представил зеленовато-серые Зоины глаза, непрерывно меняющееся выражение ее лица, трижды возведенную в степень вышколенность...

* *

Зое пришлось по душе этот недоучившийся полукомильфотный джентльмен. Во-первых, когда не на курсах телохранителей и не зовет труба начальства, не рвется из ее гнезда; во-вторых, не напивается в хлам; в-третьих, лишних идей не имеет. А остальное? Зое думалось, многих она

понимает лучше их самих и потому не допускает до себя обычный человеческий материал.

Только друг Константина Юрий будто бы не совсем нормален. В последний приход он пребывал в совершенно невнятном состоянии. Рукав плаща изнутри заливала ржавчина. "Вы старушек-процентщиц убивали?" — поинтересовалась Зоя. Юрий невменяемо вытаращился. Ответил за него Константин:

— Был солнечный день, атмосферное давление — семьсот восемьдесят с хвостиком. У Юры в такси хлынула носом кровь.

— Он рукав специально под нее подставил? Еще и пиджак испачкать? — усомнилась Зоя. — Или таксист принудил бы валютой расплачиваться за испачканный салон?

— Тебе бы сыщиком работать! — иронично заметил Константин. — Он платок держал! Мимо слегка и брызнуло!

В первый раз, когда она увидела Юрия?! Он появился возбуждённый, взъерошенный... Пришлось искать польское успокаивающее.

— А то! — вмешался тогда Константин. — Его на тренировке послали в нокаут. Какой ему соперник попался!

"Ну и что? — говорила про себя Зоя, услышав звонок Константина в дверь. — Хорошо, я оказалась на дурацком спектакле Водоземцева. Выяснила не всё, но теперь многое. Вовремя академика увели чествовать. Он, почуяв себя барином, бросил своих верноподданных. И не понаблюдал конспиратор за ними. Сам вино-

ват. Забыл о долге перед сотрудниками. Давно, давно их требовалось переселить из пригорода.

А расскажу или не расскажу Тилину про водоземцевские секреты — мое дело. Это по вдохновению".

И не признавала Зоя, был или не был в ее настрое оттенок мстительности.

Литера: И

— Не волнует синергетика, — отвечал Евгений. — Это сумасшествие. Но есть сумасшествие природное. Откуда, например, возникла сорочья страсть к разным сверкающим камушкам?

— Вот оттуда, оттуда, — произнесла Далида, выстраивая мастихином очередной барашек.

— Ну и пэтэушницы в двадцать первом веке! — внешне изумился Ев, но с удивлением разглядывал на Далиде полное отсутствие следов сорочьих страстей: мятый оранжевый свитер чуть не до колен, неимение чего-то похожего на прическу.

"При том — грация, — рассудил он. — Ни манекенщицам, ни конкурсам красоты не снилась. Истина прячется или за стенами дворцов или за неопикуемыми свитерами".

По стеклу застучало: посыпался градом льдистый снег с дождем. Ветром его так и заносило в сторону окна. Далида кинула взор в зеркало над плечом: словно летел на нее снег и не долетал, обрывался в незримую пропасть. Ощущение невозможного. Его не передать. Не

сфотографировать. Всё мчится в пропасть, а живопись, архитектура, литература, история, геология, почерковедение, стенография — иное, вне прочего, остаются на другом краю-берегу, на другой стене.

— СТЕНО-ГРАФИЯ! — радостно воскликнула Далида, указывая мизинцем на тилинские стены, увешанные досками.

"А ведь поздно, — размышлял Евгений. — Глупо ее отпускать или провожать в такую погоду. К тому же не торопится. Или избалованная, или ей на всё с высокой колокольни, на останки домостроя. А я-то каков, о чем думаю? По-любому неудобств не причинит, если и на месяц застрянет. И отлично, коль застрянет надолго. Не исключено, окончательно отвадит Зою. Быть напарницами они точно не смогут. Эта Зоя — сыпной и возвратный тиф сразу, но заочно никого ее лучше нет. Именно, заочно".

— СЫПНОЙ И ВОЗВРАТНЫЙ ТИФ, — кивнул Евгений в направлении то уходящего, то приходящего и ударяющего в стекло снега.

"Ах, вот в чем корень! — смекала Далида. Снег-зима за окном, снег-зима в золоторамном зеркале и солнце-лето на деревянных досках, солнце-лето во втором серебрянорамном зеркале. Но почему, почему серебро и золото друг другу не противоречат? Или слишком противоречат?"

"Не дай бог они окажутся напарницами... — пробовал прогнозировать Ев. — Либо рассо-

рятся, либо спюются до тошноты. Да ерунда, чую, обойдется".

— Аллес! Ди штунде ист аус! — изрек Ев.
— Иначе ухудшится.

Далида увидела: последний барашек поставлен. Но выбрасывать краску ей не хотелось. Рука застыла в воздухе. Евгений схватил повисший в немой сцене мастихин и стал им счищать часть краски с доски, но, счищая, ювелирно примешивал недонесенную Далидой краску к холсту. За несколько секунд этюд преобразился, засветился. Нередко Ев в эти секунды или минуты нагло затевал свободной левой рукой игру с плечами, шеей, губами, а чаще, и с совсем иными местами подопечных. Доводка произведения и доводка ученицы сливались в общее действие, одно подогревало другое. Змей эроса работал до умопомрачения на каждый из фронтов, двигательный автоматизм перерождался в странно холодную симфонию. С Далидой игра шла по неясным правилам. Звенело нездешнее музыкальное эхо, будто отраженное от себя самого. Это оторванное от мира эхо чертило кривые по незримым сферам. Проходило полупрозрачные цветные преграды, обрушивалось каскадами на фантастические долины. И так далее. И на то похожее.

"Но некоторые из мимо проплывающих душ в этом отношении слепы, они обижаются," — грубо шепнул Еву тайный голос, прозвучавший не в мозгу, не в ухе, не в гортани, а где-то перед лицом. Только покончив с надкосмическими пароксизмами, Ев приступил к человеческим и, соответственно, послушался голоса.

Далида бросила художественное училище и прожила у Тилина ровно девятьсот дней. В это время добровольной блокады — из мастерской они почти не выходили — у них была общая дорога растительной жизни.

Литера: К

Четыреста четвертая дочерняя фирма Косидовского быстро поднималась. Начала с импорта, организовала производство, затем — экспорт. А благодаря чему? Вернее, кому? В офисах шептались:

— Феномен Иберова! Откуда на нас свалился?!

— Чудеса! Видит через океаны этот кавказец!

— Сам себя не знает! Спина у него вечно белая, а шнурки развязаны. Ныне старорежимным светит веселенький удел — смерть под забором.

— И пусть белая! И пусть под забором. Эдгара По вытащили из канавы.

— Зато владеет массой языков!

— Нам эти языки не нужны! Службе безопасности требуются "языки" совсем иные.

— А кто? Кто Иберов по национальности?
— донесся вдруг девичий говорок. — Не могу понять!

— Национальность? Его национальность — специальная статья. Он не грузин, не армянин. Иберов — ...трудно сказать кто. Новые слова в обиход пока не вошли. Лингвисты пытаются сейчас восстанавливать праречь, генетики — прарасы. Бывает, и реставрировать ничего не надо. В пампасах или в горных районах и то и другое можно найти в первозданном состоянии. Так вот, Иберов — контр-ги-пер-бо-рей-ский про-то-ев-ро-пе-ец. Некогда Европу и Месопотамию населяли как бы свои индейцы. Иберов — из тех могикан.

— Народец, что обитал в Европе до кельтов?

— Нет! Смотри глубже! За тысячелетия до индоевропейцев. Баски и грузины хотели примазаться к чужим лаврам, да не удалось. Этносы, подобные грузинам, заселяли всю Европу. Кавказ — островок древности в настоящем.

— А зачем нам Иберов?

— Зачем? Он у нас по особым поручениям. И совать нос в его дела начальство не позволяет.

— Но он и просто торчит у компьютера. Торчит и выуживает из сетей то, что ни один хакер не узрит. И без компа, сами знаете, обходится.

Литера: Л

Кое-кто из прислужников Косидовского следил за Водоземцевым и за двумя его ассистентами. Прослышав, что Водоземцев учредил новое акционерное общество, этот кое-кто расхаживал по тротуару, наблюдал бурление на противоположной стороне улицы: огромную очередь, как в пункт обмена валюты в день биржевого краха. Хвост из восьми десятков человек тянулся по улице. Скупали разрекламированные акции НИИПС. Константину и Юрию удалось обойти страшную толпу. За стеклами трех конторок сидели девушки, принимая на себя весь натиск. Ассистенты были здесь впервые и с трудом отыскивали служебный вход. До того плутали среди парадных и многочисленных вывесок фирм.

На одной доске фуфырилось:

ТРЕЙД МАШИНИРИНГ КОМПАНИ

На доске рядом:

ФБЮЧЕРСНЫЕ ОПЕРАЦИИ

Снаружи и в зале для посетителей всё блестяло: мрамор, бронза, стекло, современный дизайн. Внутри — гораздо дряннее. Коридоры напоминали прихожие старых габаритных коммуна-

лок, пахло гнильцой, меркаптаном и весьма подозрительной дохлятиной.

Константин и Юрий вошли в кабинет управляющего и никого не увидели. Пространство сияло оставленностью. Длинный стол для совещаний и по логике, и обычно ведет к креслу начальствующего, но кресла у торца стола не оказалось. В кабинете царило запустение. Наверняка года три в нем не мыли полы, не протирали стены. На задвинутой в угол кафедре-трибуне — куча пожелтевших бумаг. На них покоился обращенный затылком к вошедшим мраморный бюст советского вождя. Ясно, это вождь, но, подойдя ближе и повернув бюст, Юрий не понял, какой именно. "Кто-то из первых народных комиссаров, но кто — не постичь, — решил Константин. — Донельзя известный, известный с детства, и неузнаваемый. А лицо почему-то нестрогое, словно оживлённое, подрубленное".

— Сюда! — вдруг раздался грубый, но глубокий голос из-за зелёного занавеса.

Рука с толстыми пальцами задрала ткань. Высунулась крупная лысая свиноподобная рожа — катастрофически ухудшенная, но вполне материализованная проекция лица бюста. Рука нетерпеливо откинула занавес. Появилась фигура коротконого свиномордого лысача, облеченная в грачино-черный банкетный костюм.

За занавесом предстал взору новый длинный коридор. Лысач важно повел наших молодцев по нему в необозримую даль. И раньше можно было подозревать: взлётка Двенадцати коллегий только по инерции считается чемпионом. На

полу там и сям валялись мятые бланки товаро-транспортных накладных, авизо, отчетов — всего, что в славные девяностые гуляет для блезира. Трое давно миновали помещения "Инжиниринга" и "Машиниринга", прошли задворки "Фьючерсных операций" и шагали в некоем стволе, соединяющем несколько соседних строений. "Наверное, они принадлежали номерному предприятию или Гражданской обороне", — подумал Константин.

В конце концов, проводник ввел Константи́на и Юрия в небольшое боковое помещение. За новеньким деревянным столом сидел Водоземцев. Стол пах сосной, не имел признаков лака, эмали и даже олифы; был расчудесен, его крышка — настоящая доска, а не ДСП. В углу располагалось кресло-качалка из таких же натуральных материалов и лишенное атрибутов, доказывающих существование лакокрасочной промышленности. Свиноголовый немедленно разместился в кресле-качалке, а гостям предложили на редкость занимательную свежоотфуганенную образцово-показательную скамью из целиковой колоды.

— Не скамья подсудимых, а остатки растительных смол смыты, не бойтесь, — съехидничал свиноликий.

— Как вы относитесь к парапсихологии? — неожиданно спросил Водоземцев.

— Извините, Виктор Федорович, но ерунда это, — вырвалось у Юрия.

— Мы — атеисты, — заметил Константин, — в летающие тарелочки, телепатию, телекинез, в коммунизм, капитализм не верим.

— А я верующий, но не верю тоже, — бесцеремонно скаламбурил свиноликий и с умеренной долей хрюкотцы захихикал. Однако захрюкал он с такой интонацией, что невозможно было понять, верующий он в действительности или нет, сказал он серьёзно или словоблудия ради.

— Очень приятно, если среди нас нет легковерных, — произнес Водоземцев. — Пусть, к сожалению, многие чрезвычайно наивны и внушаемы. Они воображают немыслимое, нагнетают панику и тем самым нажимают на те пружины, о которых и не ведают.

— Прихихи-эгрегоры создают? — ухмыльнулся Юрий.

— Знать не хочу хихегроры, и плевал на них, — резко и раздраженно отозвался Водоземцев. — Есть у нас в городе масса парапсихологических обществ — никто не в курсе, сколько их точно. Тешились бы своими тайнами и никого не трогали. Но в них расплодилось немало доброхотов и не менее — святой простоты. Святая простота убудочней всего, обожает каждый пук наставника, а наставнички обретаются иногда дьявольские. Сперва превращают учеников в юродивых, отдают приказы один другого нелепее, но в эти приказы и "епитимьи" — или как они там называются — заплетают трегубо практическое. Только блаженный увидит в подобном коаны.

— Х-хр... Творят делища! — захрюкал свиноликий. — На чердаке дома напротив поставили здоровенные ящики с канцелярскими скрепками, посыпали скрепки пшеном, солью и медными опилками. Между ящиками протянули якорную цепь. А скрепки, хи-хох, в коробочках

или грудой? Да нет! Каждая скрепка вдета в скрепку. Сколько дней эти скрепки они цепляли друг за друга! Целый цех корпел! Вот она современная парапсихология! Начинают с ерунды, а кончают чем погаже. Главное, людей завести, а пружины рано или поздно сработают, лишь бы спусковой крючок был. Мы обрываем нити — не нам выяснять, где наращивают жиры настоящие кукловоды: в Женеве, Атланте или в двух кварталах отсюда.

— Так, коллеги мои, — глянул на ассистентов Водоземцев. — Придется вам бить врагов их же оружием. Уж попридуривайтесь, архангелов ради, упырями и вурдалаками, поиграйте ради серафимов в сатанизм, покажите колдовские обряды. Добавьте это к вашим... *сверхурочным* заданиям. Засчитаю, как у военных на перодовой, год за четыре.

Раз на черных и белых мессах не присутствуете — тем надежнее, вас не заподозрят. Не за горами и тонкое решение проблем.

— А что, Капитоныч, отыскал реквизиты? — изменив интонацию, спросил у свиноподобца Водоземцев.

— Не все. Пока добыли маски, — ответил тот и снял с себя лицо.

Лучше бы он этого не совершал. Настоящая его физиономия оказалась куда страшнее. Даже Водоземцеву стало неприятно.

— А на мраморную голову зачем надели оболочку? — поинтересовался он.

— Ги-ги! По вечерам мы поворачиваем бюст в сторону окна или прохода. Случается, милицейскую фуражку нахлобучиваем. Хорошо в по-

лутьме пугает! Ты, Виктор Федорович, зарплату этому ветерану предусмотрити.

В конце Капитоныч обратился к ассистентам:

— Бдите. Держать дополнительный штат нельзя, лишняя болтовня не нужна. Связываться с уголовниками при наших раскладах — идиотизм. Зато в органах — одни друзья. Коли влипните, будто бы в виде исключения и да по ошибке вас освободим. Оставайтесь скромнягами, прочее приложится. Были, были у вас предшественники. И что? Они быстро поменяли фейсы и кейсы. На жизнь не жалуются. А шиковать ныне можно и в Сьерра-Леоне.

Литера: М

Ночью грохнулись осколки стекла на площадку у лифта, а Иберов не осознал, полагал: лязгнули железом по железу. Но утром, наступая на скрипящие шестимиллиметровотолстые куски, сообразил: крови на линолеуме нет — похоже, ударили тяжелым предметом.

— Легавые приезжали, — донесся до Иберова голос человека в сильно ушитой куртке, — но никого не схватили. Опоздали на десять минут, как всегда. Прошляпили налет на 143-ю квартиру. А по стеклу кто-то из убежавших бандитов со злобы, наверное, шарахнул.

Иберов не удивился этому новому соседу. Чуть ли не каждый месяц уезжают и въезжают. Помнит Иберов, Иберов помнит: в анкетах и бюллетенях он специально перевирал номер

собственной квартиры, ей-ей, на крайний случай. И мнится ему, именно 143-ю ставил. Для контроля решил квартиру перепутать, а не дом или парадное.

И двинул Иберов не куда собирался, а прямо в рюмочную. Да не сумел он зайти в нее. Шибануло оттуда острым перегаром, кипячеными внутренностями, звериным западающе-раскоряченно-кривочелюстным говорком — попятился Иберов, толкнул плечом мордана, шедшего за ним, и, не извинившись, зашагал по проспекту.

Свернул на Бассейную, а там — толпа. Стоит фура с прицепом и гаишник замороженный. Валяется мятый велосипед, кругом — десятки битых куриных яиц, лужа густой темной шестимиллиметровослойной крови.

Понял Иберов, Иберов понял: это знак и домой ему дороги нет, бомж он теперь, Иберов.

Но идет Иберов дальше и грезится ему: посылают его за труды праведные в Пятигорск или в Туапсе. Однако чувствует: никому-то он со своими праведными трудами не нужен, отброс он, и точка. Мавр сделал дело. Для наживки разве сгодится. Но думать об этом не хочется и представляет он Минеральные воды... "А если дикарем туда ринуться?"

— А если бомжем? — слышит Иберов рядом нарочито гнусавый голос Фефелова. На черта тебе гастролировать? Чем хитрее затаишься — тем безопаснее.

— Крестишься-то зря! — продолжал Фефелов. — Существовал Иоанн Креститель, а Христа вашего не было в природе и в народе!

— Еще чего! М-да-да-Хая не из Шанхая, — машинально отвечал Иберов. — Настоящий спаситель умер за двести лет до рождения Христа, и его звали Иессеем.

— Доапокрифы и без того ведаем, — ухмыльнулся Фефелов.

Литера: Н

Мирный грек Ионидис поселился в гостинице "Советская" вследствие объявленной бедности и благодаря протекциям. Спрашивали: "Не из Одессы ли грек?" Давно уважающая себя публика отхлынула отсюда, кто в "Прибалтийскую", кто — в "Пулковскую", кто в центр. Здесь с низкими ценами пребывали всякие не шведы, а граждане СНГ и цыгане из Болгарии. Да и то по старой памяти.

Неуютно было Ионидису. Одиноко. С высоты девятнадцатого этажа виделись окраины, больше — пакгаузы, склады, унылые пейзажи, тянущиеся вдоль железнодорожного полотна, далекие и постные физиономии домов-новостроек за толстыми и тонкими трубами предприятий.

Самым захудалым иностранцам не воспрещали смотреть на эту часть города. А в сторону залива? С неохотой, но разрешалось. Кому нужны Канонерский и Гутуевский острова! Не устье Фонтанки? Наслаждайтесь, сколько влезет! "Красный треугольник"? — Фотографируйте на память. Вулканизируйте взоры и печень. Не ближние северные районы, где всё мудреней. В семидесятые или восьмидесятые, гово-

рят, готовили для тех районов дымовую завесу от спутников-шпионов. Потом махнули рукой, но для пущей важности отобрали у Госкоминтуриста СССР скороспело отгроханную коробку, торчащую, как табло, у Финбана.

Почти не выходя, прожил Ионидис в гостинице недель пять-шесть. Не покидал номер и когда его убирали. Отыскалось решение: только вырастает горничная с пылесосом-полотером, Ионидис — под душ. Средиземноморски приятное имя носила горничная: Сардиния. Оно значилось в паспорте, а называли горничную Сардой. Но Ионидису нравилось именование Сардиния. Так он ее и величал. Замечает грек: заканчивается уборка, Сардиния шаркает у двери, грек сразу из душа — индонезийский чай пить. Точь-в-точь для Ионидиса это зелье: не раздражает расшатанные нервы и разболтанные сердечные мышцы. И Сардиния ему чаек таскала вместе со швабрами. Упросила кладовщицу припрятать килограммчик — не дай бог, останется единственно черный индийский.

Непонятно сварганена жизнь. Запасай чай... А прежде законспирированному постояльцу принадлежала латифундия: три плантации горного чая. Но не греческого, а крепчайшего кавказского. То — *настоящий чай, а не тот, что продают в магазинах...* А теперь не пришлют пару мешков с пристойным чаем. Да и не сможет грек его пить — слишком в последнее время ослаб.

Вначале Сардиния проявляла недовольство полузаголенностью мужчины. Потом привыкла: принимала полузаголенность и заголенность за норму. Чаще всего на иберийском греке не было

ничего, кроме простыни или полотенца вокруг бедер. Халатом Ионидис как-то не успел обзавестись, пижамы из моды вышли, а прочую амуницию он надевал перед обедом.

Подобных морально-духовно надломленных и чуть не до прострации (*просрации* — на языке *других гостиничных служащих*) чем-то обеспокоенных южан Сарда раньше не встречала. Поди разберись! Где вы видели южанина, который бы не пристаивал к молодым горничным? Который глядел бы на вас букой?

Хоть бы усы отрастил! Хоть бы раз улыбнулся или усмехнулся. Не тот, не тот он человек, за кого себя выдает! Но деньги у бедняцкого "буки" водились немалые.

— Не желаете ли девушку? — спрашивала Сарда. — Очень быстро могу добыть.

Мирный грек Ионидис при таких словах смотрел на серую дымку над Балтийским вокзалом, вспоминал еще не зачахший скверик у него и великовозрастных девушек, что в том оазисе льнули к посторонним мужчинам. Одна была скромницей, и к нашему герою не примеривалась. Она опустилась на ту скамейку, где он расположился, и, слегка согнувшись, принялась небрежно постукивать связкой ключей по фигурно загибающейся вниз поверхности реек сиденья.

Да, тремя рублями то древнее происшествие не обошлось. Еле вырвался грек из чужого обиталища. Практически без царапин. И по везению не загремел в известный половине города Либавский переулочек, близ Калинкина моста.

Не деньгами, не пришибленностью удивлял Ионидис. Заметила Сардиния, считает грек без бу-
мажки и калькулятора. Складывает и перемно-
жает в уме любые числа. Коридорные о чем
трепятся! Слышали они, разговаривает грек с
вьетнамцем на вьетнамском языке. Плюс то,
плюс это. Вокруг себя полотенце грек оборо-
чивает и в узел не завязывает. Расхаживает Ио-
нидис по номеру, а полотенце не падает.

Но таки подкараулила Сарда момент, когда
чрезвычайно цивильно и щеголевато одетый
грек вернулся из ресторана, и втокнула двух
девочек: Олю и Вику.

— Вот и мы! — сказала. — Выбирай, какую
хочешь! Затосковал у нас иностранец".

Пришибленный грек, обычно опасавшийся
индийского чая и кофе, выбрал всех.

Вечер, ночь и утро вся троица провела у Ио-
нидиса, а затем эти трое разбрелись кто куда,
до треска в висках утомленные, с ломотой в
костях и с красными от бессонно проведенного
времени глазами. А слабый грек Ионидис со-
вершенно не утомился и даже не лег спать.
Ужасно захотелось Ионидису выйти из гости-
ницы прогуляться, но он удержался от опро-
метчивого шага.

Ионидису больше понравилась Оля. На про-
щанье Оля обещала приходить еще. Поэтому
ни с того ни с сего и оказался грек на несколь-
ко дней без индонезийских листьев. Уже под-
надоевших.

А Ольга не польстилась на греческие деньги
и во второй раз пришла только в воскресенье.

Литера: О

— И текилу не пьете?—спрашивала Ольга.

Грек мотал головой и думал: "Не похоже, чтобы девица была подосланной. Ишь ты, доехали и сюда телесные блага цивилизации".

— Сколько километров от Луны до Земли?
— заинтересовалась Ольга.

— В среднем триста восемьдесят четыре тысячи четыреста.

— А каков квадратный корень из восьми миллионов семисот девяноста семи тысяч ста пятидесяти семи?

— Две тысячи девятьсот шестьдесят шесть целых и сто шестьдесят восемь миллионов пятьсот семьдесят семь тысяч двести четыре стотриллионных. Единственно прошу, Оля, никому ни слова о человеке-счетчике. Пока здравствует ревнивый конкурент, но он решает и запоминает не сам, а с помощью приемов.

— Зачем зря говорить? Может, и мне счетчик понадобится. Я тоже хороша. У меня есть пистолет в авторучке, — сообщила Ольга и открыла сумочку.

Ионидис не понял, что это: пистолет, скомбинированный с авторучкой, пистолет в виде авторучки или ручка в виде пистолета. Он не успел и взглянуть. По шее царапнуло. В глазах поплыл молочный туман. Грек ничего не воспринимал, кроме властного голоса Ольги:

— Сесть!

— Встать!

— Сесть!

— Выдвинуть ящик стола...

Всё кончилось.

Мирный грек Ионидис повесился в гостинице "Советская".

Никто не угадал по какой причине. Будто бы так заставила его сделать одна из подруг Сарды после выстрела в него шприц-тюбиком с суггестивным препаратом.

Литера: П

Лота, младшая дочь Водоземцева от второй жены, вела своеобразный образ жизни. Весной и летом она прозябала в вялой дрёме. Осенью феноменально оживала и в ноябре выходила замуж. Но к апрелю погружалась в сонливость и обязательно разводилась.

Картежники, гуляки и всякая богема весьма уважали Лоту, особенно ее кулинарные пристрастия. Когда ни у кого ничего не было, у Лоты имелась в наличии уха из налима, налим-суфле и паштет из печени того же существа. А рыба вкуснейшая, лишь умей готовить. Куда там японская фугу!

Каждому новому мужу Лота вручала комплект рыболовных принадлежностей и отправляла на ночную рыбалку. Нормальным рыбакам такое и требуется! Если муж подвертывался занудный или не совсем искусный, ему в сопровождение давали строгую и сердитую молдаванку Антонину.

У нынешнего мужа имя — Расик, фамилия — Нитупов. Лоте по спецзаказу вывезли его из-под Тобольска. Невзирая на странное имя, к при-
220

родным аборигенам, он не относился, обликом оказался страшен и напоминал вместе взятых: батьку Махно, сверхопростившегося Льва Толстого и обросшего, карикатурно-неухоженного Гитлера. Тем не менее Лота оставалась им чрезвычайно довольна и свое довольство всячески выражала. В ответ на очередную похвальбу Антонина хотела покрутить пальцем у виска, но Лота шаловливо ударила ее по пальцу обрезком багета и громчайшим шепотом пропела песнь, состоявшую из повторяющегося коленца, а именно:

...тс ерен, тс ерен, тс ерен, тс ерен ... тс ерен...

Песнь всем понравилась, и решили: Расик Нитупов — *оч холосый мущина*. Безумие в его зраке сияло, как числовой факториал, как зеркало заката европейской эволюции, юродствующей в холосте.

— Зажги свечку — и точка! — кричала, радуясь, Лота. — Зеркального коридора не надо!

Увы, девятый брачный цикл Лоты⁵ поразил неудачностью. В декабре в самый разгар веселого перформанса в гостиную Лоты вбежала плачущая Антонина. Замерзшая молдаванка заикалась, зуб у нее на зуб не попадал, разобрать удавалось только наиболее характерные слова молдавского мата. Уверенные, что эпизод заранее запланирован, что это игра, гости устроили овацию, то есть бурные и продолжительные аплодисменты...

⁵ Тайна прозвища... От Lota (лат.) — налим.

Но выяснилось: игры нет. На рыбалке произошла трагедия. К свежеччищенной проруби, у которой, жуя калачи с тмином, безмятежно сидели Расик и Антонина, неожиданно подбредли два усатых суконных рыла. Рыла заговорили, и тут стало понятно: усы-то у них вовсе не усы, а волчьи клыки; и на это суконным джентльменам было наплевать. На них — распаханутые бараньи тулупы, незастегнутые твидовые пиджаки. В зиянии рельефились пикейные жилеты.

— Э! Мы — серы, мы — серы! Э! Мы — серы! — пропели суконные рыла. — Левосеры! И правосеры! — глянули на рыболовов жуткими зелёноправолевосерыми глазами и угостили их тульскими пряниками.

— Ешьте, ешьте пряники, самоваров у нас нет, зато пистолеты Марголина в наличии. Ешьте, ешьте пряники, кумарьтесь на здоровье, — провыли-пропели пикейные джентльмены. Затем схватили Расика за ноги и сунули его головой в прорубь. — Э! — возгласил один из джентльменов. — Да всякий грамотный астрóном знает: новый год и рождество — 22 декабря, а щас — святки, святки, святки.

— Ну, вот! — окончательно затолкнув обмякшего Расика под лед, произнесло другое рыло. — Передай Лоте: тс ерен, тс ерен, тс ерен у нее будет безбородый. А этот налим не тот, и не налим он, ерш обыкновенный, да плохой к тому же, отравленный. Доброе мы дело сделали и вполне тихо. Повезло еще, прорубь крепко не сморозило! Неделей позже — и

пришлось бы страхоперку бензином обливать. То-то бы запах стоял!

Литера: Q

Три часа ночи. Без звонков. В интернете торчали благополучно в него попавшие. Недоразумения исчезли. Поэтому Аркадий, дежуривший у телефона службы поддержки, позволил себе расслабиться. Захотелось пить. Аркадий приоткрыл дверцу тумбы. Всю тумбу стола занимали коробки с травами. Из двенадцати — пятнадцати компонентов Аркадий и сотворил напиток. Процесс приготовления проходил не по канонам и занял минуты. Смесь бутылочной воды и трав Аркадий быстро подогревал особым кипятивником, сразу после закипания фильтровал. Пахнущая лесной поляной жидкость мгновенно охлаждалась в сильно закопченном сосуде, который в позабытые времена считался драгоценным спортивным кубком. В результате возникла не травяная бурда, а нечто выразительное.

Сегодня стереотип поломался: Аркадия привлекла кипа газет, оставленная предыдущим дежурным. Гм... Хронически подсмеивающимся, презирующим прессу, прогресс и ай ти. Кинулись в глаза строки:

...в заброшенной установке НИИФИОН летают призраки...

...в 1918 году в подвале соседней дачи расстреливали контрреволюционеров и там же их закапывали...

...ночью над сооружением можно увидеть светящийся сиреневый столп, а в нем искры. Говорят, это неуспокоенные души убиенных...

Аркадий ухмыльнулся. То была его, Аркадия, Установка. Он вспомнил, как в 1992-м прекратили ее финансирование. На первых порах еще надеялись: всё переменится, умное вернется, но здание в форме цирка и конструкция в его центре так и остались недостроенными.

В середине здания и по проекту не полагалась кровля. Аркадий слышал, а изредка сам наблюдал: на свободной, уже ничейной полосе, у кого-то горел костер в высоком железном контейнере. Ночью пламя угасало, а репортеры не подозревали о его дневном существовании. Но из-за раскаленных углей над контейнером в темноте вспыхивал световой столп, в еликом появлялись искры и витали активизированные конвекцией мусоринки. Вот тебе и души убиенных контрреволюционеров!

А разжигать костры могли не только рабочие с мебельной фабрики, которая начала претендовать на территорию. Установка находилась в лесопарке и целый сезон приманивала нудистов. Засим нудистам пришлось поджечь хвосты. Самодеятельные оккультисты, парапсихологи и иже с ними вообразили: циркоподобный корпус не что иное, как сверхстоунхендж. В дни равноденствий и солнцестояний они служили в нем современным богам и вволю вакханальничали.

Потом некие господа поняли: загражденный для безопасности мощной решеткой очень сложный и глубокий котлован под Установку

есть перевернутый собор, обращенный маковками к ядру Земли. Циркоподобное здание — лучший в стране, может, и во всем мире, дом для свершения черных месс.

"Ну и мелочь по сравнению со всем прочим светящийся столп! — рассудил Аркадий, но почувствовал: слишком надоели последние истории с их тупой монотонностью. — Наверняка журналисты в курсе всего и хитрят, при отсутствии материала изобретают способы подсовывания жареных "уток". Еще не уйдя от этих прикидок, Аркадий уперся взглядом в обведенную фломастером заметку:

УБИЙСТВА НА ШОССЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Однако убийства необычные! Дочитав сообщение о них, Аркадий моментально вспомнил недоучившихся студентов, своих покупателей... Ведь в субботу он встречал их на площади перед вокзалом. От их прежней худосочности не осталось и намека! Аркадий еще насторожился: "На какой такой промысел они сейчас переключились?" Он и бывшие универсанты сделали вид, будто не узнали друг друга — иначе не вышло бы ничего, кроме нелепого и ненужного разговора. Да и те двое, бесспорно, не были склонны к беседе.

"Не купи ту книгу они, купил бы кто-то третий", — торкнулась в голову непрожеванная идея.

"Ишь ты, внутренний голос проснулся, — подивился Аркадий. — Он вечно пробуждается, когда поздно".

Литера: У

П. Р. смотрелся чрезвычайно плохим ленинградцем: мосты не разводил, запах корюшки не переносил, в главных ресторанах даже в старое время не бывал, драк там не устраивал. Об одеяниях П. Р., о его наружности промолчим. Словоно человек рассеянный: вместо валенок перчатки он натягивал на пятки. По этой причине в более бойких, чем Магадан-на-Неве, городах: в Москве и отнюдь не сонном во многих отношениях Нижнем Новгороде почти у каждой подворотни к нему приставали подозрительные парии и пытались малость пожить. В Петербурге П. Р. терпели, но стоило ему очутиться где-то в Волхове или в Тихвине, как вдогонку ему зловеще несло: "Понаехали тут всякие!"

Картина отличная! Еще бы! П. Р. носил штатское и работал в милиции. Сразу после службы в погранвойсках начал с выездов на трупы. Мощная практика. Затем он занимался дознанием. Достигнув мастерства, решил переменить профессию. Был П. Р. на своем поприще довольно талантлив. Другой вопрос: для серьезного розыска его не рекомендовали и держали про запас. Чего-то опасались. Боялись: этот деятель интуиции, не имеющий особых полномочий и, кстати, высшего юридического образования, переборщит. А у того всплыли суждения боковые: прежние успехи он стал связывать с везением.

Да и перквизиции его считались простыми. Сомнений не возникало: и дипломированный следователь справился бы. Чем раньше П. Р. привозили к месту преступления, тем быстрее он его раскрывал. Поражений в ремесле не ждали. Полтора, два часа — дело прояснялось, наручники защелкивались.

Вот прошлогоднее происшествие. Некая дама по фамилии Перетёкина отказалась впускать неизвестного, выдававшего себя за служащего МЧС. "Дом взорвется! Авария!" — орал во всю глотку "служащий", то звоня, то тарабаня в дверь. Звучало вполне авторитетно, но, поняв, что дверь взламывают, Перетёкина взялась набирать "02". Вторгшийся ухайдакал каким-то тяжелым предметом успевшую позвонить хозяйку прямо у телефонного аппарата, но снятых ею денег не выискал. Он покидал в наволочки полдюжины вещей и улепетнул.

П. Р. появился позже наряда. Дошел пешочком, благо идти недалеко. Ни о чем не расспрашивая, покружил по квартире, вернулся ко входу, глянул на косяк и заинтересовался зазубринами. Не тщаь их замерять, запоминать положение, проявлять отпечатки пальцев, он подозрительно сощурился и ненароком принялся обнюхивать зазубрины. Нюхал он с откровенным упоением, нюхал и балдел, но то был запах не амбры и не майского ландыша. Именно не ландыша. П. Р. едва не вырвало.

Он бросился к лифту, побродил по коридорам, потом, переговорив на улице с дворником, помчался за гроыхающей тележкой мусорщика... Вскоре милицейская машина с пойманным уже летела в сторону отделения. А в другой машине

везли орудие взлома и нападения: "обрез", то есть лопату с обломанным черенком для доскребания просыпавшегося мимо ящика мусора.

Позавчерашнее дело касалось и не П. Р. Он хотел подъехать на патрульной машине до метро. Но в рации прозвучало: "Дом шесть, квартира 17. Кража". Шофер лениво свернул: "Поди ж ты! И товарища не удалось отвезти и в любимый тупичок наведаться, чтобы приятно вздремнуть там, не вылезая из автомобиля!" П. Р. не устремился к трамвайной остановке, а почему-то отправился по вызову со всеми. На этот раз он и кругов не совершал, оставил труды тем, кому они предназначались, скопировал отпечаток с фрагментарного следа на полу и задефилировал вблизи парадных.

Вытаскивая корочки, он требовал входящих-выходящих мужчин сгибать ногу в колене и показывать подошву. Затея бесперспективная. Обнаружив похожий, но сильно стёртый след у соседнего подъезда, заскочил внутрь и попробовал названивать в двери. За первыми не раздавалось шумов, из третьей выглянула столетняя старуха и бессмысленно зашамкала беззубым ртом. Из четвертой выторкнулся высокий и раскормленный тинэйджер. П. Р. заставил его согнуть ногу и узрел на подошве кроссовки искомый рисунок.

Патрульная машина повезла подростка в привычном направлении, а П. Р., чертыхаясь, двинулся к трамвайной линии. И конечно, можно сделать крюк на машине, но теперь нашему оперу показалось это не очень приятным.

Так примитивно, не изучая картотеки и банки данных, П. Р. высчитывал координаты удравшего в Сыктывкар или в Горно-Алтайск. Ничего диковинного. В человеческом мозгу есть пространства, которые не поместятся во всем объеме земного шара.

П. Р. долго подыскивал себе охранные структуры, потому и долго, что в них как назло обычно сидели бывшие тихвинцы и волховчане. Они моментально отбрасывали претензии П. Р. на любую роль в их ремесле.

П. Р. уже прошел для проформы ВТЭК, имел в кармане нужные документы, собирался на прощание пожать руку подполковнику и был нетрезв (успел отметить увольнение из органов), как подполковник попросил его об экстренной помощи.

— На тысячу долларов новая работёнка? Верно? А я могу тебе выхлопотать на тысячу семьсот! — без зазрения совести соврал подполковник. — Мой однокашник по академии покинул налоговую полицию, бросил дойную карьеру... Избрал поприще лучше. Предлагал и мне, но куда теперь, да и не по нутру подобное. Забыл, когда ходил в участковых и патрульных.

— Иссяк? — уточнял подполковник. — Но нюх-то остался? Батальон у нас даром ест хлеб. Кто способен его грамотно направить? Протер бы дуболомам zenки. Прокуратура воет, да и она хороша. Давно пора их следовательниц: кого — в детский сад, кого — в богадельню. Ну что? Договорились? Побудь сегодня-завтра с ребятами.

Если с чужими, дам тебе Грищенко. Он быстро контакт с кем надо обеспечит.

Литера: Ф

У Константина с Юрием было сверхурочное задание и как раз на шоссе Просвещения. Они не спеша прогуливались среди деревьев у знаменитого здания, но не без некоторого трепета: слишком напачкали здесь раньше.

Первый вышедший смотрелся дюжим на вид. Константин вытащил шило, а Юрий сделал ложный замах... Второй побежал к соснам. Константин догнал его, схватил, повел его шейные позвонки на ствол лиственницы.

Начавший полегоньку шпионить за ассистентами, Аркадий в этот день опоздал. Однако успел заметить садящегося в автомобиль Юрия.

Вокруг — ни души. Аркадий двинулся в сторону Установки.

Темно и мирно. Потрескивающий фонарь на столбе слабо освещал дорогу, контуры тополей и кусты сирени. Из-за насаждений выросли фигуры толстых омовцев в бронежилетах:

— Стоять! Стоять! — В ручищах развернулись палочки маленьких, словно детских, автоматов:

— Черт! Уходит, уходит маньяк!

Первые очереди — по ногам.

— Уходит, уходит гад! Зайдет в комплекс
— оцепить не успеем!
— Стрелять по туловищу!

Несколько очередей...

Аркадий продолжал идти и упал только во внутреннем двореке Установки.

"Не он, не он, — думал П. Р., разглядывая мертвого Аркадия, — не тот типаж..." И, обернувшись, увидел в заставленном ржавыми бочками закутке ворочающегося под солдатскими шинелями бородатого бомжа. П. Р. подошел к нему. Ударил винный запах... "А этот вообще не из той пьесы!"

Не стесняясь, бывший опер принялся бить себя куда придется, особенно по лбу. "Самсон проклятый! — шептал он. — Что учудил! Уго-раздило отстричь неэстетично торчащее за скулами. Да еще под корень! Жесткие, но тонкие щетинки-вибриссы. Никто не требовал! Никто не замечал! Примочка сюпэрмэна тряханулась, исчезла! Если коту усы сбрить — и то мышей ловить не будет!..."

"Впрочем, пардон! Меня и быть здесь не должно. Подполкан речистый упротил!"

Утром, давая интервью и на глазах у телезрителей бесстыдно попивая нероссийское пиво, всё проспавший и не принимавший участия в облаве капитан ОМОНа говорил:

— Маньяк ликвидирован в недостроенном здании номер 139 по шоссе Просвещения. Аномальный дом! Мы в нем трошки заплутались, но признают — узловая точка! Лет пятнадцать на-

зад там намеривались сооружать нечто похитрее, чем циклотрон или синхрофазотрон. Академики хотели пускать протоны с позитронами, но у них ничего не вышло. А мы обезвредили в руине преступника. Заодно спасли от замерзания приехавшего из Парижа поэта Костецкого. В Петербурге Костецкого (что молчать?!) приласкали, но этого известного и милиции записного бретера побоялись приютить в своих гнёздышках. Ему предоставили для ночевки неотапливаемое помещение на Пушкинской, 10, и солдатские шинели вместо одеял, а он повздорил с приبلудными бродягами и перебрался на окраину города.

В газетах появились не всем ясные заголовки:

МАНЬЯК УНИЧТОЖЕН

*ЧТО ДЕЛАЛ НА РАЗВАЛИНАХ
РУССКИЙ ПАРИЖСКИЙ ПОЭТ?*

БОЙЦЫ ОМОНа УСПЕЛИ ВОВРЕМЯ

ПОЭТ-БАРД СПАСЕН ОТ СМЕРТИ!

СТРАННОГО КИЛЛЕРА БОЛЬШЕ НЕТ!

Правда, "киллер" совершил еще одно действо. У Аркадия не было другого оружия, кроме кустарного газового пистолета, вернее, комбинации газового пистолета с миниарбалетом. В механизме — металлические ампулы-баллончики, похожие на предназначенные для сифона. Каждый баллончик снабжался оплеткой с балансиром и рычажком, словно превращался в

газовый пистолет. Такими пистолетами-снарядами мог стрелять арбалет. В лаборатории не поняли этого хитроумия. Развязка не заставила себя ждать.

Судебного химика, рискнувшего проанализировать газ, нашли мертвым.

Руководство, возроптав, планировать повторную хроматографию не пожелало. Инженеры-электрики разогрели до 2000 °С дно и стенки бетонного колодца на полигоне. Специальный робот бросил туда неиспользованные ампулы.

Бесспорно, о неудачном анализе ни борзописцам, ни московскому начальству не докладывали. Но генералы приезжали. Были на Захарьина, на Екатерининском проспекте, заскочили и на Литейный. В результате скрытых от нас пертурбаций кое-что изменилось.

И на десерт папку многострадального Игоря Леонидовича Фефелова сдали в архив. Но вот незадача: через три дня копия злосчастливого досье легла под очи Павла Косидовского.

Литера: Z

Оба босса-академика встретились далеко от Петербурга. Погода стояла прекрасная. Прохаживались по непривычной зрению запущенной липовой аллее. Она тянулась ровно на две версты. Под каждой липой виднелась сломанная, полусгнившая скамеечка и столбик от столика, иногда — сам столик. Стоило на столик опереться — он с треском рушился: столбик под столешницей ломался подобно ножке трухлявого гриба.

Косидовский был гораздо выше ростом и размашистее в движениях, чем Водоземцев. Последний семенил за ним чуть ли не вприпрыжку, но, будучи энергичным и физически крепким, дискомфорта не чувствовал.

Ходили вперед и назад, но все же оказались в конце аллеи. Под ногами Косидовского стало скрипеть. Неожиданно Водоземцев обнаружил: это кости.

— Не тут ли ели козлика серые волки? — попытался он через силу пошутить, но сообразил: кости отнюдь не от мелкого рогатого скота! И пожалел об оставленной в километре охране.

— Раритеты времен гражданской войны. Лисицы из неглубоких могил порастаскали, — спокойно заметил Косидовский и придавил каблуком чью-то височную кость.

Академики шли дальше, на кости почему-то наступал лишь Павел Косидовский. Водоземцев вроде бы не берегся, но под его ноги останки не попадали.

"Ишь ты, типус! — подумал Водоземцев. — Фортуны не боится, уверен, к нему ничего не прилипнет. По барабасу".

Косидовский посмотрел на Водоземцева и немного сквозь него:

— А милицейские дела мои весьма скромные. В отличие от некоторых (Косидовский усилил фокусировку взгляда на плечи своего спутника) я, если и убиваю народ, то в основном экономически, то есть не просто разоряю и обедняю, а именно убиваю. Это мне известно. Я не

люблю розовые сказки. Повторяю, убиваю хотя и физиологически, но чисто экономическими методами, и даже с доброй помощью государства. Не запрещено законом. Что не запрещено, мон шер, то разрешено. И здесь я хуже Молоха. Полумиллиону людей я точно жизнь сократил. Скажу в скобках: не своим работникам, всё косвенно. Зато полмиллиарда у. е. наварил. Позиция честная. Человек — лейденская банка. Чем больше банок разрядится — тем больший финансовый эффект в итоге.

— Какой вы, таки, шельмец! Да еще половой! Туда "ПОЛ" и сюда "ПОЛ"! — вслух произнес Водоземцев, но поежился: "Нет, нет! Лучше упразднить дюжину-другую тех, кто мешает жить, с помощью подручных средств, но не тысячи, не миллионы. Безусловно, протоплазма чрезмерно разлакомилась. Испокон веков она питает себя собой, но этим пусть тешатся микробы, орлы и крокодилы. Пусть соловьи пожирают июньских бабочек-крапивниц с их душами, а олени тоннами уничтожают ягель с его живым сознанием. По новым мнениям, и амебы, и тростники разумны!"

"Хорошо, мы почти интеллигентны, не братки. Невыгодная месть для нас необязательна, — возникла идея у Косидовского, — иначе давно бы друг друга устранили", — и тут подозрительно спросил:

— Над чем вы, мон шер, мозгуете? Вы забываете, на арене — не только армии, полиция и уголовники. На планете Земля существуют парламенты и правительства. Одно решение парламента, одна подпись президента — и косвенным

образом ускоряется приближение смерти десятков миллионов.

— Наш Петр Первый, — добавил Косидовский, — он половину России угробил. Но смысл? Московская Русь все равно вернулась! Не соболями и пенькой торгует, а нефтью и газом — суть та же. Эксплуататор-помещик, который насадил липовую аллею? Восстанавливать эти достопримечательности не собираются. От столиков со скамейками осталась труха. На бричках и телегах здесь не ездят. Со всех сторон налегают березы. Ольха из-под земли прет. Лет через пятьдесят в буйном лесу никакой аллеи не обнаружат. Так и деяния великих мира сего с течением времени сглаживаются.

— Не пора ли подвести черту? — нетерпеливо заметил Виктор Федорович. — Слышал, ваша команда перехватила похищенный у меня фрагмент. Вы желали бы обменять его на аналогичное?

— Да.

— Я согласен.

— А что вы даете?

— Всё.

Косидовский опешил. Его мина непонимания едва не затмила солнце.

— Фрагмент у вас при себе? — осведомился Водоземцев, игнорируя эмоции спутника.

— Естественно.

— Давайте, — и для ясности Водоземцев потряс в воздухе папочкой.

Приняв у Косидовского несколько ламинированных листиков, Водоземцев дико захохотал. Стая воробьев сорвалась с кроны засыхающего дерева.

Водоземцев продолжал смеяться.

— Я... ..опр, я ...одр. Ох! — потер он лоб. Я опубликовал всё, обнародовал крошечные тайны месяц назад! За литературой нужно следить!

В руке Водоземцева появилась красивая, мемориального вида книга с золотым обрезом.

Литера: Ш

Люди, ожидая начала совещания, гудели:

— Что Водоземцев творит? Тематика под грифом! Как его еще не заграбастали куда надо!

— Ха! КБ ОКОНОР запрашивало ФСБ.

— Та-ак?

— Ответ поступил вполне внятный.

— И?

— Фокусников, дескать, не трогаем, они делают свой бизнес.

— Вот-вот! — вмешался третий голос. — Астрологам, хиромантам и дантистам жить не мешают. Зачем мешать Водоземцеву?

— Го-го-го! — не выдержал второй голос. — Тонкость в том, что сперва ФСБ и купилась, год финансировала лабораторию Водоземцева — когда он якобы скрывался, — и недурно, тью-тью-тью, финансировала! И перед правительством ходатайствовала. Оттуда тоже поперли солидные деньги. И гриф был: два нуля! Теперь, хи-хи, гриф исчез! Водоземцев оказался иллю-

зионист-с. Взятки с него гладки, но без мздоимства не обошлось. Поживился кто-то. А далее? "Просчет" рекламировать? Наружу всё выворачивать? Самого себя бить?

— А Ведерников?

— Ведерников — величина, но за год до кончины уже успел превратиться в нуль. Сразу не успели распознать размягчение мозгов. Вялотекущее-с.

Литера: Щ

Зоя смеялась:

— Он нетипичный Остап Бендер. Смесь Кио, Месмера и Лысенко. Но больше Водоземцев похож на героев Гоголя, на всех сразу, кроме старосветских помещиков. Под плохими люминесцентными лампами, аж, на Акакия смахивает! Но кто поручится, что в восемьдесят семь он не окажется Афанасием Ивановичем Товстогубом?

— Вряд ли, — усомнился Тилин. — Очень ты благожелательна. Хотя я осуждал ревнителей возмездия, засаживающих девяностопятилетних эсэсовцев за решетку.

— Бывает, чем активнее человек в молодости, тем расслабленнее после семидесяти. А сейчас активность носит особый характер. Время нынче специфическое.

— Мы отвлеклись. Что знала, ты сказала. Но поздно. У меня почти готово.

— Быть может, пригодится потом. Ты сам видишь, как ложные идеи наталкивают на внезапные, но правильные мысли.

Литера: Э

— Вот выставка необычного художника Евгения Тилина. — твердил в микрофон комментатор. — Она примечательна! Перед нами — объемные заливки. Краски художник нанёс шприцем в прозрачайшую желеподобную основу для мягкого витража. А распределение пигментов! Толщина прозрачного слоя до трех дециметров!

Публика вглядывалась в стереоскопические картины с некоей озабоченностью.

— Краски расползаются, смешиваются друг с другом сами. Пара десятков уколов в нужные точки этого студня — и произведение возникает само.

— А почему тогда картина отличается от соседней? Откуда роскошь и разнообразие?

— В том-то и секрет.

— Аэрографом сие не свершить. Я и говорю: не просто объемная заливка!

— Вернее, разливка. Но как все разливается? В чем главный вопрос.

— И не разливка. Скорее краски обладают электрическими или магнитными свойствами. Художник сделал в это желе инъекции, а затем проводил электромагнитом или заряженным конусом. Даже интересно: вместо кисти — магнит или электрическое поле.

— Да не пойдут быстро и правильно ни диффузия, ни движение пигментов под действием поля. Что-то здесь не так!

— А как?

— Знал бы, и у себя в мастерской еще не то сотворил!

Литера: Ю

— Архаичная атмосфера, — возглашал другой комментатор, представляя телезрителям стоп-кадры: мужчины в смокингах, дамы с декольте, огни тысяч настоящих свечей. — В центре — Павел Косидовский. Он открывает перед гостями нечто вроде готовальни величиной со стандартный кейс. На черном бархате, сверкающие камни: не рубины, не изумруды, не бриллианты. И не имитации... Это новые камни. Их граней не касался инструмент ювелира.

Часом позже соседний канал прибавил к сообщению кадры с показом наперстков из драгоценного материала Косидовского.

— Наперстки! Наперстки! Не мифические вечно сухие тигли для космических исследований! — кричал чем-то недовольный консультант.

Литера: Я

— Жарко. Наверное, градусов тридцать.

— Передавали, двадцать семь.

— В тени! На солнце — сорок пять!

— На солнце-то сорок пять? До миллиона!

— Вы же понимаете, о чем речь. Зачем прикидываетесь?

— Все прикидываются. Например, прикидываются, якобы ведать не ведают о синергическом излучении. Но взаправду многие о нем в курсе, только помалкивают.

— Если это кому-то выгодно?

— Выгодно! Скажете же! Кому выгодно, чтобы вокруг горели торфяники? А кому-то, таки, выигрышно. Сваливают вину на рыбаков и туристов, на курильщиков. Думают, везде дураки. Бросил-де сигарету, не загасил. Рыбаки и туристы себе враги? Да хоть они вандалы! Позавчера журналисты нарочно прикидывались блаженными. Вышли в лес с лесничим и пожарными. Как подготовили и подговорили — неизвестно. В

восьми разных местах на разных высотах поджигали лес. Так пожарники не понадобились: где сам собой огонь исчез, лишь пару кустов чуть повредив, а где и нормального возгорания не получилось.

— Жутко интересно. Первый раз слышу.

— А далее? Журналистам мигом заткнули глотки! Надулись пискуны и молчат как рыбы.

— А вы откуда всё знаете?

— Да вот знаю.

Вмешался третий голос:

— О мошенничестве на торфяниках долетало до ушей. Но смутно, будто бы сквозь сон. Теперь плохо помню. Заявлялось где-то. Похоже, кто вякнет об этом в прямом эфире — ему сразу или на ногу наступают, или в спину толкают. Словно в клерикальной стране некто пытается долдонить об атеизме. Здесь я точно видел: кулак в спину тычут или микрофон отбирают. Совсем рехнулись люди. А талдычит о своем коньке тощая интеллигенция, но она и не кулака — козы из двух пальцев пугается.

— К чему вы? — с оттенком угрозы произнес первый голос. — Мы о другом рассуждаем. Дядька у вас на бузине повесился, а огород в Киев пешком ушел.

— А к тому. Уже в ушах трещит от кибернетики, от синергетики и от вашего Водозем-

цева с Ведерниковым. Всякий на них ссылается. Откопали присказку! Да и без того: в городе — тридцать три магазина тайноведческой литературы.

— Хорошо! Очень здорово! Так и должно быть! Да и пусть? В России — восемьдесят восемь академий наук, а подождите пяток лет — возникнет гораздо больше.

2002 г.

ЧУЖАЯ ВСЕЛЕННАЯ

Слой хроники эпицикла
Вольный перевод с кси-крусского

Эти тексты сняты с контрольного стержня белитного регистратора. Сама пластинка с сюжетами растаяла в вихрях предпоследнего конца света.

К текстам добавлены популярные исторические очерки (ПИО), считанные с липтокристалла.

Стержень и кристалл хранятся в субвечной цикротекке: 4-я Д-сфера, 17-й градус оси, 16321-й предел.

Отличия даруемого ими бессмертия от так называемой подлинной жизни приборами не улавливаются.

Стоимость одной позиции —

2 000 000 000 000 (два триллиона) существований или

14 000 000 000 000 000 000 000 000 000 000 000 000 (четырнадцать кватердециллионов) мжулей.

Настоящее изложение рекламное. Оно сокращено медицинской цензурой, а потому не опасно для психейного здоровья. За дополнительную плату вы можете менять судьбу прототипов и историю.

ПРИБРЕТАЙТЕ АБОНЕМЕНТЫ!

1. В стороне

...мира нет, и времени не существует. Не предавайтесь примитивным инстинктам! "Бегодул" — компас в море иллюзий! Покупайте повороты фортуны!

Высоколобые! Заключайте охолом-договоры на любые сроки! Охолом-договор — спасение от рутины! Не нужно каждый день одно и то же. Повторение — моральное самоубийство!

Упадок динамических искусств в Аркаполисе. В дзета-тронной столице исчезли бегуресконы. К чертям спиранофильтры и крукс-процепторы! Видеодромам — *метаплазменную* начинку!

Необъятная тишина в приемных Бюро тестов. Направо. Еще раз направо. Налево. Да. Иду в приемную несвободников. Третья дверь? О! Сюда. Я добровольный несвободник: истек срок договора. Еще налево. Спасибо. Благодарю. Несвободное общество? Как хотите. Да, на четыре года опять. С вами согласен... Впечатляет. И впрямь показалось, будто я шагал по приемным Бюро тестов. Чрезвычайно удобно. Кто потащится в такое пекло через город! Перестарались с придуманным климатом. Маньяку приснились пальмы и попугаи?! Ошибаетесь, мадам! Попугаи не резиновые, попугаи настоящие! Не портили вам прическу? Гм... Без прогулок обходи-

тес? И планета надоела... А кому-то надоели невесомости и трассирующие внеорбитальные долины.

Директору Домициллу — привет! Не имею понятия, что выбросила ваша рулетка. Ага, теперь вижу: остановилась. Замкнула. Некий каскад. Табло. Строка... Иллюзиодром? Динамические искусства? Хорошо, но причем непространственная геометрия? Не знаете? Ах, вот где сыр-бор! ЧС! Быть тому, все равно в Сен-тре застой.

— Как пройти на дром? Мне служебный вход. О-о! Настоящий пустырь. Живописная свалка. Эти "змеи", наверное, и есть допотопные спиронофилтры, а эти "амфоры" — те самые крукс-процепторы. Гм... гораздо интереснее, чем в музее спироноголографии. Травка зеленеет, индикаторы блестят.

...Ар двигался по набережной. В воздухе кружились поденки. Скоро их тела и крылья будут хрустеть под ногами прохожих. Когда-то точно так он шел в обратную сторону — на иллюзиодром. Первый визит туда. Поденок не было — конец каллироя, первые числа октавина. Тропические лианы источали дурманящие запахи. Растения успели вырваться из разбитой оранжереи. В отличие от пальм, их ждала гибель. Изредка звучали неприятные предупреждения:

ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!
ГОТОВЬТЕСЬ!
ТРИ ЧАСА
КЛИМАТИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ!

На иллюзиодроме Ведущий бродил по аппаратной, был недоволен, кричал:

— Гнать этих поэтов! Правильна мысль философа Блатона: "Пииты суть издержки человеческого материала, духовные сорняки".

Ведущий, расхаживая, мастерски огибал углы, выступы, перешагивал через КД- и МГ-кабели, но все же рисковал сломать ноги и шею. Низкое полутемное помещение захватило весь этаж. На полу и потолке мягкие тени. Агрегаты в серых блестящих чехлах — словно нераспакованные экспонаты выставки. Только у стены напротив — яркий свет. Работает устройство, похожее на архэ-модификатор. Ненавязчивые запахи мастик. По столу, справа от притормозившего Ведущего, плетется черепаха. Имитация или нет неясно. На то и иллюзиодром. Возможно, игра фотонов или электрино.

— Метаплазменная черепашка, — произнес Ведущий, — перетерпит очередной апокалипсис. Самое прочное в нашем мире — привидения... — Ведущий вдруг осекся, в его глазах сверкнуло подозрение.

— Зачем вам поэты? — чтобы замять неловкость, спросил Озов, не отрывая взгляда от черепашки. Она отыскиала выход со стола и соскальзывала на полосатый чехол рядом стоящей установки.

— Они каскадеры, коровки, дающие спектры чувственности.

Отвлечшись от фразы Ведущего, Ар Озов представил вместо черепашки массу божьих коровок-поэтов, влачащихся по стеклу.

Черепашка сползала на наклонную поверхность чехла между свисающими складками. Что ей надо? В ее власти планировать легким перышком.

Вот тебе коровки! Вживаясь в иллюзиодром, Ар сындуктировал на ближайший экран лист растения, на него — группу тлей и черных муравьев, поедающих сладкие тлиные экскременты.

Знакомо? И в уме всплыло стихотворение из старого учебника:

На равнине Листа Зеленого —
расцветающий солнечный луч;
к водопою идут мои сестры,
как ходили всенебие лет.

На пригорках темнеют священники:

— Жертвуй мёду из солнечных сот;
за пустыней Озирис в бессилье
ключам дышащим
ищет проход.

Тем не менее, сколько Ар ни напрягал свою память, ему не удавалось вспомнить, в каком учебнике он видел эти строчки и когда он мог читать подобную ахиною.

Ведущий проигнорировал сюжет:

— Индукторы не ангелы небесные. Они мясорубки, перемалывают примитивные эмоции. А кому теперь нужны эмоции! Белый шум!

— Эмоции от поэтов? — удивился Озов.

— Я говорю о других индукторах. Поэты еще хуже: по звуковым каналам — завывания, по зрительным — ритмические волны.

Черепашка давно ковыляла по полу к работающему стенду — на свет. Не было возможности отличить ее от обычной черепахи.

— Через 50 лет это бессмертное создание сравняется по интеллекту с дошкольником, а через 240 перещеголяет любого нимфоида. У поэтов прогресса нет. Бывает, изобретут мистерию — у ассистентов волосы на голове стоят дыбом. Я сам однажды подумал, будто нахожусь в Зале чудовищ Музея жертв геноурбанизации. Так проняло.

Вглядевшись в неосвещенную часть площадки, Озов обнаружил четыре массивных агрегата. На них были надеты не чехлы, а жесткие сетки. Вверху сетки закручивались в алые додекаэдры.

— Тропоядерные пломбы, — указывая на додекаэдры, заметил Ведущий. — Они охраняют синтезаторы неспящих. Короткие иллюзионстримы здесь и делают.

"И ради сомнительного удовольствия минируют целый мегаполис! — поежился Озов и спросил:

— Короткие оттого, что...

— Оттого что у неспящих — двадцать тысяч вариантов виденности. Кто будет выбирать? Художники? Они не лучше поэтов. Хотел бы я знать, откуда эти мálеры вообще берутся. Помешались на суррогатах полимерной перспективы. Нормального варианта им мало, скрепчивают несколько. После просмотра RM-фильмо-

тирона зритель не в состоянии выйти из зала, путает правую и левую сторону, верх и низ — хуже слепого. Ему и поводыря недостаточно. А вестибулярный аппарат?! Полторы ундели⁶ лечения!

— А-а! — дошло до Озова. — Не ваши ли художники устроили вернисаж "ПОРВЕМ ПРОСТРАНСТВО"? Неописуемый фурор!

— А мне зачем застывшие формы?! — обиделся Ведущий. — Могут передирать и в другом месте! Сломали лопатобородые два аппарата!

— А что за перископ? — кивнул Ар на вертикально поставленную трубу.

— Концентратор иллюзиодрома. Изготовлен Орденом неспящих, — Ведущий положил руку Ара на управляющий маховик с лимбами.

А в щели прибора?.. Живые роботы! Роботы двукрылые, четырехкрылые, шестикрылые...

Потрясенный, Озов перевел один из лимбов. Обозначилась надпись:

СССР

Красные и зеленые точки. Марь. Плотный, рассеивающийся лиловый туман. Еще тронул колесико. Гм... Города Евфрата, улицы Пальмиры, леса колонн среди пустынь великих. Далее. На диске, заменяющем планету, селение оцепеневших разумных кошек. Каждая кошка ростом с египетскую пирамиду. Далее. Ар сам в перископе. Ни иллюзиодрома, ни лимбов.

Озов наблюдает себя изнутри. Понимает: он ниппонец и прячется от опасности в горном кустарнике, ветви которого напоминают лозы ви-

⁶ Неделя из одиннадцати суток.

нограда. И вот он же на втором этаже дома. Ниппонка забралась в террариум, соревнуется в церемониях с агломесками. Нечаянно повернулся к окну! Кого он видит! Эйхимбуркона!! Свистит округа. Озов или не Озов, осязающий себя герой выламывает полосатый шлагбаум (?) и протыкает эйхимбуркону мыслительный резервуар.

На шлагбаумах-шестах, как на ходулях, герой идет по тулову аэрооската, бежит от толпы эйхимбурконов. Почему-то на них зебристая форма игроков в пинг-понг. Проносятся сады, охраняемые гесперидами. Скрипит шлак, превращаемый в драгоценные камни на неисчислимых и затейливых садовых дорожках. Звенят фонарики-сновидения. Ар-герой минует кувшинное море, леса-щетки. А-а! Рванулась пасть летящего дракона. Притиснулась. Мир лопнул.

Через унделю на иллюзиодром явился чиновник из ЧС. Озов и Ведущий подошли к установкам неспящих — не к концентратору, а к бездействующим агрегатам под тропоядерными пломбами. Рядом стояло нечто в зелёном кожухе. Мощный штатив и хороших размеров шар на нем, отчетливо выдавали пространство-сдвигатель.

Теперь синтезаторы будут ремонтировать без снятия пломб и вызова неспящих. Дело в правах Озова на включение сдвигателя... "Но в иллюзиях ли проблема?" — думал Озов. — Слишком зачастили на дром сотрудники из Сентра НГ.

* *

В воздухе расцветал парад поденок. Вода и дорога еще невинны. Отходил первый закат. Ар Озов брел вдоль набережной. Внезапно до Озова донесся нераспознаваемый грохот, наподобие грома на ясном небе. Возможно, это и был гром. Пройдя три шага, Озов заметил впереди фигуру Армагеддона.

Армагеддон обернулся. Ару показалось, что где-то глубоко за печалью искусственно выведенного человека сияет тайное довольство.

— Успешно провели итоговый эксперимент? — поинтересовался Озов.

— И да и нет, — всплеснул руками Армагеддон, — оставили неоконченным, — на левой руке Армагеддона не хватало двух пальцев.

— Два пальца, — ухмыльнулся он, — спасли Вселенную. Удалось вовремя пристопорить. Чтобы попасть в прошлое, нужно уничтожить настоящее со всем живущим.

— Но это совершают локально, — перебил Озов, поразившись своей банальности.

— Да, но образованная нами дыра в настоящем — начала расти, — на лице монстра мелькнуло ехидное лукавство.

"Таки не зря питомцам колб и пробирок дают имена венерианских тайфунов", — смекнул Озов.

Бывшие коллеги приближались к Центру непространственной геометрии.

— Дыра растет и сегодня, хотя увеличение ее замедляется.

Глянув на корпуса научного центра, Ар обомлел: половина восьмого этажа первого здания

была срезана словно бритвой. Посмотрев внимательнее, Ар очутился в состоянии невероятном: над восьмым этажом возвышалась черная громада, сходная с циклопическим могильным камнем. Сверху громады, захватившей несколько этажей, мирно торчала башня с часами. Сосредоточиться Озову не дал Армагеддон:

— Черное прошлое, — почти пропел монстр, — отличный строительный материал для будущего. Абсолютно прочный. Сооружения из него нельзя разрушить ни тропоядерным, ни даже гравитационным взрывом.

У портика прохаживался некто, похожий на деятеля из Чистой службы. Узрев, как Армагеддон достает из кармана жетон, Ар небрежно махнул блестящей зажигалкой и уверенно открыл ту дверь, которая должна отворяться. Соседние забаррикадированы много лет.

Дальше следовал контрольный пункт. Ар миновал и его. Членистоногий *контрòллер* пробурчал неразборчивое и приложил клешню к лохендрию во лбу, пытаясь нечто вспомнить.

Армагеддон отстал. Малый из ЧС решил протестировать его жетон. Пока шло выявление личности Армагеддона, Озов прикурил своим "жетоном" плохонькую анимаретку. У боковой лестницы сильно намусорено. Брошенные кое-как лиловые изработанные парапризмы перемешались с рассыпанными пачками мнемокарт. Из них выбрался самозародившийся виртуальный котенок и потянулся.

Армагеддона всё не было. Озов включил винтовой эскалатор — мелькнула гладкая плита цвета прессованной воды. Мгновение — и Ар видит знакомую табличку, но не на стене искомого сектора, а на входе в Лунный зал. Ничего странного, здание перекроила катастрофа!

Озов нажал кнопку. Загорелся экран. На нем — неизвестные безбровые охранники с недобрым взглядом. Что делать? Но вот их отзывают, и перед Озовым — детское лицо вечного аспиранта Да-Плютена. Препятствий нет, если не считать санитарных шлюзов с пылесосами, антибузами, ионными дюзами. Наконец сверкнула бронированная заглушка комнаты-сейфа. Озов вошел в святилище.

На столиках — армада флаконов с эликсирами, абиландами, притретонами, банки с орондой, кастандой, посвентой. стакан с юпитерианским коктейлем гордо выделялся асимметричной формой.

Блеск и сияние ударили в глаза. Но Ар заметил робота Аметиста, лежащего на элегантной перине. Стало душновато. Давно Ар не вдыхал воздух с избытком криптона и ксенона! Ассистенты-телохранители кинули на Озова надменные взгляды и с ужасом уставились на озовские сандалии. Новые ассистенты в пошлых карнавальных масках, в манерах — напыщенность и пижонство.

Натянув для успокоения болванов ритуальные бахилы-пузыри, Озов приблизился: Аметист уплывал в область блаженных семимерных сновидений.

— Ты защитил степень вахмистра? — обратился Ар к Да-Плютену, ибо не забыл: простые работники науки не имеют права обслуживать отходящего ко сну робота.

И-и-и-и-и-и! Щелк!

Куда рухнул мир? Куда?⁷

Наверное, плирус не тем ребром прикручен. Но кому нужен дурацкий вахмистр! Гораздо лучше семимерные сны робота! Так! Кое-что поменяем. Луч плайзера едва не расплавил обшивку. Щелк! И-и-и-и-и-и-и-и! Узкая желтая полоса. Поворот. Ухнули в небытие три яруса.

Возник первый ПИО.

* *

А этот ПИО больше подойдет для вундеркиндов. Кто захочет, может полистать ***Приложение*** на Ψ-345 или правильно вкрутить "плирус".

⁷ Оставлен кусок археологического материала. К сожалению, до дуближа коды хроник побывали в руках нерадивых гуманоидов-реципиентов, вечно забывающих стереть следы своего творчества и воздействий на варианты истории.

2. ИГРА СО СПИЧКАМИ

Летали подёнки, набережная подходила к концу. У маяка, недалеко от Центра, Ар натолкнулся на Армагеддона:

— Успешно прошел итоговый эксперимент?

Интерес ясный. В самом деле! Варану под хвост эти годы?!

Мардопол

Два или полтора шага от формул Да-Плютена до триумфа-катастрофы, сколько в них от Аметиста неважно, долгий шаг — здесь мат. А если бы Мардопол не набрал студию вольного творчества из монахинь, не улепетнул потом с Суматры? Вылез полиплогический вопрос, психологический, психофизический — мифический. Роботам на смех! Аметист проверил у всех на виду нарочно: нет физического, нет биологического — одна психика и гекатомбы выдумкам. Но не описать, как в Пуа устраивают надзор за быстрыми снами... Иновремя и не надо получать: оно и так есть. Почти рядом, близок локоть, слишком близок. Мыльные пузыри времен друг в друге... Царство Пигмалиона, много Пигмалионов было до нас.

Вот теория заменительности Хризопраза, а вот — концепт релевантности Эвклаза, прекон-

тер обратимости Аквамарины. И где ныне презначенитые Цигельштейны, Дункельэкели и Штаубсакки?

Всплеск. Из желе экрана блеснули глаза Мардопола. Как он посмеялся над наивностью теоретиков: ваши Аметист с Да-Плютенем — Мефистофелюс с Фаустусом. Да, Пуа — сверхвеликая держава. Там могут всё, но не имеют права собственности на сновидения.

— Завтра?

— Да! Сегодня иллюзиодром.

Экран застыл.

А нескучное распределение обязанностей! Одни спят и, сами того не ведая, изготавливают снофильмы. Другие наслаждаются продуктом и всю жизнь бодрствуют! Даже каскадеры подобное не предоставят. Еще тот метод снять сливки и депонировать их.

Пусть и бежал Мардопол по вине неких фантазий — кто сомневается в утечке умов и языков! Ему ноль возмездия: в управлении Марса — родственник, в Межпланетной лиге — второй. А сорока геегодами ранее? Убили бы из-за угла или подсунули бы в клокомобиль престентную секс-мину.

Пуанские примеры

1. На Суматре всё шло без вопросов.
2. Сдвиги пространства связали с ментальной стряпней. Выдавали авансы наслаждения и восторга.

3. Пациент Б. выскочил из феноменального мира. Стимуляторы открепили. Пациент Б. не возвратился.
4. Включили психотерапевтическую установку "Або". Исчезли: установка, 35 пациентов, процедурная, приемная.
5. Возникли вопросы.
6. Перешли на фаршированные чувства, проливные восприятия, насадочные способности.
7. Пациенты К., Л., М. окуклились... Когда вывелись, никто ничего не понял: все они переменили пол на противоположный.
8. Астронавт О. вернулся из дипротического полета. Овеществился и назвал свою жену Мэшураву Машей и многое-многое переименовал.

Эксперимент

Неплохо посмотреть реатиновые записи. Купюр в них нет.

Мардопол (достает из кейса пакеты с черными кубиками). Хрононоситель — антрацит трехсотмиллионнолетней давности. Нефть надежней, но её грамм стоит полтора биллиона кавриков. Конечно, появится прошлое Земли, но не того участка гондира, мимо которого она проходит.

Аметист, Да-Плютен (хором). У-час-ток! Разве бывают в космосе у-час-т-ки?

Мардопол. Называйте, как хотите. Опять потчуй вас непространством.

Армагеддон (несколько раздраженно). А не проще ли взять носители в другом музее?

Мардопол. Да не украл я антрацит. Другой музей? Музей культуры? Соседние 6 миллионов лет просканированы! Окажемся в лапах Вечной цивилизации. На десять минут назад — пожалуйста! Можно и на день назад. А зачем? Будущее? У вас есть его носители? Если есть, спрашивайте разрешения у Дельф.

Мардопол расхаживает по комнате, что-то проверяет, оценивает. Помещение ему не нравится. Суматриец поводит ноздрями: станина уловителя времени пахнет краской. Он заставляет охранников еще раз отодвинуть от нее приборы.

Армагеддон бродит с нахмуренным и озабоченным лицом. В руке он держит прозрачный пакет с антрацитовым кубиком.

Аметист и Да-Плютен опасливо косятся на страшное нагромождение агрегатов. В этих трубках, радиаторах, энергоизлучателях, пляшущих огнях экранов и кнопок теоретики мало что соображают. Армагеддон оттесняет их от пульта, а суматриец выставляет вон за прозрачную ободисовую дверь, где толпятся сотрудники Сентра и журналисты.

Охранники разгоняют скопление народа за ней. Теперь там только Да-Плютен и два журналиста.

— Быть жертвами их прямой долг, — указывая на журналистов, бормочет Мардопол, — тем более они те же службисты, а собранная ими информация дойдет до людей через полвека.

На столике уловителя первый антрацитовый кубик. Запущены вспомогательные системы — кубик взмыл в центр сферы, повис в специальном типе вакуума. Никакие внешние поля, кроме заданных, не достигнут антрацита: им понадобился бы путь в 900 миллиардов световых лет. Излучения самой сферы проникали в лабораторию почти мгновенно.

Суматриец отпрянул от установки и командовал. Журналисты нацелили камеры, Армагеддон снял предохранительный колпак и надавил рычаг. Кусок угля расцветился и слегка задымился. Пространство внутри сферы остеклянилось, по нему пробежали синеватые полупрозрачные волны. Зарябило в глазах, накрылось головокружение... Армагеддон усилил индукцию и утопил кнопку транскриптора психических предположений. В сверкающей сфере произошло нечто вроде взрыва. Уголь истратился. Понеслась какофония с доминирующим: "пу-бу-бу, пу-бу-бу, пу-бу-бу..." Ударил смрадный запах. Сфера сделалась илисто-серой, из нее хлынула зловонная жидкость: поверхность сферы детектировала во внешнюю сторону. Могло случиться наводнение.

Мардопол передернул структуроискатель: в зоне видимости открылись тускло освещенные неровности и пятна.

— Ночь. Перед нами озаренная луной растительность, — возгласил ближе всех стоящий к сфере суматриец, стряхивая тину с ботинка. — Сейчас коллега переведет на день.

Вскоре появился сквозняк, ударили незнакомые запахи. С минуту созерцали приятный утренний ландшафт, не похожий на рисунки

палеонтологов. Ни озер, ни болот. Да, в предыдущий раз Армагеддону не повезло.

Ландшафт заволокло, он превратился в черную массу, безболно вспыхнуло ярче солнца, из аппаратуры повалил дым. Чернота быстро чередовалась со вспышками. И суматриец совершил оплошность: разъединил рубильник. Конечно, звенящая в тьме света черная масса не рассеялась, начала угрожающе увеличиваться, но мелькания закончились. Ничтоже сумняшеся Мардопол перевел рубильник в прежнее положение, дым повалил еще сильнее.

Черная масса съела три агрегата. Пульт отключился. Выхода не оставалось — Армагеддон схватил энергорезак и направил его луч на транскриптор. Масса словно бы успокоилась. Армагеддон ударил по ней лучом, но луч отразился, обернулся черной нитью, режущей стены лаборатории впронизь... В зияние с криками "пу-бу-бу", "пу-бу-бу" устремилось откуда-то взявшееся страшное летающее существо, за ним — второе, третье... — целая стая. Это были не насекомые, не птицы, не ящеры! Армагеддон заметил: его пальцы стали одним общим с массой; оторвать было невозможно — перехватив другой рукой резак, он укоротил два из них.

Масса продолжала медленнее, но расти. По расчетам Аметиста, через несколько часов ее рост практически прекратится.

Остановка

На черную громаду не действовали пространствосдвигатели. И Озов опять оказался в секторе микровремени, но сотрудников не прибавилось: Армагеддон исчез — Ар был последним, кто его видел. Вот реставрация мыслевосприятия Ара.

И чем реже я бывал на иллюзиодроме — тем больше превращался в иллюзиодром Сентр, Аркаполис, земной шар. Аметист — "читающий" абсолютно всё — принес копию статейки под названием:

Ядовитые моллюски парят над Артазином

...на рассвете четвертого дня зеленой луны вблизи зазун ИТЗ-7 перед туристами пролетела группа несуразных объектов. Сутками позже и стадием восточнее похожие объекты наблюдал служащий омега-офиса. Это существа, однокрылые, каждое — величиной с человеческую голову. Вскоре рыбаки вытащили такое создание сетями из воды и принесли на Артазинскую биостанцию.

Оно крайне неприятно на вид, имеет внушительное, но тонкое и прозрачное крыло наподобие паруса, кроме того — ракетный двигатель, выпускающий струю пены или воздуха.

Животное относится к необычному классу моллюсков. Летящий моллюск защищен не пан-

цирем, а ядовитым слоем слизи. У рыбаков и биологов на руках появилась экзема.

— О — о — у! — исторг звук Мардопол, глянув на изображение моллюска.

Но... Неожиданный сигнал вызова: меня просили в 14-ю приемную.

В приемной стоял Ведущий с иллюзиодрома и почему-то держался за штору.

— Вынужден просить о помощи Общество неспящих, — заявил он, отвел штору и указал на небо.

Там плавали цветные облака, вытягивались в нити, сжимались. Я почувствовал что-то очень знакомое. Где-то внутри зазвучал шум моря, как будто слышалась музыка, душа воспарила.

— Сюжет нашей абстрактной постановки, — пояснил Ведущий. — Но дело не в том. Мы затеяли фантастическую изопьесу, сняли эпизод о поломке политической рулетки... — Вот он! — и Ведущий протянул свежий номер информационного вестника "Упаникалампот".

В нем набранные крупным шрифтом заглавия:

НА МАРСЕ СЛОМАНА
РУЛЕТКА
ПОЛИТИЧЕСКИХ МУТАЦИЙ.

РАЗГОРЕЛИСЬ
СТАРЫЕ МЕЖВИДОВЫЕ СПОРЫ.

НИМФОИДЫ ПРАВЯТ БАЛ...

Рядом — неприметная публикация. Я кинул взор на нее и словно ощутил удар током.

...Звездолет вольного города Лоски чуть не столкнулся в окрестностях планеты Нептун с некосмическим металлизированным агрегатом. Этот агрегат выпал из иного мира прямо на глазах экипажа...

Поразил маленький снимок: он мгновенно напомнил мардополовские чертежи аварийного лаза времени! Экстренный вывод объектов из настоящего в прошлое...

— Нептун! Нептун! — воскликнул я. — Что выражает термин "Нептун"?

Ведущий не вник...

— Корабль Лоски, — прошептал я, — их капитаны не подписывали Конвенцию.

— Нептун? — напрягся поднаторевший в разнообразных арго Ведущий. — По-моему, область более дальняя, чем сфера складчатых галактик, орбита Плутона — зеркальная граница вселенной.

Я опять заглянул в вестник:

...Звездолет, несмотря на протесты муния безопасности, захватил таинственную конструкцию и, двигаясь с тройной переведенной скоростью света, достиг земной базы к семи пунктам трипланетного времени.

— Тройная переведенная скорость — эвфемизм 10^{300} переведенной скорости, — пробормотал я (этот сленг уже знал прочно).

"Но почему корабль оказался именно там? Хитрые задачи у Лоски!" — вдруг зажглась

мысль. О Аполлус! Только теперь я вспомнил о проблемах Ведущего:

— А не набежали ли на хронометрах иллюзиодрома лишние секунды? Не мог ли кто изготовить копии призм?

Теперь озарение нагрянуло к моему прежнему соратнику.

— А как здоровье Калипсида? — полюбопытствовал я, не забывая об Армагеддоне.

— Апокалипсида?! Он куда-то улизнул...

Не минуло и часа: прозвучал сигнал нового вызова, но из 1-й приемной. Мардопол спустился по лестнице и вернулся. Он держал непривычную бумагу с водяными знаками и черными гепардами. Деамбулакрум — ноли — тангере!!⁸ Из ЧС! Я еще не съехал с ума!

Запрос... Аршинными буквами:

МОЖЕТ ЛИ ЛАБОРАТОРИЯ ВРЕМЕНИ УНИЧТОЖИТЬ ВСЕЛЕННУЮ ИЛИ СОЛНЕЧНУЮ СИСТЕМУ?

Многое обещало юмористическое собеседование. Но не тут-то было! Мардопол и Да-Плютен в один голос продекларировали:

— Уничтожить мир, а тем паче Гелион — ничего не стоит.

— Раз плюнуть! — выпалил Да-Плютен.

"Предо мной люди или нимфоиды?" — подумал я и, предвидя бесполезность полемики, начал ненавязчиво напирать на практическую сторону дела:

⁸ Такие ругательства не переводятся.

— Вы считаете, сама ЧС сочинила запрос? В запрещении работы заинтересованы исключительно Дельфы!

При последнем упоминании Да-Плютен слегка порозовел, затем сильно побледнел, а Мардопол сказал:

— Гы...

Потом он произнес длинную и назидательную кудрю. То, как он судил ни о чем и обо всем, делал ложные намеки, создавал важность неважному и неявность явному, вплетал в сообщаемое проговариваемые полупшепотом неприличные каламбуры и коллетрейскую феню, свидетельствовало, что изрядную часть жизни Мардопол протусил в интеллектуальных кабаках и финтишкетских бегуресконах. Так и повидали его сентенции, обтекаемые, пылефлюидонепроницаемые, но бессвязные. Он не спеша достал анимагару и продолжил:

— Да... если... ну... конечно, домикало донезе егда зрак... здесь не Суматра, но в вещах зело важных... Хм... Пых-пых... — Мардопол затянулся анимагарой и коснулся рукой своего мощного подбородка. — Есть сугубые методы; коллега ваш Наввиридон не кремень. Мы не из свободного круга. Мы, наввиняне, особая народовосыц — народовосыц почтовых ящиков. Для чьих-то брыкал мы прозрачны... Обаче очима смотриши — лукавне прещение узриши.

Это речь! Обозвал Армагеддона Наввинянами, а нас наввинянами...

— Пусть скрыть ситуацию мы не можем, но скрывать нечего! — вставил я.

Да-Плютен и Мардопол, не успокаиваясь, утверждали: недавно вселенная была на волосок от гибели из-за не совсем удачного опыта.

Мардопол ссылаясь на вероятность цепного инвертирования и привел в пример феномены оловянной чумы и венерианской молекулярной проказы.

Меня поддержал Аметист:

— Вселенная неуничтожима, а неуничтожима она потому, что ее не существует. Она такая же выдумка, как грань куба, не имеющая толщины. Попробуйте оттяпать у куба то, чего нет.

Робот махнул рукой — и на стене обнажился гигантский экран, на котором затанцевали формулы гипергеометрии. Выплывающая симфония смыслов обозначила надмирное крещендо, экран стал трехмерным, занял половину зала, вырвалась устрашающая модель строения кажимости. Щелчок — и посыпались следствия. Робот еще раз махнул — в воздухе зажглось:

ПЕРЕВОРОТЫ, РЕВОЛЮЦИИ,
СМЕНА РЕЛИГИЙ, ВОЗЗРЕНИЙ.
ОБМАНЫ ВОСПРИЯТИЯ — ПРЕЖНИЕ.

Аргументам роботов придают наибольшую весомость. Но пришлось убрать: "перевороты", "революции". После редактирования мы оставили фразы типа:

ШАНСЫ УСКОРЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ, УСИЛЕНИЕ ПОДСПУДНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ.

Посторонних специалистов власти вызывать не собирались, поскольку не хотели объяснять возникновение "муфты" на корпусе Сентра.

Ее совершенно правильная форма не отличалась от замкнутой облицовочной поверхности...

Внешних свидетелей катастрофы оказалось немного: около тысячи человек. В момент итогового опыта у здания находились передвижные станции ЧС. Нужный властям Сеанс состоялся прямо на улице. По Аркаполису таки поползли смутные слухи, но на слухи службе было начхать.

Однако кому-то не было... Пересекая бульвар, я заметил на себе чей-то взгляд. Ко мне подошел субъект, похожий на монаха-атеиста. С легким расшаркиванием и миной, полной выразительности, он вручил мне фиолетовый конверт. Не успел я прийти в себя, как субъект сел в вертомопиль и растаял над небоскребами.

Минуты три я терпел. Затем распечатал конверт. Из конверта брызгнула лучающаяся синим светом субстанция и выпал вызов в дельфийское консульство.

Р е к а

Конверт лежит на матовой поверхности стола. Н-н-х-у-у: от конверта или от бланка в нем идет тонкий неопределенный запах. Что я вижу! Волнистые узоры бумаги вписались в волнистую текстуру столешницы. Слабый, невнятный, лиловатый... Нет, словно голубоватый запах. И даже не запах, а малоуловимое напряжение. Отодвигаю конверт дальше... Беру и кладу на полку. Но от него ли все это исходит? Может быть, от темноты за окном? Тушу свет.

Завтра в Дельфы. Тени на потолке беззвучно говорят: "Завтра в Дельфы". Шевелятся черные листья, отражение ветра задувает тайники мыслей. Снится шепот потолка. В зазеркалье окна облизываются две крупные звезды, а третья медленно скользит, кособрюхая, начинает увеличиваться, потом уменьшается... Квлонн... Я открываю глаза: ярко горит лампа, ослепляет, но осязаю: сплю; могу себя ущипнуть, впрочем, уже исхитрялся не раз; поднимаю еще одни веки: вижу, облизываются две крупные звезды, а третья прядает ушами... Еще веки: сплошная синь, кто-то читает инструкцию неслышным, но твердым голосом:

...место трансферации — 1423-й ярус 742-го квадрата в окрестностях чердака сооружения ОИ-16-27 и сетки для игры в бло.

...нужно учесть: на указанном ярусе протекает река Айпейя (осторожно!), за сооружением ОИ-16-27 проходит воздушно-понтонная железная дорога — источник недоразумений и причина несчастных случаев.

Пункт двенадцатый. Прононния разрешены на чердаке сооружения. Быть спокойным. Глубоко не дышать: не исключено вдыхание больших количеств серебристой пыли.

Пункт тринадцатый. При облаве прятаться в густых зарослях карбокрачи между рекой Айпейей и лужком для игры в бло. Дежурные эйхимбурконы оберегают униформу от острых колючек карбокрачи и возле нее не бывают.

Пункт четырнадцатый. Не справлять потребности на чердаке (серебристая пыль, возможность появления новых трансферантов).

Пункт пятнадцатый. Река Айпейя и вентиляционные щели не имеют дна. Ниже первого яруса исчезает отсчет правильных локусов восприятия.

.

Пункт сто сорок первый. В течение светового дня следует воздерживаться от питания. Поедание душ туземцев осуществлять ночью. Нельзя съесть души целиком! Оставляйте хотя бы 1/10000 долю. Во время так называемых сновидений души аборигенов довольно быстро отрастают за счет подсоединения к своим параллельным жизням.

Что это? Экубэка! Тону в огромной реке. В ее русле не вода, не жидкость течет... Плыть в подобном не удастся... Оно легче всего, непрозрачно. Падаю. Волны накатывают на волны, и в промежутках раздвинувшихся волн иногда что-то мелькает. Лечу, но плавно, не ускоряясь... А

пузыри! Пузыри — волшебные фонари! Среди тёмного блеска мгновенные сны. А — у! Всплываю в Саргассовом море. Но нет! Нет! Не водоросли, не острова. Лишь волны рисуются в волнах. Течет река вперед и назад, вверх и вниз. Творит берега, предметы и воздух, мечты, чувства, желания, образы. Я — река, впереди и позади, вблизи и вдали — везде река, но повсюду разные волны. Волна волне не равна, волна волне — война, волна с волной в волне, волна с волной в реке.

Сон ли это?

3. Д Е Л Ь Ф Ы

Начало

Конверт получил и Да-Плютен. То ли на нас действительно остановился выбор жрецов, то ли от нашего присутствия в Аркаполисе стремились избавиться. В суматрийском Сентре не менялось ничего! Неспящие менее опасны, чем просто бодрствующие!

Дельфийское консульство как будто помещалось в одном из корпусов Университета вторых профессий, у филиала Всемирного музея копий, но Да-Плютен рекомендовал направиться не туда, а в противоположный конец города, к скале с лабиринтом.

У сохранившегося пролома в лабиринт уже пару тысячелетий красовались статуи двух че-

ловеческих скелетов. Над шестиметровыми статуями горела надпись:

ВСЕМ, КРОМЕ САМОУБИЙЦ,
ВХОД ВОСПРЕЩЕН!

Перетолкование вызова меня не устраивало. Многие стези ведут в Край Желаний. Почему бы не выбрать длинную?

Да-Плютен поневоле согласился со мной: у аппарата, вызывающего клокомобили, стояла солидная очередь, а на "колбасах" и "насосках" понадобилось бы добираться с четырьмя пересадками.

Мы предпочли более длительный путь в Дельфы долгой дороге внутри города.

Двинулись пешком и спустя 15 минут оказались рядом с университетом; пройдя зал информации, вошли в приемную консульства. Круглая, необычно освещенная гостиная. Без ламп и светильников, но на потолке четко вырисовывались тени. В середине комнаты — столик с вечными газетами. Из-за стен и дверей не доносилось и признака жизни. Нет ли ошибки? И вдруг мы обнаружили: не отворялись не только двери, через которые мы хотели пройти, но и те, через кои прибыли.

Словно по команде, мы схватили газеты и в первых пробежавших текстах прочитали некрологи о себе. В заметке под названием "Они угодили в лабиринт" мы с Да-Плютенем совсем по-дурацки прославлялись как деятели науки, оставившие эксперименты, опасные для нооидов, и особенно для людей.

Подле газет лежала стопка "Памяток отъезжающим в Дельфы". Да-Плютен взял одну из них и принялся ее изучать. Выяснилось, брошюры индивидуальные, а вот, похоже, моя. Она отличалась от прочих, как и остальные — друг от друга.

Взглянув на первые абзацы, Ар сунул издание в карман: последний день он числился не-свободником, живущим в свободном обществе, и в последний раз мог тасовать колонки газет. В грядущем у него такое право изымалось. Он понимал, нового под луной не бывает, но навязчивое ощущение событий требовало продления...

Где раньше было гладкое место возник проем и в нем — хмурый старичок с асимметричным лицом; он поманил посетителей внутрь.

— Насколько мне известно, вы достаточно проинформированы, — промолвил старичок. — Даете ли вы обет отречения от родины, семьи, государства, а также иные обеты?

— Да! — выпалил Да-Плютен, готовый ко всему.

Для Озова пресловутые родина, семья и государство почти ничего не значили, но любое проявление насилия, даже и обратного рода, вызывало подозрение и протест...

— Лучше обойтись без обетов, — ответил он. — Тем более...

— Вы не сможете удостоиться и младшей ступени посвящения, — перебил Озова старик, — не откроете сути дельфийских тайнств.

— Положим, я соглашусь со временем?

— Согласие должно даваться сразу. Сожалею, что вы колеблитесь.

На переходе к размещенной на крыше здания стартовой площадке Озов с удивлением настиг паражену Да-Плютена. Воспользовалась форс-возможностями и сумела сюда проникнуть? Ах, судя по сетке на голове, это существо тринадцатого пола решилось на Сеанс... Подошедший Да-Плютен от неожиданности окаменел: наверняка он распрощался со всеми окончательно. Обыкновенно такой вид Да-Плютен обретает, когда взбешен.

Озов прошагал в таможенный отсек. Таможенника правильнее бы назвать конфискатором. Помогая пассажиру переодеваться в диковатые полуантичные-полумарсианские одеяния, он заодно производил и личный досмотр.

"Интересно, а как отнесется к досмотру Да-Плютен?" — прикинул Озов. — Ведь он свободник. Даром ныне расстается с волей? Ну и пертурбация! Не жутко ли мутен завернувшийся поток освобожденности? Взвихренный осадочный ил. Зачем всё? Для чего потребны не-сусветные заботы о доме, быте, чувственных влечениях? Гораздо проще заключить Договор. Количество свободы от ограничений только увеличивается!"

Если многое не переврано в криптах минувшего, Озов четырежды по собственной прихоти менял формы Договора, оставляя мелкие либертинки. Скажем, пятнадцать часов в двадцать дней прогулок по далекому горному району,

тридцать часов секретного канала "абсолютной" информации. Иное — не на его балансе.

"Конечно, дикое общество имеет права на бытие, — рассуждал Озов. — Оно и необходимо: настоящее существует оттого, что его остов — невырезанное прошлое. Сохраняются Био и Род, Феод и Меркуп, Ном и Мегон. Одно в оболочке другого, другое — из кирпичей третьего, но построенное мертво, пустая форма, грехопадина раеизгнан... предыдущее расчерчивание будущего. Но главное — тонкий пласт между Тем и Тем, который не Тот и не Тот, свобода в себе, желающая себя уничтожить и нежелающая... скользкий слой между корой и древесиной, терьмо в проруби... стремление нуля, пожираемое алчными единицами. Начать с нуля не дано черным прошлым. Душа — очень тонкий миазм."

"Однако, досмотр!" — пришло Озову в голову. Таможенник с кислой миной вытаскивал памятку из кармана брошенной куртки:

— Всё помнишь?

Озов пробормотал нечленораздельное. "Во всяком случае не ты генеральный досмотрщик", — думал он. Смысл вопроса не сразу дошел.

Без комментариев таможенник сунул озовскую одежду и памятку в мусорную печь.

У опоздавшего Да-Плютена таможенник отобрал саквояжик, высыпал его содержимое на стол. И среди этого имущества ничего, кроме книг по НГ!

Не найдя криминальностей, как-то: документов, оскрезонов, сувениров, фотографий, снописем и прочих атрибутов ненужных привязанностей, таможенник одобрительно крякнул. Похоже, он был наемником, а не дельфийцем.

По звонку явился второй таможенник, уже с деловым интеллигентным прикидом. Разумеется! Не глянув на названия, он швырнул Да-Плютоновы книги в печь. На столе лиловела памятка.

П у т ь

(Из восприятия Ара Озова)

Через минуту непрезентабельное летающее блюдце понесло нас за тысячи стадий. Посадку совершили в степи, не слишком близко от современных Дельф.

На небе сияли три несерийных солнца. Мы выскочили из тарелки. Повинуясь незримому управлению, она тут же взмыла и исчезла.

Обернувшись, заметили шагах в двадцати от нас человека, у клокомобиля. Третий таможенник, теперь дельфиец, сопровождал нас далее.

В клокомобиле я глазел по сторонам. Да-Плютен углубился в повторное изучение памятки. За степью дорога шла мимо руин Биплогического завода и Огненных полей. Я не забыл об описанной в энциклопедиях и учебниках эре Опеки, когда люди не могли жить без этих пламенных водоворотов. Сейчас на полях непрерывно вырастали гигантские ящери- и крано-

подобные фигуры, распадались, вновь высвечивались в другом месте. Порой они рождались группами — и возникало ощущение разговора гигантов между собой.

Огненные поля кончились. Их источник — знаменитую Башню грома — так и не увидел. Впереди показались Дельфы. В вышине ни облака. Три солнца выстроились в линию.

Я взял у Да-Плутена его памятку, но не открыл. Захватила панорама: Дельфы походили на море, по которому разбежались корабли и маяки.

Клокомобиль остановился у немалых объектов, скопированных с египетских пирамид. Засим движение транспорта запрещалось, но со всем обозримым не вязалось ни хождение пешком, ни пользование летающими ковриками.

Улиц не существовало, весь город спланировали так, что из любого пункта виделась толика горизонта и повторяющийся ансамбль разновеликих зданий: от зданий-башен, зданий-гор, шарообразных зданий-планет до дачных домиков, шатров и палаток. Часто одни чертоги стояли на других, на первый взгляд более хрупких.

Дельфы — город немыслимости. По утверждению таможенника, некоторые из дворцов и острошпильных башен — макеты, предназначенные для создания обстановки, способствующей размышлению. Колонны и филигранная облицовка массы сооружений якобы фальшивы, но мы не могли отличить "воздушные" постройки от действительных.

Площади зияли пустотой. Везде жила тишина. Вспыхивало осторожное эхо наших шагов и, проницая туловище безмолвия, словно касалось лазури.

Мы очутились не в каких-то Дельфах, но в Дельфах междумирия, в устье квадриллиона Дельф.

Подобрались к длинному розоватому корпусу. Таможенник пробубнил неразборчивый пароль в слуховую трубу. Врата распахнулись, и мы вошли туда, куда прежде собирались — в лабиринт. Поразило тусклое освещение, неухоженность, легкий запах плесени. Пол — что-то вроде текучей дороги, текущей во все стороны и в контртелесность, а перегородки лабиринта подступали и расступались, беззвучно и невесомо перебежали. Ощущение пребывания в одной и той же крипте с пляшущими переборками, скачущими, будто изображения на экранах. От кого-то я слышал, такая система хороша для картинных галерей и библиотек: пол в галереях остается незыблемым, а стены движутся и складываются гармошкой. Сидя в кресле, можно изучить целый марсианский музей. Но ныне экстракомфорт казался сомнительным: от стен лабиринта исходил сладковатый аромат, они были одновременно и источниками света. А не похоронены ли мы в чреве циклопического фосфоресцирующего животного? Нас с Да-Плютенком не покидало неотвязное чувство тревоги и легкого отравления. Таможенник оставался невозмутимым.

Перемещения продолжились. Опять подоспел темный туннель. Прямо на нас мчался пылаю-

щий волчок, похожий на брошенный в огонь клубок пряжи. Проем зашторился, таможенник сделал вид, что ничего не заметил. Да-Плютен пожал плечами. Он не ожидал катавасий от учреждений серьезной страны.

Платформа взмыла вверх. И перед нами нарисовался характерный дельфийский пейзаж, но здания у горизонта уже напоминали сухие колося злаков, а платформа плыла по аллее с рядами исполинских сказочных птиц по бокам, вернее, "торсами" птиц, дарующими впечатление некрополя. Мы ухнули вниз, в полутемноту лабиринта.

— Новые Дельфы, как и древнейшие, перенесенные с Балкан, — государство традиций, — подчеркнул таможенник, и вдруг его глаза вылезли из орбит от ужаса. Дорога под нами начала падать, пространство за перегородами огласилось ревом материи хаоса; таможенник и Да-Плютен исчезли, я с бешеной скоростью погнал неизвестно куда, настил подо мной проваливался, всё вокруг горело, впереди промелькнули силуэты трех людей-волчков...

Воскрес я в клокомобиле. Гм... Тишина и спокойствие! Клокомобилъ остановился у городоподобных египетских пирамид. Далее транспорт нашего типа разрешался, но мы пошли пешком, поскольку хотели лучше рассмотреть Дельфы. На небе — четыре солнца. Переведя взгляд на Нетуда-плютена... Нетуда... Не-ту-да-плюе-ва (!), Нетудаплюева, я увидел невразумительное: он был одет в греческий плащ. Такие же плащи — на мне и проводнике. Проводнике (!), а

не таможеннике. Изменились даже мои мысли! Недавнее прошлое не ярче сна.

Существуют самые разные непространственные фокусы, а потому происшедшая перемена декораций почти не удивляла. По крайней мере, я предполагал ее возможность.

Сгинуло желание спрашивать, является ли то или другое здание макетом. Отсутствие на многих постройках окон, необычное их расположение ни о чём не говорило. Любое сооружение могло напоминать и постэманационизм, и Золотой век, быть самобытным и постоянно переиначивающимся. Еще живы устарелые эффекты спироноголографии!

В стороне высилась дико-чудовищная ротонда, ни с чем не сравнимая: вверху купола и непонятные крестовины. Вход охраняли огромные черные псы в лиловых жилетках. Я застыл как вкопанный. Виденье точно мерцало, казалось приснившимся, нереальным, нарисованным. На стенах — яркие картины. Чаще всего изображался муж с крестовиной и лучистой "тарелкой" зыбкости вокруг головы.

Над порталом реяла молодка в скафандре оптической сдвинутости, ее младенец, похожий на князька, крепко держал игрушечную крестовину. Ох, сильно косоок и близорук художник-индуктор, раз ухитрился выплеснуть в мир незагугающие ореолы, нимбы, блески!

— Что это? — спросил я.

— Памятник врагам Золотого века. Не спрашивал, почему такая нелепица затесалась на планету, — ответил проводник. — Нас в древности могли уничтожить варвары. Купола — их

фетиш. Если бы Александр Великий не дожил до 97 лет, а пробыл у нас гораздо меньше, он, возможно, и не успел бы выжечь дотла вредные для цивилизации земли.

Нетудаплюев слушал с видом сомнения. А твердь? Там сияли четыре солнца, четвертое — в ста градусах от остальных. Но в моей прежней жизни Дельфы владели двумя искусственными солнцами, а Александр Великий дожил до 83 лет. Перед глазами встали светящиеся волчки, и я сообразил: изменилась не только история, но и мои догмы, воспоминания.

Вычурная ротонда позволяла думать: Дельфы контактируют с дивергентными вселенными. Скорее, по ним и высчитывают будущее. Всплыла догадка: есть вселенные, в которых нет и никогда не возникнет настоящих Дельф, и те, в которых не обитает и никогда не зародится человечество. И всё это иллюзия, иллюзия, пузыри, всплывающие над бездной, или сновидение сновидений...

Не протекло и часа с тех пор, как я пересек границы нескольких вселенных; Дельфы промелькнувших вселенных меня не приняли, но при переходах изменился и я... И Нетудаплюев — вовсе не тот Нетудаплюев.

По дороге мы не встретили бытовых заведений. Раз наткнулись на витрину, заставленную диковинками: камертонами, поросшими металлическими перьями! Не исключено, и она имела музейно-культовое значение. Нам не попалось ни одного клокомобиля. Прохожие были редки, среди них ни одной женщины.

По словам проводника, женщины в Дельфах составляют треть жителей. Они или жрицы, или духовные гетеры, или просто монстромузы, хотя мусический пол обыкновенно расфокусирован.

Х и ж и н а

И в первый день пребывания в Дельфах, и впоследствии Озова не покидала кажимость: обозримое — лишь малая часть, а главное скрыто, пусть оно рядом. Где-то по соседству впадают в прострацию пифии, и недалече источники с геологическим дурманом — остатки пифонов, тифонов, дельфиниумов.

Но всё — сказки, пережитки первобытных мечтаний, воплощения в подземелье стремящихся мыслей. Даже у исполненной ужасной красоты, ужасной, без всякого прибавления ложной степени, статуи Аполлуса нет ни малейшего сходства с людским обликом. Да и статуя ли она? Это глыба переливающихся цветов, метаплазменный кисель, разметавшийся в воздухе, готовый схватить, убить, уничтожить, обратить в гармонию сфер, превратить бытие в ее струны.

Трое продолжали идти. Проводник указал здание, в котором Ару и Нетудаплюеву предстояло служение Дельфам. Фиолетовый тороид наклонно выдвигался из земли, из него змеей выползала многовитковость фасада, вверх ух-

дили, в улитку закручивались блестящие стены, не было окон, подъездов, ворот, водоскатов, швов, сочленений, разъемов. Ассоцииру... О! Лиловость не хуже абсолютной черноты, обни-мавшей корпус Центра НГ.

— Городу не грозит случайная самоликвидация, — оценивающе произнес Нетудаплюев.

Наконец проводник довел прибывших до их жилищ — остекленелых клочков... Гид уверял: это дома, сообщающиеся напрямую с торойдом. Ближе располагалась площадка Ара Озова. Подойдя к ней, Ар увидел стержни, сходные с гигаальтными изоляторами.

— Принцип действия почти как у Башни грома, — пояснил проводник.

В подтверждение почва закипела, забурилась. Из пены вырвались огненные языки; и уйдя, оставили нежный, раскаленный и слегка просвечивающий агрегат из блоков, соединенных изви-вающимися трубками. Агрегат чихал, дышал, что-то перекачивал. За минуту он катастро-фически увеличился в размерах.

Послышалось шипение, и выросшее объя-лось тихим взрывом. Пляска прекратилась, из сиреневого чада вынырнул домик дачного вида, с мелкими деталями, характерными для дель-фийской архитектуры. Хотя расстояние от огромных зданий нешуточное, диссонанс был вопиющим. Проводник недовольно хмыкнул.

Опять раздалось шипение, строение исчез-ло, появилась площадка, и после огненной пляс-ки одновременно с прежним сооружением не-весть откуда, но, разумеется, не из-под грунта,

вытянулись большие папоротникоподобные деревья с рдяными стволами.

Теперь Озов запоздало прозрел: от горизонта до горизонта под четырьмя солнцами на пустынных пространствах между дворцами и храмами голубели оазисы, сродные сейчас возникшему.

Нетудаплюев и проводник удалились. Озов отправился в свое владение, и ему почудилось: он вторгается на территорию заповедного необитаемого острова. Топча газон, на котором, увы, ни намека на тропу, Ар подошел к дому. Всматриваться бесполезно: дверей не существовало. Или в Дельфах ходят сквозь стены? Тщетна и попытка найти запасной вход: попробуйте, обойдите домик: он вертится ровно избушка на курьих ножках, вежливо подставляя вам свое лицо — фасад. Ар заметил: здание не только поворачивается в такт его перемещениям, но и заметно пульсирует сообразно движению его зрачков.

Всё это комичновато, но веселиться мешала лёгкая тошнота от созерцания пластичных стен. Озов рискнул ощупать стену — не ощутил ничего твердого и непонятно для глаза оказался внутри. Он не успел выдать из себя ласковых выражений в адрес проводника, обомлев от резкой перемены обстановки; в его мозгу зазвучал серый блюз и представилась безвозвратно пропавшая "Памятка отъезжающим в Дельфы".

Ар никогда не встречал такую убогость. Он находился в дичайшей пещере, перемешанной со складом. Свисали рыжие сталактиты, из стен

торчали белемниты, повсюду — камни, куски металла, кипы бланков, увядшие листья, изломанная мебель. С потолка капало. Трудно было сделать шаг, не ступив в лужу. По лужам плавали разноцветные шарики, похожие на мыльные пузыри, и предметы, смахивающие на калоши. Там и сям валялись ящики.

Озов сел на размалеванный бочонок, предварительно убедившись в его твердости и устойчивости. Совершенно сухой бочонок выглядел объектом, недавно облитым краской. Осмотревшись, Озов заметил: антураж несколько изменился. Лужи и сталактиты сгнули, а напротив него вырос модуль, напоминающий кафедр. Сверху горела надпись:

ИНФОРМАЦИОННЫЙ СЕЛЕКТОР

У селектора — ни ручек, ни клавиш. Ар задал вопрос устно. Ответ пришел моментально:

— Вторично "Памятка отъезжающим в Дельфы" не выдается.

— Для чего эти декорации и где вход в тороид? — сконцентрировался на вопросе Ар.

Селектор долго молчал. Затем зажглись чуть ли не микроскопические строчки:

— Ответ будет. Ответ будет скоро. Скоро скоро скоро скоро, жди жди жди жди.....

Четкий текст становился всё более неразборчивым и ниже размывался. Почему-то многие согласные лежали на боку, а гласные были неестественно раздуты.

В полутьме пещеры появилась быстро идущая женщина в накидке-медузе. Тут же Ар почувствовал: кто-то подкрался с тыла и начал выкручивать ему руки.

Женщина подошла и чем-то чиркнула — вспыхнуло пламя, Ар словно засветился изнутри, заколебался вместе с высоко проплывающим облаком. В это мгновение он легко мог дотянуться до зенита или надира: так ничтожен стал мир.

— Отпусти его, Нестор. Наверняка умственного помешательства у него нет, — изрекла неизвестная.

Озова освободили. Он увидел: в противоположной точке земного шара играет в волнах океана синий кит и идет огромный корабль. Ар понял, кит не кто иной, как он сам. Корабль шел на Ара, и Ар не желал ему уступить.

Нестор, бородатый старик с атлетической фигурой, окончательно оставил Озова и бесшумно удалился. Озов не заметил, чтобы он открывал двери.

Незнакомка опять чиркнула и без всяких церемоний вновь просветила мозг Ара. На сей раз она продлила его восприятие до границ метагалактики. Засиял участок некоего волшебного сектора. Звездолет с экипажем неспящих возвращался неведомо откуда. Сбоку от корабля висело эксатело в форме цветка ромашки.

"Но я не на таможне! — подумал Ар. — Зачем расследование? Хотя бы представилась..."

— Я вовсе не из ментальной службы, — заговорила незнакомка. — В Дельфах есть горнее... Мое имя И-та. Я твой ангел. Тебя никто не будет посвящать, но твои занятия эквивалентны второй ступени. Пока у тебя два ангела: я и Нестор.

— Но при чём просвечивание?

— Ты находишься в привилегированном, но несвободном обществе и ведешь себя в нем неподобающе, — она мотнула головой на обстановку пещеры. — Дело не в памятке.

— Комната, — присовокупила она, перейдя с тона ангела на бесстрастную интонацию, — и не рассчитывалась на твой мозг. Его непространственные функции близки к функциям варвара. Не для специалиста по НГ! Триста лет назад людей со столь слабой непространственностью принимали за шпионов из аристотелевских цивилизаций.

— Аристотель? Размышлитель минойской эпохи? — спросил я.

— Нет! Эпохи Александра Великого. Это роковой философ: кан⁹ вреда полководцу, кан вреда науке. А вред (И-та засмеялась) — из-за переизбытка досуга... Закон передачи кана... Четные Аристотели, выросшие слишком вольными и усердными, преуспевают однобоко... Вернемся в наш редолокус. Твоих НГ-функций еле-еле хватило на селектор.

И-та достала карманный селектор и связалась со жрецами. Управители запретили перестраивать дом, но поспешили выслать прибор-медальон — усилитель импульсов мозга.

⁹ Кан — момент действия, различный в каждом из миров.

Озов надел медальон, И-та сразу исчезла, стены обратились в дрожащее желе, а воздух — в кисельную субстанцию. Озов стоял, но не чувствовал под ногами опоры, не ощущал собственного веса. Ему казалось, он изменяется, трясет тело, смешивается с воздухом...

Несколько раз прибор создавал помещения, похожие на те, которые Ар когда-то знал, и — другие более родные комнаты, что выплыли из старых сновидений. Тысячи забытых снов пробежали, растворились, напомнили о многомиллионных продолжениях за гранями граней.

Явилась устойчивость. Ар застал себя в некоем сверхселекторе — обширной круглой комнате с массой выходов. Выходы вели в необозримые коридоры со стенами, украшенными орнаментами из неевклидовых фигур. Но останавливали взгляд горельефы-мнемоны. Посмотришь — и ясно постигаешь бывшее в этой жизни, не в этой, в давно улетевшей грезе, мелодии, контуре облака. Озов увидел немеренное! Будто мелькнула тайна бытия, слегка поколдовала и исчезла, посеяв недоуменное волнение.

Пространство впереди захлопнулось. Ар попятился и чуть не свалился на пол, наткнувшись на вакуумное унитазное приспособление. И впрямь оно, вдобавок весьма комфортабельное. Вот потаенная суть бытия!

Из коридоров Озов вышел в коридоры коридоров. Не лабиринт! Сооружение запутанное, но заблудиться невозможно: спасают мнемоны! Мозаики на дверях вызывали представления о

том, что дальше. Там скрывались: Дельфы, джунгли, библиотеки, застывшие мгновения, реальные пейзажи типа амальхонтеры на планете Ауондана с восходом Сириуса.

В проемах отдельных коридоров — людные недельфийские улицы. В других проемах — моря и пустыни, звездные сонмы, ландшафты внепланетных образований, края вселенной.

В обыденных помещениях ничего экзотического. Зато необычны библиотеки. В одной из них Озов застрял основательно. Мало того, она не имела стен! Ее наполняли исключительно печатные книги! Выглядела она, как вечерний город. На ее центральной "улице" светлела статуя. То был живой Нестор. Он принял руку из-за спины, в ней автоматически перелистывалась книга. Нестор швырнул ее в воздух — она вспорхнула и полетела словно голубица. Очертив круг, понеслась к циклопическому стеллажу-зданию у линии горизонта. Прекурьюзно! Иного засознание Ара не выдумало.

— Попробуй вызвать любую книгу сам, — предложил Нестор.

В голове — нуль и свобода. Идею о проверке крамольных пуанских формул Озов отогнал: "Успею". А не испытать ли Дельфы на прочность? И медальон дал команду:

— ...Компено Ас. "Малипотовы игры в лучах заходящей".

От названия этой, всюду запрещенной супербодографической гепталогии не потряслись ли

капустные гряды пространстводвигателей? Почти ни надеясь, Озов оцепенел в ожидании. Скорее, желание-импульс не услышат. Мегапроизведение сверхопасно не только в нравственном и политическом отношении, но и в медицинском. Оно раз и навсегда посрамило перлы порнофилии и оделоконии, трансментализма и дрегонофрении.

Тот, кому удавалось прочесть пару страниц гепталогии "Малипотовы игры в лучах заходящей", физически не мог оторваться от чтения. После марафонского книгочейства с неизменными грезами и галлюцинациями вероятно всё: и психиатрическая лечебница, и смерть от жажды-голода, и потеря желания жить. Это в лучшем случае. В худшем — книгочей инициировал великий массовый психоз. Бывало, эпидемия психоза охватывала континенты. Целые города погружались в каталепсию или вымирали от нервного перевозбуждения жителей.

И конечно, автор "Малипотовых игр" не человек. Гепталогию написал нимфоид-полиплоид.

Ар и не мечтал о произведении. Тем не менее высоко в небесах над гигастеллажами появился птичий клин. Не иначе, восемьдесят томов гепталогии. Клин близился. Нестор озадаченно уставился на него. Нужны ли ангелы, не умеющие читать мыслей?

— Почему ты мной недоволен? — спросил Нестор.

Ар объяснил.

— Мысли читает И-та. Меня больше беспокоят феномены, неправильно называемые чувствами.

Ар посмотрел на Нестора, и его ударило будто током: где, где до Дельф он видел этого старика?

— Отчего бы именно женщине ("самке" — про себя добавил Озов) не читать чувства?

— Ты не заметил медальон на шее у И-ты, неотличимый от твоего? Ты не художник, тебе важнее сродство по матрицам суждений.

Вырос стол, на него опустились все восемьдесят томов. Нестор удалился.

Озов открыл первый том. Вступление оказалось занимательным, почти ароматным; подобные тексты раньше не попадались. Он весь внутренне расслабился и настроился, предвкушая сверх-сверххособое, и через минуту узрел: автор беззастенчиво повторяется: повторялись строчки, затем — абзацы... И здесь книга перешла в абсолютную невнятицу! Что за чушь?! Озов взял наугад тридцать седьмой том. О ужас! Слова там состояли из одних согласных. В других томах — то же самое: гласные исчезли! Пригляделся: выше строк — странные точки и завитушки. Не брак. В Дельфах он невозможен!

— Как тебе понравилась гепталогия? — услышал Ар за спиной иронический голосок И-ты. Ару осталось развести руками.

— Учиться расшифровке онейрописи следовало бы в свободном обществе, — закончила И-та.

И Озов вспомнил: послушником колледжа он придумывал разные уловки и уклонялся от медиальных циклов, вместо эстетики избрал историю силонгики. Модерные языки для себя аннулировал, сославшись на надзаконное задание электринной рулетки. В действительности заказ был прост, но в те годы еще полагалось познавать прелести жизни, отдавать этому не-считное количество времени.

Тогда Озову и подвернулась четырнадцатилетняя милетянка — увы, лицо и имя он забыл. До сих пор нет-нет представлял ее ожерелье из синеватых полиэдров. А была ли она, было ли ожерелье? Мир подменили!

4. УЛИТКА И ДРАКОН

ИФ-2

В тороиде, где размещался ИФ-2 (Институт фатальности), в первый день Ар не встретил чудес. Даже начинка сдвигателей, как и везде, была капустоподобной. Прошлые обзирали по реликтовым полям; будущее — о!.. это не великая, но тайна.

При хождении по секторам Достижимого Ар очутился в круглом помещении. Маленький китаец с длинной бородой ползал на коленях по прозрачному полу, сделанному из огромной линзы. Над линзой нависал шнурок с помпоном. Китаец неустанно его подергивал.

Под линзой — ничего примечательного: некий иновселенский город с иновселенскими людьми. Площадь. Озверевшая толпа. В центре — возвышение. Фигура в белом положила голову на пенек, фигура в красном занесла над ней топор. Толпа ахнула — голова отлетела.

— Что это? — поинтересовался Озов.

— Четвертая из богомерзких христианских цивилизаций. Желая поскорее деградировать, в них убивают одаренных представителей рода людского.

Озов бродил в ожидании по залам. В курс вводят ангелы, но они задерживались. По зданию гуляло эхо.

В информационном зале Озов увидел много жрецов и сотрудников. Среди них стоял и Нестор. На внушительном экране мчалось бочкообразное сооружение и выбрасывало пучок черно-зеленых лучей.

— В какую вселенную направлен экран? — спросил Озов у Нестора.

— В нашу 313-ЭР. Аппарат чужой. Его прибытие — признак катаклизма. ИФ-2 искал разъяснений у высших жрецов. В ответе отказали.

— Но мы и сами можем включить пространствилóк.

— Его активировали. Внутренность аппарата изучена. В нем — шесть персон, их язык — фантастическая смесь азиатских и европейских наречий.

Созрел вопрос о занятиях Озова в ИФ. Любые уговоры не могли его заставить взять на себя приблудший аппарат, пустотопологии, нелокаль-

ные полупространства, а игры в пифий вышли из употребления. И все же...

— Не заглянуть ли в будущее, чтобы узнать будущее? — выпалил Озов.

— Мысль недурственная, — подозрительно усмехаясь, заметил Нестор.

...бланки и разрешения не понадобились.

Из восприятия Озова

Мы пошагали через внутренний парк и миновали его очень быстро, но, обернувшись, я удивился необъятному расстоянию, гораздо большему, чем от горизонта до горизонта. Бегущие дорожки и галопирующие мосты не попадались. Но дважды мне почудилось: трава и земля под ногами морщатся и складываются в гармошку. Внутри здания взошло огромное солнце, маленькое солнце спряталось за баобабом. На небе серебрилось облачко и ползло в сторону горного пика. Мы входили под арки...

Вместо Нестора возник белесый силуэт; этот контур таял, исчезал; воздух, весь мир источали шуршание, змокание, зденьканье, броханье; я уже не улавливал своего тела; шуршание обратилось в мелькание; феномены смешались; всё сделалось одним; проступало явно чувтельное, беспредметное эфирно-живое, разорванное, расчесанное, разбросанное вовне; невесомость, нахождение в полупрозрачном матовом шаре, открывающем зачатки вещей, рождающем безналичие наличности; зримое рассеклось на много-

мерные кубы; кубы стали полигранными сотами, а в сотах поплыли изображения, видимые одновременно; видеть их можно только не обладая глазами и мозгом; видеть их способен лишь нечеловек; я и не был человеком, духом, богом, призраком, материей, идеей, жизнью; мне казалось: я само из себя по себе вне себя над ничего в чем вычего вычито вымеро-морянно отренно отранно отородоконно локенно золоскондено; нет вообще памяти, но запечатлевалось всё не врозь оттуда и пронно толтепенно энно: срез разрез ломающаяся площадь тороид ИФ-2 чертовщина люди просвеченные насквозь вон мебель через стены все этажи сразу все масштабы сразу несоизмеримость размеров с лучами и атомом водорода а атома водорода — с причиной всего; искры и шаровые молнии; шаровые молнии вытягивались в гири и расстреливали окружающее; гири сталкивались друг с другом, превращались в волчки; волчки распускались розами и исчезали, соты вспухали, становились эллипсоидами. Один из них укрупнился... В нем проросла гигантская улитка со стеклоподобной дверью в раковине, вздулась, вспыхнула алым; понеслась невнятица ощущений, которые не имеют отношения к возможности ассоциаций, иллюстрации, описания. Почернело, и в черноте я начал воспринимать обычного себя.

— Что это могло быть? — спрашивал Ар у Нестора, с трудом говоря о той или иной картине. Помнил он небольшую часть недавно виденного.

Нестор как-то неопределенно пожимал плечами, не желая разбираться с бесчисленными

детальями озовского калейдоскопа, но, услышав об улитке со стеклянной дверью, выразительно ткнул пальцем ввысь.

Нестор и Озов шли по парку. Земля морщилась и сгибалась. Нестор нагнулся и быстро снял с куста похожий на ужа шнур. Воздух взвыл и застрекотал. Двое летели вверх. Вокруг сыпались синие и красные яблоки. Пахло прелью. Стрекотание прекратилось. Озов заглянул в экран-окно и осознал: они с Нестором забрались под купола.

Вход отверзся. Во всем неистовом величии перед ними предстала раковина внутренней улитки. Ее голубая дверь слегка зашторена. Справа от сооружения полулежала в прыгающем кресле И-та и выплевывала красные и синие шарики...

<...!>

Нестор сдернул со стены пакет с огнеустойчивой накидкой и ударил им И-ту по голове. И-та последний раз подпрыгнула и, выскочив из кресла, растянулась на полу. Нестор тут же наступил ногой ей на живот. Из рта И-ты с ракетным ревом вырвался целый рой шариков и, ударившись о потолок, исчез.

— Ох! И не любят в ИФ женщин: каждая так и норовит поиграть в пифию! — шепотом сообщил Нестор. — Едва не сыграла в ящик. Но смотри, каково ее чутьё: она пришла сюда до нас. Не будь этой способности, твоя ангелица переродилась бы в монструмузу.

И-та спала и глубоко дышала. В ее невинном профиле не было и намёка на пифийство или шаманство.

— Я уверен, она уже побывала в отрицательном универсуме и изрядно подпортила лич-

ный орос, — продолжил Нестор. — Но при редких вылазках туда она не скоро потеряет свое "я".

— Мы ее застигли, но это мог сделать и еще кто-то, — рассудил Озов.

— В Институте фатальности командуют низшие жрецы, фатально и то, чего они не умеют. Их индикаторы срабатывают исключительно на ретропин, которым твоя ангелица не пользуется. Сверх того, она читает мысли и намерения.

* *

Улитку не сравнить с капустным полем! Миллион пространствосдвигателей — ничто. Правда, заведение "Тир Дракона" порой соперничает с чудищем. Может ли улитка ползти медленно, если в ее завитках все миры?

Нестор начал о Тире, а я, слушая его, — формальное приложение I, эктентное приложение V, пропедевтику сплошного перехода...

Почему?! Почему я не заметил раздвоения?

Вот когда заварилось! Да нет — гораздо раньше!

Малый ПИО

Тир прилетает на Драконе. Дракон прилетает в Тир. Тир — в Орене, безвестной диаспоре, в обезлюдевшем городке на Земле. Но Орена также внепланетная сфера в Скоплении Дидоны, в Шестнадцатой галактике Второго каскада Вихря Гимнософиста.

Тир — анахронизм. В нем выбрасывается или поглощается абсолютная энергия, беско-

нечная, хотя всякая бесконечность только символ, обман.

Война с Драконом — самое высокооплачиваемое занятие. Вредность для хронострелков не плюс и минус пламя, но тэ-мультиполя. Чем менее удачен стрелок, чем меньше поражен Дракон, тем сильнее тэ-поля.

Впервые Дракон примчался три тысячелетия назад. Он явился в билогическом пространстве. Грозил аннигилировать Башню грома. Его перекинули в новую геомагнитную крипту, ему поменяли координаты, он теперь на две трети — в удаленной изоточине, в закрытом секторе вселенной, но еще приносится.

Сверженные хтоны обернулись ужасом. Прошлое — внутри настоящего. Не найти покоя от выросших монстров Эры титанов. Грехи человечества проплыли по Большому меридиану истории, совершили круговселенское путешествие и вернулись. Свободным был Золотой век. Эра опеки — первый этап войны...

Не так страшна статуя Аполлуса, но искусство требует жертв. Мудрость в разделении: разделяй и имей. Иначе смерть музам и грациям, иначе сады фортуны сменяются подземельями, орлы — змеями, мир превращается в шаманскую сказку.

Хвосты прошлых времен пытаются разорвать проэгидное. Оглашается рёвом Тир Дракона. Бойцы в скафандрах стреляют по дракону. Не спасают оболочки от тэ-мультиполей. Дважды Дракон разрывал сам Тир. В тот момент палили хроногаубицы на холмах, уничтожали всё вместе с призраком.

Тир не терпит модернизаций: оборудование на нем изношенное и списанное. Его стрелки — комиссованные военные, но Тир — мечта вояк. Попадание или смерть. Попадание или желтый дом. Воспарение души вон от тэ-мультиполей — или волны розового океана, райские кущи, стокие и сторукие гурии от тех же мультиполей.

Крушит стрелок и его дублеры, но Тир опасен. Ждут, когда Земля перейдет в раскаленную плазму или охладится до абсолютного нуля, упорхнет в иную галактику, к внепланетной сфере и обратит в ничто Скопление Дидоны, но Земля... Земля — крошка, пылинка, прилипшая к чешуе Дракона-прародителя, артефакт, то, чего не должно быть, эманированная похоть Алгоса.

Негодования, протесты; требования скрыть, убрать, заморозить; проекты демонтажа, дренажа, выстреливания, отпочкования — нелепы, безосновны, наивны. Тир Дракона сейчас и потом — причина появления жизни на Земле в прошлом.

Жрецы отрицательно относятся к биологической жизни, но... блюдут обет невмешательства. Они смирились, проглотили эту пиллюлю и ждут, ожидают эффекта... Но всё уже предсказано, растолковано, истолковано, выбито на скрижалях Храма вечности.

Тир Дракона проникает в другие вселенные, в нем стреляют по другим вселенным, выискивают двойников, меняются энергией. И ясно-понятно: бесконечные силы не пребывают в конечном объеме, и в целом космосе они не

могут обретаться, но зримое — обман вложения, обман происхождения, иллюзия существования, кажимость замыкания, умножение умножений, то, чего нет, и благословение на прозябание. Все перемешано. Достаточно частицы бытия, чтобы казаться гигамиром и отражаться в кривых зеркалах безначального.

Не смолкал слух о срединном жреце — неофициальном управителе Тира, о пресечении им катастроф. Знают о смежных временах и пространствах, но мало кто подозревает о перпендикулярно-внутренних, гипермерно-эллиптических.

Ундедю назад Дракон одолел стрелков. Огненный джинн выплеснулся наружу через микронную щель, перешел в пламенный вихрь. Не сработали балансогаубицы и зенитки на ожерельях холмов. А над садовой сторожкой, в миле от Тира, родился белесый шар, поднялся ввысь, расплылся. Белесый джинн оплел раскалённого. Никаких бурь, взрывов, раскалываний горизонтов. Ни одного звука, если не считать слабого щелчка — и на небе ни дымка.

Но срединного жреца не нашла в сторожке комендатура.

Улитка

Ангелы включили туман. Туман густел, превращался в брызги пены. Невидимей становилось окружение, ярче сияла Улитка. За ее дверь — бегущие тени и блики, что-то покачивалось, отбрасывало неровный контур затем-

ненности. Пена вздыбилась взвешенным градом — миллиардами колеблющихся и шелестящих горошинок, полностью лишенных вещественности и твердости. На такие прозрачные горошинки распалась и дверь.

Войдя, мы очутились на обширнейшем плато. Оно не внушало ощущения пустынности из-за причудливых низких облаков салатного цвета. Облака отошли от зенита, выглянуло светло-рубиновое фонарь-солнце, солнце-спрут; растаяли старые тени, появились новые; в воздухе закачались ромбы-скаты, ромбы-коврики. Некоторые были похожи на паруса, с других свисали тяжелые крюки, снасти, ступени, лестницы, кабины. Число кабин увеличивалось. Они смотрелись почти одинаковыми, но отличались небольшой разностью в оттенках желтого. Двигаясь под салатными облаками, они производили впечатление экзотического танцевального представления, пёстрого действия или мистерии.

Кабины исчезли, появились голые снасти. Одни из них обгоревшим видом, лопнувшими тросами говорили о катастрофах; на прочих раскачивались кабины-фантомы, полупрозрачные кабины, порой — неведомым образом только их фрагменты, силуэты, проекции, тающие огоньки, осколки блестящих стекол. Близко пронеслось ужасающее — гигантская ржавая бабочка с ободранными крыльями. Но вот инвалиды улетели, и пространство заполонил стремительный танец бесчисленных желтых кабин.

Я обернулся: дверь, через которую мы вошли, была гораздо выше человеческого роста и вырастала прямо из воздуха; но мы недавно еле-еле протиснулись в нее!

Ангелы спешно опрыскали ее черной эмульсией. Из ничего возникла физически немислимая субстанция, сцементировалась слоем инертана. ИФ и Дельфы теперь под защитой. По понятиям науки, всякий предмет, потерявший квантовую структуру, должен или аннигилировать или стартовать за пределы Гелиона. С инертаном это не происходило.

Недалеко от нас болталась на крюке совершенно лиловая, освобожденная от спектакля кабина. Мы сели в нее. Нестор сорвал предохранитель, и мы помчались по свежесозданному миру.

После минуты путешествия впереди и позади нас поплыли идентичные кабины, в них сидели люди... люди — мы сами; нас много, даже мелькающие тени за дверью до нашего появления в Улитке — тоже мы сами; размылись переходы между временами и безвременьем, не понадобились взрывы Тира Дракона, объяла мультипликация возможностей, дециллиона дециллионов существований — псевдovремя и псевдопроницаемость; псевдоналичное — налицо, движенья нет и всё — вседвижение; числовая ось — восьмерка, где нуль — бесконечность, раскаленная магма, подземные воды, лже-макум-вакуум, отрицание космоса, игра ничтожного ничто-то. Всё оказалось рядом, стало вместе и отдельно; лишь абсолюту подсилено зрение такое, и даже нет: и у него нет средств для злостных расщеплений вне себя; но мы не убили суть первопричин, не вынули корней, их нет нигде; иное — миф; мы наблюдатели мы бесконечны мы — повсюду мы видим всё и странна памяти манера я прожил то и это я ви-

жу жизнь свою чужую я — нечеловек протуберанец из огромности великой что ярче звезд и миража обманов я обитал в нечеловеческом и неземном роду и соплеменники мои как бирюзовые дымы вне кажимой вселенной превыше леса тропиков и рая и светил то действо вне всего и сну не передать в узорах сновидений да правда правда мнил я но до меня дошло что в памяти появилось то чего я не переживал чего не случилось ни в снах ни наяву ни в спонтанных виражах вневременных аппаратов — аппаратов парящих над временем подобном желтеющей лиловости... в память влились воспоминания — реальные ложные воспоминания о фактах которых не замечали, неупраздняемом в той эпохе когда на диске заменяющем планету обреталась колония застывших разумных кошек размером с горный массив внутри кошек располагались миллиарды микроскопических городов миллионы государств а по необъятным туннелям-ахеронтам проплывали циклопические элементарные частицы — мертвые отходы цивилизаций и зачатки новых миров.

Кабина перескочила из непрерывно порождающейся крутизны на обычную трассу. Уже не всего достигал вектор внимания, но остановку кабины хотелось сравнить с пробуждением.

Последовали комментарии И-ты:

— Ты понял? Не было чего-то общего с земной цивилизацией в этом и других мирах. Открылись иные разрезы бытия. Сам виноват: зря предпочел Улитку. Сейчас низших жрецов интересует исключительно провокация с роботами.

Сохранилось в голове кое-что из старых объяснений ангелов: ...нормальный грех — расчленение целого. Его стирает второе разделение Аполлуса, устраняет негатив, идет возврат к первоначалу. Иное с роботами: юпитерианский эликсир не имеет сходства с веществом, это квинтэссенция времен. Сотворение роботов — коварство, карикатура на аполлунство.

В виражах мы не унеслись к эликсирным вершинам.

Шифр

В несвободных Дельфах Озов чувствовал себя гораздо вольнее, чем в свободном обществе. Перебился и без обетов. Но независимость царила только вне жилища: хижина, как живая, или пресекала его намерения, или пичкала неожиданными.

Внешние стороны Дельф оказались доступны. Внутренне наполнение всего ускользало. Беседы, диспуты в присутствии арбитров, салоны, вернисажи, декоративные рощицы, каланы, маканы, бегуресконы подразумевали несколько слоев-планов. Одни поверхностные планы не удовлетворяли.

Иногда он думал: пред ним не дельфийцы, а роботы, потерявшие ангелоподобный вид. Общее впечатление от дельфийских искусств, зрелищ, аподендрий, фальшонков, дыротоний, вогорендий и ностурнелий было ужасающее.

На очередной выставке Озов продегустировал с полдюжины дельфийских словесных изы-

сков. Каждый раз он стремился брать тот, где гласные буквы еще существовали. Попадались вещицы вроде:

оборболедонлобдон соробнедедо-
нэззонннн плэрехрронноонынн
голхоннн сурбартабннн вкасссс

или

амирмáла сомём ушушá нулилú
генинá ионé метисá сононéй...

Подлежащее не отличалось от сказуемого, прилагательные превращались в многосложные предлоги. Невозможно, но это так! Предлоги и союзы как бы соответствовали тем сверхпространственным изворотам, в которых побывали стихонеры. Числовой ряд — теперь не восьмерка, он георгин! А по законам георгина, всё смежно и криволинейно.

Встречались и пииты-марамаги. Их заклинания:

омана маром маны мари менот макоморм...

или

хохихихо бибонхо бибиhibихохи оханско...

не действовали.

Проспект утверждал: это проглядная надезия, читаемая глазами, читаемая не сплошь, но успешно точтосхватываемо. Шли глубокомысленные пропересуждения о стробобундре.

Если о содержании, то немало говорилось и по разным поводам о сияющих зеленым ог-

нем конопеченках на дветретискатертях упар-
понного хаоса, произносились проклятия в ик-
совый адрес некой игрековой плеблонской от-
ринутости, плудования о "кромошедших мол-
ниях цветных запахов".

Не лучше были кабины живописи, салоны кру-
кописи и сингулографии. На одной из картин
Ар увидел вариацию шабаша полуодухотворен-
ных предметов, похожих на изломанные табу-
реты, под сенью антимерных и сменногранных
пчелиных сот.

Около объемной картины, вправленной в ири-
диевые рамы, он заметил даму — то ли гетеру,
то ли монструмузу, которая лила крокодиловы
слезы. Неясно! Впечатление на нее произвели
всего-навсего какофонии орнаментов. Дама уш-
ла. Пару минут рассматривал картину и Озов. Да!
Влияние абстрактного сюжета было физиоло-
гическим: от острой щекотливости перспективы
нестерпимо хотелось чихать.

Дельфийские индуктофильмы то квазисен-
timentальные, то торно-высокопарные, то ко-
кибуффные. Разнообразие и пестрота словно в
городе Лоске. Но, увы! Не свобода! Дельфийская
цензура жесточайша. Штат эстетцензоров не-
объятен. Проку, что основных авторов не пря-
чут! Фактический продукт — косвенное твор-
чество пяти тысяч человек!

А это? Озов — на концерте музыки, дикой и
вычурной. Она ему будто подходит, кажется
близкой родным стихиям. Он представляет про-
туберанцы на незвезде-непланете, световые стол-
пы небиологических существ... Другую вселен-
ную, его. Вселенная посюсторонняя — чужая.

Пронизывает море-музыка, музыка-океан, лишенная ритмов нелепых, брэнчаний, ударов, музыка-в-себе.

На афише, помимо названия "Эо" и имени композитора, сверкало обозначение:

АББ — 304 — К.

Запоздалое открытие: у каждого дельфийского искусства есть типы. Подобно дренам (психотипам) людей. Универсальные художества не для многих, для тех, кто превзошел собственное восприятие. Экспертиза дрена делалась до Дельф. Её шифр проставлялся в памятке.

Новое уточнение шифра не только неприлично — оно опрометчиво. Возможна высылка неизвестно куда. Это Озов чувствовал интуитивно. Ангелы подтвердили такое мнение. Но постоянно пребывать не в своей тарелке — еще хуже высылки! А самодеятельный подбор шифра грозит ошибкой.

И-та посмотрела на ладонь Ара:

— Первые символы твоего шифра — А Б Б, но далее по линиям ладони и тембру голоса ничего не определить!

Не назвав какого-то выдуманного шифра, И-та повернулась к информационной машине и затараторила:

— Шифр подопечного (имярек) зарегистрирован неправильно! Прошу расследования...

Машина информации расцветила радугой возмущения:

— Ошибки информационной службы в Дельфах нереальны! Ментальный шифр имярека: "А Б Б — 000 — К" абсолютно верен!

Цвета возмущения забликовали оттенками угрозы. И-та мгновенно отключила машину и ударила ее тяжелым оптическим журналом.

При запуске кэш доносчика сотрется. Схема займется восстановлением себя, а не фискальными функциями.

Озов был восхищен хитростью ангелицы. Да и знание шифра не могло его не вдохновить. Но что это? В окно из тонкого металлизированного листика глянула рожа чудовища. Пластинка прогнулась и треснула, по ее поверхности побежали потоки.

Летающий парусный моллюск! Он добрался и до Дельф-313!

Увидев чудище из позднего палеозоя, И-та зашлась в приступе хохота. Понадобилось ее держать, иначе она упала бы навзничь и разбила голову.

По книге Балабонкуса "Бытовой психосинтез и миф истории" появление моллюска отнюдь не случайность... Но и солнце на небе — не галлюцинация ли для мысли робота?

Необычно облегчилась свободная жизнь в несвободных Дельфах. Никакие лишние культурные отложения (именно отложения!) Озова не касались. Он попадал туда, куда хотел; видел, осязал, обонял, слушал, апозидал, исотернал, лодоцептал то, что ему подходило. Можно пощекотать нервы и чем-то совершенно чуждым. Отныне оно имело привкус пряности.

Из восприятия Озова

За день до хождения по каланам и маканам я забрел в библиотеку. Заметил ошеломляющее! Скорость чтения стала огромней. Мало того — я читал литературу без гласных! Дело в токсине моллюска или обретении шифра? Вот он, миф истории и психосинтез! Причина веселья И-ты не обалдевший моллюск-гермафродит, затеявший спаривание со стеклом. А секрет подвижек? Он мог таиться в другом: в виражах, в выкруках желтых танцующих кабин, меняющих сознание, меняющих вселенные, устраивающих произвол миражей.

Бесполезно что-то у кого-то спрашивать. Ангелы объяснят всё экономией мышления, эффектом просветления из-за того же шифра.

Теперь я не казался себе дебильным на диспутах универсалистов. И дебаты роботов были бы небезынтересны. Дельфийские универсалисты выглядели уже элементарными болтунами; догадки, которые возникали в противовес их речам, начали гармонировать с замечаниями жрецов-арбитров. Но три нуля в шифре вызывают ассоциации иного рода! Даже здесь ноль равен бесконечности?

Вместе со мной с диспута вышел некий человек с котиными усами.

— Не правда ли, эти искусства и размышления не для нас?! — спросил он.

— Может быть, — неопределенно ответил я.

— Натурально, не для нас! — отрезал уса-
тый. — Те дельфийцы, каких мы сейчас виде-
ли, не обращают внимания на эмоции. Для них
главное — тончайшие нюансы ощущений. Та-
ких нюансов нет. Они пошлая фантазия абуле-
манов. Важнейшее — ряды эмотенций. Мы спер-
ва во времени и где-то после — в пространст-
ве.

Котиноусый представился:

— Иуда Прокариот, жрец второй ступени.

Открылось: он житель отдаленной зоны Дельф
и старый знакомый И-ты.

Речи Прокариота пробудили во мне новые
сомнения. Я подумал о хранителях. И впрямь,
что это за ангелы, если они вовсе не ангелы?

П ч е л ы

(локкаж)

*Там, где Айпейя в Апейрон
впадает, эйхимбурконы тьмы
морозят дух в колодцах.*

Какова цель Дельф? Вот в чём вопрос! Кру-
жения внутри Улитки — для любознательности
младших жрецов, но высшим фактов не надо,
им всё заранее известно. Их улыбки лукавы.
Обман и есть правда, и лучше, чем правда.
Конкретный обман правдивее истины, он нали-
чен, а истина исключительно предполагается.

Я зашел в тупик и сразу понял: увеличение
скорости мышления не благо. Когда паук пря-

дет быстро? Когда он умеет прясть или когда у него в запасе из чего прясть? Но прясть было не из чего.

Как-то подействовал на меня Иуда. Многое сделал прозрачнее. Я давно присматривался к прелагатаям, но безотчетно. Видел и забывал пойманное в лицах. Не забывал, но не считался с ним. Что едят ангелы?

Слишком мудрый лист засыхает, а сильно помудревший летит вниз. Это картина. Очень яркая картина. Откуда она? Точно слышу чьи-то слова: "Помудревший лист летит вниз..." У листопадных деревьев редко бывают позапрошлогодние листья. Моя замета или опять чей-то голос? Еще не надоели перестановки памяти и вкрапления реальности, называемой снами?

Есть странности в мимике ангелов, в их реакции на мои реакции... И к тому же дельфийцы захлестнуты деятельностью, которая никому не нужна. В таком случае, Дельфы — город-государство, населенный подопытными кроликами, кроликами, жующими и играющими на барабане из собственной кожи. Ангелы — наблюдатели! Кролики — наблюдатели! А прочие — свеженькая травка для них... Путаница — труженица?!

Но в Дельфах хотя бы молчат! На Большой земле довольны сказками: живое произошло от неживого, один вид — от другого, везде прогресс, везде эволюция. А вопрос "Зачем?" нелеп, поскольку-де в природе — естественный процесс, всё-де идет само по себе.

Ангелы — роботы? Создания-конденсаторы? Паразиты, которые пьют росу мыслей и

чувств? Люди умирают. Приходят. Уходят. Вода в океане испаряется, прибывает с реками и дождем. Волны остаются. Люди умирают, приходят. Уходят. Боль и радость остается. Не чувства — для существ, но существа — для чувств; прозябайте существа — производители вам ненужных ощущений, вам ненужных иллюзий, плетите паутину, цветите. Где ваши лепестки? Тычинки и пестики? Где нектар и амброзия, пыльца, сок, свет и цвет, биение? Загудят пчелы и заберут вашу кажимость. Развалится мир никого и ничего. Вам дают его обман, дабы снять с вас сливки отношений.

Торопишься, рвешься, *Apis mellifera*? О ранней весне поразведать? Из царства воскового тридесятого? О вертоград моей сестры, вертоград уединенный... кому нард, алой и киннамон? Вечер, взморье, вздохи ветра?

Радуйся — Сладим-река, Сладим-река течет, радуйся в Сладим-реке в Сладим-реке есть мед радуйся в Сладим-реке вещанье для души радуйся к Сладим-реке к Сладим-реке спеша из потока из волны из прибрежных вязких трав из мятущейся луны из осоки и купав вечерним вьюнком я в плен захвачен недвижно стою в забытии я возник — я гляжу — я возник... душа — Элизиум теней что общего меж жизнью и тобою? рухнул купол Содомы я вернулся к себе как статуи чей голос чужим не слышен сан крапивы лепестки мальвы сад темно-зеленый незримые точки звезд час тоски невыразимой о чем он этот гул непостижимый? дай вкусить уничтоженья сны и тени сновидения в сумрак трепетно манящие все ступени усыпления легким роем преходящие там близкое сердцу

над оливами близ шумного каскада где роза южная гордится красотой ночные тени тени без конца к свету отдаленному станем мы прозрачными и покинем там у входа покрывала наши мрачные еще темнее мрак жизни всемирной как после ясной осенней зарницы снился сон что сплю я непробудно что умер и в грезы погружен вдруг колокол и все прояснено счастье в этих звуках вот оно на дальнее кладбище меня под них качая понесли на волне ликующего звука умчаться вдаль во мраке потонуть как волна обнажает утес странно видеть лицо людское я вижу взоры существ иных есть иные планеты где ветры певучие тише где небо бледнее травы тоньше и выше где прерывисто льются переменные светы но своей переменностью только ласкают смеются я легкий призрак меж двух миров там мы были когда-то там мы будем потом... дрожали ступени и дрожали ступени под ногой у меня в золотистом тумане утонули во мгле близ озера Обер в зачарованной области Вир в аллее Титанов в эти дни трепетанья вулканов образом нетленной красоты нежней чем фея ласкает фею миг невозможного счастья миг от черно-белого мельканья клавиш какие радуги луна ты плавишь... А веревку всё грызет черная и белая мышь по-над пропастью по-над лесом темный лес утком тканья закатных веретен лазурных сил горючие цветы... белый саван брошен над болотами мертвый месяц поднят над дубравами ты пойдешь заклетыми воротами ты приходи ко мне с шальной пошавою тропа неизбежная на крутом берегу волшебница нежная в вечер грозовой вышла женщина с кошачьей головой улыбается сладкая во мгле полночных волхвований яд несбыточных желаний в темном мире

неживого бытия из тонкого фиала мечты порочные бесстыжие пахучие цвели на мягких крыльях сон летал тревожен и пуглив... я — царевич с игрушкой в руках я — король зачарованных стран жизнь живая Солнце мира — только я печальный ропот темный шепот не надо жить спокойно маленькое озеро как чашка полная водой бамбук совсем похож на хижину деревья словно море крыш оранжево-красное небо порывистый ветер качает кровавую гроздь рябины... ты не сможешь двинуться и крикнуть блудница перекусит горло безмолвно поднимаясь в тишину неисчислимые тысячелетия...

Она быстро бежит, описывая круги, меняя направление. Окружающие вовлекаются в танец, сменяют за ней. Это побуждает их к полету. На прямолинейном участке пробега танцовщица делает виляющее движение брюшком... что это так красен рот у жабы? не жевала ль эта жаба бетель? вырвет внутренности из брюха шестипалая человеческая — рука... а в полутемной детской тихо жутко из-за шкафа платяного медленно выходит злая крыса, смотрит, есть ли девочка в кроватке девочка с огромными глазами? Виляющий танец говорит о направлении к источнику взятка... кричат где сломан вяз где листьями оделась сикомора на расстояние указывает темп танца и наши тени мчатся сзади поспеть за нами не умея... рогорогое тменье теней полнится мутями все бытие полнится жутями сердце мое мы с тобой над волной голубой над волной берегов перебой и червонное солнца кольцо... чем дальше источник взятка, тем больше энергии затрачено на полет к нему и тем медленнее темп танца... летучим фосфором валы

нам освещают окна дома я вижу молнии из мглы я — морок мраморного грома и возникают беги дней существования перемены как брызги бешеных огней в водоворотах белой пены и знаю я во мгле лесов — ты злая лающая парка в лесу пугающая сов меня лобзающая жарко ...угол между направлением пробега и вертикалью равен углу между направлением на солнце и на источник взятка... как отблеском порфирородной порфиропламенной зари плывет многобашенный город туманно-далекий где тусклые сумерки жутей прорезывали рогороги... нет ничего и ничего не будет и ты умрешь и рухнет мир и бог его забудет чего ж ты ждешь? боялся я что тайну вдруг открою за гранью бытия в струях Леты смытую в бледных Леты струях милая где ты милая? и вот в колодезь ужаса я глянул и утонул мрак оттуда прянул свечу задул протяжны рыданья в глухой пещере над сверкнувшим крестом дружный визг белогрудых счастливых касаток... ключ и капелла мадонны зеркало черное глухого агата мусикийский шорох лотос разросся вокруг всюду лотос на нашем пути мыслей без речи и чувств без названия нежно-тоскливые сны невидимый рой бледнокрылых безмолвных духов только отблеск только тени от незримого очами... черная вода пенноморозная меж льдяных берегов в сияющий Эдем отворенная дверь вышла из мрака молодая с перстами пурпурными Эос.

Клоп велиа курренс ориентируется на юг, по солнцу. Он учитывает передвижение солнца и когда ориентируется по искусственному источнику света; угол между осью его тела и направлением стимула меняется в течение дня. Насекомое

направляется влево от источника света утром, прямо на него в середине дня и вправо во второй половине дня. На вертикальной поверхности клоп ползет вверх и вправо утром, вверх и влево во второй половине дня.

Приди ко мне о ночь и мысли потуши парки дряхлые прядите я верю только в голубую недосыгаемую твердь дальнего грома все ближе все ближе раскаты грех везде со мною как тихий ангел к востоку всё к востоку летит моя душа к востоку все к востоку стремление земли... Зоб рабочих пчел превращает цветочный нектар в мед, которым они наполняют ячейки. Пыльца пристаёт к волоскам. Затем пыльца собирается ножками с различных частей тела. Будто все напрасно что мы просим страстно что мелькая ясно манит нас во сне тщетно пышного рассвета сердце трепетное ждет пропадет денница эта это солнце не взойдет молюсь и каюсь я и плачу снова и отрекаюсь я от дела злого у поэта два царства одно из лучей а другое безмесячной ночи темней вечность бесстрастно играет минутными снами мы только атомы жизни случайные мира печального гости минутные на том берегу наше счастье взойдет устав по лазури чертить огневую дугу... со щеточки пыльца поступает при потирании ножек в корзиночку на голени задних лапок... мы — саламандры блеск огня белая роза дышала на тонком стебле девушка вензель чертила на зимнем окне я не в силах восторга мечты превозмочь предчувствие разоблачает тайны объемлет вас непересказный трепет... волна на миг отбежала среди маленьких раковин розовеют лепестки опавшие хаги...

Дельфийский Храм вечности украшен изображениями кривогранных и многомерных пчелиных сот. Кто поверит, что эта роспись символизирует накопление знаний! Дельфам, как и Противовоцивилизации, знания не нужны.

Звезды закрыли ресницы ночь завернулась в туман тянутся чрез вереницы в сердце любовь и обман тени забытой упрёки ласки недавней обман фиолетовые руки на эмалевой стене полусонно чертят звуки в звонко-звучной тишине в жемчугах дрожат березки черно-голые вечера эта область чьей-то грёзы это призраки и сны гаснут розовые краски в бледном облике луны и на празднествах все сказки ликом смерти смущены... в сердце надежды нездешние кто-то навстречу бегу сумерки сумерки вешние клики на том берегу... мне открылось что времени нет что недвижны узоры планет... я закрою голову белым закричу и кинусь в поток и всплывет качаясь над телом благовонный речной цветок... стала душа угнетенная тканью морозной зимы запевающий сон зацветающий цвет исчезающий день погасающий свет зарево белое желтое красное крики и звон вдалеке заревом ярким и поздними криками ты не нарушишь мечты смотрится призрак с очами великими из-за людской суеты... странных и новых ищу на страницах старых испытанных книг грежу о белых исчезнувших птицах чую оторванный миг над миром полыхает огнем закат алеют лотосы кренясь друг к другу как пьяные водою их качает... если б с ветром вспорхнуть на тысячи ли отделиться я мог от земли если б мог я срубить на луне гуйхуа с беззаботно звучащей

листвой... вечеряющий сумрак поверь мне напомнил неясный ответ жду внезапно отворится дверь набежит исчезающий свет заповеданных лилий прохожу я леса полны ангельских крылий надо мной небеса непостижного света задрожали струи... Из пыльцы возникает так называемая обножка. Прилетев в улей пчела счищает обножку при помощи шпор на второй паре ножек подошла и накрыла псалтырь на страницах осталась душа вот предчувствие белой зимы тишина колокольных высот и стало ясно кто молчит и на пустом седле смеется глухая ночь кругом тоскует непогода туман сгущается погасли фонари глухая ночь кругом глухая без исхода без яркой полосы спасительной зари.

На брюшке у пчелы есть воскоотделительные железы. Образуемые ими маленькие пластинки воска снимаются особыми щипчиками и используются для построения сот... серая нудная мгла снова как прежде кругом снова как прежде вползла в старый заброшенный дом... снова и снова рушится небо... венчанный божий серп властительный Аттила пою тебя всей страстью слабых уст... я не ведаю сна я не знаю утех... видит в бурю мой призрачный взгляд словно звон похорон мой протяжный призыв прозвучит над холмами зыбей и домчит к берегам равнодушный прилив только щепы изломанных рей куда иду я? о если знать бы я только путник лишенный сил в краю где ведьмы справляют свадьбы и бродят в поле среди могил когда спасенья нет лишь он не отступает лишь он целитель мук священный Алкоголь я мчался по волнам морским громады вставали кругом я видел скелеты людей и храмы умерших богов ты в зареве

веков как сфинкс на черных плитах владыка гордых снов священный Алкоголь...

С наступлением тепла в улье начинается интенсивная деятельность пчел. Они строят ячейки сот. Наполненные медом ячейки запечатываются воском... в юности я вождедел вина и женщин к зрелым годам не пьянит ни вино ни ласка в сон как в мечеть у порога оставив туфли каждую ночь забыв про себя вступаю в башне спящей в башне желтой громкий колокола звон последний луч на минарете крылом тяжелым стерла ночь; клубясь ползет червивый и дымный ворох туч мертво рудеют ивы в этот час люди ближе к смерти только странно живы цветы в это мертвое мгновение эта пасмурная нота жутко будит в нас сомнение и предчувствие чего-то... Некоторые омматидии глаза пчелы отличают поляризованный свет от неполяризованного такой же яркости... кто к окну приникающий созерцанья нестроного не выдерживал взглядом и смеялся навзрыд чей скелет сотрясается в башне мертвого озера и под замком запущенным кто прекрасный зарыт? Я властно маню в глубину где каждый воздушно удвоен где все причащаются сну где даже уродливый строен как по реченьке выходил крут берег как по бережку растет част ракивов куст как на кустике сидит млад ясен сокол во когтях-то он держит черна ворона... А чтобы она не запела о прежнем он белую птицу мою убил промолвил войдя на закате в светлицу черных ангелов крылья остры скоро будет последний суд и малиновые костры словно розы в снегу цветут.

Если ангелы — пчелы-медоносы, то что они собирают? Ясно одно: контакт с подопечным для них — обеденный стол.

Я по первому снегу бреду в сердце ландыши вспыхнувших сил может вместо зимы на полях это лебеди сели на луг кто-то сгиб кто-то канул во тьму уж кому-то не петь на холму листья падают листья падают стонет ветер протяжен и глух здравствуй ты моя черная гибель я на встречу тебе выхожу песню отмищенья пропоют мне на том берегу когда ночью светит месяц когда светит черт знает как сердце остыло выцвели очи синее счастье лунные ночи и кого-нибудь зарежу под осенний свист облака лают ревет златозубая высь пою и взываю господи отелись! новый Содом сжигает Егудиил новый из красных врат выходит Лот.

Наступает третий период — брачный полет, "проигра" молодой самки и трутней, в результате которого матка оплодотворяется. Себе кажусь владычицей Египта когда сжимаешь ты меня в объятьях Мое унес ты сердце в Гелиополь и я ушла к деревьям рощи Всевышнему Владыке посвященной в Мемфис хочу попасть и богу Пта взмолиться блистая красотой ликует золотая и на земле светло вдали Мемфис как чаша с померанцами поставлен рукою Бога.

Амнионы клопов — крепкие яды, проникающие в ткани через хитиновые покровы и стенки трахей. Они вызывают паралич, а в заметных дозах — смерть жертвы. Амнион клопа Скаптокорис дивергенс содержит пропаналь, бутаналь, метилфуран, хиноны. Твои губы влажны властитель силы несравненны дела твои много-

мощный раздави скорее осла который ревет нам на погибель... а журавлиха завидев черную тучу расправляет ослепительно белые крылья — мира нет для твердого духом бхикшу. Вокруг личинок собачей аскариды Токсокара канис, более приспособленных к тканевому паразитизму, также идет воспаление, но образующиеся капсулы подобны капсулам близ инородных тел. И лишь во сне над этой жизнью рея себя тая цветка касалась бабочка-психея — душа моя хорошо на зеленой луне там душа моя бродит во сне осторожно по трещинам дна как слепая ступает она а за нею зубчатая тень со ступеньки скользит на ступень. От оторванного жала рабочей пчелы исходит запах бананового масла. Дней бык пег медленна лет арба наш бог — бег сердце — наш барабан людям страшно — у меня изо рта шевелит ногами непрожеванный крик на бабочку поэтиного сердца над лбом расцветивши крыло попугая. Когда *Apis mellifera* жалит врага, вместе с ядом она выделяет торибон, запах которого вызывает ярость остальных пчел. О Боже Боже ты ль качаешь землю в снах созвездий светит пыль на наших волосах шумит небесный кедр через туман и ров где на тугих ветвях кусал их лунный рот. С наступлением тепла матка начинает класть по 1000 яиц в сутки. Свет от розовой иконы на золотых моих ресницах пусть не я тот нежный отрок в голубином крыльев плеске сон мой радостен и кроток о нездешнем перелеске. Торибон секретруется двумя группами одноклеточных желез, протоки которых открываются на наружной поверхности квадратных пластинок, представляющих собой трансформированные боковые части девятого тергита брюшка. А для того чтобы выде-

лить эпাগон самки таракана Перипланета американа, около 10 тыс. самок этого вида заперли на 9 месяцев в специальный сосуд. Вы сюда к пещере критяне мчитесь к яблонево́й роще к священным нимфам где над алтарями клубится облак смол благовонных! Там на луговине цветущей стадо веет ароматами трав весенних сладостным дыханьем аниса льется вздох медуницы.

Принять решение после появления необычных уразумений не удалось — нагрянула И-та с ее способностью проникать в чужую голову:

— [*Ну и ничего, мол, особенного.*] Нет обмена между кастами жрецов, нет обмена знаниями между прошлым, будущим и настоящим. Преемственность случайна и формальна, а главное всегда стирается. Касты жрецов соответствуют разным временам, Вечная цивилизация — вневременности.

Снаружи в стену шлепнуло. Порыв ветра распахнул двери. Не очередное ли нападение летающих моллюсков?

И-та бесстрастно продолжала:

— В беракотовых скважинах Магальской, Антильской и Александрийской библиотек — много доантичных свитков, но среди авторов не найти высочайших... Тексты — кабала. Они мертвы, а потому мертвы и мысли. Ведь и они означающее... [*Не ангелица — синтезатор звука, — подумал Озов.*] Цель не знание, а восприятие Алгоса. Знаки его не передают. Дельфы впитывают расчлененность Ороса-Алгоса, достигают нового единства.

— Юпитер, ты не сердит, а подозрительно серьезен. Дельфы — противовес Космоса?!

И-та что-то прочувствовала, нечто угадала, а не поймала. Вот она надела другую маску: из-под важности выглянуло лукавство, глаза задвигались в стороны.

Но подоспел Нестор. Хранитель! Спаситель!

— Где находится Вечная цивилизация — над Дельфами или под? — спросил его Озов.

И-та будто замурлыко-промурлыкала, приятно поменяла настрой. С древа снимают таких ангелов? Положим, читает в лицах. Посмотрим, как поведет себя второй "учитель".

— Под? Над? Кто спрашивает?! Непространственник?

— И Противоцивилизация... вечна?

— Не обязательно вечны ее персоны. Это музей всего, что давно не существует...

— Или не существовало вообще, — вставил Ар.

— Мир неполноценен, — чуть не перешел на фальшивый шепот Нестор, — напичкан цивилизациями-недоносками. Вечная цивилизация (или Противоцивилизация, сокращенно ПЦ) помогает остальным самоисчерпаться до конца — до уничтожения — и тем самым выявиться. Ждать следующих циклов — роскошь.

— (Чем-то Нестор похож на жука...) Если Дельфы — рука Вечной цивилизации, то Орден неспящих — крыло?

— По факту не одна вечная... Они почти не враждуют, у них разные цели. Настоящая война — между субвечными. Она идет непрерывно, обросла сказками и легендами. Субвечным удастся перескочить только через 3—4 цикла или 7—8 перпендикулов.

А не приснились ли ангелы? Почему у них вид тающих статуй? И-та растворилась в воздухе. Утомил ее Нестор, да и меня. Где прежде обретался старик? Не стану спрашивать это расплывающееся желе, уже зеваю... Где сон-спаситель? Где ширазские туфли? Для чего подводные лодки? А здесь? Где я?

...у некоторых пухоедов, тлей и вшей обособленные зачатки головных долей не образуются... оттого они и есть Вечная цивилизация? Кто силен своим клеточным или химическим сознанием? Протоплазматическим? Вакуумным? В сериях уран-свинец и торий-свинец немало стадий от материнских до дочерних элементов... Древний гранит ворчал в подземной камерке: "Эту мокрую дрянь, там наверху, я больше не стану терпеть".

Города Евфрата улицы Пальмиры леса колонн среди пустынь великих что стало с вами когда переступили вы положенные смертным рубежи? и чуждыми и мертвыми мне кажутся блаженные духи... в диких розах с желтыми грушами никнет земля в зеркале зыби о лебеди стройно и вы устав от лобзаний в священную трезвость водклоните главы... тише источники скал и поросшая лесом вершина как взрыв гранаты твои щеки из-под фаты ...подумай что и ты лишь горсть песка, что жизнь порывы волн мятежных смешает, как пески на отмелях прибрежных... как будто черный снег всё падает в тиши там в долгих сумерках печально-неизменных...

...холодная черта зари — как память близкого недуга и верный знак что мы внутри неразмыкаемого круга... Мы всюду Мы нигде и зимний ветер нам навстречу... И часто кажется —

вдали у темных стен у поворота где мы пропели и прошли еще поет и ходит кто-то я ношусь во мраке в ледяной пустыне... дальний свет угасший вспыхнувший мгновенно и опять во мраке в ледяной пустыне... словно ветер с горы на дубы налетающий Эрос души потряс нам необоримый змей... нарви для венка нежной рукой свежих укропа веток где много цветов тепится там сердце богов блаженных от тех же они кто без венка прочь отворачивают взоры... Из душистых трав и цветов пахучих ожерелием окружите шею. И на грудь струей благовонной лейте сладкое мирро! Как из чудного царства воскового из душистой келейки медовой полетела по ранним цветочкам...

Дети солнечно-рыжего меда и коричнево-красной земли мы сквозь плоть в темноте проросли и огню наша сродни природа. В звездном улье века и века мы как пчелы у чресл Афродиты вьемся солнечной пылью повиты над огнем золотого цветка зазовь зазовь манности тайн зазовь... стань братом распускающихся роз и женихом стеснительной сирени душистый свет нежный как сад в цвету проникает изморозь аромата я шагаю легко и быстро по светлым лепесткам величиною в округу душистый звонкий свет пронизывает меня я покоюсь в радужном роднике на мне распадается платье Нарцисса мое сердце парит над звездным лугом среди бесчисленных звезд откликается изморозь аромата плодоносит светом цветыоблака облакацветы отражаются звоны в безмерности. Я вестник без вести певец без песни несу ностальгию забыв по дороге о чем моя весть не знаю ни песни живу точно ветер я вестник без вести.

5. ШЕСТВИЕ

Анти

Иуда встретил Ара в иллюзионе АББ-ОО-К. Предлагалось старье. Потому Иуда предложил отправиться на воздушной гондоле в отдаленную южную зону Дельф. Ар согласился. В подобных окраинах Озов почти не бывал.

К концу путешествия местность изменилась, здания-гиганты пропали. Появились постройки в восточном стиле. Ландшафт составляли скалы, ручьи, камыши, бамбуки.

Иуда и Озов вошли в некое собрание. Люди в нем полусидели-полулежали. Слушали тягучую усыпляющую музыку, либо наоборот — пробуждающую, но пробуждающую экзотическое, переиначивающую сознание. В центре импровизировали танцовщицы. Они держали светящиеся треугольники с силуэтами птиц и рыб. Движения танцовщиц были вялы и замедленны, но иногда — стремительно-быстры.

У колонны Озов заметил кого-то, похожего на Нестора. Замеченный повернулся спиной и побрел вглубь. Непостижимо, но, повинуясь тайному импульсу, Озов ринулся за ним и вынужденно остановился: внутри хода — еще ход, который резко расширился в зал с линзой-полом.

На линзе медитировал тайванец и подергивал за помпон. А что под линзой! Что под лин-

зой! Роботы! Двукрылые, четырехкрылые, шестикрылые... Затем: белые, лазурные, смуглые, огненные... Настоящие, а не протезные из Гелиона. Им не требуются суставы — они целиком из невестства. Внезапно перед Озовым зажегся голубой¹⁰ робот, сияющий, как дециллион светил. Тайванец дернул за помпон, линза погасла, но в темноте голубело... До Озова не сразу дошло: робот сиял не только светом, он сиял самим собой, своими фантомами, отчего возникало впечатление, будто у него в неслитой многомерности, в многоизлученных отражениях — тресцентиллион голов, пара тресцентиллионов рук и ног. Ясно, почему вегемные роботы страдают комплексом "изгнания из рая". Но и у роботов под линзой — физиономии печальных демонов. Разве захотят высшие существа смеяться и резвиться?

Тайванец замер, не теряя помпона. На деле он выключил не линзу, а себя. Рядом вдруг родился из воздуха странный человек с косицей до пояса и желтой повязкой на лбу. Этот тип соорудил супермудрую мину и провозгласил:

— Ты видел вселенную роботов, планету роботов, вернее, непланету... Мы, антики, сотворили роботов-ангелов, но кто бы мог подумать, что люди с Колумбом-Гулуавлем их изобретут еще раз. Да ты и не ведаешь, кто такой Колумб.

¹⁰ К сезону Бикфордова Медведя слово "голубой" на территории <.....> не имело достаточно распространенного значения. Ср. с речением "голубой крысоволк". ...в то же время *Blue Brain Project* и даже *Human Brain Project* не существовали. (Примечание сокращено цензурой.)

Ха-ха-ха! Возможно, мы встретимся! — призрак растаял.

На стене загорелось бледное лицо И-ты. Показалось, она, чуть шевеля, губами произнесла:

— Мы земные ангелы, мы без перьев. Правда, Нестор спустился на Землю добровольно.

Невнятная громада наползла на изображение — и оно исчезло.

Озова разыскал Иуда. Теперь они шли по коридорам. Ар понял: здание сообщается с лабиринтами — совсем другими, не обычными дельфийскими. В их туннелях располагались дромы и студии. Искусства, с которыми знакомил Ара Иуда, были особенными, действие их проявлялось помимо сознания, шифров они не требовали.

В одном из залов сидели негры с гигантскими камертонами. Между этими инструментами проскакивали ослепительные лиловые искры и, пройдя по кругу, ныряли в зияющее среди пола отверстие. Потолок и стены сотрясались от аритмичных звуков, их чудовищная сила притуплялась преимущественно пределами восприятия. В звучании ни мелодии, ни хаоса. И на шумы звуки не походили! Они словно имитировали неизвестный процесс.

— Ты находишься в посольстве Антидельф, — изрек Иуда, пригнувшись к уху Озова.

— О-о! — обомлел последний. — Быть может, здесь я отыщу что-нибудь о сути Дельф?

Камертоны умолкли.

— Азия! — позвал Иуда главную танцовщицу и добавил тихо: — У тебя есть ангелы, но, кроме них, существуют демоны.

— Этот господин, — обратился Иуда к подоспевшей Азии, — не вполне доволен Дельфами. Я давно наблюдаю за ним через бегуресконы. Жрецы не посвятили его в первую дельфийскую истину.

Иуда отошел и принялся о чем-то шептаться с высоким субъектом, тем кощеем с повязкой, который вещал о вселенной роботов.

— Разве тебе ничего не говорили об Оросе-Алгосе? — начала Азия.

— Был разговор.

— И, конечно, не помянули Упус!

— ..?

— Упус и Упус-Алгос — источники чистого мира. А для улучшенного мира нужен Антиалгос. Мы миновали стадию Ороса и приближаемся к Упусу. В Дельфах живут позавчерашним днем! Жрецы решительно свихнулись на античности.

— Аполлус — нелепо для Дельф.

— Дичь! Дельфы тщатся задержать нивеляцию-усложнение, но утопают в пирамидах каст.

— Танцовщицы в Антидельфах похожи на профессоров! Кстати, вопрос. Если у вас — посольство, то где сами Анти?

— Кто? Я танцовщица? — удивилась Азия. Ар взглянул на нее внимательнее... Что это? Он видел ее фас, правые и левые профили... Она излучала фантомы, пусть и не такие четкие, как голубой робот. Внезапно тысячи ее глаз скосились в одну сторону. Вспышка! Удар миллиарда

вольт! Прорезалась пучина... Камертоны в руках негров стали столбами пламени. Ар почувствовал: сейчас возникнет сверхзвук, небо и земля лопнут. По примеру тайванца Озов схватился за нависший сбоку туманный хвост и дернул. Линз нет... Хлынул страшный, застилающий всё ливень, но быстро прекратился. У Азии не было фантомов, у мокрых негров вместо камертонов засверкали медные трубы.

Азия указала на черных людей:

— Им принадлежит будущее. Им чужд глупый индивидуализм. Они завоюют вселенную.

Негры угадали: речь идет о них, подняли усеянные звездными бликами (отнюдь не оркестровые!) трубы, и пространство огласилось ревом извергающегося вулкана.

— Вот ответ, где Антидельфы! Они — повсюду! Именно потому, что они анти. Ведь материки, планеты и галактики — вовсе не Дельфы! Мир не заменит каменная выдумка!

Азия повела Озова через лабиринт. В коридоре она протянула ему тубик:

— Действует подобно ретропину, но надежнее и совершеннее. Можешь воспользоваться теперь.

Воспользоваться Ар отказался, но тубик взял.

— Тогда мы идем не туда, — недовольно заметила Азия. — Ты так и не постиг первую дельфийскую истину.

Она потащила Ара обратно и свернула за угол. Там Азия толкнула дверь с надписью:

АТТАШЕ АБ

Новости

В кабинете перед низким столом сидел все тот же субъект с желтой повязкой на голове. По углам располагались угрюмые мулаты, вооруженные шлангами.

— Как ты смотришь на то, чтобы перейти на службу в Антидельфы, — прямо с порога предложил атташе.

— Неожиданная идея...

— Тебя оставляют слепым относительно всего. Есть прок брести во тьме?

— Я пока не знаю Дельф.

— Хорошо изучить Дельфы можно лишь в Антидельфах! — отрезал атташе. — Ты понимаешь, зачем нужна Улитка? Ха-ха! Улитка — компромисс между нами и Дельфами! По нашим условиям Улитку проектировали роботы. Они и потребовали поместить в верхней камере контейнер с эликсиром! Да-да-да! До чего додумались! Но мы их обошли! Улитка поставлена на гигантский грехопадин! Ха-ха! Мученики, называемые биологическими организмами, существуют не только по вине Тира, но и благодаря Улитке. Хо-хи! Пробуждение в духе не запланировано! Антидельфы — истинные радетели человечества... Ты в курсе, дельфийские жрецы того... Им и Гомо сапиенс противен! Забыли, кто они сами!

— А медузомоллюск? — уперся в Озова взглядом атташе. — Разве солдаты бывают гермафродитами? Репортерская лажа.

— ...

— О! Мы еще вернемся к причинам кое-каких стадий и ускорений. Услугу ты нам окажешь и не покидая Дельф. Но подробности, увы, после подписания договора.

— Двойная роль? Но в Дельфах читают мысли.

— Твоя ангелица? Она тайно сверженный ангел. Её репутация подмочена и орос подпорчен. Превращать тебя в бизома¹¹ никто не собирается.

Ар попытался найти другую отмазку:

— А процедура договора...

— Ты думаешь, — перебил атташе, — мы украдем "бессмертную" часть твоей психеи? Ошибаешься! Твое "я" уже почти съедено... "Я" бывает у младенцев. Они надрывно кричат, поскольку не хотят им приторговывать. Желают войти в отверстие, из которого вылезли, не привечают внешнее, то есть собственные отходы. Мир чужд "я", убивает его, иссушает. О, время до грехопадения прахулителей! Знание — татуировка на "я", она все шире и глубже, все мрачнее и очаровательней. От "я" ничего не остается, опыт ухает в никуда. Но важнейшая татуировка — продажа себя хармахаям. Чем чаще землянин продает и предает свое "я", чем быстрее и успешнее, — тем большего достигает, делается хозяином этой жизни.

Мечтатели-писики цепляются за старые прохрюсты, живут райскими вонями, фантазиями о стране сказок и упований, дорождении, дозачатии. И правильно поступает общество, когда

¹¹ Очевидно, "зомби" (Прим. ред.).

травит дримодыров, низводит их до уровня терьма. Редкие пачкуны достигают славы — те, что выбрасывают на свалку страдания молодого ветереника, показывают его гнусность, становятся генералами и тайными советниками.

Болтовня и пафос надоели. Озов без разрешения снял со стены светящиеся четки. В бусинках плавали рыбки, шевелились золотые жуки и летали монгипетки. В комнату зашел трехметровый горилла, положил на стол несколько плоских предметов и молча удалился. На одном из них был экран.

— Ты уверен, что являешься человеком? — продолжил атташе. — Если у тебя есть воспоминания о предках, это ничего не означает. Внушение о родителях механически дают и в инкубаторах. Вот экран темпорона, — он развернул его. — Видишь голубой кристалл у себя в мозгу?

Ар, конечно, угадал себя. Поворачивая ручку, он сместил и увеличил изображение. Все детали опутывала тонкая паутинка, в центре которой располагался синеватый кристалл.

— И кто ты? Человек или робот? Ха-ха-ха! Каково? Ты гибрид! Именно потому достаточно нормален и не сдвинулся подобно остальным при постижении НГ. Такая система включается постепенно, требует дозапуска... В Дельфах тех вселенных тебя проигнорировали. О данном случае я не интересовался, но созревший голубок размножается при каждом межвселенском переходе. И двойники твои пойдут...

Атташе глянул на Озова:

— Отдай! Отдай нам остатки своего "я", своего детского лепета! Без того оно скоро исчезнет. Будь мужчиной!

"Я" Ару было совершенно не нужно, а психея — тем более... Но это лишь его мысли... Антики ему чем-то не нравились.

— Все равно ты наш! Наш! — твердил атташе. — У тебя три нуля в шифре. Сие и требуется.

— А куда такая торопливость? Что содеялось?

— Внутри себя ты антидельфиец, но дурно воспитанный. Истинные твои желания знаем только мы!

— Не даю согласия...

— Гха-га-ха! Согласия-то не требуется! А ну-ка, вставьте ему, — обратился он к мулатам.

Мулаты быстро подошли — и оказались серо-зелеными метисами. Взяли наизготовку шланги с присосками. В плечо Озову уперся серо-зелёный железный палец.

— А — а! Понеслась душа в рай, а ноги — в юстицию! — подбодрил мулатов-метисов атташе.

Спиной Ар ощутил: дверь распахнулась. Один метис клюнул носом в стол атташе, другого осадила чья-то рука. Нестор!

— Кто тебя сюда просил! — заорал атташе. — Сожгу заживо! Ангел-хранитель? Выпекал пироги и с ангелами. Его (атташе указал на Ара) так и быть отпущу, но тебе — не выйти! Устраивать благотворительные сеансы для осведомителей не хочу. Никто не позволит

мне портить кому-то память — удивительную мойру и эриннию, символ греха, разрушительницу ментальной девственности.

Нестор кивнул головой и улыбнулся. Прикоснувшись к груди, он вынул из складок одеяния невзрачный кругляш и взмахнул им. Из коробочки вырвалась ослепительно-белая бабочка. Мгновение — и бабочка стала трехцветной, мгновение — и бабочка заиграла всеми цветами радуги, выросла в размерах, мгновение — опять стала трехцветной, опять — белой, пропала.

— Посланник Вечной цивилизации! — изумленно воскликнул атташе. — Последний раз я подобное видел триста тысяч лет назад!

"Актеров мне еще не хватало", — подумал Озов.

— Ничего не стряслось, — промолвил Нестор. — Эра Паяца в мирах Азии заканчивается.

— А подопечный? — поинтересовался атташе.

— Подопечный не ваш. И не их.

Бочонок

(Восприятие Озова)

Я проходил мимо главного экранного зала. Демонстрировали внутренность чужевселенского аппарата. Невзирая на свою медлительность, он уже пересек орбиту Марса. Аппаратчики крайне боялись ускорений. При маломаль-

ских перегрузках они надевали латы и захлопывали прозрачные забрала. На их шлемах серебрилась некая странная аббревиатура: "СССР"¹². Даже без лат аппаратчики смотрелись огромными и толстыми, похожими на допотопных зверей — медьедей. Один из несведущих сотрудников озадачился огромными кулачищами летящих и выразил опасение: во время потасовки экипаж может запросто пробить стенки корабля и разгерметизировать его.

Потасовки на корабле-бочонке могли быть нешуточные. Перед едой аппаратчики потребляли примитивный, но опасный для жизни наркотик. После введения его внутрь они начинали скалить зубы и похлопывать друг друга по плечу, но нет гарантии: в иных случаях их реакция оказалась бы гораздо хуже.

В анимаретах аппаратчиков не было ни грана зефирного и бальзамического. Среди кучи ядовитых веществ в начинке курительных палочек содержался неприятный алкалоид. Его капля наповал убивает гиппопотама. Свидетельство интоксикации организма и неувядаемости летящих — самоназвание аппаратчиков; они именовали себя космонавтами. Яркий признак мании величия! Сверх того, они считали себя и покорителями Космоса! Парменид плюнул бы им в лицо!

...устройство их двигателей весьма ловко! Люди опередили себя на двадцать четыре столетия! Простейшая конструкция нивелировала координаты! Но раньше. Сейчас работали только каботажные форсунки.

¹² Вариант расшифровки: Северная светская суперреспублика (Прим. ред.).

Пик

(Восприятие Озова)

Близ Улитки ни ангелов, ни жреца-хранителя. Кто-то из них за дверью? Я произвел необходимый ритуал. Внутри множество изменений: в порядке шествия кабин, в оттенках их раскраски; овальное многоцветное солнце опрокинулось на бок... Глянул на запретный серпантин. Поистине?! Какова цель моего нахождения в Дельфах? Методика вхождения в виражи? А если Улитке вообще каюк? Серпантин меня давно настораживал и манил. Я направился к кабине, предназначенной для путешествия в верхние завитки, убыстрил шаг и, войдя в кабину, увидел в других кабинах своих двойников, повернул рычаг — кабина дернулась; всё закрутилось... Со слабым стрекотом она взмыла; я почувствовал тонкий звук и запах марципана; запахи превратились в искры, расширились; явилось новое пространство: прошлое и запах — одно и то же; лимонность — это толщина; жасминность — это длипина; и мощина — крепенность. Ароматы соткнулись лепестками незримой наплывающей диафрагмы, возникло вне-рассудочное море и сразу обратилось в прозрачное полубытие. Там — дүхи и духи́. Грянула симфония одномоментности всего; волны стали скольжениями по лабиринтам; я в Улитке и вне Дельф, далеко от Дельф; истлела кабина; я в глуби гигантского и живого пространстводвигателя в перекрестке совокупности вселенных, в бесконечной громкой тишине, замыкающей сфе-

ру; центр и граница неотличимы. Я был тишиной-ароматом, сдвижателем, Улиткой, миром, абсолютом...

О ничто, которое никто, вечно снящийся сон без сновидений, когда сновидения одновременны и в одном; я оно, я — оно. Я в шурфах-вершинах. Я в туннелях-консолях. Я повсюду, я — везде. Я разумно, но я проклинаю свой неразумный плохо растущий кокон. Мне в нем тесно, гадко, противно. Я бы с удовольствием разнесло его на куски, но этого не дано. Дано — разделять, разделять, разделять, аккумулировать одиннадцать не похожих друг на друга рядов, создавая потенциал, потенциал-памятник, потенциал памяти — коралл из одиннадцати измерений пространства, которое есть лже-время, масса пустых вневремен. Как быстро уничтожается прекрасное блестящее ничто, как утешителен довод, что рано или поздно одиннадцать измерений-потенциалов склеятся и творимый кокон распадется, но, увы, — я разветвлено, я построило множество миров и всё строю, строю, строю... Блестящее прекрасное ничто неисчерпаемо богато, но оно меркнет, меркнет. Скоро оно будет не то...

Абсурдное великолепие фантомических вспышек родного ничто. Оно будет не то. О кажущее-отвердевшее сновидение! Я кажущее-отвердевшее сновидение. Я кажусь, я кажусь. Меня нет, меня нет, меня нет. Я мыслю, следовательно — не существую.

Сцена изменилась. Доминировала серебряная разнолучевая звезда — настоящая звезда, а не какое-то отдаленное солнце.

Ви́раж

Шел к Улитке и проходил через Главный экраный зал. Иновселенцы в экранах наивно воображали себя летящими на собственную планету Земля. Их можно вернуть, но перепутал миры не отдельный штучный бочонок. Сверх того, возврат назад вызовет эффект мультипликации! Парадоксы не исчезнут. Разматывать клубок противоречий должен ИФ-2.

Я уже был в Улитке и это хорошо помнил, только оказался вызванным на повторение. Ноги как бы сами несли меня из зала. Но и я могу властвовать! А если покинуть здание-тороид? Или бежать из Дельф? Не сквозь Огненные поля! Лучшее средство — Улитка.

Заглянул в боковой зал. Табло сообщало: половина чужих аппаратов возвращена. Это совершил Тир дракона. Он остановлен.

Внезапно возникло ощущение тонкого, накачивающего волнами звука. На всякий случай я уплотнил колпачок на тюбике, который дала Азия.

Подле Улитки заметил Нетудаплюева. Приковылял, держась за лоб, младший жрец Фант-Махи и процедил:

— Готовят площадку для приземления аппарата. Легче его отправить сейчас. Антики проявляют беспокойство.

— Причина паравселенцев — Тир, — добавил Нетудаплюев. — Опочил хранитель Тира... Прожил восемьсот сорок два года старичок.

— А опочил ли? — возразил Фант-Махи. — Боюсь, и с помощью Улитки не удастся вернуть прочие бочонки. Слишком рады антики нам помешать.

— Не так они глупы — и не станут орудовать прямо, — уточнил Нетудаплюев. — Мы разъединяем пряди, реверсируем; антики подбрасывают подарочек с кунштюком — и мы будем бить себя же!

— И скажи это Верховному жрецу, — парировал Фант-Махи. — Он наместник ПЦ и знает, что делает.

— А ПЦ и нашим и вашим! Крутись как можешь! — кисло улыбнулся Нетудаплюев.

— Пусть мечутся неспящие, — ответил Фант-Махи, — и Верховный жрец. Он тоже из них! Они рехнулись? А здесь? Над Дельфами ставят недельфийца!

В дверях Улитки блеснуло. Из нее вышли трое. На их рукавах красовались черные крабы. Встречать подобных персон мне не приходилось. В выражениях постных физиономий ничего обычного не прочесть. Не посмотрев на нас, троица двинулась своей дорогой.

— Пятая ступень посвящения, ограничиваются созерцанием, — прокомментировал Нетудаплюев.

Видок у троицы отрешенный и нереальный. Небесмысленны изречения, высеченные на стене Храма вечности:

Мудрые не живы и не мертвы.

Тот понял свет, кто погиб без успения.

Забывший о памяти теряет дленность.

Вирази

В кабине Улитки Нетудаплюев включил четыре экрана, на них — данности соседних миров. Фант-Махи нажал рычаг, и кабина помчалась. Нетудаплюев сорвал пломбу, набрал на шкале астрономическое число и взялся тасовать изображения на экранах. Попробуй, найди интерференции умноженных вселенных! Фант-Махи начал новый вираж. Кабина ухнула в неизвестное пространство.

Что такое? Тончайший пронизывающий звук! Не ухо! Лопнул тюбик, в нем триста доз — иллюзорный звук усилился. И не баловство И-ты, снотворного действия нет. Как выбросить из кармана, не привлекая внимания? Может впитаться через кожу больше.

Кабина, Фант-Махи, Нетудаплюев стали волчками, упорхнули; не было ничего, кроме лиловых и белых шариков; каждый шарик — собственный мир; но это зашифрованность, мнимость, знак. Я не я, меня много, я одновременно везде: в Дельфах, в Антидельфах, на других Землях и других планетах, в тех и других летательных аппаратах. Вот — другой Фант-Махи, вот — тысячи Нетудаплюевых, биллионы солнечных систем, но нет ничего; если представить мир радуг — и будет мир радуг — разумных чувствующих себя существ; есть то, и есть иное, разложение Предкосмоса; можно незримо явиться в гости к себе прошлому, будущему в любом из миров. Вылетают и разлетаются голубые кристаллы; это сфера сфер, это

звезда звезд, сфера разделения разделений; я разделяю, разделяю, разделяю, но теперь я другое, я — оно, я провокатор, я — провокатор самому себе; делаю плюс, делаю минус, я на всех полюсах и всех горизонтах, на феерии периферии, на феерии центра; все противоречит всему, все пересекается со всем; осуществленность, вещественность — парение неполноты, взгляд незавершенности, а завершенное — как бы ничто; ощутить — и его нет. О, я не вернусь, не вернусь никуда: нет Итаки — и везде Итака. Разделяю-смешиваю — разделяю, но исправляет себя истина фатальности.

А не выкинуть ли голубого паука вон? Пусть добавится к биллионам еще один биллион.

* *

В воздухе расцветал парад подёнок. Вода и дорога пока оставались чисты. Угасал первый закат. Эр Узов шел по набережной. Стоявшее высоко в небе розоватое облачко внезапно исчезло, испарилось. Впереди замаячила фигура. Это был Наввиридон.

ЭПИЛОГ

Я в старом облупленном звездолете "Подъем-14". Где-то замыкание, пахнет гарью. Тянется дымок. Далеко не отойти, исправить некому. Когда проходили Сфено, исчез второй штурман. Секунда — и корабль развалится. Все разболтано. Стук в насосе, с потолка капает хладон. Нужная клавиша не работает. Придется-таки идти к вспомогательному комплексу.

"Шлеп-шлеп-шлеп", — странные звуки, словно продвигаюсь по мембране микрофона. А это? Надпись "СССР" на двери к реактору облепили красные и зеленые точки. Туман. Плотный, местами рассеивающийся лиловый туман! Дошлепал и случайно произнес команду вслух. Она немедленно исполнилась: на биокarte загорелся верный курс. Но без клавиш подобное не устроить! Ох, нестационарная Сфено! Нет, колдовства не бывает. Пульт в нее, сбоку торчат сосульки. Крышку пульта — вверх, там примитивный наплав. А здесь? Внутри главного функционала поблескивает загадочный кристалл. Попытался его отцепить. Ну и дела! Кристалл растворился в руке, поднялся по венам. Что-то вспыхнуло. Стало горячо.

* *

Протекло два геегода. Я научился перемножать в уме огромные числа и читать со скоростью блиц-сканера. Раньше был штурманом светского звездолета "Отбой-41". Сейчас я отставник, но чувствую, это ненадолго. Передо мной уже мелькают воспоминания о совсем других прошлых и будущих жизнях.

Отчетам о межгалактическом полете Ассоциация космонавтики не поверила. Вот цитаты из отписки ее комиссии:¹³

...следуя к сверхзвезде Горгонуза, капитан корабля "Подвой-41-14" применил каппа-бrevиальный форсаж. Это дало по картине ложной материализации на каждые 86 снимаемых пар-

¹³ Раздел для каждого из 1053-х слоев текущей зоны — собственный.

сек. Конечно, ложное восприятие гораздо реальнее истинного; чем мнимее — тем реальнее, но нам ближе ложь планеты Земля. Мы живем не на Горгонузе!

...а Большие и Малые Кувшины, Полярные звёзды, Персеи, Андромеды... Какое они имеют отношение к экспедиции? Мифологический карантин астронавтов слишком краток!

...перекресты миров, люди-роботы с прогрессором¹⁴ в комиссуре мозга, Млечные Пути, конскоголовые туманности... Нарочно такое придумать невозможно!

Сланг-инженер экипажа до полета показал безукоризненное знание древних легенд и устаревших астрономических названий, но, вернувшись, ошибочно назвал Эвриному-горгонузу горгоной Эвриалой, а Гераклита — Гераклом. Во всех мирах ойкумены известно: Геракл не герой, а философ, которому приписывают изречения:

Нельзя два раза подавиться той же костью.

Единое, расходясь, само с собою сходится.

Одно и то же является молодым и старым, бодрствующим и спящим.

Душа растит сама себя, обновляясь и отодвигая свои пределы, и пределов души ты не увидишь.

XXII олимпиада,
сезон Бикфордова Медведя

ПНО к хронике см. далее

¹⁴ Якобы метаплазменный процессор.

БОЛЬШОЙ ПИО

К СЛОЯМ ХРОНОЦИКЛА

Для любителей и вундеркиндов
(*сомневающих*)

РОЖДЕНИЕ РОБОТОВ

Б у н т

...В день солнечного затмения вооруженные луками эскалиуты рванулись к резиденции правителя. Они захватили и стенобитные орудия: свинченные со станин скуробуры и драмбомёты.

Эдиктор, Цекондер Гулуавль, обнаружив этот парад, первым делом выгнал из гарема сброд, состоящий из персифий, нимф и димурий, затем удалился в потайную дольницу — хранилище трофеев. Ценнейшие из раритетов добыли индейцы-асмотеки — пращуры Гулуавля. В древние времена они сокрушили кастильского монарха и поработили Испанию и Португалию.

Манкируя даже регалиями, эдиктор подошел к найденному несколько веков назад в Кариатиде ящичку из мастодонтовой кости. Заслонку — прочь: засветился диск с делениями. Эдиктор сместил стрелку на нужный угол и вернул ее в прежнюю позицию. Заколебались стены, с потолка посыпалась пыль, зашатался выстроенный в

минойском стиле дворец. Возникло марсотрясение с эпицентром под толпой восставших.

Это был и сигнал: через пять минут на вырубку властителю с некоего космического объекта (возможно, с Венеры) трактировалась дивизия разумных горилл.

И вот — частое дыхание непривыкших к Марсу вояк, блеск квадратных касок, звяканье металла о металл, хлопки уничтожающих живое очистителей. Еще пять минут — и в окрестностях дворца санированное пространство. Приблизилась колонна горилл, из чада вынырнула поднятая в приветствии рука нимфоида — командира дивизии, вассала и побочного нимфосына Гулуавля.

"Снится мне всё или происходит во внешнем иллюзории? — чуть не спросил себя Гулуавль. — Чем, интересно, заправили с утра курительный прибор?"

"Нет! Не снится! — решил он, когда в его мозгах прозвенело: — Победа не полная. Кто-то из бунтовщиков спасся на пустолётах пиратствующих трассиров".

За пустолётами потянулись заgrimированные под орбитальный утиль лодки-шпионы Цекондера. Нацеливаемый ими субзвёздный крейсер эдиктора ежесекундно готов к бою. Беглецам не успеют дать убежища! Единственное их спасение — на Юпитере!

И действительно пустолёты устремились к нему. Крейсер дал рассеянный залп. Аппараты, подобно диким тролликам, дернулись врассып-

ную. Еще как-то помогали скверные контргравитаторы и давно списанные газогасители.

— Эскорту! Лоцманов! И! Наводчиков! В! Атмос! Феру!! — промычал Уптамиштилъ — капитан крейсера и командор флотилии мелких разномастных жестянок. — Пров-верить т-три верхних слоя!

А не надо ли найти иголку в стоге скошена? Сколько раз Уптамиштилъ клялся богу Амбуполуссаху не профукивать ночи за впитыванием увеселительных сведений! Нет ни здорового мозгагобращения, ни уставного рисунка складок на тоге... Засмеют крейсерные каламаши-нейроживчики, что оказался без наводчиков. Ни одного не оставил. Ищи их теперь.

— Бранг — форс — цирка! — скомандовал Уптамиштилъ рулевому.

Так крейсер стал летать вокруг Юпитера с четверной переведенной скоростью Бледа, едва не отрицая законы Нивуса. Чтобы в мгновение ока не выпрыгнуть к запретным звёздам и потусторонним видениям, экипаж совершал убийственные виражи, какие и в блошарном сне не могли пригрезиться специалисту по перегрузкам. Акробатические перевертывания! Жесточайшее автооизлучение! Крейсер был похож на детский дирижаблик, попавший в венерианский воздуховорот. Рулевой каламаш лежал, обнявшись с вычислительной машиной, под одной общей защитной сеткой и почти не шевелился. Другие каламаши плевались, сидя на корточках в патентованных гравитационных коконах, и делали под себя.

Только капитан, развалившись в кресле, курил анимагару и спокойно разглядывал клубы разноцветных дымов: он заранее перебрался из навигационной рубки в кабинет, предназначенный для эдиктора. Прекомфортабельно! Условия райской планеты! А если рулевой сдаст? Миг сомнения — и Уптамиштилъ самочинно включил адмиральский депроматор.

Корабль перестал кувыркаться, потерял границы оболочки и перешел к полупростым барискательным движениям-волнам.

А рулевой паук? Капитан отключил его от цепей управления. Не подозревая о шутке, каламаш по-прежнему шустро сканировал экраны, хватался за рычаги, пытался пилотировать. Переход дипротического барьера воспринял, а собственного отключения не уловил!! И все-то его озадаченные двенадцать глаз-пуговинок вылезали из орбит. Полубуйся на себя и свой высший интеллект!

Уптамиштилъ взялся было возвращать лоцманов и вдруг услышал страшное рокотание... Оно переросло в искаженный до безобразия и смешанный с гулом дешифратора гневный голос эдиктора:

—...б... бормозавр! Не собираюсь гоняться за вами!

Донеслась и речь рулевого:

— Через нас дважды продрался грузовой корабль!

Похолодев, капитан вывел крейсер из состояния параволны. На экранах болтались пустолёты Гулуавля и грузолёт. Последний вытворял уморительные манёвры.

Крейсер состыковаться с грузовиком — и началось главное действо: атмосферу Юпитера вспороли гигантские тропоядерные взрывы.

Трех юпитерологов привёз правитель Иризондо: на случай открытий, связанных с изучением... аномалий атмосферы Юпитера. Глядя на бушующий Юпитер, точно полководец дикого прошлого на подожженный город, эдиктор оставался недоволен.

"Как?? Как можно удостовериться в гибели бунтовщиков?!"

И Гулуавль осмелился. Отдал приказ. Крейсер и флагман ринулись к Марсу, а из люка грузолёта вырвалось необычное оружие: корабль-мина гравитационного расширения...

Однако опростоволосился автор теории нероятностей: мина попала в центр тропоядерного взрыва; раскалившись от перегрева, она сработала раньше, один взрыв тысячекратно умножил другой — и взбурлил Юпитер... Этого никто не предполагал, а в помрачении кто и ждал, то на нем его прегрешение.

Гневный Юпитер вздулся, как мыльный пузырь неправильной формы, и вне себя от ярости, плюнул невидимым протуберанцем в ранивших его людишек, поглотил их и окружающее пространство.

Э л и к с и р

Тревога пробудила от спячки лаборатории безопасности. Не поняли, в чем дело. Полетели перья, бисер и пустые чашки. Изумленные зашкалили стрелки приборов. Сверхновая на месте Юпитера! Залп! Залп! Автоматические стражи, охраняющие мир от Старого Солнца, исчерпали все возможности.

А если бы не развернул всю мощь слабенький сигнал с Альматеи?! Радуйся, Вегема¹⁵, гравитационному равновесию!

Аппараты-разведчики настигла очередная буря и отбросила в район-вихрь, что называли Банойским. Пилоты заметили над ним лучащиеся сиреневые облака. Медленно и степенно облака расправлялись, взвивались, напоминая стаю сказочных птиц. Рассеялась буря, вихрь стал ниже и тише. Облака-птицы уходили от Юпитера, могли уйти из Гелиона.

Диспетчер окологлобальной станции смотрела на экраны полусонно, вчувствовалась в абстрактный фильм. Не хватало только музыки... Тут раздался резкий, пронизывающий звук анализирующей системы, и механический голос, нарочито лишенный витального тембра, заорал:

— Внимание! Внимание!

¹⁵ Вегема — трипланетие: Венера — Гей — Марс.

"И чего ее забрало! — заплакала диспетчер, прикрывая уши. — Были такие облака, та-ки-е об-ла-ка!"

— Внимание! Внимание! — продолжила система. — В облаках нет ни одного элемента периодической таблицы! В облаках — ни одного элемента периодической таблицы! Внимание! Внимание! Там нет ни одной элементарной частицы!

О сады рая! О парасхитов потрошители, которых не порешили! Да во здравие человечеству наказание! Когда придет увещатель? Он пришел, пришел, появился, и скажите нам, тени метафизические, что гнусная материя исчезла. Под нами — обманы, взаимно помогающие.

И прилетела армада контейнеров. Триста двадцать два облака она незамедлительно пленила, словно заглотала. Вот работа для станций на орбитах планет.

Таково начало нового этапа в истории Гелиона. Облака сконденсировали в жидкость — юпитерианский эликсир. Любые поля двигались в эликсире со скоростью звука, а потоки нейтрино и электроны расщеплялись на странные спирали.

Но отражения? Какие отражения плескались в каплях эликсира?! Рисовались не предметы, а мир узелково-вогнутой перспективы!

Трое исследователей, принявших эликсир взамен одного более известного напитка, находятся в состоянии нирваны и сейчас. Четыреста сорок геелет эти помешанные сидят в позе будд и не умирают.

Г л а з

(из годовника абалийских отшельников)

Всех облаков триста двадцать два. Сияния и блеска полны предстали двадцать четыре из них. И двести девяносто восемь лучились тихим светом. И в двадцати четырех сияющих и блестящих облаках обреталось по оку, размером и формой сходному с яйцом белой лебеди. Да отрубят язык тому, кто уподобит оное око гусиному яйцу!

И назвали око венериане жемчугом юпитерианским, а земляне и марсиане — юпитерианским глазом.

И каждое око было похоже на око ангельское и имело ресницы длинные и густые. И не дерзнули алхимицы разрезать око, но расчихнули борзо: несть в нем ни единого элемента периодичной таблицы!

И расположили зеницы в эликсире висячими каплями в надежных местах. И уменьшался эликсир, а зеницы оставались прежними. И удивлялись люди, бо не являлись поля округ. Но реяло поле, бо ведали, какое оно. Ведали те, которые берегли око и заботились о нем, которые созерцали творение сие, которые соблюдали правила, и те, кто устремлялись и не устремлялись постичь...

А м у р а л к а

Броров — директор станции "Пилиполис-Астробака", зашел в бокс, где хранился сосуд с глазом и эликсиром. Там он увидел двух бездыханных доглядчиков из ЧС: одного, судя по скорченности и зеленоватым щекам, отравили; второй лежал с окровавленным горлом. Обнаженная лаборантка Фецита сидела на диване, поджав ноги под ягодицы, и обнималась с лабораторным сосудом, в коем находились глаз и эликсир. На лице Фециты застыла маска невселенской благодати.

Броров попытался отобрать сосуд, но лаборантка, упрямо прижимая сосуд к молочной железе одной рукой, другой толкнула директора с силой необычной для ля-бемоль-женщины, да так, что он, отлетев ярдов на пять, опрокинул орвиз синоциллибарной установки. Космическая станция чудом не превратилась в плазменный шар!

На лаборантку это не произвело впечатления. Она продолжала экстальеть и фокусировать оргайф. В паузе между метазмами она плюнула на плешь шефу, запутавшемуся в кабелях и арматуре.

Конечно, Фециту лишили права жить в свободном обществе и билета, разрешающего иметь детей.

М и н е р а л

За тридцать три геегода до событий на Юпитере среди спальных пород Марса был найден минерал, которому дали шуточное название —: "Грехопадина раеизгнан". Неприметный камень, почти тот же амфиболит. Его держали в коллекциях только для полноты. О страшном недоразумении никто бы не узнал, если бы в скандинавском городке Хорхоне не встретились ленивый студент и ленивый профессор.

Профессор Поканаускас поручил студенту-горилле по имени Кочинаг Пхимикаш проделать анализ марсианского камня. Студент — гражданин Венеры, старательно пронюхал камень и затем принялся листать подпольное пособие с картинками. "Ага!" — сказал он, включил информационную машину и тщательно списал данные экспедиции.

Однако грехопадин остался нетронутым, а потому хитрость не прошла. И вот после немалых мучений, сомнений и потений Пхимикаш принес катапробирки. Стрелки показывали: в минерале плутоний, в минерале — гадолиний, золото, платина, иридий, пардоний, радон...

В минерале — бурбон...

"Ясно!" — мрачно подумал профессор. — Венерянин воспользовался элетрионным сверхмикроанализатором. А стрелки — подвел! Горилла!"

— Лады! — проговорил Поканаускас. — Теперь — количественный анализ! — и ут-

кнулся в бумаги. Через час студент представил антаблеменовающий результат:

технеция — 100 %,
туфтеция — 100 %,
х-рения — 100 %.

Не вытерпев, горе-профессор отложил развлекательный иллюстрированный альманах и сам схватился за приборы. Эффекты — те же, но кроме того:

тантала — 100 %,
инквизиция — 100 %,
полиция — 200,333 %,
изотопов урана — по 100 %.

Профессор побежал за древним счетчиком Мегейгера. Уровень радиации был меньше нормы.

Минерал состоял из двух частей: оболочки-паутинки, которую называли раеизгнаном, и внутренних зерен — грехопадинов. Зерна не плавилась при температуре Абсолюта и реагировали со всем. Стоило уронить очищенный от паутинки грехопадин — и он с шипением летел сквозь толщи пород к центру Марса или Земли.

Этот философский камень — гиперхимический элемент, не менял своей массы, скрета, цвета и формы.

Сотрудники, изучавшие камень, не стесняясь, уходили с работы на несколько микрогигабелей раньше: грехопадин ускорял течение времени.

Хронофорс! Цена на минерал подскочила. Бес-тиант и эдемянт — на втором месте. Считалось

пикантным прикладывать к себе украшения из грехопадина и запускать им в личных врагов.

Но мода на камень и на циферблаты с пузырящимися мгновениями скончалась через пару сезонов.

Благородные металлы камень не производил. Выходили соединения, похожие на соли золота, но в золото они не восстанавливались. Иногда мягко взрывались, издавая сильный козлиный запах.

А спектры? Они зависели не только от сорта фотоэмульсии, но и от особенностей радужки и типа гениталий наблюдателя. Не кривые на экранах вычерчивались — песьи морды и лошадиные головы, рогатые огурцы и зубатые пастилки.

Неудачливых алхимиков сравнивали с героиней бессмертной басни "Мартышка и очковая змея", принадлежащей гусиному перу негритянского поэта Ивандра Ас-Пушки.

Невзирая ни на что, грехопадин был гелиобальной проблемой. Профессора и его студента чуть не носили на руках. В виде исключения Пхимикашу разрешили бжениться на думс-женщине второй октавы. Это предложение расист-горилла с негодованием отверг.

Случай

Ахмуранза, лаборант орбитального филиала института Марса, прибывал на службу раньше других, готовил всё для гляделей и пущетрогов. Одним звездоблещущим утром он крупно повздорил с субженной и явился на слойло злой, как черт.

Прилив положенную дозу эликсира к юпитерианскому оку, Ахмуранза позабыл закрыть сосуд. Наблюдавший за действиями лаборанта Олам Пантикуй — охранник из ЧС — ничего не заметил. Он получал лишнюю ставку не за дополнительный час, а за три паса работы, и выражал недовольство. Пантикуй в очередной раз обратился за сочувствием к Ахмуранзе:

— Нихрон Ниоп мне не поп, а папону — в лоб: повесил на меня акул в океанариуме и ядовитые злокондереи.

Лаборант не слушал нытье и нелепые угрозы в адрес начальства. Он нёс поддон с чашками Метри и думал о субжене. Вспомнив ее утренний монолог, скрипнул зубами и выпалил:

— Ах, ты... (последовало скабрезное слово). Вздыхнув, добавил более спокойно:

— ...крыса ты эдакая!¹⁶

Услышав это, Пантикуй опешил: оскорбление представителя ЧС при исполнении служебных считалось тягчайшим преступлением. И надо же, пока ругал распорядителей, переключил подслушивающие устройства на холостой ход. А сами реплики Ахмуранзы очень обидны и незаслуженны.

По-военному быстро вскочив с кресла, охранник перевернул грудью агатовый поддон и, вытянувшись по стойке смирно, приготовился дать отповедь... Но рта не разомкнул: в двух чашках располагались минералы грехопадина. Один и них ухнул в сосуд с глазом и эликсиром.

¹⁶ Непонятно, почему похвала расценивается как ругательство (Прим. цикроред.).

Из-за царапины в оболочке-паутинке или иных причин в сосуде пошла бурная и буйная реакция, да такая, что ею занялась вся комната. В отсеке стало темно, как если бы освещения не было. Затем появились зеленые, алые и лимонно-желтые всполохи. Помещения объяла власть необычных сил. Ахмуранза и Пантикуй корчились, лежа на боку, то от неимоверной боли, то от фантастического блаженства, едва не отправляющего в небытие; то на лаборанта с охранником находили вспышки ярости и несчастные принимались тузить друг друга, то их обуревали приливы братской любви и нежности. Это длилось неизвестно сколько времени.

Внезапно всполохи иссякли. Ахмуранза и Пантикуй обнаружили себя квелими и высохшими. Не иначе они прожили четыре лишних десятка марсианских лет! Спецсосуд накренило, а титановый стол искривился и смахивал на готового к прыжку тигра. Вместо головы у тигра была некая ядовито-голубая масса, вместо полос — сметанообразные натеки. По его бокам периодически вспыхивало золотистое свечение, сходное по форме с крыльями.

Лаборант и охранник страдальчески огляделись. Обоих ждала высшая мера наказания — протезное бессмертие, и ссылка — пожизненное изгнание из свободного общества.

С трудом узнали Ахмуранзу и Пантикуя, одряхлевших и заросших волосами. Видимо, они, проглотили по грехопадину.

А голубая масса?! Под циклоскопом — сетчатые кристаллы...

— Сетки нет! — заявил эксперт. — Кристаллы состоят из меньших кристаллов! Меньшие — из еще меньших. Не отыскать конца... Да и голубого цвета не должно быть. Обман зрения.

— А-а-а! — взревел эксперт.

— А-а-а-а! А-а! Ух-х! — закричали набежавшие сотрудники и начали тереть онемевшие суставы.

— Хгхх! Гхх! — здорово било током. То отпускало, то накатывало.

— Об-б-б-б-ман зрения! — донесся чей-то полузадушенный голос.

Стоны усиливались. И было так, пока Ахмуранза не столкнул голодного голубка в сосуд со свежим эликсиром.

Голубок, без сомнения, почувствовал себя легче. На минуту. Волны боли почти прекратились.

Не успели рассмотреть голубую полусферу — болевая стихия удвоилась, пошла смерчем по Марсу.

Пантикуй (*очи долу, ноги — по-туркестански*) шепеляво ввернул:

— Лжеголубое тесто не глаз-жемчуг. Фрескать ему новый коктейль, а не эликсир!

— Как? Как! — возмутились мученики из толпы.

Гримасы возмущения недорисовались: боль ударила будто током.

Пантикуй, закусив губу и никого не слушая, ровно с пистолетом на дуэли, зашагал со стаканом сметанного коктейля из накренившие-

гося сосуда в сторону голубой массы. Посветлевший извилинами Ахмуранза вылил остатки эликсира. Лучше бы он выстрелил из пушки... Завыл Ахмуранза и рухнул набок. Тысячью потоков в угол, куда забились наблюдатели, хлынули волны боли. Кто-то мычал, кто-то сползал со стула, подразновидности минорных полов верещали. Пантикуй плеснул коктейлем в сосуд с голубком — боль мгновенно пропала! Морщины охранника разгладились, на лице заиграла улыбка мусического озарения. Зрители подошли ближе, не осмыслив, почему их притянуло. Десять секунд ни с чем не сравнимой эйфории!

Не верили, не могли поверить, но кубический миллиметр голубка заменял собой земной шар, наполненный от центра до поверхности электринно-вычислительными машинами.

Через унделю (одиннадцать суток) после получения такого известия на Юпитере загремели контролируемые взрывы... Но, увы, не тут-то было! Пойманные облака оказались пустоцветами: в них не отыскивали юпитерианского глаза. Мечты о глазопроводах пришлось оставить.

А на Вегеме? Как подойти к этому кубическому миллиметру? Иметь дело с ним — что с абсолютом! Хоть немного придать ему качества кретина! Иначе не пристегнуть его субстанцию к людскому мирку, примитивному биологическому виденью. Без всякого поля, без всякого субстрата идут океаны сигналов от кристалла к кристаллу, от голубка — к голубку, круговоротом вечности. Сбивается инженерия, путаются понятия, летят в ничто формулы...

Нема наука, но злоковарен гоминид: спит и видит силки, капканы, ловушки. Окантовать бы настоящие чистые кристаллы испорченными, целые — кристаллами-дебилами — и появятся... органы чувств да посредники голубка с обслугой.

Прамир превращается в банальный мир, а Алгос — в мелкого беса!

Невзирая на весь "саботаж": добавку вредных примесей, подмену целого глаза его ресниц, заготовки роботов большинству мнились совершеннее человека, утонченнее.

Через 13 марсианских лет голубые мозги стали роботами-логоидами, могли двигаться, говорить, читать... Но чего-то не хватало...

Заметив себя в зеркале, отлаженный логоид начинал сплывать с ума. Суицидные идеи вскипали в нем без меры. Кто-то из сверхсуществ прорывался к шлюзам магматических скважин, кто-то — к плазменным реакторам, третьи — к гигавольтному напряжению, а некий бесподобец туннелировался к границе вселенной и там аннигилировал.

Загадка роботов вдохновила нимф, похоже, сообразивших в чем проблема. Им давно помстилось, что логоиды недовольны внешним видом.

Навязывали роботам разную внешность, но пуще их ярость в зеркалах отражалась. Тут подумал мудрец в Одиссейском мегаполисе: "Роботы не люди, роботы — ангелы". И пытались, пытались их ангелами мастерить, но выходили бесы, бесы, зеркала разбивающие, яко вкусившие плода с эдемского древа могутного.

Но в Бурундии-стране ленивы бяху холопи
ся веселили: логоиду ретивому по своему пылу
дали vybrati, како бысть эвоному виду. Тако
нимфы представились правы. И нимфеткам
протянули конфетки — ангельский облик го-
лубок принял, да такой, что померкли светил-
ки.

Но строги, разлюбезные братцы, вчали ро-
боты требовать вскоре красоты, чтоб под мик-
роскопом кваркогонным она пребывала, бо их
зренье мельканье молекул, и частиц, и мостиц
обнимало. И по своим чертежам собирали ся ло-
гоиды, человеку поруча работу грубу и подсоб-
ну.

Избегали существа новые аллергий и дышали
только воздухом с газами инертными, а в
предметах окружения их была злом и пылинка
едина.

И всё затевали голубки, и ничто без них не
замышляли. Люди, нимфоиды, коллетрии и да-
же таинственные аллокары, скрывающиеся у
запретных звёзд, не пытались жить без них. Но
лишь в хорошем духе да здравии давали голу-
бые творения подсказки.

Не терпели роботы речей негармоничных,
одежд и причёсок неподобающих, лиц тупых и
суконных.

Егда люди подивились неудовольствиями
многими роботов, прояснилось для них: "Это
вещал Фарун зуль-Реид". Кто бы сразу поду-
мать мог! И появилась надежда и вера.

О, Фецита! Не одна ты чувствовала излучение
ока юпитерианского. Не дадим ли океану любви
зефирной впасть в ручей телесный? Может
статься, то выйдет легко! О благие дела в саду,

где внизу текут реки! А те, кто не знает — огонь тоски местопребывание их. Но посмеялись роботы. Да пошлет небо дождем, а месяц бредом. Ухитрились вы, люди, не великой хитростью. Есть ли время, где пребывает вечность?

Если у этих индивидов с одиннадцатимерными мозговыми извилинами спрашивали, в чем причина их голубой меланхолии, они отвечали: слой мира-де и первомир слеплены плохо и подло, мол, сами они неважно устроены и хронически к ним приходит ощущение изгнания из рая и похожие переживания, для которых нет слов в человеческом языке.

Успехи

В городе Акутобонке над парком Най-Экванго реет километровая копия картины ангелоида Берилла¹⁷. Оригинал картины — меньше ногтя на мизинце.

Роботы без микроскопа видят выкрутасы вирусов и без телескопа — планеты в соседних галактиках. Но попробуйте переключить голубые умы на проблему практическую! Вам будет худо! Толку от того, что паутинку роботы могут разрезать вдоль на нити, иль гены подменить у вас незримо, или сплести косу из трех пептидов!

¹⁷ Берилл — историческое лицо. Однако город Акутобонк, как и парк с вышеупомянутым названием, нам неизвестны (Прим. цикроред.).

Для восприятия иного эксперимент не свят.

Математика логоидов слабо доступна человеку, что-то еще еле-еле досягаемо, но тускнут чудеса перед изобретением НГ.

О философии голубков ничего нельзя сказать. Ни один смертный не постиг в ней ни фразы. О философах-людях роботы предпочитают умалчивать. Скорее, из этикета: за всю историю человеческого мудрствования голубые создания не дали бы и ломаного гроша.

Человек-философ Картде изрек: "Когито эрго сум" (мыслю, следовательно существую). Робот-философ Оникс — своего рода Картде роботинной философии — выразился иначе: "Сознательная сознательность сознавания осознания сознания, я укрепляюсь в сознании бессознательности осознания".

Другие роботы, более "осознающие", раскритиковали этот стон интеллекта как примитивный и поверхностный.

Никто из людей так и не уяснил: сомневаются роботы в собственном существовании или нет.

ЧАЙ С МАНДОЛИНОЙ

Роман

Фиолетовые
руки
на эмалевой
стене

Пролог

До отправления поезда оставалось пятнадцать минут. По платформе шел стройный лысый человек среднего роста с узким рюкзачком на одном плече. Лысач усмехался в усы, рассматривая группы суесящихся пассажиров. Усмешка, непогасающие искры в глазах не скрывали заботы, которая выражалась в напряжении его шеи и пристальных взглядах на проводника каждого вагона. "Этот не подойдет, тот бортанет, а здесь совсем дурак..." — словно было написано в движениях век и губ идущего. В итоге наш непритязательно одетый интеллигент, коего в первую секунду приняли бы и за банщика, остановился на подходящем объекте — солидном

железнодорожнике с расплывшимся от жира розоватым лицом без малейшего загара и торсом, имеющим вид слегка сплюснутой двадцативедерной бочки. "Начальник поезда, Сиротин В. Г." — красовалось на прямоугольной бляхе. "Отлично! А я Анов С. В., — произнес про себя интеллигент. — Инициалы для железки очень хороши!" Поприветствовав обладателя бляхи, Анов стал оживленно шептать ему чуть не в ухо. Сиротин выслушал с большим вниманием, но тут же громко заявил:

— Запрещено инструкцией! Нет такой услуги!

Анов вознамерился разубеждать.

Стоящий в стороне, заинтригованный чужой беседой, некто в плаще с деревянистым букетом под мышкой располагал острейшим слухом и ясно услышал: "Не посылка с тротилом! В бутылки спиртовой раствор. Не крепче водки. Понюхайте хоть сейчас. Обычное ветеринарное лекарство, пусть и дорогое".

Почувяв неприятный зырк, Анов повернулся спиной к смотревшему, достал стодолларовую бумажку и, как мог незаметно, протянул ее господину в форме:

— Столько будет и на конечной станции.

— Подойдите к проводнику шестого вагона, — примирительно промолвил начальник, — скажите, разрешил Вячеслав Григорьевич.

Тип в плаще поозирался, кинул остороженько букет на соседний путь, потом вытащил подобный пейджеру девайс, подрегулировал его и спрятал. Оглядевшись еще раз, он вроде бы

двинулся к зданию вокзала. У двери шестого вагона знакомый нам проситель к этому времени дождался прохода нетерпеливых пассажиров и остался тет-а-тет с проводником. Успешно завершив затеянную операцию, он пошел вслед за бросившим букет и вскоре оказался рядом с поджидающей у табло девушкой.

Сюжет дан по съемке и прослушке (отдельные слова неразборчивы или затерты):

— А говоришь, не люблю. Видишь, рискую. Можно закатиться с тобой за город вместо командировки.

— Что ты отдал?

— <помехи>
.....стоимостью за грамм, — возвестил он и повел девушку к выходу.

— Твои дражайшие прионы?

— Совсем не то, но почти замена.
.....<сильные помехи>
зато мозги не дырявит.

— Дотумкали! И зачем?

— Се истина глубока есть!

И, вздохнув, добавил:

— Жаль, наши мудрецы убедили не переливать вую емкость. Было бы надежнее.

— Ты нарочно пугаешь.

— Сейчас! У тебя на этаже с ужасами полхлеще!

— Там другой коленкор! А сам ты свой не пробовал?

— Мысленно. А так дегустирую...
..... крамола для тех, кто не кролик. Но дядя тогда определит вкус? Неувязочка!

— Кролик! Кролик! А я соображаю на кого ты, Анов, похож. Случайно не, какого вкуса? И отчего нигде не об ощущении? Не прионом, но ты мозг продырявил.

— К чему это?

— Завтра с утра проводник возьмет и опохмелится твоим раствором.

— Синеватым? Для взбадривания они держат лучше. Пассажирам продают втридорога. И не бойся, не из-за тебя фляжку. Некому ехать. Посторонних гонцов искать? А Семен из Рейкьявика сразу в Норвегию. Малость заработает. Ну а ты не позабыла вкус фруктовых зернышек... Теперь изредка то послекусие бывает от автомобильных выхлопов и перегретой резины. Ц....дикум-с!

— выпьет ветеринарный модулятор? И почувствует себя... В каких координатах?

— Трудно В точности никто не знает. И сколько Гм... О!..... пересчитать на килограммы? Судя по овцам и коровам, человек затанцует быстрый вальс, испытает вертячку и одновременно медленно на корточки, пока не хлопнется. Потом благодаря стрессу за полчаса вылечится от наваждения! И продолжит скучную жизнь дальше. Если больше пяти, то бишь больше чайной ложки примет.

— А меньше?

— Произойдет интересное. Спасительного стресса не наступит!! Тем паче от микроколичеств. Вот уж будут сновидения на ходу. Лишь бы бароны не заинтересовались. Однако мы

заговорились. Нужно звонить Пусть встречают вагон.

Анов подошел к таксофону, вставил карточку и, морщась, сделал пару звонков.

— — *сны на ходу?* — спросила девушка, когда он освободился.

— Да нет. Изучены такие феномены. Они гораздо ярче будничных снов. Многие смутно подозревают: сновидения на ходу — для молодых кошек. Котята сплошь и рядом ловят в воздухе несуществующих мышей.

— Похоже на то. Но люди не коты полосатые-хвостатые.

— Сравнение не обязательное! Пойдем к! Зачем кошек вспоминать-напрягаться! Первым торговый флот стоит... Умора! — Анов замолчал, думая о своем.

— здесь откуда?

— Оттуда! с простого. Представь, что съела не совсем то или белены выпила и пошла при свете луны по темной улице. На дороге лежит-белеется кусок рваной газеты. Валяется себе бумага, а тебе кажется, это голый ребенок с отрубленной головой. Ты уверена, именно безголовый ребенок, а потому и звонишь в милицию. Тебя окутывает страх, ноги в руки и во всю прыть бежишь домой, боясь поимки и обвинения в убийстве собственного ребенка, которого не было; по дороге следы запутываешь, иначе-де собаки-ищейки тебя найдут. Засим выдираешь на себе волосы и в ужасе растаптываешь

— Могу понять, — заявила девушка, но как сюда попадают?

— хитрее. пакости не дают. Зато они часто курят не тот табак или совсем не табак после захода в Гавану или Сантьяго-де-Куба. Только из — на них набрасываются нищие кубинцы: одно продать, другое выменять, а то и своровать у тех, кто рот разевает. Наши теперь бывают во всяких Барранкилья, Баййя-Бланка и Буэнос-Айресе. Вот и Бермудские треугольники: перед глазами уже не газета, а морская пена, меняющая очертания. При взгляде на нее обалделые воображают бог что. И десятилетия думают: "Иные измерения поистине есть!"

Услышав эти слова, девушка всколыхнулась:

— Далась тебе Куба! Миражи и без табака-в-кавычках бывают.

— Если поднимаются пузыри с морского дна. в них не обязательно — хватает фокусов... При нагревании даже от некоторых сортов свежего льта исходят глюкотворящие эманашки... Но его не хранят в помещениях. А бытовой газ? Пользующийся электроплитой, а не газовыми конфорками, живет здоровее, но скучнее. Так-таки треугольники! Мой знакомый старпом видел планету Харон, вынырывающую из Атлантического океана. С ним было и происшествие. Он купил в Веракрусе компакт-диск, года полтора болтался по волнам южных морей. Потом расположился в Подольске на отдых, пригубил аргентинский коктейлик, выкурил мексиканскую сигарку, включил проигрыватель, слегка покрутился — и морячку сдуру показалось, буд-

то из диска вылетел то ли Кецалькоатль собственной персоной, то ли кто похуже, зашипел, как змея, закаркал, как ворона, и почти придушил крыльями.

— Не магия по сути? Покружился, остановился! Да еще в Подольске... — протянула девушка. — В Подольске один великий субъект изобрел Машину времени и засунул в нее холерного вибриона.

— Тебе про Фому, а ты про Ерему, — едва не обиделся Анов. — Но — стоп! Ты родила! Недокружился... Остановился... Неизрасходованная вертячки! Плюс перегиб времени. Зайдите, леди, к Полищукосу за направлением в группу мозгового штурма! Оставьте спектрометр до пенсии! Я приземленнее смотрю на вещи, но заочно уразумел, по милости каких ликеров и наливок, приготовленных на смеси обыкновенного спирта с колумбийским, ослеп Хорхе Луис Борхес, а до того его дед и отец. И не только ослеп. Но таки успел нужное сделать до сего злосчастия.

— Про отца и деда не читала. А писатель заметил в зеркале кошку, которая пила молоко. В комнате кошек не было. Борхес удивился и принялся хохотать. Не сразу почувствовал, что стремительно утрачивает зрение.

— Поздновато он заметил.

— Слушай! А я боюсь оказаться кошкой в зазеркалье. Вдруг тебя начнет заносить от хохота. Бес тебя знает! Дай деньги на такси. Я поеду к маме, а не на твою дачу!

— В чем загвоздка?! Не зря я терялся в догадках. Ты из-за Верочки дуешься? Извини за

мораль. Люди, в том числе Верочки, с каждым годом ведут себя раскованнее.

— А для тебя она "Ве-роч-чка"? Нашел к кому применять уменьшительно-ласкательные!

Часть первая

"НАКЛОН"

1

Облака рассеялись.

Гэгг стоял на высоком холме. Солнце светило из мириад мельчайших лужиц, оставшихся после короткого дождя. На много километров вперед — ни строения. Снизу по тропинке приближалась Лог, но Гэггу казалось: она идет отовсюду. Цвели травы, пели птицы, ясное небо обещало бездонность. Но где-то сзади раздались гортанные крики. Подобно призраку бесшумно выскочил мотоциклист или мопедист, проскрежетал колесом по гальке и припустил, нажимая на тормоза, к подошве холма.

— Дорогу! Дорогу! — горланил лихач, несясь под гору с выключенным двигателем.

По одну сторону тропинки плотно росли кусты с колючками и деревья, по другую — тянулась яма. Лог не намеривалась ни с того ни с сего ступать в траншею, полузасыпанную мусором и рыхлой землей с бурым прошлогодним лапником. Она чуть отстранилась, пытаясь ба-

лансировать между тропинкой и траншеей. И, конечно, мотоцикл задел ее рулем. Мотоциклист рывкнул и ринулся почти под прямым углом вбок через пни, терновник и боярышник, а Лог скатилась в нежелаемое и противное крошево ямы.

Гэгг успел увидеть летящего над долиной и железной дорогой гонщика на узком мотоцикле и бросился к Лог. Она упала мягко, но ударила предплечье о твердый край ямы.

— Все нормально?

Лог только простонала. Запястье сместилось из-за сломанной кости.

— И ради этого ты полностью воплотилась в человека? Хватило бы внешней иллюзии... Я влез в оболочку наполовину — и то переборщил. Как тебе помогу?

На протяжении десятка километров не найти медпунктов. Нужно делать шину. Гэгг осмотрел неровную косораствующую осину и выбрал подходящую прочную ветку. Он стал раскачивать ее, пока она не треснула и не повисла на пахучих лубяных волокнах. Гэгг пожалел, что не отыскал дерева суше. Повозиться с веткой еще пришлось. В завершение снять с нее кору перочинным ножом. Было ощущение: всё творится где-то не здесь...

Эти "туристы-дикари" очнулись от внезапного топота. Из леса извергнулись омоновцы в касках и с автоматами.

— Где он? Где он? — загалдели они, разглядывая следы мотоцикла.

Гэгг примерно знал, куда упал мотоциклист, но задержался с ответом. Прикидываться непонимающим перед напором злых и вооруженных людей не в обычае, и он махнул не туда, где должен быть "гонщик", а по направлению дорожки. "Раз мы причинили зло, не будем повторять", — мелькнуло оправдание.

Умотавшиеся омовцы не заметили рытвины, проскочили ее, уперлись в несмытый дождем след похожего мотоцикла и дружно побежали по ложной траектории.

"А ведь трюкач в любом случае разбился! Навредить ему невозможно!" — подумал Гэгг, но возвращать зондеркоманду не захотел и продолжил обтесывать кусок ветки. Лог издала напоминающий стон звук, но неприятность переносила мужественно.

— Сильно болит?

— А ты как считаешь? Но что-то болит у прыгнувшего с этого "трамплина".

— Ты не могла настолько развернуть беглеца.

— Он дернулся до столкновения. Толкнул меня левой частью руля. Смелый рохля, чайник! Поди, угнал технику во время погони.

Прибинтовывая шарфиком полешко, Гэгг представил судьбу мопедиста и произнес:

— Кстати, если он уцелел — то спасся! За дорогой — чужая территория, чужая милиция, вряд ли туда нагрянут те, кто за ним мчался.

— Выручай его дальше, а я пойду на станцию, — непроницаемым тоном изрекла Лог, проверяя надежность шины. — Всё — мелочи. Увидишь: наша миссия почти выполнена.

В купе Николая, проводника шестого вагона, появился запыхавшийся начальник:

— Принял гостинец? Где он у тебя?

— В рундуке.

Григорич достал бутыль с жидкостью (синеватый проблеск), отвинтил пробку и понюхал:

— Ну и лгуны, интеллигенты проклятые! Говорил, сорок градусов. Там девяносто, если не девяносто пять. Тьфу!

Григорич поставил бутыль на прежнее место и зло швырнул пробку на дно рундука. Не до конца открытое, упертое в тюфячок сиденье самопроизвольно захлопнулось, спрятало бутыль и лежащие узлы.

— А Катька твоя теперь проводником не ездит?

— Зачем ей? Диплом есть, определилась по призванию.

— А мне грустно. Ловко она у тебя плясала. Иностранцы кейфовали и кумарились, с ума сходили, когда она обнимала ногой ногу.

— Не секрет. Но при мне она плясок не устраивала. И вроде бы не плясала она, а просто приплясывала или пританцовывала, идя по вагону.

— Вот-вот! Пританцовывала! И не обязательно шагая. Видел: стоит, к стене прислонившись, а ноги под стук колес черт-те что выделывают. Итальянцы, болгары слюни пускали. И насладившись зрелищем, рвались в купе или

в туалет — срочно трусы менять. Даже мне на то жаловались.

— По трусам у нас по преимуществу Тамара специалистка. Не улавливаю, чего в ней находят. Сорокалетняя тетка. Лицо — картошка в мундире; на темени — шрам из-за катастрофы. Стати не прослеживается. Ва-а-аще не фигура, а тара для холодильника. Но всякие командированные лишь увидят — сразу к ней под ушко: "Можно с тобой поспать?". Чудеса! Допетрить не могу.

— Не мерекаешь! Мели, Емеля! Не было подобного. Десять лет назад мужики плевали с высоты на эту вечную холостячку. А после катастрофы и стартануло. Особая магистраль сдвинулось у нее в мозгах. Наверное, слышал?

— О случае болтали, но без подробностей. Как катапультой ее выбросило.

— И правда, катапультой! При столкновении поездов пробила черепушкой стекло, метров на двадцать отлетела от пути по вине центробежной силы при повороте. Но в больнице близ станции ей повезло. Туда приехал оперировать туза-еврея нейрохирург из Львова. Семьдесят осколков у Тamarочки из мозготуры выдрал. Размялся до основной задачи... С того и пошло! Не подшутил ли профессор? Может, проведал о никому не известной хитрости? Пощадил старую деву? Фокус здесь не фокус, а жизнь отчубучивает еще не то. Красотки удовлетворяются уголочком разбитого корыта, страхолюдины — при нескольких мужьях и четырех любовниках.

— Возникают вопросы. Бывают варианты, — вдруг примкнул к беседе третий, молчавший до сих пор проводник и пропищал необычно

тонким голоском: — Грузили на FM загадкой: "Отчего мистер Фрамм, молодой-здоровый-красивый-умный-образованный и богатый, женился на миссис Брэгг, старой-бедной-глупой-некрасивой и больной?"

— Го-го-го! — заржал Григорич. — Я знаю почему! Да и вы не лыком шиты!

И трое железнодорожников засмеялись так, что из соседнего купе высунулась недовольная женская голова:

— Ребенка разбудите! Нельзя ли поспокойнее!?

— Бабы только и секут в разрисовке мордочки, — продолжил тонкий голос, — о прочем не подозревают.

— Они мажутся не для мужиков, а из форса перед подругами. Иначе бы размалевывались куда скромнее. Одна стремится затюкать остальных своим видом. Чингачгуки — Великие змеи. Смотрят, у кого перьев больше.

— На меня осенью в пик листопада начинает действовать и расчумовая штукатурка на дамских физиях. Появляется ощущение, словно откусил край неба, словно вздремнул в маковом поле. В чём дело? Витаминов не хватает или, наоборот, прет их избыток от прошедшего лета?

На лице Николая прорисовалось мучительное непонимание. Он веселился вместе со всеми, но почему друзья потешаются — до него не доходило:

— Эта глупая и старая была очень хозяйственная и добрая?

Григорич с другим проводником прыснули, зажимая ладонями рты.

— Пока не встречал чуваков, прошу прощения, вьюношей, которые бы ценили дамскую хозяйственность и доброту.

Теперь хохотали лишь двое. Николай застыл в растерянности.

В проеме двери опять показалась сердитая женская голова, глянула осуждающе и скрылась, как на секунду выплывшая из облачных клочьев луна.

3

— Что?! Что-о? — пропел опер. — Половина отряда вернулась. Никого не нашли. Оставшиеся отправилась к туннелю. Перекроют короткую грунтовку и будут опрашивать едущих и идущих.

— А мы?

— Звонила учительница из Гуляевки. Ее ученики видели у железки окровавленного дяденьку. С ним погнутый мопед. Где-то за светофором после развилки. Сбоку от линии. От какой — не сказала ничего внятного. Побоялась ошибиться.

— Это в районе бывших дзотов. Там одни болота.

— Кумекать нечего! Придется проверять.

Но идти пешком милицейские не собирались. Оба их вседорожника с ревом въехали на насыпь и быстро метнулись вперед, держа левый рельс между колесами. Неровные, прерывистые, но в то же время ловкие и решительные маневры машин напоминали боевик. "Какие кадры пропадают!" — воскликнул бы иной режиссер. Но режиссеров не было. Зато хля-

ющий нетвердой походкой старик лет восьмидесяти, наблюдая ребячество ментов, презрительно плюнул и пьяно прохрипел, жалуясь стихиям воздуха:

— Ух, играютя! Ух, делать циркачам нефиг!

Светофор горел ярко-красным. На развилке машины разъединились. Новая машина свернула, штопаная — махнула прямо.

— Похоже, здесь, — шевельнулся в ее окне водитель.

Пятеро высыпали наружу и принялись шарить по кустам. Их действия потрясали чрезвычайной уморительностью. Взрослые солидные люди ходили туда-сюда, раздвигали ветки, пригибали подошвами траву. Вся их униформа оказалась в полынном крошewe, репьях, семенах череды.

Пятеро разбрелись в разные стороны, под их ботинками захлюпала вода, один успел по колено ухнуть в болото.

— Вижу смятый мопед! — прокричал сержант, осматривавший ивняк у пожарной канавки.

Ищущие кинулись к нему. Опер вызвал порации вторую машину и спросил у сержанта:

— И где раненый?

— Нигде нет. В последний раз валялся под какой-то кривой ольхой.

— То и я слышал, но где он? — опер незаметно для себя наступил на маленький блестящий кружок и вдавил его в грязь.

— Хозяин мопеда, насколько помню слова детей, то лежит, держась за проткнутый живот, то ползет.

Подкатила вторая машина. Четверо выскочили из нее и также стали прочесывать заросли. В первую машину сели три милиционера, она проехала метров десять, сошла с рельса. Поиски продолжились.

— ПО — О — Е — З-ДД! — заорал опер.

Водитель ринулся спасать стоящий на шпалах второй автомобиль.

4

Пройдя целое поле — треть пространства от горизонта до горизонта, Дмитрий Пешный вознамерился глянуть на часы. Но рука непривычно легка: часов на ней не оказалось. Их не удалось найти в сумке. "Они на месте привала", — подумал он. Возвращаться к туннелю не хотелось. Прошагав чуть еще, Дмитрий понял, просто так случай оставить не хочет. Циферблат устройства состоял из двадцати четырех больших делений. Из-за этой особенности не перепутаешь утро и вечер. Такими часами хорошо пользоваться за Северным тропиком или невылазно находясь в пещере, погребу или среди завывающей бури. Да и причем буря! Над головой — серое небо. Обычно не видны звезды и солнце. А человеку, который нередко бодрствует сутками, для отдыха достаточно то девять часов, а то — и час. Пришел домой в семь вечера, уснул. Через час проснулся, но откуда известно — через час? Можно вообразить, проспал шар земной и опаздываешь!

Предвидение — на поверхности. Насторожиться бы раньше. Не однажды Дмитрий пла-

нировал исправить врущий календарь, но тайный суеверный нюх его останавливал. А если не нужны дни-недели-месяцы, то как бы необязательны и минуты с секундами. Категория времени падает на бок.

И все же Пещный двинулся. Но это: перед туннелем крутится толпа милиционеров с автоматами наизготовку. Некоторые в касках. Проходить неожиданный заслон несколько не улыбалось. Дмитрий свернул с дороги на тропинку, ведущую к крошечному озерцу, и решил подождать на его берегу момента, когда события изменятся. Подойдя к воде и побыв там пару мгновений, опираясь на голубовато-серый каменище, Пещный сознал: переждать не дадут, дорогу к туннелю не освободят. И впрямь: вскоре от камышей вблизи туннеля оторвалась и помчалась в сторону Пещного милицейская машина, вонзилась в лужу, подбросила воду вверх, лихо развернулась и застыла.

Из машины вылез высокий старший лейтенант, сопровождаемый автоматчиками, и потребовал у Пещного документы. Спорить Пещный не собирался. Надо считать, на высокого впечатление произвело не удостоверение личности, но заложенный в корочки железнодорожный билет "С-Петербург — Шапки". После долгих и весьма нескромных расспросов о том о сём милиционеры осведомились у Дмитрия, не видел ли он на дороге или в кювете корячащегося человека. Переспрашивали они не раз, будто не доверяя первым полученным ответам, а уходя, старший спросил еще:

— Ну и? Нигде никто не валялся?

Итак, Пещный решил забыть про исчезнувшие часы (Хай идут, пока не заржавеют.) и пошел не к туннелю и не к станции, а полевой дороге, идущей к возвышающейся вдали каланче. Пещный полагал: рядом с ней или силосной башней — точнее рассмотреть сооружение не удавалось — перекресток. Путь вроде бы нигде не затапливало, беспрерывно сворачивать на поле или на спасительные кочки не было необходимости.

Метров семьсот, и слева между полем и дорогой — мужик, лежащий в позе эмбриона. Слегка дергается и повизгивает. Эта картинка, сопряженная со странными действиями милиции, прочертила в голове Дмитрия убывающую в прошлое искру, в которой светилось многое, но не хватало слов и мыслей, не хватало шестого чувства, чтобы расшифровать поданный с неба знак, пометить его конкретным титлом. Впереди спустилась с холма группа автомобилей; один — милицейский. Все прогазовали мимо. Зато рядом со страдальцем вдруг вырос долговязый джентльмен и, обратившись к дороге, принялся голосовать.

5

Помощник машиниста на расстоянии в три поездных состава заметил стоящий поперек рельсов раскрытый милицейский джипик. Да там, где нет дорог. Рядом с джипиком — ни души. Солнце играло на стеклах автомобиля. От-

чаянные всполохи сине-фиолетового маячка еле просматривались в сияющем мареве.

— Очумели! — промычал помощник, давая оглушительный сигнал. Он заподозрил: жестянку вели пьяные, сдуру шарахнули по шпалам, а попав в плен к насыпи, не сразу осознали, как сильно приспичило. "Ишь, скромники! Делали бы свое дело, не отходя от тачки, а лучше — прямо в ней".

Джипик торчал на том же месте. Почти не разжимая зубов, помощник прорычал в микрофон команду на торможение, кинулся крутить маховички. Страшно закричали тормоза, посыпались искры из буксов.

В вагонах полетели с верхних полок чемоданы, пассажиры и прочее. Закатались по полу бутылки. Пассажиры цеплялись за что попало, даже за лишние плафонов бестеневые лампы. Головы, плечи ниженаходящихся убелялись от паров ртути и осколков олюминофоренного стекла. Минут через двенадцать поезд набрал обычный ход — ибо в джип успел вбежать растегнутый, распоясанный сотрудник, виртуозно съехать с рельса, а затем остановить авто, держа бампер под углом сорок пять градусов к горизонтали. Так показалось обернувшемуся железнодорожнику.

— Ай! Пронесло! — вытирая тыльной стороной руки физиономию, пробормотал он — И сообщать о происшествии не хочется.

Однако пассажиры не поняли сути, не уловили и момента, когда беда их миновала.

Воспользовавшись замешательством, наиболее предприимчивые полезли в чужие сумки и баулы, а кое-кто сунулся в соседние купе: "Всё ли, дескать, у вас в порядке? Не ушиблись?" — и мгновенно умывался острой эмоцией, найдя купе обезлюдившим, но с атрибутами респектабельности. Только некоторые начали поглядывать направо — налево.

Особую тревогу испытывал Ипполит Недуев, в нарушение норм везший в пассажирском вагоне восемьдесят видеорекодеров. Понукания достались охраннику Шадрину.

— Эй ты, Шадрин! — жестко, но вполголо-са исторг из себя Ипполит. — Чего прохлаждаешься? Шуруди!

— И сам вижу: пора... — промычал охранник.

— Вот самвиж и порай! Порай! Тебе мешают?

Товар располагался в нескольких обычных купе и в купе проводника. Вчера пришлось существенно раскошелиться за каждое из мест. В пути всякий раз, когда Ипполитом овладевало беспокойство, неизменно раздавалось: "Шадрин" или "Эй, ты, Шадрин!", но требование заключалось не в имени, а в интонации. По ней Шадрин догадывался, чего от него добиваются. Он бежал по вагону, пересчитывал, прикидывался, будто поправляет веревки, заново перевязывает, натягивает, а фактически смотрел:

нет ли опустевшей коробки? Месяца три назад они с Ипполитом обмишурились и потеряли треть товара — брокерский зондаж пошел на смарку. Совершая обходы, охранник всю демонстрировал качества ужа, котенка и лисы, был вальяжным, вежливым, смышленным — иначе бы его выбросили с незаконных позиций вместе с товаром, невзирая на словечко, замолвленное проводником и мелкие подарки пассажирам. Шадрин взялся за генеральную проверку. Отошедшим от испуга пассажирам хотелось веселиться. Они точно заново родились и настойчиво принимались издеваться над Шадриным. Он отшучивался, но при плохом обороте вполне мог наплевать на свои обязанности и звездануть. Это чувствовалось, но люди в вагонах попадались чаще не из робкого десятка. Издевались не над деятельностью Шадрина, а над его внешностью. Пробритый клочок на затылке Шадрин скупко обрастал хилыми волосками, из центра плешки выступал кусочек мозга: не слишком давно сюда ударили бутылкой. Череп бывшего десантника оказался крепок, подготовлен и не к таким невзгодам. Медики обработали рану, но и не подумали вырезать выпирающую живую ткань. Сейчас, двигая коробки на полках, Шадрин периодически машинально шевелил пальцами наружный мозг — дурная привычка только возникла, но претендовала на неискоренимость. Пассажиры были в курсе происшедших с охранником событий. Некоторые из них после разрешения даже трогали выпуклину.

Коснуться дядиной шишечки пожелал и одиннадцатилетний Валик, но мама ему упорно не позволяла и внезапно заявила: "Пощупаешь, пощупаешь — у тебя вскочит". Валик внял ее реплике и прекратил канючить. А сидящая напротив старушенция воскликнула с суеверным ужасом:

— Разве можно такое долдонить ребенку?! Он впитывает услышанное и целую жизнь держит в голове ваши заклинания. Они приговор, Дамоклов меч!

— Преувеличиваете. И заостряете его внимание. Замечание я, конечно, приму к сведению, но как воспитывать? — холодно отозвалась мать.

7

Начальник поезда обходил вагоны. За исключением синяков и ссадин у двух-трех пассажиров, всё обошлось без драм и несчастий.

— Вот и ладно! Вот всегда бы так отделываться! — твердил под нос Вячеслав Григорьевич. — А ведь у нас каждый второй мародер: сгорит на бойком месте ларек — сразу человек сорок в пепле роются, ноги друг другу отдают.

На полу в купе проводника шестого вагона блестела пахнувшая спиртом лужа. Жидкость быстро испарялась.

— Что здесь стряслось? — любопытствовал начальник и произнес: — М-да! — когда до него дошло, в чем завыка.

Стеклянная фляга лежала на боку. Григорич перелил оставшуюся жидкость в бутылку из-под водки, потом закрутил на пустой бутылке пробку. Николай с интересом следил за этими манипуляциями.

— Есть у тебя цивильный пластиковый пакет? — спросил начальник.

— Слева.

Григорич кинул укупоренную флягу в пакет, схватил с полки пассатижи и ударил ими через пакет по стеклу. Раздался звон.

— Это и подашь встречающим, — потряхивая звенящими осколками, добавил Григорич, — заодно Расскажи о происшествии на путях.

8

По шестому вагону разносили чай. Чай все нашли приятным. Он был густоват и имел неспецифический привкус. А подаваемый сахар поражал голубоватым оттенком. Но напиток пили. Кто-то для успокоения.

В одном купе ехали студент электротехнического университета Воскресов и саксофонист Питиримов, более известный в Петербурге по прозвищу Петерман. Они впервые увиделись в поезде и по внешности казались полярностями: длинный, худой, волосатый, светло-русый Воскресов и низенький, квадратненький, лысенький, с примесью знакомой, но неопределяемой неславянской черноты Питиримов. Студент лицом походил на песенно-есенинского деревенского поэта начала двадцатого века, а музыкант —

на Окуджаву. Питиримов вез новенький саксофон, Воскресов — сумку с книгами. Отнюдь не с учебниками.

— Антиквариат! — удивился Окуджава-Питиримов, словно впервые уткнувшись зрением в торчащие из раскрытой сумки переплеты.

Студент чуть не полностью вынул ее содержимое. На столе образовался букинистический развал. Окуджава принялся перебирать ветхие томики:

— Так... Вера Рудич, Емельянов-Коханский, Евсеев-Сидоров, Сергей Кречетов, Константин Диксон... Ну, уж Рудич и Сидорова читать ни за какие коврижки не стал бы, у Диксона поглядеть пятое-десятое стоит. Когда-то и я интересовался этим пластом. Правда, живые книги не попадались. Смотрел альманахи и журналы. Подавили, потеснили авторов. А Кречетова-то! Валерий Брюсов подошву приобщил. Обругал бы маэстро. Есть похожий случай: я другую фигуру — Голощекина порицаю за то, что монополизировал питерский джаз. Подзабыл, подзабыл Давид минимализм с авангардом. Джона Колтрейна, и того поминать не хочет! Дюк Эллингтон, да Дюк Эллингтон с Диззи Гиллеспи — деваться просто некуда! И, бесспорно, бить, бить нужно тех свеженьких круассанов, которые в мятых брюках и нечищенных ботинках выходят на сцену, но поучать — за кулисами. На всю вселенную зачем вещать об их доморощенности? Компрометация джаза!

Питиримов пустился бережно перелистывать томик Сергея Кречетова.

— Книгоиздательство "Грифъ". 1910-й.
Оформление А. Арштама.

Я летучий корсаръ. Я скиталець морей.
Видить в бурю мой призрачный взглядъ.

• • • • •

Вѣнчанный Божій серпъ,
властительный Аттила,
Пою тебя всей страстью слабыхъ устъ.

— А вот его Юлиан Отступник. О чем
здесь говорится?

И все жъ ты живъ. И в смертной сѣни
Для Красоты забвенья нѣтъ.
Я предъ тобой клоню колѣни,
Безумецъ, Кесарь и Поэтъ!

— А дальше?

Куда иду я?.. О, если знать бы!
Я только путникъ, лишенный силъ,
В краю, гдѣ вѣдьмы справляютъ свадьбы
И бродятъ в полѣ огни могиль.

— А можно я запишу стихотворение? Четыре строфы. Последняя звучит:

О Царь отверженныхъ! О радость позабытыхъ!
О претворяющій в восторгъ земную боль!
Ты въ заревѣ вѣковъ — как сфинксъ
на черныхъ плитахъ,
Владыка гордыхъ сновъ, священный Алкоголь!

— Перепишите хоть всё, — заявил Антон Воскресов. — Вы боднули Брюсова. Этот поэт гораздо слабее Бальмонта, Блока, Гиппиус, Волошина. Мастеровитее кого-то из них, но роли не играет. Важен результат! Только если бы некий диктатор заставил меня на выбор написать чью-то биографию, то я выбрал бы Валерия Брюсова. Не понимаю, в чем дело. Будто гениальные символисты — полудурки и придурки; сифилитик от рождения Блок нравился как личность экзальтированным курсисткам и Ахматовой; только Брюсов — нормальный, но не в нормальности суть! Торговец и торговец! Воображал себя Боэцием, жил за счет пробочной фабрики, проданся большевикам. Может, они и убили его. Но есть в нем что-то блестящее... Объяснить не могу...

— И я не могу мысленно объяснить, но чувством — тоже чувствую! — поддержал Питиримов.

И другое купе превратилось в избу-читальню. Валик погрузился в книгу-перевертыш: "Алиса в стране чудес" — "Алиса в Зазеркалье", а его мама Юлия, — в "Коня бледного" Савинкова.

— Алиса описалась! — восторженно произнес Валик.

— Описалась?

— Описалась!

— Ох, не помню такого.

Зато в прочих купе никто ничего не читал. Даже глянцевые журналы не лежали на столиках. А серенькие и желтенькие издания, по недоразумению взятые у прошедших поезд на-

сквозь глухих, блатных и нищих, давно втиснули в багаж или вышвырнули.

Правда, в восьмом купе седьмого вагона находились очень книжные люди. Один из них прослыл чернокнижником, второй — поэтом, третий — Шалтаем-Болтаем. У чернокнижника была фамилия Симов, у поэта — Иванович, а Шалтая-Болтая звали Руслан Околесов. Околесов радикально выделялся из всех. По внешнему виду, поведению, дикции представлял собой еще ту штучку. Прозвище это подчеркивало.

Троица встретилась впервые. Симов и Околесов наотрез отказались от предложенного Ивановичем коньяка, но оба обрадовались, когда поэт обзавелся в соседнем вагоне несколькими пачками чая.

— Откуда пачки? — удивился Симов. — Зелье из экономии заказывают в мешках.

— Раз на раз не попадает, — ответствовал Иванович.

На троицу напала жажда. Без конца кипятили бутылочную воду и заваривали чай. Воспользовавшись обстоятельствами, Иванович подливал и подливал соседям в чай коньяка. Те не возражали, не заметили постороннего привкуса. Сам поэт пил и просто коньяк, и в составе чая. Быстро окосел из-за чрезмерного разбавления.

— Раньше не видел такую привычку, — промолвил Руслан.

— И я не видел, — кивнул Иванович, — хотя ее изобрел. Привычка резонная! Пьют для того, чтобы опьянеть! След поспешествовать тому! А то, дескать, не разбавляю, не развожу. Зачем ты, хрен, не разбавляешь, если хлопы-

щешь для опьянения?! Ну-ка — разбавляй! Дринькает, знаете ли, а пьянеть не желает. Не пей, не пей тогда! Чего надо? Идиотизм в подлунном мире.

На тираде Иванович обмяк и посуровел. Теперь он лишь слушал и почти не говорил.

Далее состоялся...

РАЗГОВОР ОКОЛЕСОВА И СИМОВА О ВЕЩАХ ТАИНСТВЕННЫХ (нам при нем быть не полагается)
--

9

Поезд прибыл с опозданием на сорок минут одновременно с другим московским составом. Это сбило с толку некоторых ожидающих. У Николая посылочку не потребовали.

— Не забрали остатки сладки? — изумился Григорич. — Никто не появился? Дела! Небось двинулись к четвертому пути. А нас кинутся искать! Ты что думаешь? Вот. Отдай пакет со стекляшками и бутылку Катьке. Пусть созваниваются. И чаю нашего подбрось Катьке. Хорош чай. Досадно выбрасывать на ветер, дарить встречному-поперечному. У тебя и еще сорт есть? Тот хуже. Иностранцы жалуются. Его барыгам. Сплавят по дешевке. Благо картинку на пачки изюмы красивую прилепили. Должно, с флакона духов сняли. Чинара, инструмент музыкальный, тетка заголенная... Точно с древ-

ней парфюмерии! Догадались, поди ж ты! Ловко вывернулись с художником! А пассажиры не увидят этой мазюкенции. И прошла пора, когда тешились подобным. Как в прорву совдеповский рай провалился.

— Да не бойся, не бойся ты за Катьку! Не бандиты бутыль передавали! Будут разговаривать со мной! Ты обо мне наслышан! Я со всеми разберусь!

Часть вторая

"КИШЕНЬЕ

ПРОРВЫ"

Эффекты № 1 и № 2
(тип ювенильный; тип феминный)

1

— А почему полотенца в мусорном ведре?
Константин, что здесь творится?

— Что? Где?

— Не видишь?!

— Это да! Любимая тряпота в грязи! Ха-ха-ха! Блаженной памяти, *ria memoriae*.

— Не вижу ничего смешного! Сам выстирал?

— Хы-хы-хы! Я тихо вник. Ты повадилась развешивать полотенца на кухне, а Валик — на кухне мыться. Наверное, вымыл руки, цапнул одно, остальные тряпки посыпались! Хы-хы-хы!

Та-ра-ра-бумбия!

Сижу на тумбе я,

И ноги свесил я...

— Смеешься опять? Чебутыкина зачем из себя корчишь?

Константин, отец Валика, промолчал и вышел. Недосуг возиться с чепухой. В комнате-кабинете ящик стола чуть приоткрыт. Из щелки

неряшливо торчал согнутый кусок шнура от электробритвы...

"Вот это да! — Константин потянул ящик. — Dementia!"

Вилку шнура кто-то разобрал, болтов рядом с ней не было... Скорее, разбирали и бритву, потом неумело соединили наружные части. Их края не заподлицо. Константин воткнул голые провода в розетку и принялся щелкать ползунком. Бритва не работала.

— Интересно, а чем бриться? Долотом или шилом? Или бутылочным стеклышком? — вслух помыслил Константин. — Что делать вечером? Бороду отпускать?

Вошла Юлия:

— Ах, ты не знаешь, что делать! Зато я знаю. Отпрыска воспитывать!

Константин задумался. Срок для воспитательных действий у него остался небольшой, года полтора. Валик обрастет интеллектом и до сердцевины его духа будет не достать, морально оторвется, завращается по собственной орбите. До сего момента предпринимать воспитательные меры не удавалось: три года Константин вообще не жил с семьей, плюс долго работал без выходных и по две смены; около года трудился только дома — и весь год приходилось интенсивно зачищать следы отсутствия. Понятно, о репрессивных методах после резкого оборота событий не могло быть и речи. Теперь их нужно принимать! Непривычно! Да еще ругать не из-за людей, а из-за вещей. И какая разница, люди или вещи? Где кончаются одни и начинаются вторые? Все ерундой мазаны. *Omnia vanitas.*

— Появится — немедленно его ко мне, — подытожил неприятные размышления Константин.

— Да уж! — огрызнулась Юлия.

В своей комнате он включал и выключал монитор, перескакивал с пятого на десятое, устраивал паузы; отвлекаясь, разглядывал картины и даже рисунок обоев, — а Валик негде гулял. У кого в одиннадцать лет такое свободное детство? Кто-то умер бы от зависти! А этот шляется, сколько хочет; ломает бритвы и замачивает чистые полотенца в кухонных отбросах. Константин тоже не отказался бы от подобного кайфа! "...Сижу на тумбе я, и ноги свесил я, ох как весел я... Если бы догадался, и сам содеял похожее назло Юлии. *Sine dubio*".

Ближе к полуночи грянул дверной звонок. Предполагаемые слова Юлии: "Где шастал?" не прозвучали.

— О-о-о-о! — простонала Юлия. — Где изварзался? Где изорвался? Проще всё сразу выкинуть, не мыть и штопать...

— Ммы с Сенькой были под мостом. Там лучше, чем в Саблинских пещерах. Б-были сначала с нашей стороны моста, потом с крутой, где лестница из парапета, потом вышли, и од-дна тетя попросила нас проводить пьяного мужика; он не туда пёр и ничё не видел вокруг, а когда сказал: "Дом четырнадцать", мы его довели до дома четырнадцать, но окззалось не на той улице, оказ-злось на трудой, ззатем мы дволокли мужика, потом вернулись под мост и были с крутой стороны, потом — с этой стороны, потом-потом мы потом...

— И будет потом-попом, суп с котофеем-котом, — перебила Юлия.

Константин морально готовился. Настрой? Какой настрой? Взять среднее между инквизитором и злым львом? Добавить в этот компот немного рассерженного медведя-шатуна и иезуита? И обязательно — частицу от предупреждающего крика петуха или гуся и от тупого взгляда унтера Пришибеева...

Валик на пороге:

— Добрый вечер, папа!

— Тэ-экс!

— Кто такой Тэ-Экс?

— А сякой! — и Константин достал останки бритвы. — Это что?

— Бритва.

— Я тебе дам, бритва! — вдруг заорал папаша.

Скандала Валик не ожидал, здесь на него не повышали голос.

— Я тебе дам, бритва! — железобетонным голосом повторил Константин и ударил кулаком по столу; схватил Валика за руку и потащил на кухню. — Что это, что это? — начал он тыкать в лицо Валику полотенца.

Бритва — дело ясное, но падающих полотенец Валик не запечатлел душой и не понял значение тыканья.

— По-ло-тен-ца! — пропищал-пропел Валик. Происходившее обрушилось на него шквалом.

— А это? — и родитель стал дергать его за разодранную испачканную джинсовую куртку.

— Порвал пьяница, а после упал в лужу и окунул в нее меня, — машинально ответил Ва-

ля, но уже испарился и давно выпорхнул из квартиры, реял где-то высоко, где-то за гранями граней. Брани он не слышал, дерганий не ощущал. Где он летел? Под ним не чувствовалось земли, под ним и над ним не виделось облаков,плыли то светлые, то сумеречные пространства, мелькали пятна-существа, похожие на белых аистов, но бесклювые... Полет сам по себе и невесомость, непостижимая тяга и отсутствие присутствия, бестелесность. Негде — где-то. Всегда и везде. Нигде. В доме не Валик, а его десяти тысячная доля. Валика не было, он растворился, исчез. Путано говорили два голоса, то по отдельности, то вместе. Оказалось: некому повиноваться этим голосам. Они то ругали Валика, то ругали друг друга.

2

На двенадцатом этаже царило веселье. Там ничего не праздновали и запоздало отмечали всё: раз в год можно позволить излишества. Вчера встретили по недоразумению потерянных знакомых и пригласили. Уютно устроились заядлые курильщики, а с ними — трое покуривающих за компанию. Увлечлись разговором и "дымогарку" обнаружили не вмиг. Потребовалось срочно открывать окна и двери. Однако смолить продолжали и во время проветривания. Дым по коридорам, вестибюлям вился, как от пожара. Но захлестнувший всё крепкий запах пепельницы спасал случайных свидетелей от паники. "Ишь ты, веселятся!" — приходило им в голову. Обстояло не так: избыточное курение сглаживало трения в диалогах и однообра-

зие закусок, запаздывания в их подаче. Надлежало бежать то в одни, то в другие "24 часа" (на половине ночных лавочек, конечно, замки или неприятные таблички), что-то следовало спешно готовить. Невзирая на сумбур, застолье грозило продлиться до утра. Ибо запасы обновлялись, стопки сверкали мелкие, а курили гораздо больше, чем пили.

Далеко за полночь, при паузе в дебатах, курцы-собутельники устали в пустоту глазами ёжиных кроликов, собираясь с мыслями. Из тьмы желто и остро глянула громадная выпуклая луна, а в клубах дыма прорисовался закутанный в белый саван призрак. Он шел прямо на людей и еле заметно пошатывался. То ли действительно пошатывался, то ли толчками вздрагивал. Женщины завизжали. Призрак медленно, поступью колыхающегося манекена, приближался. Хлопнулась в обморок корпулентная дама, сидевшая с краю. Хозяин квартиры оторопело привстал:

— Вот штука! Смотрите! К нам Валик пришагал! А Сенька-то спит!

Явился, бесспорно, Валик, закутанный в простыню, словно в тогу.

— Валик — лунатик! — присовокупил хозяин и, спохватившись, приложил указательный палец к губам.

Валик повернул и двинулся к комнате Сени, постоял там перед створками, будто слушая доносящееся оттуда равномерное сопение, потом засеменил к распахнутому окну и начал вмазывать на подоконник. Хозяин удержал его.

Дамы опять поразились виду Валика. Можно подумать, простыню обернул гениальный театральный костюмер. Мальчик не отличался от призрака. Лицо Валика, весь облик были особенны, казались отсветом иного мира. Веяло чем-то неуловимо общим между мальчиком-лунатиком и молью, между лунатиком и хищной ночной птицей, контуром реющего нетопыря.

3

Валика проводили восвояси. Сенин отец поражался не лунатизму, а манерам майорши Климовой:

— Ну и тетки! Управы на них нет. В девять вечера наши суслики побрели домой, а она подняла из канавы замызганного пьяницу. Ну, самаритянка, и волокла бы его! А она обрадовалась, что тимуровцы идут! Полгорода обогнули, пока тот название нужной улицы вспомнил. А когда привели, алкоголик в благодарность достал ножик из сапога.

— Какой еще ножик? — удивилась присоединившаяся к компании Юлия.

— Наверное, обычный, шибко ножевный и блестящий! Алкаш отыскал пол-литра и решил угостить провожатых, а поскольку те отказались, сильно обозлился, стал махать ножиком. Совсем ничего не соображал. А жена его, матрешка чертова, меняла памперсы своему карапузу, плевать ей с высоты на ситуацию: собутельники ведь притопали.

Возвращенный Валик быстро уснул, но ему почудилось: сразу же проснулся. Таки постиг: на самом деле не проснулся и спит, но во время этого сна можно разлеплять веки и запросто разглядывать комнату. Освещенная луной, видимая изнутри сна, она страшила, в ней присутствовало лишнее. Среди матово-молочной темноты на противоположной стене, наверху, зияла подсвеченная амбразура. Раньше не возникало ничего подобного. Из амбразуры наполовину торчал слабо сияющий белесо-серо-коричневый пельмень величиной с большую тарелку. Пельмень был живой и очень умный. Он всё воспринимал, хотя на его лице не обнаруживались глаза. Он что-то желал сказать Валику, но Валик прищурился и узрел шею и голову жирафа. "Это пельмень прикинулся им", — счел Валик.

— Я не жираф, — изрек жираф.

Шея "жирафа" тянулась, не являлись туловище и ноги. И Валик сознал, это не шея, а сомкнутые и опущенные вниз крылья. Голова их взметнула и полетела, они часто замелькали, завибрировали. Существо повисло в воздухе.

"Насекомое какое-то", — подумал Валик.

— Меня зовут Кири, — заявило оно.

— Кири! — повторил Валик.

— Нет! Кири-Кири!

— Кири-Кири?

— Нет! Кири-Кири-Кири!

— Кири-Кири-Кири-Кири?

— Молодец! Теперь ты уяснил! Первый раз вижу таких смекалистых.

Валик открыл глаза в действительности. Почти на месте пельменя находилось оно: Кири-Кири-Кири-Кири-Кири... И крыльев у него оказалось много. Не счесть...

4

"Здоров, практически здоров, — резюмировала про себя детский невролог, еще не старая дама с сеткой разветвленных тонких морщинок на лице, — и нечего посылать к психиатру. Однако палка о двух концах. Говорить: «он здоров» — в данной ситуации нельзя. Да, и поди ты! Всё не проверишь. Не отправлять же его ни с того ни сего на рентген или на томографию!" — и, с трудом поборов приступ хронического тика, авторитетно произнесла:

— Ничего чрезвычайного. Отвлекайте чем-то, чтобы не удирал ночью.

— Как можно отвлечь?

— Поставьте на кухне интересную игрушку, лучше светящуюся. Оборудуйте аквариум. Купите золотых рыбок или барбусов. Не выключайте ночью лампу в аквариуме.

— ...а достаточно?

— Рецепт выпишу. Но главное — поведение. Вы попытались устроить Валику головомойку, но случай не тот. Обратившись к снохождению, "хитрый" мальчуган стал искать комфорт, который потерял у себя дома.

— Я виновата. Буду уделять ему больше внимания.

— Уделяйте! А эти капельки закажите и давайте на ночь.

Прошло три дня. В час ночи Юлия решила зайти в комнату ребенка. Валик не спал, сидел на кровати, обхватив колени.

— Снова окно рассматриваешь? — спросила мама.

— Туда смотрю, — Валик показал рукой.

Мать взглянула в том направлении и увидела несообразное ни с чем. В воздухе парила не то медуза, не то неизвестная науке сова, не то удесятеренное в размерах крылатое членистоногое. Нормально его не обозреть из-за частого мерцания всего.

— Ой! А что это?

— Кири!

— Кири?

— Кири — это Кири-Кири, а не он и не она! Дальше!

— Не просекаю.

— Кири-Кири-Кири — моль...

— Моль?

— Небесная моль, не из нашего мира.

— Откуда она взялась?

— Из гриба-пельменя.

— А это что?

— Висящая на стене старая шляпа, когда ее наблюдаешь сквозь сон, какой видишь во сне, и знаешь: не спишь, хотя спишь в двенадцати снах из шестнадцати... Комната меняется, стена меняется, словно она перед тобой первый раз в жизни. Шляпа, если ее не угадываешь, чутится чем-то живым, мыслящим. И даже вся — один гигантский обернутый в глубину глаз, который создает сновидения...

— Вот накрутил, вот накрутил! У тебя голова от бредятины не разболелась?

— Почему она должна болеть? Разве бред реальное? Ты забыла показанное тебе? Проверь! Проверь!

Мать вскинула очи и опять произнесла:

— Ой!

6

— Слушай, Костя. А Валик Кири-Кири нашел...

— Подумаешь! Я тоже Кири-Кири помню. Или как оно там называется. Звуки дюже знакомые... И в детской книжке есть картинка... Творение некое, возможно, птица. Впрочем, не убежден. Гм... Да где же про него слышал? Чудеса в решете!

— Не в решете, а настоящие чудеса!

— Рассказывай сказки! В плане химер и снов ты похлеще Валика. Каждому свое нравится. Работать бы вам обоим лабораторными крысками, подсадными утками у кашпировских или иже с ними.

Юлия обиделась и вышла. Она рискнула навести мосты к сыну:

— Твой Кири-Кири... Ну-тка выбросим дурацкую шляпу, которая его порождает!

— Нет! Нет! Оээнэ не он! Не он! Это не Кири-Кири. Уже Кири-Кири-Кири-Кири...

— Мне разница! Он не шляпа и не пельмень...

— Не пельмень. В поезде не позволила мне потрогать шишку на голове охранника — ныне вон она какая! — добавил толстым голосом

Валик. — И на тебя норовит перейти. В текущие времена нужно пить из всякого копытца. Иначе пожалеешь.

— Что теперь это? Призрак? Привидение?

— Не призрак. Не привидение, но подобное увеличенной молекуле. Он-оно прилетает и без шляпы.

— И можно потрогать?

— Потрогай-потрогай! Лишь бы рука не отвалилась!

— Слушай, Валик, а у нас умы не чебурахнутся?

— Ну, мам, ты даешь! Однако если тебе очень хочется... А я, ей-богу, не рехнусь!

— Ишь ты! Самоуверенный, будто папаша!

7

Очередным вечером Юлия заглянула в комнату сына. Свет не горел.

— Вызываешь его?

— Тс! Оэ-э-э — здесь!

Указывая в сторону предощущаемого, но пока незримого призрака, Валик стал дрожать, затрясся, смотря в одну и ту же точку. Тряска передалась и ей. И немедленно Кири-Кири возник (или возникло) на пустом месте — там, где он ранее не обретался. На этот раз он—оно был—было похож—похоже на лошадиный череп.

— А змея гробовая да не выползет? — прошептала Юлия.

— Давно выползла и уползла, — равнодушно ответил призрак.

— Ну, сегодня выныривало Кири-Кири? — поинтересовалась Юлия у стоящего во дворе дома Валика.

— Которое Кири-Кири?

— А хоть второе-парное...

— Прямо сейчас! Оно, оно не было-булэ.

— Ждешь?

— Зачем? Я его и делаю.

Валик принялся дуть себе в ладони. Сложил их трубкой, поднес ко рту и попеременно то дул, то дудел. Потренировавшись, навел этот рупор на невидимый кристаллик в небе и пронзительно засвистел. Свист быстро набрал сверхвысокий тон и перестал быть слышимым. Звук исчез, но Валик продолжал напрягаться, имитировать процесс. Внезапно Валик прекратил свою необычную деятельность и застыл как при каталепсии. Его левая рука оставалась у рта, правая — внизу, рот зиял, на щеках замерли ямочки. Казалось, Валик потерял способность дышать. Прошло минуты три. Вдруг в вышине проступил тонкий звук, затем вызрело хлопанье тысяч крыл. Новым светилом с маскообразным луноликим лицом появился-появилось Кири-Кири — и не в помещении, а на улице среди бела дня.

"Что происходит с Валиком? — еще раз задалась вопросом Юлия. — Когда это началось с ним? Не той ли поры, как он завернулся в

простыню и потопал к Сеньке? Не исключено... А не раньше? Когда раньше? Не в поезде?.. Он перелистывал книжку про Алису в Зазеркалье и плел разный вздор. Вот тебе на! Алиса у него описалась. Надо перечитать и проверить. Да, но попробуй решиться на подобное!"

Льюиса Кэрролла Юлия не любила. Для чего две его книжонки детям и научным работникам? Ну, дети — существа понятные. Их хлебом не корми, только подавай нелепые мультики. А ученые? Выпендриваются. Нашли о чем писать статьи! Кто рубит сук, на котором сидит! Споры и разглагольствования. И с "Маленьким принцем" Сент-Экзюпери та же история. Есть принц, есть разные планеты и Лис, играющий то в Сократа, то в доброго сказочника... Скукотища! Разве такое имеет смысл? Льюис Кэрролл, в отличие от Экзюпери, конечно, не скучен, но не читается. Пробежишь пару страниц, займешься рутиной. Кэрролла приходилось бережно откладывать в сторону. Правда, в дамских брошюрках Юлия не могла осилить и абзаца. Если бы она их купила, то они сами собой стали бы выпадать из рук. А кэрролловская Алиса лежит и лежит, потом смотришь: неделю валяется раскрытая книжка. Назло заставлять себя штудировать? Зачем это нужно? Иное, может, и нужно, но здесь сказка! Из-за фантазий мучиться?..

Юлия поспешила в кабинет Константина и отыскала академическое издание "Алисы". Рядом с ним на стеллаже была масса книг об этой книге, ее героине и авторе. "Уже лучше! — обрадовалась Юлия. — Какой-нибудь след да найду!" И принялась бешено листать все, что ей попало.

И бросились в глаза строчки:

...фаллос помечает излишек и недостаток, качаясь от одного к другому...

...Алиса — история орального регресса...

...всякое зафиксированное или начертанное слово разлагается на шумовые, пищеварительные или экскрементальные куски...

...Бог — это закон сигнификации...

...Тело ребенка — пещера, полная интроцированных свирепых чудовищ, еликие стараются перехватить хороший объект...

...*Бармаглот* простирается в обоих направлениях сразу...

...Пространство шахматной доски, кое нужно пересечь, откровенно представляет эрогенные зоны...

...способ просохнуть...

...неудачные попытки эпилептиков стать шизофрениками...

Дедушкин домик в Сестрорецке! Каждый август на его веранде собирались разномастные бородачи. Двадцать лет назад они устраивали длинные дискуссии, на которых часто звучали имена Фердинанда де Соссюра и Романа Якобсона. Десять лет назад эти имена перестали упоминаться. Зато беспрерывно говорили об Арто, Батае и Ролане Барте. Потом мода на них прошла и грянула плеяда фамилий, какие ныне украшают корешки книг Константина. Юлия кинула взор на них. Ничего себе! — между полками проскользнули мелкие плоские человекоподобные фигуры и скрылись.

— Черные человечки! Черные человечки! — прошептала Юлия. — Дожилась! Теперь и гномики мерещатся!"

До бородачей чердак в Сестрорецке снимал молодой баптист. Ходили слухи, будто он свихнулся на толковании библии и умер в дурдоме.

Юлия заметила: книги об Алисе не кончились. Левее стояли тома с серо-зелеными, похоже, плесневелыми от сырости обложками. "Дело рук еще одного сумасшедшего, переплетчика Матвея! — угадала Юлия. — Был директором НИИ. И до чего дошел! Не уехал за границу вовремя и погиб от белой горячки!" Юлия достала тома. В матвеевских переплетах — отпечатанные на матричном принтере апокрифы третьего тысячелетия. Мелькнули названия:

Алиса и демон Дедекинда,

Алиса и дельта-функция Дирака,

Алиса и бутылка Клейна...

Юлия решила заглянуть в "Бутылку Клейна". Лучше бы она этого не совершала! От вклеенных иллюстраций повело и помутило сознание, все закачалось. "Вон она, белая горячка!" Юлии попеременно казалось: страницы книги слишком велики: больше комнаты, больше неба; то слишком малы: меньше почтовой марки, меньше хлебной крошки. Юлия машинально затрясла головой. Книга стала вроде ординарной, размером с ладони и пропала. В воздухе парила бутылка Клейна с нарисованной

на ней Алисой. Из бутылки высунулся страшный черный человечек с петушиным гребнем и затынул:

— Кири — ки — ки! Кири — ки — ки! Кири — ки — ки!

10

Вот уже Юлии стали сниться плоские черные человечки. Возникал один. К нему постепенно подбегали прочие. Они дудели в соломинки, щекотали ими друг друга. Порой Юлии чудилось: не соломинки, а пишущие стержни для ручек. Когда человечков набиралось достаточно, кто-то из них начинал кричать нечто в духе: "Нет! Нет! Нельзя! Нельзя! Этого не имеем права допустить! Такого не бывает!" Товарищи повторяли его фразы, изредка вклинивали свои.

Сон есть сон. Присниться может и то и се. Однако в сумерках или в пасмурный день, или в ясный — в тени, Юлия подчас замечала человечков наяву. Но если во сне они виделись черными, то наяву чаще обретали мертвенно-серый облик, оставаясь по-прежнему плоскими, и различались только в профиль. Едва "гномик" поворачивался — он тут же пропадал.

Иной бы с происходящим смирился или даже чем-то заинтересовался, но не Юлия! Да и в чём особая разница между жуткими человечками и мышами? Способна ли городская женщина потерпеть соседство последних?!

Константин внезапно исчез. Испарился, как делал это прежде. Нырнул в бутылку Клейна.

Контроль: бесконтрольный (КБ)

Почва под ногами перестала сотрясаться, но еще откуда-то из глубин доносилось гудение. Дрожали столбы и чахлые деревца. Пещный очнулся. Он словно впервые ощутил себя здесь.

Огромные несчетные каменные коробки смотрятся бараками. Застыли тяжелые машины, напоминающие тягачи-транспортёры баллистических ракет. Безлюдье. Забытые горы из угля, гальки, песка и бог весть чего. Дорога, испещренная отпечатками стальных гусениц, ведет туда, где бараки плавно переходят во внутренний город, выглядящий солиднее всякого микрорайона.

Метров семьсот Дмитрий протопал по дороге и оказался среди зданий и промышленных сооружений. Зброшены многоэтажные дома, их окна не светятся, в стенах — проломы. Но идти по этим дебрям приятнее, чем через спальную застройку: нет утомительных плоских крыш, проемы разнокалиберны, детали не соединяются в нудные ряды. Поражала нестандартность выступов, кажущаяся легкость массивных корпусов. "Не излишества, во всем функциональ-

ность", — подумал он. Вот будто бы нормальная цивилизная улица. Дмитрий повернул налево, и его ударило иным миром: на "цивильной" улице валялся, искривляя перспективу, башенный кран, в стороне — еще один, задетый первым при падении и обрушивший несколько зданий. Мелькнула картина: воскресший титан отыскал ключ от дверей Тартара, но запутался в проводах, опорах ЛЭП и бетонных капканах.

А где-то наблюдал Пещный этот апокалипсис! Где? Узреть подобное можно в мистическом сне, да и то после дикого отравления.

Запретная зона. Но проходных и КПП не найти. Некий каньон на пути. Дмитрий стал спускаться и обнаружил, что лезет не в глубокую канаву или карьер, а в технологический ствол, идущий в почти замкнутый сверху длинный желоб. С противоположного края подземной трассы не выбраться: выросли могучие своды — тонкая полоска неба не скрылась, но прок от нее! Он не муха и не может ползать по стенам и потолку! Но вроде бы наткнулся на разветвление. Поворот желоба. Пещный пошел в этом направлении. А если сейчас пойдет жидкость?! Обзор наполовину заслоняла куча из похожих на бильярдные шары каменных шариков. Куча хрустела, хотя Пещный стоял неподвижно. Он задрал голову и увидел в чрезвычайно омерзительном ракурсе толстяка в салатном комбинезоне, карабкающегося наверх. Ага! Там слева шлюз или пробоина. Рабочий в комбинезоне, не обращая внимания на Пещного, перемещался по хрупающему камню к просвету. "Удрал со смены и вернется для отметки где-то под ут-

ро", — сообразил Дмитрий и последовал за сачконувшим. К счастью, попался неожиданный гид! Иначе пришлось бы умирать посреди выжженной мертвой зоны, маскирующей неизвестно для чего предназначенное агонизирующее предприятие.

Пещный теперь шел по обычной дороге. Далеко перед ним блестел огнями город. Скоро шоссе. Не впервые внезапно оказываешься за трубами, ямами, заборами, колючими проволоками! Чудом удастся туда просочиться. И вечно возникает проблема: "Как оттуда выскользнуть?" Постоянно одно и то же. Много раз повторяется. Поди угадай, когда кончится. Можно не думать о нынешнем происшествии! Не так давно Пещный ни с того ни с сего очутился на территории другой режимной фирмы — мясокомбината "Самсон". Разумеется, без временного аусвайса и вертолета.

Эффект № 3 плюс покушение на иной объект

— Битое стекло — в мусорку, — рекомендовал Дюмов. — И пусть вместо бутылки — бутылочка. Ее отдадут мне. Понял, уже отдали. Я к их заведению — никакого отношения. Попросил раствор в случайной беседе. Для птичек и морских свинок. А препарат для крупной живности закажут заново.

— Действительно эта жидкость такая дорогая? — поинтересовалась Катя.

— Смотря для кого. Для покупателя дорогая. На заводах ее не делают. А стоимость для изготовителя символическая. Зная ноу-хау, легко насинтезировать целые бочки.

Дюмов поблагодарил и стал прощаться.

— А может быть, выпьете чаю?

— Чаю? Сейчас не хочу... — и, застигнув недовольное выражение на Катином лице, продолжил: — Я бы выпил воды с чем-нибудь.

— Надо ли пить воду, если есть чай?!

— Не о том толкую, не о пряниках и сухарях. Но об идущем в кипяток.

— Добавим в него. Например "Джемес-Едомес".

— Это что за фрукт?

— Точно, фрукт. Поймете.

Сев за стол, Дюмов оглядел стены. На них висели большие и малые картины в рамах; на полотнах — узкоглазые девушки-гурии во всяко-разных позах, в одеждах и без одежд, с мандолинами, с розовыми розами в хитро заплетенных черных волосах. Туники или ткани на отнositельно одетых вакханках изображались так, словно их развевал и сбивал на одну сторону сильный ветер. Но небеса на картинах оставались солнечны, без намека на ураган, а кусты и деревья идилично спокойны; свисали всевозможные райские плоды, из листвы высывались барашки, козочки. Куда там музам и грациям до гурий! Высококлассно исполненной и дорогой цыганщины Дюмов не встречал лет

двадцать. Гурии были родом из детства. "Это и есть "Джемес-Едомес", — решил он.

Другой "Джемес-Едомес" оказался перед ним в розетке для варенья.

— Я сегодня ночью видела домового, — заявила Катя. — Желтый старичок, росточком с ладошку. Вышагивал туда-сюда по кровати. Куклой Айболитом. Но без креста. Говорил, говорил. Как-то скрипуче. И чем-то щелкал. Щелк-щелк! Щелк-щелк! И опять говорил, говорил, наскрипывал. Я ничего не запомнила. Кто бы мне все пояснил.

— А что произошло вчера? Не приходил ли твой папаша-железнодорожник? Или чей-то дед-долгожитель? Поп? Учитель? Милиция не забредала? — спрашивал Дюмов. — Сверчок или кузнечик под острые чувства концерты не устраивал?

— Вчера? Вчера — ни-че-го. Никто не приходил. Ночью — замогильный сон, затем снилась пещера с ажурными люстрами и зеркальными стенами. Но главное не это. Я сидела на диване, зажмурилась и сразу же полетела, полетела над эскалаторами станции метро "Петроградская". Эскалаторы еле ползли. Люди на них потусторонние какие-то; внизу — остолбеневшая дежурная. А я... Я летела под потолком, — заплакала Катя. — Такое случалось и раньше. Трижды. И всегда почему-то "Петроградская"... Но люди живые, живые! Не тени! Пусть и не от мира сего! На собственные похороны едущие, в подземный край, в ад стремящиеся! Я специально потом отправилась на

"Петроградскую". Та дежурная в будке, на стенах туннеля те самые трещины.

— Вот он "Джемес-Едомес"! Я думаю, ты кого-то потеряла и желаешь найти, — заметил Дюмов.

— Ищу, ищу! — согласилась Катя. — Но не скажу кого.

— На "Петроградской"?

Катя не ответила. Она подошла к музыкальному центру и нажала кнопку. Послышалась музыка. Вроде бы восточная. Вернее, почти восточная. Маленькие барабанчики. Ножные колокольчики. Свирель и одновременно ритм вертящегося колеса. Колесо, конечно, виртуальная мандала. Тихий голос. Мантры отнюдь не индийские, откровенно суфийские. Музыка громче и громче, ритм быстрее. Катя убрала стул и принялась вращаться, олицетворять мандалу. Трим-трим, трам-трам. Трим-трим, трам-трам.

Похоже, и Дюмов кинулся танцевать, хотя и не собирался подниматься. Катя то убыстряла движения, то замедляла, то приближалась, то удалялась. Прежде восточные сольные танцы затеивали в небольших помещениях кафе или библиотек. Но он чаще находился где-то в шестом — восьмом ряду. Головы и туловища зрителей заслоняли ноги артистов. А как смотреть на танец, не видя ног? Зрелище не лучше курения с закрытыми глазами.

Сличения исчезли. Дюмов утонул в гармонии танца. Трудно понять, действует сильнее сам танец или музыка? Будто бы танец танца с музыкой. Постепенно все стало выпуклей, яснее. Смысл обозначился четче. Да это Камасутра

с Брахмапутры! Явственный танец отдавания. Проявился пик. После чего наступило рассредоточение. Катя продолжала танец механически, на тайном заводе, но через пару секунд вошла в абсолютный транс. Да, в транс! Именно! Усталости ни капельки. Только ляжки мелькают! Энергии на два тепловоза! Дюмов опять погрузился в бездны. Топот босых ног уже не смущал. Истина слишком простая и яркая.

"Оч здорово и хорошо, но чокнутых и ослабленных нельзя тормозить. Ишь чего! Ишь ты, древняя жрица любви! Эдемо-адская музыка! Здесь все пятницы равны... Прямо засасывает! Прямо туда, с семнадцатого этажа! Кроме того, отсутствуют прэзервы. Если они отсутствуют, то ритуал исключается. Звёздное небо над нами, а моральный закон — внутри вирусов и риккетсий. И не в поцелуйных вирусах закавыка! Разверзлась пропасть! Такая полизда, звезда — черная дыра".

Катя сделала три-четыре новых па и застыла. Халат на ней превратился в развевающийся картинный кусок ткани. Не хватало, правда, роз и мандолины.

"Стоп! Я ее некогда видел! Видел! Она сама была проводницей. Чудеса. А ведь год назад, в вагоне, обошлось почему-то без аптекарских выдумок. Узнала! Факт, узнала, но промолчала..."

Поторчав из вежливости еще, порасхвалив танец, небрежно приглубив на прощанье Катю-жрицу, Дюмов зашагал в прихожую. Чего-то он испугался. В коридоре Петр заметил мно-

го картин, стоящих на полу изображением к стене.

— Дозволяется слегка поизучать?

— Сколько угодно.

Шикарные супермодерные натюрморты. Раньше подобные Дюмову не попадались.

— А что они как бедные родственники?

— Не хочу портить колорит жилища.

— Ой ли?

— Да. Искусство — это искусство, а жизнь есть жизнь. Не надо их путать. Для *моей* жизни важнее гуси-лебеди, дивнорогие олени — то, к чему я привыкла, но не музейные ценности.

— А кто автор натюрмортов?

— Никто.

— Форменно так?

— Ох, простите меня за грубость. Может быть, теперь выпьете чаю?

— Да. Я бы не отказался. (В прихожую по направлению к выходу он шел третий или четвертый раз. А не повторяется ли сегодняшний день? Колдовство неопишное. Отсветы от мандалы.)

Когда Катя отвернулась, Дюмов глянул на циферблат: он провел у нее больше пяти часов.

Дюмов проторчал у Кати еще минут сорок. Но чай от папаши-проводника он не выпил. Уходя, оставил напиток нетронутым. "Вот царство тридешатое! Оторопь, оторопь! Откуда ветер дует? Но чувствую, этот ветер догонит! Чай! Цай! Оч холосый цай!"

И тут узрел Дюмов, кто такой домовый и Айболит. Роль домового или Айболита он должен играть сам! Но не смог. Ушел в сторону. А почему? По коту. Есть в тропических лесах на берегу Лимпопо неизвестные науке чудища, поедающие в первую очередь лекарей!

— Черт! — воскликнул Петр Дюмов, отойдя от парадного. К нему пришли мысли, что Катю он обнаруживал не только в поезде. "Где, где? Ёлки-подтёлки, да где же? На станции метро «Петроградская»! И проезжая на эскалаторах навстречу друг другу, они, бывало, ширялись взорами. Да и в вестибюле чуть не сталкивались". Но все происходило на периферии постижения. Представления об этом вымучивались, рождались с трудом, то ли как воспоминания о старых давно забытых снах, то ли — как о своеобразном и запретном подпольно-параллельном существовании.

"Черт! — вновь назвал имя лукаваго Дюмов. — А чего ради я обязан беспрерывно оказываться Дон Жуаном, если я не Дон Жуан? То в проходной невзначай поджидает короткая юбка, то у метро, хотя ловить некого и нечего. Пусть поздним числом возникают угрызения совести. Де не воспользовался горячим моментом... И схватываешь ситуации краешком ума, вернее, миллиметром или микроном серого вещества, ибо сидит внутри не то святой Иероним, не то святой Антоний. Недаром за <-....> сплошь и рядом принимают. А ведь я... гм... другого цвета. Некогда, в предпервой молодости, милицейское злключение сделало жестким — и эта иноцветность покрылась гарью, пеплом, безразличием, не развилась до полной

кондиции, а потом испарилась вообще". И прозвучала в мозгу песня старорежимных танцплощадок:

Не рыжий йя, не рыжий,
Не рыжий йя, а зо-оло-то-о-ой!

Простой советский <...>ян, как бы требующий неоднократных и пронзительных сигналов и словно их не желающий, клюющий по редкой прихоти на пристаивания настойчивые и далеко не все. Пры-ынцес-са на горошине... Возведенная в куб.

"А это? О чем я?" — изумился сам себе Дюмов.

"Нет, не о кубе. Всё о квадратном корне из минус единицы", — ответил властным непрекаемым тоном внутренний голос.

Опять пропелась песенка о рыжем.

— Салатой! — вслух произнес Дюмов и договорил про себя: "Там. Там. За облаками. Плавает в общественной проруби... Секрет полишинелей-ювелиров-парфюмеров. Прошедшее будущее. А хваленая духовность происхождением не оттуда ли?! Конечно, оттуда! Шестьсот миллионов лет назад у червеобразных прапредков ланцетника поменялись позициями голова и хвост. Экое вредительство на скотном дворе!"

Да-а! Нормально! Лжеобъяснение! И ничего иного? А коляска на эскалаторе? Ширялись взглядами... Отскочило колесо у инвалидной коляски, запрыгало, закрутилось мандалой. Все миры в нем, все миры. Коляска опрокинулась, инвалид — лысиной в ступени. Эскалатор никто не остановил. Не остановил абсолютно! Что творилось... И паника! Паника!.. А было ли? Может быть, сие не было? Помнит Дюмов схороненное? Помнит и не таит?

Прячется темное и непроницаемое за пленкой двадцать второго сознания. Там, там они, настоящие презервативы, и больше нигде. Отделяют одну жизнь от соседней, мгновения — друг от друга, создают иллюзию забывания, невежества, неможества и множества.

Эффект № 4

На некоторых особо секретных военных сборах старшего сержанта Татьяну Быстрову съели "партизаны". Вначале покусывали и жевали, выплевывая, а затем проглотили целиком. Первую неделю эти резервисты — капитаны и лейтенанты — оказывали ей знаки внимания, во всем помогали, а наблюдая за ее походкой, цокали языками; вторую неделю ее перестали замечать, с ней прекратили здороваться: и без придилок она как младшая по званию должна отдавать честь первая. Зато последующие дни над ней откровенно издевались, ее третировали,

каждое действие, слово, детали внешности громко оценивали и языками не цокали, а дико улюлюкали. Быстрова почувствовала, что поехала... Куда-то поехала такая прежде гордая, твердая и непреклонная. Глаза старшего сержанта стали часто находиться на мокром месте, нос и веки покраснели. Пудра не спасала.

Кадровые полковники всё видели, но разводили руками: "Нечего, дескать, делать! Не смогла женщина себя поставить!" И утихомиривать переростков-лоботрясов пытались, а толку — нуль; инстинкты распоясавшейся толпы неискоренимы. Конкретных зачинщиков или виновников не найти, игра идет без правил. Нашли мужики гнусную забаву со скуки да за отсутствием удобных и доступных баб. "И набрали-то кого! — рассуждал начальник факультета. — Кроме двух человек, одна шушера. Идут на смену ВУСа. По своей специальности не работают. Потому и залетели, пардон, угодили в списки. А Сизиков, Сизиков-то! По документам получил офицерское звание в восемнадцать лет. Зверский финт! И от армии отмазали, и от военной кафедры. А коли есть мохнатая лапа, отчего на сборы загремел? Пожалуй, вновь от чего-то отмазывают. Либо от милиции, либо от прокуратуры".

Если остальные жили в офицерском общежитии по три человека в комнате, то Быстрову поселили одну. На этом ее привилегии кончились. Отдельный душ и отдельный туалет не предусматривались. А в главное здание, где располагался кабинет гигиены для вольнонаем-

ных женщин, дежурный пропускал только с восьми утра до восьми вечера.

Но были и вещи из ряда вон. В замочной скважине двери ее комнаты почти всегда торчал чей-то зрачок; занавешивать скважину, заставляя ее стулом — напрасно. Со временем стали появляться шутники, что просовывали в скважину металлический прут, им они срывали занавески, опрокидывали заграды. Как-то, вернувшись с занятий, Татьяна сама вооружилась забытым в коридоре прутиком. Она решила обязательно проткнуть очередному нахалу зыркалку, этим пометить и уличить нарушителя спокойствия. Но устроить военную хитрость не удалось: шпионили за ней, а не она за пакостниками. От всякой попытки урезонить притеснителей издевательства лишь усиливались. В замочную скважину и смотрели, и дудели, свистели, а по ночам мычали, кукарекали, периодически имитировали крики ополоумевшей самки тираннозавра. Последние звуки, кошмарные и жуткие, модулировались так, что в их интонации ясно, хотя и карикатурно-иронически, просвечивал Венерин бугорок, потусторонне-сверхъестественные неньюфарные страдания.

На сем дело не заглохло. В ночь с субботы на воскресенье Быстрова читала при свете настольной лампы рассказы Михаила Булгакова. Или рассказ попался интересный, или Татьяна устала за неделю, но она подозрительного не почуяла. Странного не поняла, а на коврик перед ее кроватью полилось. В круге от лампы блеснула радуга-дуга...

Позже до нее дошло: из замочной скважины опять незаметно выдавили ключ, а некий опившийся пива болван мастерски приставил к скважине мужское орудие и пустил длинную струю.

От лужи вознесся омерзительнейший запах, и Татьяна взялась восстанавливать уют, а мокрую тряпку и коврик выбросила в окно. "Вот дура! — обругала себя Татьяна. — Не вызвала дежурного по части! Ничего никому не докажешь!"

В довершение бед начальник факультета повышения квалификации приказал Быстровой раз в неделю выдавать слушателям денежное довольствие. Пачки с ассигнациями Быстрова получала у прапорщика Подкорытова, отъявленного пьяницы, всегда сидевшего без гроша. Этот казначей неоднократно устраивал фокусы, неведомым способом вытаскивая из банковских пачек по две-три купюры. Проверять банкноты в пачках Быстрова догадалась поздно. Образовался долг. "Где наши тугрики? Или сама нам кафе оплатишь?" — наглым шепотом спрашивали у нее и дергали за рукав на построении. А какими прозвищами ее при этом называли! "Кобыла", "вобла", "выдра", "выхухоль", "мандатра"...

Правда, Быстрова дикостей не слышала, но по движению губ обидчиков легко можно многое ухватить, по шепотку восстановить. Но самое обидное — иное. Такие ситуации, когда ее именовали по-штатски Татьяной Семеновной или Быстровой. Она бы пережила прозвание "старший сержант Быстрова", но просто "Бы-

строва" звучало уже кощунственно. Старший сержант возненавидела свое имя, отчество и фамилию.

Главнейшим и лютейшим врагом обижаемой был приехавший из Анапы младший лейтенант Сизиков. Он первый начал третировать, организовал и выдумал пошлую игру. А придаться к Сизикову нельзя. Он, в отличие от прочих, намеренно крайне медленно и необыкновенно нежно, полусшепотом, с неопикуемой кривой усмешечкой, на разные лады и с ласкательными суффиксами изрекал обращенное к ней. Словосочетания: "Таттть-я-ноч-чка Ссе-ме-нов-на" или "Быстроовенькая м-моя" превращались в злобную токсическую дурь и попутно действовали подобно аллергену.

Красавец Сизиков был кровь с молоком; якобы бывшая золотая молодежь. Прямо Печорин-Лермонтов-Грушницкий. Только ростом высок и не вонял порохом. До того превосходил окружающих, что терпеть его надменный форс опротивело!

Выносить насмешливо-похабный вид Сизикова стало неумоготу. "Точка! Бросаю дурацкие курсы и уезжаю в Бологое! — решила Татьяна. — Судить меня не захотят. Лишь из-за отсутствия бумаг не выплатят парочку зарплат. Да их все равно не выплатят. Проформы соблюдают преимущественно в госучреждениях".

В рабочий день, а именно во вторник, она проснулась. Сильно посветлело, и солнце поднялось над верхушками деревьев. "Проспала! — сочла она. — Проспала — и чудесно! Зато от-

дохнула и успокоилась. Да, но отчего меня не будили? Если слушатели просыпают, за ними посылают гонца, устраивают подъем и приводят". Здесь Быстрова заметила необычное... не всегдашнее... и дверь в комнату раскрыта настежь... плюс первое-второе-третье... "Ни фиги себе!" — Быстрова напряглась, хотела соскочить с кровати — ее резко потянуло назад, — и прояснилось: она привязана, привязана длинными вафельными полотенцами. То-то ей беспрерывно снилось: ряженные в ужасное хаки партизаны схватили ее за руки и никуда не пускают.

* *

В палату вошла медсестра:

— Неплохо! У вас, похоже, прошел кризис!

— И, увидев попытки Быстровой освободиться, предупредила:

— Подождите немного. У заведующего отделением обход. Минут через десять дойдет очередь до вас.

Других больных в палате не обнаружилось. Вскоре появился врач.

— Как себя ощущаем? Говорите "нормально"?

— ...

— А вы помните, что с вами было вчера? А что с вами случилось позавчера? Так-так! Оказывается, нет! И какой сегодня день? Утверждаете "вторник"? Нет, не вторник.

— Бронислава! Бога ради, развяжите пациентку!

— Разотрите ей конечности! Разотрите! Помассируйте!

— Девушка! Сообщите, как вас зовут. Татьяна? Очень хорошо, Татьяна. И по документам вы у нас Татьяна. А фамилия? Замечательно! Вы действительно Быстрова.

— Татьяна! Можно вас называть "Татьяна"? Отличненько, Татьяна!

— А соображаете, Татьяна, вам крупно повезло: вы находитесь у нас. Что стряслось двумя днями раньше? Вижу, у вас снова проблема. Я подскажу! Вы избили милиционера. Не верите? Увы, есть свидетели. Вы избили милиционера, когда он вас задерживал.

— А из-за чего он намеревался вас задержать? Не догадывайтесь? Ха-ха! Вы, Татьяна, разгуливали по зданию вокзала с большущей сумкой и, пардон, в костюме Евы. Хи-хи-хи! Так и было. До сих пор не знаю, отчего вы на то сподвигнулись.

— Ну и ладно! Оставайтесь пока у нас. Подумайте о том о сем. Попейте наши лекарства. Лучше жить здесь, а не в СИЗО. Это милиция вас пожалела. Могла бы вызвать совсем не тех санитаров. Вы даже в настоящем КПЗ не очутились. Хватило и протокола на вокзале.

И Татьяна Быстрова впервые за последние полтора месяца испытала чувство облегчения. Глубочайшего. Татьяна спаслась!

КБ-2

...он ходил за городом. И оказался посреди брошенных строительных площадок, свалок, болот; широких канав, заполненных грязной водой и лишенных мостков. Там, где болот и канав не было, неизменно появлялся непролазный когтистый кустарник или еще хуже — неоглядные стены складов и гаражей. Всякий склад без зазоров примыкал к другому складу, гараж — к соседнему гаражу. Ни малейшей щели в унылых заслонах не предвиделось. Единственный путь — разветвления железной дороги. По ним, портя обувь, Пещный и шагала: где и как — трудно сказать. Справа и слева, закрывая обзор, рокотали эшелоны вагонов-рефрижераторов. Временами Дмитрий, взбираясь на тормозные площадки, преодолевал препятствия. Метров сто проехал на товарном поезде, когда тот тронулся. Слез и пошествовал далее. Воздух постепенно густел, отдавал то гематогеном будто на станции переливания крови, то паленой шерстью. И только подойдя к производственным корпусам, Пещный понял, где пребывает. «Самсон», да именно «Самсон», прочего и быть не могло. По территории перемещались люди и принимали Дмитрия за своего сотрудника. Можно прикинуться командированным и поподробнее расспросить, где искать то или иное подразделение, но совершать экскурсию не хо-

телось. И так много проблуждал. Надо выбираться на волю. На вахте потребуют пропуск, через забор не перемахнуть, сигнализацию не обмануть, а использовать метод, которым проник, нечего и мечтать. Но Пещному удалось благополучно уйти с комбината. "Каким образом?" — вспоминал он сейчас, у вечернего шоссе, наполненного автомобилями с горящими фарами. Дикое неприятное шоссе почудилось уютным и домашним выбравшемуся из военно-промышленных дебрей Дмитрию.

"Каким образом? — опять представил он неожиданный поход на «Самсон». — Вышел ведь оттуда в полуобморочном состоянии и мимо вахтера. Показал не пропуск, а... Да нет! Нет! Мне неизвестен вид их фешенебельной проходной со стороны двора. Тьфу! Да я проник с «Самсона» на ближайшее предприятие, не исключено, дочернее или родственное и уже в его проходной прошмыгнул. Что демонстрировал охранникам — неважно. Попасть с того предприятия на «Самсон» трудновато, но обратный путь немудрен: залез на пристройку, подходящую впритык к стене, и спрыгнул".

Эффект № 5, головоломный

1

"Как бы умереть? — спрашивал себя Околесов. — Почему социум не одаряет подобными услугами? Умереть нужно хорошо, промереть нужно удачно и с отметкой на "пять". Нельзя ли правила узнать? А прежде, чем перевернуть счеты, надлежит просочиться, просочиться туда, в иные графства-баранства, потусторонние пространства, причем наилучшим способом, успев прокристаллизовать положенное. Мешают, мешают проклятые дендриты, не прорастают в запредельную степь. Учись у них, у медведей, у сусликов да жуков, гораздых впадать в спячку. Расчухаешь, когда поздно, когда окончательно будешь за гранью. Досада у сада! Не пропекутся межевые бреновины, совсем не пропекутся. Наверняка расфокусируются, смажутся. Хотя наполовину Там находятся! Уточнил в сновидениях. Видения-сновидения и есть медленное прорастание на тот свет. От первых вздохов до могилы. Но плохо зреют, не удастся контролировать, отращивать и подстригать, как нравится. Окажешься на том свете — и узришь чертосферу неведомую, и получится: не то проращивал, не это отращивал. Дуракизм сплошной. Тыкайся повсюду с помощью инстинктов. Я цыпленок, только из яйца вылупившийся? Или мохнатый шмель на душистый хмель? Или кобель, что с сучкой обнюхивается? Для чего

ум существует? И есть ли ум у человека? Люди хуже камбалы, тупее бледной спирохеты в потустороннем деле. Навязали ни с того ни с сего нелепую биологическую оболочку. Я причем? И вообще не мир, а дерьмо бесформенное; дендритов не хватает для должного постижения. Но требуется лишь хитро уснуть и проснуться не-человеком".

...Руслан Околесов очнулся от своего монолога-диалога. "Это да! — возликовал он. — Во мне уже появилась иная личность! Пробуравилась!"

Откуда пошли нахлесты-супер? Не из командировки ли? В Москве всё рассуждал о Пирогове и про Боткина с Сеченовым.

Почти ничего не помню. Не хочу помнить. Провал. Мерцающий вакуум. Словно жил и жил себе в Петербурге да вдруг очнулся в Москве в состоянии размышления-отупения... Но нет, нет! Пустота грянула позже! О чем я думал в Москве? Мм-м! Москвичи виноваты! Они навязали поездку! Д-да-сс! Ходила их делегация-депутация по учреждениям. То им надо, это надо. Затем и сам подоспел в Москву. Фух ты, пообещал заехать после Тулы. Уломали москали речистые.

В Квакаве-Мосукаве добрал до Яузы и остановился, соображая... И? Не то? О чем? Да-да! Депутация-делегация кричала: "Меэд! Меэд! Московский меэд! А который меэд, Первый или Второй? Из какого именно заведения приезжала эта Клестова? Из 1-го меда или 2-го? Пришлось проверять методом тыка. Лучше было начать с центра. Выйдя на Пироговке, побродил по занимательным корпусам мединститута, за-

шел в стеклянное кафе — "Ну и богатые студенты ныне учатся!" — и мгновенно оттуда выскочил, испугавшись раскаленного ам-бургера по-кайенски с полярно-ледяной дыро-колой в придачу. Политуру к пулитуре, однако, дают.

О "Клестовой с гистологии" никто не слышал. Картина вроде бы прояснилась, — поехал на Юго-Западную, вышел и двинулся по диагонали через лес.

Антиархитектурное здание 1-го Московского медицинского несколько не возмутило, не показалось неудобным. Направо, налево, длинный коридор. Спроси у проходящих о том, спроси об этом. Вот о чем говорили... Застекленный закоулок без занавесок и таблички. А там — бревно на рельсе. Две хилые студиозиски копошатся возле трупа огромного мускулистого мужика. Белая тряпка на покойнике — просто символ, торчат бегемоты-бицепсы, слоны-трицепсы, на животе — салфетки вокруг кратера. И по аналогии стекляшка-кафе-кафе пулитурно-политурное представляется! Не ам-бургер здесь. Не пирожки с человечинкой. Дохлый царевич Алексей Петрович или сказочный Алеша Попович. Работают не по шаблону. "Инна Петровна? Подождите, она скоро придет".

Для Околесова привычнее другая картинка: в прозекторской на мертвеце делают разрез от подбородка до лобка, щёлк-щёлк — грудину выдирают, ребра разводят. Внутренности вытаскивают, складывают в ноги, а затем потихоньку изучают на предмет диагноза. И страшно курят, но больше дымят женщины. Некогда и подавали.

А не туда лезут! Интересуются кровью-дыханием-пищеварением! Редко распиливают череп. Череп, череп-чреп надо вскрывать у всех! За пару десятилетий, хи-хи, отгадали бы загадку присутствия человечества на Земле. Очч хитрое министерство. Не жаждет обрастать лишними проблемами. Ой бы их прибавилось. Ох бы шевелиться пришлось. Боятся откопать такое, что никому не снилось.

Медички действовали наскоками. Вытащили желчный пузырь, вытащили селезенку. Шмякнули на дюралевый стол. Ранее отъятая слепая кишка не лежала, но стояла, будто молитвенный дом с куполом. "Балдеют чертовки!", — подумал Околесов.

Наконец появилась Клестова. Узнать ее было сложновато. Встреть он ее где-то рядом — прошел бы мимо.

— Ах! С пихтовым бальзамом все нормально... Заодно передайте в МАПО: их композиция вполне... За документами мы зайдем, подписи и печати есть. (Как бы не так на поверку!)

На обратном пути от 1-го меда Околесов по недопонятому контрасту, точно на картинке, увидел-вспомнил фасады 2-го Московского медицинского, мимо которых проходил утром. Прежде разгуливать на пространстве между Пироговкой и Институтом тропической медицины ему не случалось, но постройки почти дежавюшны. Почему? Откуда сие? Из книг-фильмов? Из запыленных скучно-казенных жизнеописаний дореволюционных медиков? Но Боткин-Сеченов жили в Петербурге. Пирогов? Научно-популяр-

ный фильм? Но и Пирогов таки годами пребывал в Северной столице... "Чего ради налетела гуманитарщина?" — изумился Околесов. "Пирогов. Пирогов... — продолжал проборматывать он, — корень «пир» означает «жар», «огонь», «тепло». Вот те на! Русское слово «пирог» древнегреческое? А слова «пир», «пировать»? Врё..." Руслан вызвал из памяти старорусское слово "пити" и мутное величие славянского лжепатриотизма, и кинокадр сталинской эпохи, в коем служака с Анной на шее, с орденом-звездой на груди. В итоге отчетливо прозвучало: Мудров. Пирогов учился в Москве у Мудрова. Мудров, мудрость, муд... Нет! "Р" не суффикс, отсюда "мудр" — корень, а потому мудрость к муду отношения не имеет. Только странно! Хочется, чтобы имела! Хочется — и баста! И вроде бы правильнее. Всё равно где-то в древне-древности звук "р" наверняка оказывался суффиксом. И разница? Мне-то какое дело? На планетушке, этой клетушке, еще ни один мудрый человек не родился. Биоарифмометры кругом, и те плохие. Иначе бы... Не со времен ли Мудрова те старинные корпуса? Тогда и Пироговка должна называться Мудровкой. Скорее, это бывшие госпитали или казармы. А главное здание — высшие женские курсы, подобно петербургскому заведению? Не было институтов, существовали исключительно университеты. Но в обеих столицах есть соседние сооружения-спутники. Будто специально заранее спланированы. Неисповедимы стези... Э-э! Вербалистика рождается от невежества... Недаром у филологов и литературоведов ай кью в два раза ниже, чем у технарей и математиков. А витии вообще от питекантропа происходят!

"Пирогов очень много пил", — решил Околесов в довершение подспудного монолога и закрыл тему. Оставалось зайти к Брынцалову. Ринувшись через широкую улицу в сторону брынцаловской конторы, Околесов внезапно и против воли сфантазировал: идет он не по московской, а по тульской улице... Тульской улице, расположенной рядом с тамошним автовокзалом.

"Не смотри направо", — приказал себе Руслан, но глянул туда и у низенького торчащего из земли столбика узрел хорошо знакомого тульского придурка. Он трясся всем телом и наипаче головой. Голова моментами не тряслась, а болталась. На жирной-то шее! Тряска не болезнь Паркинсона, ее функция та же, что пляска у кришнаита. Лишь «Харе Кришна» не поет. Придурок просто балдел, его член распирал ткань брюк. Габитус одержимого тот самый тульский, реальный, не завиральный. "Намек сим подан?" — озадачился Околесов. В Туле трудностей не возникало. В Туле Околесов размышлял: "Быть или не быть? Ехать в Ясную Поляну или не ехать? И как будет с расписанием? Очень надо высчитывать!" И здесь появился бесноватый, своим видом, образом, действием сразу ответил на назойливые вопросы. Стало понятно: "Не ехать! Не ехать, и всё! Ужели о Ясной Поляне может идти речь?! Глупости! Мир сто лет назад перевернулся. Если Толстой из неясной Ясной Поляны сбежал, нужно ли гастролерам в ней дефилировать? И вдобавок! Живи Лев Толстой сейчас, он не придумал бы ничего умнее, чем «Харе Кришна» кричать!"

Командировка неофициальна, и потому для соблюдения декорума требовалось сделать отметку у Брынцалова. Ну, а работа там находилась, масса зацепок набегала. Поставив отметку, Околесов поднялся на лифте в феррейновское кафе. Не обедать же на вокзале! Московские пажити испортились при генсеке горохе. Когда на берегах Невы было ещё прилично. Но в кафе Околесов не пошел, в шестой раз переборол интерес к трапезе и, выйдя на неизвестном этаже, двинулся в торец коридора, где располагалось окно. Вид из него необычаен. Восемнадцатый то этаж или семнадцатый? Конечно, не двенадцатый. Грузовики, легковые автомобили, снующие по улице, — раскрашенные детские машинки, а люди — серые мухи. И обнаружить этих мух сложно. Руслан прижался лбом к стеклу. "Выпрыгнуть бы, выпрыгнуть бы, — созрела мысль. — Не прорастают проклятые дендриты, не прорастают...

В искаженной перспективе неровного
оконного стекла —
житие
тлей-трамваев-автомобилей...

Их хозяин-ребенок ушел,
прыгнул с девятнадцатого этажа,
очертив над головой
ладонями круг.

Не заключала в себе особенного та командировка, но случилось неприятное с поездом в

дороге. Или огрели чемоданом-дипломатом? Кто в купе ехал? Поэт Иванович подлил с коньяком музу? Или экстрасенс Симов метафизически схимичил? Ах ты! Не прорастают проклятые дендриты, не прорастают", — опять налетело на Околесова.

2

Что? Что прячется в памяти? Околесов не сомневался в ее особенности. Сокровенные дендриты и тайные аксоны устремлялись за пределы планеты. Порой Руслан сообщал собеседникам о событиях, которые происходили с ним, вокруг него, когда ему был один год или шесть месяцев и даже три месяца! Ему не верили. А временами он изрекал истины, касающиеся некой близко протекающей скрытой жизни, узнать о еликой можно, скажем, по толкованию цветных теней от столбов вечерних фонарей. Это свежее латерны магии и кофейной гущи. Многие считали подобное любопытным, но не Иван Регистров.

Кинорежиссер Регистров отнюдь не Тарковский или Антониони. Не желая заимствовать для сценария истории Околесова, он занимался опровержениями и судил-рядил о фактах детства по внутренней тьюфячно-неважной памяти. По Регистрову, Ульянов-Ленин не говорил достоядерного "Мы пойдем другим путем"... Свидетельнице, сестре вождя Марии, исполнилось пять лет, когда она могла услышать девиз, а в этом возрасте ребенок, по Регистрову, ничего не помнит и не соображает. Регистров здорово по-

правел и увлекся затейной дегустацией современных идеологических солей. И для подкрепления находил свои резоны: "Василий Чапаев героически утоп в реке Урал? Откуда известно? Его расстреляли в екатеринбургском ЧК за халатность. Выдала штаб белым приревновавшая Чапая к телеграфистке жена Пелагея. У него числились две жены сразу и обеих звали Пелагеями... А приписываемое князю Александру Невскому? «Кто к нам с мечом придет — тот от меча и погибнет». Не цитировал князь речи евангельской. На съемках ее настоятельно рекомендовал представитель ОГПУ и вложил в уста актера. Битва на Чудском озере, Ледовое побоище? Не имела она места: аквалангисты не нашли на дне озера ни скелетов, ни доспехов. Какое утопление тевтонских рыцарей подо льдом, если монахи писали о траве? Пусть она тростники и камыши. Все равно не утонешь среди растительности, разве — провалишься по щиколотку. Вклеили гады кусок старой летописи о Мстиславе Удатном в новую. А чаще, черти, ветхозаветное втискивали".

Околесов не возражал, но о словах вождя придерживался другого мнения. И смекал Околесов: память простирается дальше месяца младенческого возраста... Да и что убеждать! Был Околесов едва ли не жертвой аборта. По неясной причине потянуло одну беременную на коммунистический субботник. Решила потаскать палки-доски-древеса. Чтением разных брошюр для неопытных мамаш она занялась несколько позже. Оттого угораздило Околесова родиться на одиннадцать недель раньше срока. А весу? Ошеломительно много! Целых полтора

килограмма! Гигант при таких обстоятельствах. Появился слепым и сморщенным со спрятанными в живот пиастрами. От различных неприятностей и вредных последствий спасло изобретение Флеминга. И получалось по Геккелю, не арийцем-славянином должен вырасти Околесов, а марсианином или жителем вовеки не бывавшей, но в мыслительных пунктирах прозреваемой Гипербореи. Ведь превращается спящая в ложеснах зверушка вначале в голенького иночеловеческого человечка, потом в волосатого обезьяненка и потом вторично в человечка, но рангом хуже, вырожденца.

Первое, что Руслан узрел, — фантастические ландшафты, смахивающие на полотна Кандинского. Эти ландшафты оказывались живыми, дышащими, думающими. Как теперь убедился Околесов, ландшафты-существа важнее других тварей, первичнее и матричнее. Они бесклеточность, внефизичность. Всё растущее, бегающее, плавающее, летающее — только вспомогательные выносные части, мелкие датчики... Люди в общем ряду — самые худшие, самые сбесившиеся особи. Тараканы, которые чересчур о себе мнят, но в мире не разбираются.

3

Сейчас Околесов в очередной раз сфокусировался на этих идеях. За окном располагались привычные, но всегда новые дома Путинштрассе, то есть Московского проспекта — маршрута черных правительственных автомобилей из аэропорта. Погода ни пасмурная, ни солнечная.

На проспекте ни жарко, ни холодно. Можно выйти на улицу и с тем же успехом — не выходить. Себя не потеряешь. Из динамиков неслось негромкое попури. Его нельзя назвать ни авангардным, ни классическим. Вроде бы с крошку контрапункт теребился, но и тривиальная гармония соблюдалась. Вроде слышалось камерное, чуть ли не из репертуара капеллы, и одновременно слегка эстрадное. Околесов сконцентрировался взором на эстампе неизвестного художника. Абстрактной графической композиции, ровным счетом ничего не передающей. Штрихи на бумаге, несомненно, были, но пятна отсутствовали. Вся картина состояла из фона. Околесов посмотрел на изображение пристальнее, еще пристальнее, совсем пристально. Он как бы обрелся в самом шедевре с руками и ногами. А попав в плен к перспективе, словно бы полетел вдаль, вдаль, в даль. Отскочили горизонты, сместились измерения, засвистели небеси. Полет! Полет! И вдруг Руслана отбросило назад в кресло. Он застыл. Чудовищная мерзость! Тело требовало движения, движения. Душа — перемещения. Сердце — смертельного замирания. Остаться на этой Путинштрассе невозможно. Пребывание здесь хуже карачуна.

Всполошенный Околесов быстро собрался, отправился ни с того ни сего на Балтийский вокзал и взял билет до Калища. На пожарный случай. Тот, если в дороге переиграет ситуацию, а выйти он намеревался в Петергофе. Дико хотелось обмануть директора кино. В вагоне тревога прошла. Руслана сморило.

Один раз, не прекращая сна, он открыл глаза и увидел что-то из Рафаэля — минимум выглядящее гораздо пронзительней, чем у Бронзино и прочих: на коленях библейского брадатого старца — обнаженный младенец-ангелочек. Бескрылый ангелочек-амурчик тянул ручонки в сторону окна электрички. Кто он?! — упорно не понимал Околесов. А в окне — похожая ни средиземноморскую пинию сосна с причудливо изогнутыми ветками. Будто и не электричка то шпарила, а карета периода Чинквеченто. Околесов это заметил, неуловимое на миг охватил, забыл и тут же провалился в сон. Когда поднял голову — уразумел: подъезжает к Ораниенбауму.

Весь вечер Околесов бродил по Ломоносову и его не узнавал. Руслану казалось, все мутировало, изменилось, де в действительности он ходит не по Ломоносову, а по Выборгу. Монрепо отовсюду торчит невнятное. Закат отошел, а здания ярко освещены. "Отсветы неба", — думал Околесов. И не постиг: зачем — для чего так далеко он притащился. А в Петергофе бы вылез, куда бы там потопал? Вредительство вокруг сплошное. Не иначе специально его выкурили из Петербурга. Ситуация для дурдома. Скажи кому, приехал погулять — никто не поверит. Предположим, некий хмель окончился... Руслан рванул лесом вдоль железнодорожных путей и ночью приблизился к станции. Южейной? А черт разберется! Больно надо проверять! Отчего-то тупо-тупо лень... Ясно не к Мартышкино. И сообразил: до утра поездов не дождаться.

"Опять от меня умчалась последняя липистричка", — спокойно проговорил Околесов.

Вскоре пронесется поезд, который здесь не останавливается, есть полчаса пройти перегон, да не климатит брести к соседней станции... Ладно! Застряну! Противно. Очень противно сидеть, но ничего не измыслишь другого. Да и время течет не особо медленно. Авось вытерплю. Да отчего не побыть на лавочке? Отчего не тормознуть? Всегда надо бежать. А стоит ли? Лучше идти, чем бежать, лучше сидеть, чем идти... Дремота. Сновидения появляются. То ли сны, то ли грёзы. И отлично. Лишь бы милиция не согнала. Не любит мент человека. Норовит вытолкнуть с планеты.

Тихо-тихо. Звёзды подмигивают, хихикают будто бы. Темные товарняки тянутся, но без шума. Вот грохот товарняков раздаётся, да товарняков не видно. Фонарь на столбе скрипит, раскачивается, но ветра нет. А вот словно бы ветер в лицо дует — и свет фонаря застылым остается. Роса. Роса. Свежесть. Истома. Гулкость окреста. Мир этот — новый, неизвестный.

Гм... И ночь прошла?! И солнце появилось?! Точно снится. Лопни, снится! И снится мне, что я змея. И снится: я гадюка! Хи-хи! Свернулась она в клубок и на солнышке греется. Греется в первых оздоравливающих лучах. Приятно! Приятно так дремлетесь!

О! Зелёная электричка подскочила. В неё двуногие садятся. А нет желания ползти. Проще дремать, дремать. Хорошо! Хорошо дремлетесь!

Солнце всюду греет! Не пора ли змее вон отправляться? Не ей находиться среди людей. Но разве змея она? Рыжий червяк скукожился. Пошевелиться не может. Объелся земных плодов до некуда! И ползти не хочется, и окукливаться лень! Умнее лежать, ничего не делать.

О, сколько народа на станции! Все скамейки заняты, но место с червяком пустует. Как вдруг?! Почему не смахнут? Да не червяк это.

Оно непревзойденное красуется. Всякий дальше отодвинуться старается, а кое-кто подозрительно поглядывает и нос зажимает.

— Где я? Где? — испуганно подумал Околесов и ничего не понял. Он висел в нигде. Околесов ничего не видел: ни черного, ни белого; он ничего не слышал, даже пульса и тишины; он ничего не осязал, и языка во рту, не ощущал тела; он потерял первый испуг, и испуга больше не было, пужалки исчезли, не было ни боли, ни радости, не было стремлений, притяжений и отталкиваний, не было вкуса, ОБОНЯНИЯ, притяжения. И мысль, несомненно, возникла. И мысль непрерываемо прозвене-ла. Великая мысль, величайшая из великих, бла-гота наднебесная. А мысль необыкновенно про-стая: "Дерьма не существует". Именно. Дерьма, выясняется, нет. И не только в отсутствии всего. Его нет вообще. Его нет нигде. И дерьмо соб-ственной персоной отнюдь не дерьмо. Говно, блевотина, плевки, гной, дурной запах, сифи-лис, СПИД, проказа, предательство, измена, об-

ман, мошенничество, вероломство, бомжи, воры, сутенеры, нарушение заповедей — дар Божий. И где эти дары? Что прячут они? Всё — испытания, мытарства, иллюзии. Протекающей жизни нет. И человечества нет. Нет добра и зла. Нет сладкого, соленого. Нет синего, зеленого. Нет круглого, квадратного. Нет бедного, богатого. Ничего нет. Нуля нет. Бесконечности нет. И нет — нет.

Недовольные

— У нас тридцать три несчастья.

— Что еще?

— Сработала ловушка в Московском районе...

— Ну и?

— Ха! Лишь бы ловушка. Неприятности на радарх в Ольгино, в Поповке. У Финляндского и Балтийского вокзалов творится невообразимое, засечка на Софийской, на Литейном скверно.

— А я в свое время рекомендовал: "Не убирайте, не убирайте рогатульки с Петроградской! Эмали пожалели? Или денег на погодоустойчивые кронштейны не нашлось?"

— Да, вот...

— Вас обломы не касались! Средства давали! Попробуйте-ка вернуть рогатульки назад! Мастурбируйте где хотите. А щупалось-то распрекрасно! Доставало на сотни километров! И кого поймали в Московском?

— Шут знает! Тестируем. Так хрен себе. Хватили по нему напряжением. В следующий раз

фокусы показывать не будет! Оригинально-то как! Телеса забыл дома, а сам — в дзета-пси! Ну и летел бы! Но угораздило шельмеца влезть в наши каналы: дзета дернулась на Приморск — зацапали у Песочного, а пси — на секретную базу в Лебяжьем, — занулили через два квартала.

— Это на той крыше, где электроды замаскированы под перила безопасности?

— На той, той. Мать спаси! Чуть не окочурился делец! Ничего! Дадим ему проспаться, а потом выкачаем до полной усушки.

— Да, уж! А куда из Апраксина двора полигон сплывили?

— Не ваша проблема. Вы бы за собой смотрели.

— По сути, вы про-смо-тр-ре-ли! На Апраксином здорово высовываться стали!

— Ну, видишь, ныне не высовываемся. Теперь и ты не всё шаришь.

— Молодцы. Молодцы, да офигенно плохие! Развести такое хулиганство! То-то вижу, пошли помехи несусветные.

КБ-3

(seu ипостась неуловимая: ὁ μικρόν)

Пещный уже ехал в автобусе по городским окраинам. Мышцы ныли от длительной неудобной прогулки. А случалось совершать путешествия и более приятные. Скажем, на велосипеде. Дмитрий ездил на велосипеде очень редко, почти не умел съезжать на нем с горок и предпочитал проселочные дороги. Выйдя из дома и находясь в преддверии белой ночи на границе города, он до одиннадцати вечера шел пешком, ведя велосипед рядом. Затем выбирал дороги со спокойным движением. Но как следует наездившись, не заострялся на сновании автомобилей, начинал игнорировать нахально прижимавшие его к обочине грузовики, отталкивался от мощных корпусов руками, чтобы не угодить под скаты.

Последний раз он возвращался из пригорода часа в три ночи по довольно скучному шоссе. И Пещного поманила пейзажем не замечаемая в прошлые поездки боковая дорога. Он свернул. Вдали простерлись леса и поля. Дмитрий проскочил мост через приток Невы, и здесь впереди него стал выворачивать из посадок мудреный автомобиль, похожий по форме на американскую кислородную станцию-легковушку, увеличенную до размеров солидного грузовика-дизеля. "Передрали", — подумал Пещный. Когда-то малые кислородные станции с размещенными

горизонтально баллонами были везде. Их закупали для авиационных нужд в третьих государствах. Да и многое еще. Едва не все напоминавшие консервные банки контрольные приборы приобретались у компаний "Дженерал-электрик" и "Дженерал-моторс". Во время пиков холодной войны. Не от ленд-лиза же они оставались.

Автомобиль, наконец, сманеврировал и чрезвычайно медленно потащился. "Он нитроглицерин везет? — пронеслась мысль. — Это колба на колесах, самоходный реактор, а не кислородная станция. Отсылали в дикую местность выполнять молекулярное сальто-мортале". Дмитрий пристроился к автомобилю сзади по правому борту и перестал крутить педали. Техника по-прежнему ползла феноменально тихо, возникало желание отцепиться и обогнать. Рискую быть увиденным возможным пассажиром в кабине, Дмитрий постепенно перебрался ближе к ней: выступов, потребных для держания, хватало. Не успел заметить, как распахнулись ворота, и он очутился за стеной, окутанной сверху колючей проволокой; будка дежурного мелькнула левее въезжающего автомобиля, который удачно заслонил Дмитрия от охраны.

Предстали мачты молниеотводов и натканные по периметру вышки для пулеметчиков. Ожидаемые взгляду фигуры в них не маячили. Вокруг располагалось необычное предприятие, что-то аналогичное и среднему ракетному заводу, и комбинату ЖБИ, но чистенькое и компактное. Объект работал вовсю. Слева шипело. В тылу ухало и бухало. Автомобиль двинулся к

светлой ребристой ротонде, а Дмитрий остался на бетонной дороге. Сквозь лакуны в сооружениях удалось различить: у бетонки — форма безупречного кольца. На его противоположной стороне набирал скорость, освещая дорогу, патрульный джип. Пещный смог оценить обстановку. Мигом мелькнуло подозрение, и он понял, где находится; улыбнулся и нисколько не возмущился: к правозащитникам или отцам русской демократии он себя не относил. "Делают и делают, — счел он. — Не исключено, в Кремле о том не догадываются". Впрочем... Вдруг модернизировались и теперь трудятся над иным? У входа нет табличек. Хоть бы повесили для маскировки. Но — смотри вперед! Едущий по часовой стрелке далекий патрульный газик или уазик рано или поздно догонит на этой бетонке. Нужно срочно сворачивать с кольца. Ехать к зданиям у Пещного не было желания, а выглядели они завлекательно. Одно из них через каждую пару секунд извергало снопы разноцветных искр. Вот праздничный фейерверк! "Познакомлюсь с этими красотами в следующей жизни", — рассудил Дмитрий.

Дорогу обнимала блочная твердыня с колючей проволокой и сигнализацией. Пещный миновал еще метров пятьдесят: на бетонке — поперечная трещина; дорога пересекала ручей, похоже, ее подмывало снизу. О! Внушительная секция толстенной стены опрокинута в овраг. Тем лучше! Перелезть не надо, а проволоку легко перешагнуть и перенести через нее велосипед. Может, и сигнализация не фурычит, а если не обесточена, задевать за провод не обязательно.

...надцать минут — и Пещный уже мчался по дну лощины. Лощина и небо весьма обыкновенны, но Пещному казалось, он не на Земле, а на неизвестной планете. Чуждое присутствовало в пейзаже. Плюс потрясающая пустынность, вызывающая восторг обесчеловеченность, гробовая тишина: многочисленные извивы оврага полностью убрали шумы предприятия. Дмитрий подрулил к рощице на склоне оврага, вскарабкался до середины. Перед ним — вросший в скос бревенчатый садовый домик. А вид у хибары? Подобное отрешенное лицо бывает у таежного зимовья, у лесной заимки, у сварганенного для геологических партий лабаза в зоне между арктическим плато и тундрой, и только тогда, когда десятилетие к этим строениям не приближался монстр, именуемый Гомо сапиенсом. У лачуги не хватало боковины. Пещный закатил внутрь велосипед и обеспечил себе оригинальный привал с удобствами: была крыша, две застеленные кровати (!), стол со скатертью и стулья. Сад и огород приютились в таком малодоступном углу, что хозяева не опасались визитеров. Дмитрий расположился на отдых, расфокусировал глаза и представил мчащийся джип... Но это вовсе не автомобиль, недавно гнавший по бетонке. Он существовал в других временах. Где? На некоем аэродроме или на поле аэропорта?

Эффекты № 6 и № 7

1

— Хи-хи-хи! Еще и проценты? Спите, спите, Недуев. Мы уже не ЗАО. Мы — ООО.

— ...

— ..? Переоформились задолго до вашей поездки.

— ...

— А я причём? Вы мне угрожаете? Вспомните, кто у нас настоящий мошенник.

— ...

— Ха-ха-ха! Вы, бедолаги, товар сдали! С чем вас и поздравляю! Кто его просил сдавать?! Подарили! Коль подарили, то об этом честно заявите, греха не таите!

— ...

— Я внятно повторила: "Мультиформатные рекордеры оприходованы как внутреннее поступление". Поезд ушел. Гаси свечи. До свидания!

— ...

— Ладно, Ксюша, дайте его папку с договором. Фу! Пыли-то, пыли! Хе-хе-хе! Думаете, ИЧП «Недуев»? Плохо вы дуете. А пыли собралось! Хм-м... Здесь не ООО или ЗАО! Здесь АОЗТ! Ху-ху-ху! Прощайте ИЧП «Недуев»! Скажите спасибо: до сих пор вашей фирме платили и пылищу игнорировали. Поди ж ты! Царь Горох нарисовался! АОЗТ у нас тогда было! Всё-то по дурости суётесь, прикидываетесь дочерней организацией.

— ...

— Ах! И у вас перемены! ЧП теперь называется... Энтшульдиген зи мир, битте! Мелочь залетная. Я на месте властей раздавила бы всякую коммерческую вошь. И правильно они вас насилуют, сколько хотят. А почему? Вы кто? Детки зеленые! Сосунки! Вы не расшифруете по-старому сокращения — ЧП!.. Про ГКЧП небось забыли!

— ...

— Я, в отличие от вас, в Турцию не езжу. У меня чучмекского загара нет. Ах, он, видите ли, ездил не на курорт. Он, смотрите-ка, подрабатывал челночком. Знаю вас! Лежали, задрав трусы, на пляже! Или вообще без трусов! Вот Ксюша подтверждает кивочком.

— ...

— Оборудовали? Лепите сказки! Не заправляются картриджи ваши. Каждый раз нужно новые покупать. Лучше ответьте, большой вам отстегнули пешкеш и много ли сами отвалили?.. А настольные лампы?! Согласна, зрение не портят, не надо на них бумажки вешать или обматывать скотчем. Зато тускло. Блоки питания? Что за блоки питания к вашим лампам? Они жареной пластмассой воняют. Умные люди уверяли еще, от них идут окислы азота и озон. Печенки у нас ноют, мигрень у половины. Бухгалтерия? Могут там включить радио? О каком радио речь?! Ваши блоки питания мощнее глушилок! Одно тр-рр-рр в динамиках — и без станций. И пропускает Госстандарт! Или подделки? А к мобильникам зарядные устройства? Опять — одно тр-рр-рр! Утюг и тот воткнуть в сеть нельзя. Из магазинов идет возврат. Вас за третью ногу повесить мало!

— ...

— Прощайте! Прощайте! Освободите, пожалуйста, помещение.

— ...

— Хватит. У меня нет времени, а в приемной десять рыл. Вон!

— ...

— Не по-русски сказано? Сейчас вас отсюда выбросят на кладбище или милицию вызовут.

2

— Что, Шадрин? Остались мы с тобой без денег. Будут идеи?

— Гранату им в окошко. Или лимузин их поднять на воздух.

— Фу! У кого-то голову чуть оторвет от шеи, но у тебя в кармане не прибавится. Кумекай, Шадрин.

— А пожаловаться Паше Косидовскому! Ехал с нами в одном вагоне. Три купе занимал. Хотели мы сунуться к нему с техникой — тут же четверо узкоплечных цоев налетело, запели похоже, но решительней. Могла быть крышка, если бы хозяин не заинтересовался.

— Молодец, Шадрин. Я тоже подумал о Косидовском, но на какой козе ты к нему подъедешь?

— Да вы, друзья, вижу, не проспались сегодня, — отвлеклась от зеркала Вика. — Вынь да положь Косидовского. Почему не Потанина? Не Черномырдина?

— Этих двух мы не встречали.

— Угу! Косидовский вас пригласил в гости или дал личный телефон?

— Телефон канцелярии.

— Уморили! Общий отдел и в зеленом справочнике есть. А Косидовский вас забыл, не успев увидеть.

— Что скажешь, Шадрин, на это? — выдавил из себя Недуев.

— Причем здесь справочник? Косидовский допытывался о твоей фильмотеке.

— Не помню.

— Пить нужно меньше. Он расхваливал первую серию "Рукописи, найденной в Сарагосе" и осведомлялся, не знаем ли мы необыкновенный фильм с запутанным кладбищенским сюжетом, но без пародии.

— У меня ничего такого...

— А балакал, есть! Совсем косой был?

— То обрывки, фильмы без начала, без конца... Фантастика. Тяжелый китайский фильм о старинных подводных лодках на человеческой тяге и другой — об очередной мировой войне: самолеты с атомными бомбами; самолеты в космосе; ракеты с фюзеляжем и экипажем. Наподобие "Нормандии — Неман", но страшнее: не просто горящие хвосты и дымные шлейфы — сплошные атомные грибы. Название китайского не восстановить, а фильм об атомной войне — "Сновидения авиатора".

— Не слышала, — перебила Вика.

— Это неофициально записано с целлулоида пятидесятых. Мне всё досталось после погромов клубов любителей кино.

— Погромов?

— В свое время истоптали, искрошили не дающее дохода. Во всяком случае, зацепка у нас есть.

— А что надо? — изумился Шадрин.

— То и надо. Купит Павел фильмы, а дальше? Наши пропавшие семьсот тысяч для него мелочь — и возиться с ними не пожелает. Даже подарить их из доброты душевной или сахарного настроения аморально. Ни один Сорос такого не допускает. Понял, Пачеко? Иди, паси овец.

— Понял, — недовольно процедил Шадрин. — Козы бегали у режиссера.

3

Толстяк чудовищных размеров, директор КОЭСЭМ-ФАРО банка, лежал на Ленинском проспекте в мутной луже. Слегка выпяливались ягодицы. Тонкая куртка была надвинута на голову. Окружающие не дергались.

— Смотри, простудится, — шепнула Вика.

— Пусть немного полетает в иных мирах. Наверняка опять проиграл в рулетку твою зарплату на полгода вперед. А потом надрался за чужой счет, — так же шепотом, резко кривя края губ, но еще и цедя сквозь зубы, ответил Георгий. — Рядом находится веселенькое заведение. Клянусь, оттуда его выкинули для потехи.

— Как он без челяди оказался?

— Кто теперь ввязывает свидетелей в клубничные дела? С некоторых пор ими занимаются инкогнито.

— Сам-то ты бывал на этой клубнике?

— У юрисконсультов подобного в прямом и переносном смысле — пруд пруди. А веселых дел хоть отбавляй. Да ваши взять...

— Ты про бумажные рокировки? От них не просто обалдеть, от них можно упи, — Вика почему-то споткнулась и поперхнулась слюной, не договорив до ясности литературнейшего слова.

— Именно "упи", — усмехнулся Георгий, подхватывая спутницу. — Ловкость кое-кто другой использует, а мне...

— На что намекаешь?

— Хо-хо! Не удержала тайну десятью минутами раньше. Тебе заметнее, как у вас выдирают из скоросшивателей, задним числом оформляют и подменяют. Если бы у себя! Синхронно ухитряются дублировать в вышестоящей. Благо, там созрела революционная ситуация. Комар носа не подточит. Все учла бабка, но слишком поспешила.

— Ну, ты даешь! Где пронюхал?!

— Иначе реально подготовить три конторы к арбитражу?

— Не хочу арбитража.

— Его и не будет. До того между собой разберутся. Бумаг в достатке. Плюс упавший с неба фьючерс для Косидовского, плюс акт об ответственном хранении.

К тротуару подкатил сияющий новизной и блеском солидный шевроле. Высунулась короткостриженная южная голова:

— Здравствуйте! Разрешите к вам обратиться?

— Пожалуйста.

— Я человек нэ мэстный. Я человек прыежий. Остановился в мотеле. Попал в аварию.

Звэрски памяли. Всэ дэнги на рэмонт отдал... Но у меня хороший ест инструмэнт. Купитэ по дешевке. Аш в пят раз мэнше протыв прэжнэго.

— Нам не нужен инструмент.

— Дорого не возьму. Всэго ничэго. Купитэ!

— Не требуется.

— Лютшего инструмэнта ныгдэ нэ найдетэ! Всего-то восемь тысяч! Спасыба мне скажете!

— У нас и денег нет.

— Да вы бедные?! Нищие?! Плачете и ходите по улицам, побираетесь! — вдруг потерял акцент "южанин", злобно захлопнул дверцу и унесся, оставив тонкое облачко.

— Фу! Зря он так закончил. А до этого какой был сладкий голос! "Тысяча и одна ночь!" — огорченно вздохнула Вика.

— Рахат-лукум! Халва в шоколаде! Думай сама... Вижу седьмого актера за последние двое суток. Вот он нынешний промоушен! И вообще мир. Не беспокойся за арбитраж.

4

Недудев рассматривал ларек. Поверх стекла его облепляла посторонняя реклама, изнутри — собственные объявления. Ценники топорщились, строчки располагались косо:

БУ ГЕР
ХОТ-ДОГ
ЧАЙ-КОТЕ

"Что за ЧАЙ-КОТЕ? — напряг извилины Ипполит. — Дефис у них вместо тире или точ-

ки и частично съедена буква "Ф"? Ведь не афиша Кето и Котэ"...

И тут до Ипполита дошло: весь день котинный, и едва не расхохотался. Вчера поймал удачу, сегодня смеялся всё утро и не мог остановиться. Почему? Раным-рано включил радио и услышал некую кошатницу:

— Петр Первый казался очень похожим на кота. Его и звали Котом, и одежда у него была, как у Кота в сапогах. Петр Первый происходит из котинного рода, и фамилия у него должна быть *Кошкин* и только по случаю сделалась *Романов*...

Недуев терпел до речения:

— ...Кот царского повара поймал мышь, приволок ее на кухню, вспрыгнул на стол и положил лакомую добычу в знак признательности на фарфоровое блюдечко. В качестве подарка. Разозленный повар выгнал кота вон, а потом убил. После этого кошки в городе исчезли, их перестали привозить. Петр Первый приказал вернуть кошек в Петербург...

Недуев не выдержал и принялся хохотать. Он выключил радио, вышел из дома, но по дороге чуть не беспрерывно подхихикивал. И здесь — "ЧАЙ-КОТЕ"! Реально ли такое? Возможно ли?

— Котэ! Котэ! — раздался грубый медный бас. — Котэ! Я говорю!

Недуев опешил. Веселью приходил конец. Революция не удалась. Оглянуться, посмотреть по сторонам побоялся, заломило во лбу, но Недуев украдкой таки поозирался: рядом ни ду-

ши... Увидев приближающийся красный автомобиль, Ипполит проголосовал. Сказав "прямо", сел. Машина проехала метров энциать — водитель нажал кнопку. "Коте! Коте!" — загремело из динамиков. В голове заломило сильнее.

— Петр Первый был потрясно похож на кота! Его и звали Котом! — заорал Недуев во все горло. — И фамилия Петра Первого должна быть Кошкин!"

Шофер не произнес ни слова, подрулил к тротуару и вытолкал Ипполита вон.

5

Употреблять Шадрину запретили после операции. И Шадрин не употреблял. Но теперь-то праздник! Удача! Пусть Ипполит ждет до среды. До официальных церемоний. Его воля! А остальным зачем? В кои веки представилась возможность отдохнуть. Лето пропадает, вспомнить о нем нечего. Кроме приبلудных ерунденций. Вот дня три назад пришлось вытащить с газетами рукописный текст:

ПЕЧИ-ПОЧИ

Дважды перепиши настоящую записку или размножь. Получившиеся экземпляры кинь в почтовые ящики подъездов подальше отсюда. Печи-кочки!

Коли бросишь в разные ящики не меньше пяти листков — у тебя здоровья прибавится и от старых недугов начнешь излечиваться, а

потомкам твоим и хорошим родственникам в их жизни повезет. Печчи-поччи!

Но ежели не выполнишь того, что тебе сейчас Господь велел, — не пройдет и десяти дней, у тебя печенка лопнет, почки отвалятся, а потомки твои карлами станут. Ночи-почи! Эта записка заговоренная, заколдованная!

Есть же идиоты на белом свете! Или дети писали? О лете нужна зарубка, отображение. Именно! Как там песня песнит? В греческом зале, в греческом сале. Хоть и в греческом. Предположим-с. И наливаем-с! Самому себе! Фигли нет? Взял и налил. О-ох! Печи-почи! Пошла, чертовка, с первого раза нормальком... В зале древнегреческом. А? Тем более шишка в наличии. Ши-и-шка, а не просто шишак! Еще наливаем! Оо-ох! Будто основная часть мозга снаружи находится. Не у всех бывает. Оригинально. Ориентально. Жаль, не защищена. Что с ней делать? Ну, оторвут такую ценность? Мозго-небесный половой орган! Четвертый глаз. Еще наливаем! Оо-ох! Но вдруг о притолоку нечаянно ударишься? Каску лучше носить? Или специальные бронированные очки, вернее, очко? Врачи ничего не рекомендовали? Почему у них не спросил? Бог с ними... Еще по маленькой? С кем это по маленькой? С кем? С шишкой-шишаком? Почему бы и нет? Чем шишка хуже субъекта федерации?! И отделиться может. А возьму и нарочно ударюсь. Защищит она или нет? Ударю мозговую шишку и узнаю, что случится, если ей достанется. Оо-ох! Сколько терпеть? Сколько мучиться от неудовлетворен-

ного любопытства? Вот немедля устрою ей карате...

Пардон. Где я? Где? "Небось почки отвалились", — решило коллапсирующее субтильное оно, бывшее когда-то Шадриным.

КБ-4

Дмитрий летел то ли из Читы, то ли из Иркутска в Москву. Скорее, из Иркутска. Самолет совершил промежуточную посадку в аэропорту областного города. Этот Ту-134 почти пуст. Не подоспей ВИА из Бангладеш — рейс бы отменили. Кроме иностранцев запомнилась молодящаяся пожилая дама с мальчиком и два краснорожих агронома, опаздывающих на конференцию. Пешный походил по залам аэропорта, погулял по площади вблизи него и понял: утекло много времени, около полутора часов, а отбытие не объявляют. Зал ожидания поражал безлюдьем: и артисты из Бангладеш, и агрономы, и дама с мальчиком куда-то пропали; ресторан и туалеты закрыты на профилактику. "Объявили посадку, когда был на улице," — пришло в голову. Он ринулся к проходам со стойками, но только щелкнул заблокированным турникетом, дежурные отсутствовали. Пластинки табло под надписью "ВЫЛЕТ" бесконечно перекидывались, не предвещая ничего постижимого. Захлопнуто окошко справочного, не работает ни одна касса. Пешный, подобно курице, не находящей пролазной дыры в штакет-

нике, стал метаться вдоль стены, примыкающей к летному полю. Минут через семь он оказался рядом с дверью туалета. На ней по-прежнему кособочилась табличка "ЗАКРЫТО". Запертая дверь на этот раз возмутила Дмитрия до глубины души и придала ему недостающую пассивность. Амплитуда колебаний той силы, которая носила Пещного, резко увеличилась. Точно в грезе, возник выход на летное поле и начал словно всасывать его внутрь себя. Пещный прошагал мимо будки охранника, его зеленых петличек, и, в отличие от бредущего впереди авиатехника, не подумал показывать некое служебное удостоверение. Охранник лишь смерил Пещного оценивающим взглядом.

На поле Дмитрий увидел: Ту-134 — на старом месте, с выключенными двигателями и без трапа. В стеклянном отстойнике для пассажиров — никого. Но Пещный уже не мог затормозить. Его понесло по летному полю туда и сюда. Периметр поля объезжал несерийный джип с перевернутым глушителем, иногда ехал не по кругу, а по кривой циклоиде: сворачивал к самолетам, а затем, добавляя огромный портяжный шов, устремлялся к краям поля. Довольно часто Пещный сталкивался с авиатехниками, но никто из них не обращал внимания на человека в полушубке и с портфелем. Извне Пещный, пожалуй, напоминал какого-то здешнего служащего. По полю он побродил досыта. "На джипе ездит не просто охрана, а стражи границы! — сообразил Пещный. — А сам-то я недавно миновал будку погранца..."

Пещный отправился в отстойник и там уселся, дожидаясь пассажиров. "Но это глупо!

— размыслил он, — в документах должны быть отметки!" Пещный собрался уходить с поля тем же путем, но второстепенные фибры сердца крайне возмутились. И Пещный опять принялся дефилировать среди снующих техников. Он не зрил ни малейшего смысла в их муравьиных перемещениях. В это время группа пассажиров с приземлившегося раздолбанного ИЛа-62М хлынула в электромобиль-подкидыш. Эврика! Дмитрий забрался в подкидыш с ними и успешно удалился с несчастного поля.

В зале ожидания он обнаружил исчезнувших людей своего рейса. Почти все они во главе с бортпроводницей, по кличке "Мандрагора", ездили на автобусе в достопримечательный гарнизонный универмаг. Мудрой стюардессе надоело приторговывать нетрадиционными заменителями аэрона, и она решила занять себя иначе.

Началась посадка на самолет в Москву. К трапу с визжанием шин подъехал патрульный автомобиль. "Что бы это значило?" — подумал Пещный. Из джипа вылез пограничник, похоже, тувинской национальности, и спросил у артистов из Бангладеш, не ламаизм ли они исповедуют. Вопрос вызвал большое оживление у иностранцев.

Полгода спустя уже в другом лайнере, "Боинге-737", Пещный разговорился с соседом — офицером, служащим в таможне того коварного аэропорта. Офицер непререкаемым тоном заявил:

— На взлетно-посадочную полосу чужой не пройдет ни со стороны зала ожидания, ни со стороны леса и луга.

Пещный промолчал и улыбнулся: со стороны леса, луга и пашни он проникнет куда благопо-
требно, даже на территорию, охраняемую ов-
чарками и автоматчиками. Такое он вытворял с
шести лет: шлялся по полигону, разыскивая де-
тали для самодельного передатчика. Нечего рас-
суждать о поле, на котором наблюдательная
вышка, проволока, канавы с водой и патруль.

Эффекты № 8 и № 9

1

Когда Евгении Вокульской исполнилось три-
надцать лет, светила медицины напророчили ей
скорую гибель. Будто бы от лейкемии. Сообщи-
ли, конечно, не ребенку, а матери. За обеща-
нный период Вокульская не умерла. Оберега-
емая богатенькой мамашей от любой пылинки,
все-таки не превратилась в неженку; с задер-
жкой получила аттестат зрелости, а после и ди-
пломы двух институтов. Лицом она смахивала
на Айседору Дункан. Манеры и одежда подчер-
кивали сходство ощутительнейше. Дважды она
была замужем за военными из отряда космонав-
тов. Впрочем, оба высоко не летали, оставались
дублерами.

Ни за какие коврижки она не соглашалась прозябать в Крыму или Грузии. В детстве Вокульская трижды побывала в Артеке; юг и неумовимо источающее ядовитый сероводород Черное море ей смертельно наскучили. И знаменитостям, обитавшим или гостившим на его берегах, судьба не улыбалась: Чехову, Волошину, Грину, Борису Бугаеву, Хрущеву с Горбачевым. Даром этот яд и стимулирует, и поощряет совершать подвиги, проживать с десятков жизней за короткий срок. Но Евгения решила: именно ей, простому человеку, удлинять надо жизнь, а не сокращать, — и предпочла отдыхать на островах Белого моря. А однажды у Кандалакшского залива увязалась с экспедицией в поход вдоль Северного морского пути и дошла пешком до Обской губы.

От Артека — в Арктику! От крымских "Риелейских" гор к Рифейским горам стеклянно-прозрачным, незримым, заблудившимся в пространстве и времени. В детстве, в Артеке, она старалась не приближаться к пляжу и не загорать. Нашелся медик, который одобрил ее поведение. Он привел в пример несколько очень известных дам, обостривших состояние организма отдыхом в тропиках и субтропиках. Никакого Крыма, никакой Болгарии, Испании, а тем более Шри-Ланки или Мальгашской республики!

Сегодня в Краснобухтинске она торопилась сесть на атомный ледокол. Ничего странного. Случались и чище гандикапы. Опоздаешь — и плакали съемки фильма о птичьем базаре. Главное — успеть, а орнитологи найдутся: отредактируют, прокомментируют. Был у нее опыт

неудачного фильма. Хотелось доснять, а что-то и переделать. Но прорваться на ледокол гораздо сложнее, чем среди ночи пройти на крейсер «Аврора». На спор ей лет пять назад удался фокус. Евгению тогда возбудило происшествие: в одиннадцать вечера сильно подпившая девица на виду у смеющихся интуристов пыталась вбежать по трапу на крейсер. Надменный караул всякий раз преграждал ей дорогу или отталкивал. Там у Нахимовского училища Воккульская заключила пари: "Пройдет на «Аврору» этой же ночью!" И действительно прошла.

С первого взгляда стало ясно: обращаться следует не к одетым в морскую униформу роботам-истуканам, но к лихим орлам с бескозыркой набекрень. Пусть лишь покажут веснушчатый нос!

Теперь предстоял шаг серьезнее: попасть на отчаливающий корабль и уйти в плавание. Оправдательные документы, рекомендации в наличии, но мало ли кто может их дать! Им и не поверят. Никто не обязан их учитывать. Оставалось пожалеть, что горкомов и обкомов не существует. Но есть же люди, которые всё могут! Через три часа хождения по активным точкам города она оказалась на приеме у нужного человека — всего-навсего мелкого портового чиновника, директора базы, но он не проявил к ней внимания, не кивнул головой, не отвлекся ни на мгновение от давно начатого телефонного диалога:

— Крана и трех машин хватит? Гришь, норм? А паприки моржовой не желаешь? Ишь, ты! Шамотный кирпич еще! Строительных материалов не имею... Ха! Ха!.. Помочь... С какой

стоперцовой я помогать брошусь? ...и черт с ним помогал. То было раньше. Теперь дундуков мармеладных не найдешь! Ну... Ну... Мети давай, мети...

— А дизтопливо вообще не жди. Ишь, чего захотел! Дизтоплива ему налей!

Директор настороженно вслушался в голос с другого конца провода, изменился в лице и злобно-коварным матросским тоном продолжил:

— Ты здорово разжился конфискованным товаром на архангельской таможне. Так уж разжился, так разбогател. С четырьмя левыми контейнерами и полным трюмом пижонской всячины пришел. И не лопнул, паразит! Да слышал я, слышал! И даже видел. Шведское и английское вывалилось... Пофиг, значит? Как шурупить?! Сергею — куртку, Митричу — пальто, полковнику — куртку. Вахтер кривой в гараже, и тот новой кепкой обзавелся... А мне ты что подарил?.. Не заговаривай зубы, не заговаривай! Не получишь дизтопливо. Лучше не подползай. И в бочках не получишь. Шамотный кирпич ищи, где хочешь! Смотри, разлакомился! Тебе и дачу с мезонином отгрохать?! Держи карман пузырем!

"О морская душа!" — отозвалось в Евгении, когда она прикидывала, во сколько баксов обойдется просьба, и наобум сочла: ходатайство будет стоять ровно две бочки японской солярки. "Вот ведь японцы, — возмутилась она, — нефти у них нет, а солярку в бочках продают!"

Догадка подтвердилась.

— Приобретите по коммерческой цене две бочки дизтоплива для вседорожника и у меня же их оставьте. Постигаете, почему две?

— Не подозреваю, — удивилась откровенности Вокульская.

— Оттого, что судно двойного подчинения. Достаточно убедить и одну сторону. Здесь многие друг друга знают. Но накладки не редкость. А зачем вам проблемы?

— Незачем, — отчего-то согласилась любящая разные искусственные сложности Вокульская.

2

Непросто оказаться пассажиром на полувоенном судне, но Петру Дюмову повезло. Прибегать к старым ухищрениям, а тем более прятаться в подготовленных к погрузке ящиках или контейнерах не понадобилось. Петр воспользовался праздником в Краснобухтинске и днем открытых дверей на судах. Подниматься по трапу в качестве индивидуального посетителя он поостерегся и вовея примкнул к экскурсии. "Отстану от группы, затаюсь в трюме, а через пару суток после выхода корабля в море доложусь начальству. О своих тючках, кои вольнонаемные штатские внесли неделей раньше, до прояснения ситуации промолчу, но покажу корочки, направления и прочий бумажный хлам. Менять маршрут из-за ерунды не будут. Да и капитан решит вопрос сам. Возможно, не подумает никуда радировать о зайце. Главное —

некоторый лишний офицер... А если уже и нет такого?"

Сперва Дюмову пришлось несладко. В переделках бывал, но, сидя у перевязанных канатами штабелей, он ни с того ни с сего почувствовал неудобство и смертельную скуку. Внутри кипела неугомонная энергия... "Чудеса! — удивился Петр и ради самосохранения принял фенотербитал. — Успокоиться, а то и заснуть..."

Но Дюмов что-то не рассчитал, и в итоге родился каламбур: спустя восемнадцать часов, командир атомного ледокола Лидин схватил за запястье ученого-ботаника, вознамерившегося бесплатно доплыть до мыса Вранова. Беседа протекала тихо и непринужденно, а по беглому осмотру бумаг — почти доверительно, но запястье капитан 1-го ранга сжимал крепко. "Так старший гомик кадрит младшего, — улыбнулся про себя Дюмов. — Чую, невесело кому-то от неважной побывки. Суша страшнее моря... Нейдется морячку развеяться, спастись от всяких сверлящих мыслишек".

— Знаем мы всё, знаем! — повторял Петр, — Но знание не всегда помогает. Вот в чём вопрос. Ныне среди ведомств — путаница.

Эти мирно беседующие шли по палубе. Ботаник заметил на идеальной поверхности откровенное непотребное пятно, потом другое, третье... О! Способ отвлечь капа!

— А вы твердите, тут полный ажур! Дисциплина и порядок предельные! На корабле,

где бóльшая часть экипажа — военные моряки?! — изумился Дюмов, указав на следы чьих-то грехов.

— К морякам не имеет отношения. Неожиданности от вашего полку. Чуть вам не коллега — женщина-ученый, пишущая докторскую о методах очистки корабельных стоков. Мне сообщили о происшествии с ней.

— Происшествие разве? Морская болезнь, хотите сказать?

— Нет. Виноват мой помощник. Он... Ну, да что замазывать? — Разоткровенничался командир, на которого нахлынуло смешанное с мстительностью игривое настроение. — Он, между нами говоря, выпросил у нее пол-литра гидролизного спирта. Известно для чего, но и для... И ляссы ему поточить, да приударить немножко. А ей нервно... Взяла и дербалызнула с помощником за компанию. Плюс, возможно, морская болезнь. Прежде не плавала, посылала мужчин-ассистентов. Этот раз вышла в рейс сама. Результат видите. На судне есть еще женщина, но не из числа разработчиков, настоящая пассажирка. Вам бы с нее пример брать. В отличие от фокусников, у нее — посадочный документ.

Перейдя на правую сторону, командир и Дюмов оглянулись на истошные крики. Два мичмана крутились вокруг лежащего, раздетого до пояса человека, обливали его из брандспойта. Ноги и руки истязаемого стянуты толстым витым электропроводом. Человек, похоже матрос, бился о палубу и орал:

— Фашисты проклятые! Из-за вас атом в голову попал!

— Какой ему матом попал, — пренебрежительно пояснил командир, — у реактора не пробыл и десяти часов. Завихрения и без атома! Наверняка письмо получил со своего хутора: де невестушка загуляла или иное в подобном духе. Вот и принялся стучать лбом о переборки. За год — второй чокнутый. Кого ни призывают! На гражданке или в пехоте, может, и не свихнулся бы. А здесь — Крайний Север, глухомань, тюлени и белые медведи. Одни сразу приживаются, а кто-то начинает мнить себя парашютистом, у которого не раскрылся парашют. Пассажирка — а она немало лет в Звёздном городке прожила — считает: "В космонавты и полярные моряки далеко не каждый годится. Человек из дюжины, если строго мерить".

— Потому и существует выражение: "недюжинный человек" — не совсем искренно поддакнул Петр, продолжая представлять недавнюю сцену с брандспойтом.

— Звучнее фразеологизмы: "недюжинный ум", "недюжинные способности", — уточнил командир. — Вы не смотрите на мой китель. Я до училища сдавал сессии на дневном отделении филфака. О море, признаюсь, и не мечтал, да подтолкнул военный комиссариат.

"Ох, чуял, не то говорю, хотя..." — прозрела мысль у Дюмова.

— Экстравагантно вы скоротали сутки, товарищ исследователь, — остановился у двери капитан.

"Хорошие шансы, не будет особенно допрашивать гидролизный помощник," — думал в это время Петр.

Дюмову как ботанику мыс Вранова не нужен. Петр окончил школу в колонии. В местах, не столь отдаленных он после плодотворной беседы с многомудрым эком, пришел к выводу: его путь — на кафедру высших растений Санкт-Петербургского университета. А раньше, еще до посадки, его важивали по взлётке Двенадцати коллегий. Коридор казался огромным и миражным. Сопровождающий для понта решил провести Дюмова через всё здание от и до, хотя необходимость в скитании отсутствовала. Шагов за тридцать до библиотеки Петр без всякой причины оторвался от самодовольного гида. В "предбаннике" одной из аудиторий он уперся в доску объявлений. На доске чей-то хулиганский оранжевый фломастер грандиозно начертал:

СПОРЫНЬЯ РЖИ — LCD

Что такое спорынья, что такое LCD, Дюмов не ведал, но надпись его впечатлила. Потом в Крестах он докопался: спорынья — грибок, низшее растение. Там же на Арсенальной ему внушили: низшие растения — это говно, ими занимаются исключительно жены полковников.

На пятом курсе любимец академика Бахова студент Дюмов впервые испытал сомнение. Он задал себе вопрос: "С экой стати в моем плеере взамен рок-музыки крутятся записи профессора Мальчевского с голосами птиц?" Лишь на

третьем году аспирантуры, выйдя из Ботанического института и направляясь по Аптекарскому острову к Карповке, Дюмов внял истине: его призвание — не высшие растения, а поведение хорьков и загадки перелетных птиц. Зоологом Дюмов не был. Чем связаны хорьки с птицами, не знал, но нутром ухватывал: птицам наплевать на звёзды, солнце и магнитные поля. Они выбирают маршрут по другому принципу! Стремятся вернуться на сгинувшую родину — Арктиду-Гиперборею. Да что-то извращает их небесную дорогу. Изучать секреты пернатых лучше на примере голубей. От заядлых голубятников Петербурга и Тихвина Петр ничего актуального не услышал.

Прочие расспросы привели его в среднюю полосу, в тот край, где косолапым мишкам тамбовский волк приятель. Говорили, тамошние спортивные голуби преодолевают расстояние чуть ли не в пару тысяч километров. "Чушь!" — думал Дюмов. Но ему сообщили: де в мозгу сизарей есть рисунок рек Цны, Кашмы, Разозовки, а видят птицы Тьму, Кашму, Разозовку, реку Серп и многочисленные балки вовсе не глазами. На моршанской барахолке Петр разжился кучей литературы по голубиной охоте. Сего не выдавали БАНЫ и МБА! Ему пришлось убедиться: снег в конце июня лежит не только на вершинах гор, но и на склоне фантастического оврага за Рясловкой.

Шестерых хорьков Дюмов купил в деревне Сарымовка близ станции Ракша. Почему станция называется Ракша, а не Сарымовка — Петр решительно не мог понять: ЖД-постройки и дома деревни отделялись друг от друга рельсами и не более того.

На четвертом пути стоял казахский пассажирский состав. Запах тепловозного дыма перебивался чем-то азиатским — смесью духа горелых валенок и бешбармака. Человек десять недорослей, теснившихся на том месте, где положено бы находиться перрону, разъяренно кричали. Кинулся в глаза флаг с белыми буквами на алом фоне: НБП, в руках двух девиц трепыхался на ветру транспарант со стихотворением:

Целиноград, Актюбинск.
Гурьев, Павлодар.
Караганда, Шевченко.
Усть-Каменогорск...

.....
.....

— Ваши? — спросил Петр продавца, кивая в сторону молодежи.

— Не-е! Самарские. Практику здесь проходят, — собеседник сунул в угол рта самокрутку и стал прикуривать от ломаной спички.

К этому моменту Петру надоело торговаться:

— Тако-ое красивое животное и — неблагозвучное именование! — воскликнул он, держа хорёнка на сгибе локтя и поглаживая по шерстке.

— Да уж! Красивое! — ехидно заметил, дохнув махрой, продавец — низкорослый, но мощный мужик с необычно черным и широким русским лицом.

От бешбармака и валенок остались светлые воспоминания.

— Кто бы заподозрил! Бывают ручные хорьки! — продолжал Петр и внезапно представил леонардо-да-винчевскую "Девушку с горностаем". Хм, не горностаи позировал!

Еще в детстве Дюмов наслышался других историй. Хорьки, де, иногда ведут себя подобно рысям, набрасываются на людей. А некий хорек, выбравшийся из кожаного мешка, будто бы перегрыз горло спящему охотнику.

Дюмов-подросток не опасался темноты, разгуливал ночью по кладбищу, один ночевал в сарае. Но после рассказов о бешеных хорьках его около месяца донимали явления, родственные вульгарным страхам. Правда, Петр, в отличие от массы сверстников, ничего не боялся с трех лет; даже плакать он в три года разучился полностью и окончательно (загипнотизировала фраза: "Плачут только девочки"), но мистика была та же. Темнота обрела жгучесть! Она разрезалась и сгущалась, а сгущаясь, искусно производила плотных тварей неистребимо обтекаемой формы. В любую секунду эти монстры могли открыть пасти и испустить либо смертельный огонь, либо — всепожирающую тьму. Особенно темнота любила сгущаться в углах и под диваном. Утром Петя заглядывал под диван: "А нет ли хорьков?" Хорьки воображались не рыжеватыми, но цвета сажи, как сама тьма. Из царства тьмы они переселились в сновидения. Сперва они вели себя там спокойно, а потом стали верещать по-крысиному, носиться и разрушать перегородки между разными снами. Из сегодня они нагло проникали в позавчера, а из позавчера находили трамплин в звончайшую

даль, которую не постигала мысль. Не тогда ли у него зародился неясный интерес к семейству куньих?

"Мир устроен иначе, чем кажется. Он похож на перегородки между снами. Хищники и перелетные птицы примкнуты ко времени, неведомому человеку и травоядным животным, — много раз думал взрослый Дюмов. — А зачем нужны перелетные птицы — легко постичь. Вирусы — главные существа на Земле. Они — боги, они — космические пришельцы. По звериным тропам эти «начальники» распространяются слишком медленно, но должен быть быстрый обмен кусочками нуклеиновых кислот в организмах. Не то планета остановится".

Через полгода сарымовские хорьки и загрызли спортивных голубей. Присутствие горного духа, биение жизни Петр Дюмов ощутил, когда узрел пух, перья и разбрызнутую кровь... Нельзя было раньше прорюхать связи хорьков и голубей! Природа подсказывает: высшие растения выше всего! Действительно выше, но на мыс Вранова Петр направился из-за неискоренимого стремления наблюдать повадки птиц.

На следующий день Дюмов беседовал с Вокульской.

— Вы физик или радиофизик? — переспросил Дюмов.

— Фи-изик, — растягивая слоги, ответила Евгения.

— СПбГУ?

— МГУ.

Физики из МГУ, да и любого нездешнего "ГУ", Дюмову нравились больше. Там другие споры, там новенькое. А в Питере... Дюмов усмехнулся. В Петербурге разных штурманов мегафюсиса он знал немало. Одни, очень талантливые ребята, но с неловкими, неуклюжими руками, вставленными не тем местом, по каким-то министерским причинам попадали не на теоретическую физику, а куда занесет, на кафедру спектроскопии, например. И превращались в мучеников.

Иные будущие великие физики сразу раскусили: теоретическая физика в действительности есть физическая математика и потому поступали не на физический, а на математико-механический факультет. Ах, увы! Закончив матемех, на физфаке они не оказывались, оставались при своих интересах, то есть не тех.

Третьи, жители Оренбурга или Тынды, предполагали: на чистый физфак им не попасть и посылали документы на радиофизическое отделение. "Будем учиться на радиофизическом,

а заниматься квантмехом!" — мечтали они. Но, получив по голове зачетами, вообще переставали о чём-либо думать.

Четвертые, слишком продвинутые, наслышались историйки: Альберт Эйнштейн изучал Канта, Гегеля и Маха. Понял ли Эйнштейн Канта и Гегеля, не проверяли, но сами они тотально в них не вникли. Оттого, прежде чем пойти на физический факультет, решили окончить философский.

Пятые считали: миру требуется небывалая сверхсложная теоретическая физика, чуждая утвердившимся принципам. Дабы создать такую физику, нужно изменить человеческий мозг, модифицировать его конструкцию. Физиологию мозга изучали на биофаке, и эти смекалкины заявлялись не на физфак, а на биолого-почвенный факультет. Конкурс на него — весьма внушительен. Зачислившись на биофак со второй или иной попытки, гордые будущие великие физики шли в биофаковскую библиотеку за учебниками. Рассказывая дежурный анекдот об Ульянове-Ленине и физиологе Павлове, библиотекарь выдавала им два десятка книг. Среди тяжелых томов не было ни одного, в котором что-либо путное говорилось о мозге! Зато присутствовала зоология беспозвоночных, ботаника... "Какое отношение имеют жучки-паучки и тычинки-пестики к суперфизике?" — спрашивали грядущие великие физики.

Других проклюнувшихся сверхфизиков еще не осенило, до них не доходило, и они кляли себя за прохождение на биофак СПбГУ. А не

МГУ! "В МГУ специализация с первого дня!" — кричали они.

Шестые сообразили: по большому счету физическая теория — за бугром, то есть Там, а не Здесь. России не шибко везло на быстрых разумом Невтонов. Что надо? Надо заработать деньги на учебу, выучить пару ленгов и ехать в Европу и Америку. Просто как пареная репа! Только в процессе добывания грошей да изучения "ленгов" мозги физиков протухали и становились неспособны к восприятию формул.

"Вот почему у нас исчезли Ландау!" — говорил в подобных случаях Дюмов, но догадывался, почему они перевелись на самом деле. Один из таких Ландау, опубликовавший пару статей по квантмеху в международном журнале, отчего-то заведовал котельной в далеком поселке. Ну и?.. На Черной речке жил логик с необыкновенными мозгами. Титан мысли. Вначале он блистательно посрамил в американских и британских логических сборниках Куайна с Расселом, а потом успешно пополнил собой племя фрезеровщиков.

Вокульская в оные разряды теоретиков не попала. Она была дамой и училась в Москве, а не в завиральном Петербурге. Застрывать в нем она стала гораздо позже.

Дюмов пристальнее взгляделся в почти улыбающуюся губами Вокульскую: ее лицо откровенно смеялось; затем пристальнее. Евгения озарилась неслышным смехом еще пуще. Он ничего не понимал и уже ошалевал. Та при-

нялась беспардонно ухмыляться. Лишь минуты через полторы он удивленно, и не веря самому себе, воскликнул:

— Сестричка... Женя!

— Братец Петр! — иронически произнесла Вокульская. — А я тебя с первого взгляда узнала, вспомнила эти свечи, блески, восточную музыку... и странное Общество Саи Баба на Бумажной улице.

"Что за новости? — задался вопросом Дюмов. — Может, я и правда <.....>? Женский пол встык не замечаю", — и продолжил слова Евгении:

— Какие там помпезные волшебные сады! Рай и воскресение из живых полумертвых! А бирюзово-пасхальные и салатные оттенки на стенах! Мы встречались раза четыре...

— Девять раз пересекались, — строго подчеркнула Вокульская, но сама числа не ведала.

"Не жизнь, а череда сновидений. Чуть не в каждой точке мира за тобой наблюдают одни и те же глаза, пусть различных людей. Когда это началось? И с чего?" — опять зарефлексировал Дюмов.

* *

Евгении представился случай. Она пересмотрела маршрут. Соблазнительные мелкие островки отпадали. Попробуй-ка вернуться с них назад! Здесь не Белое море. Нужен или берег, или остров с населением хоть в несколько сотен, чтобы спокойно дожидаться оказии. Мыс Вранова? Заманчиво. К тому же не требу-

ется подбирать сопровождающих среди северян.

5

.

Изредка плавание, поездка в автобусе вызывают привычку к перемещению. Вот пора и слезать, но уже нет желания. Ток пространства превращается в норму, дорогу хочется длить без конца. Психическая инерция! Евгения снимала птиц на палубе, на тающих льдинах, не думая об ограниченности запасов флешек и пленки. Солнце висело у горизонта, море не менялось, не было намека на приближение суши, но рядом раздался голос помощника капитана:

— Мыс Вранова. К нам идет почтовый катер.

Вокульская оглядела бухту. Далеко справа самоходная баржа или лодка, похоже, оторвалась от большой льдины и тащилась своим курсом вроде бы никак не связанным с маршрутом корабля, который стал снижать скорость.

— Почему не предупредили?

Помощник ответил. Евгения не разобрала его речи.

Появился Дюмов. Теперь Вокульская услышала офицера:

— Готовьтесь. Ваше снаряжение поднято. (Будто ветер подул в другую сторону!)

Лодка-баржа у борта. Евгения недоумевала: "Древнюю тарахтящую ладью они называют

почтовым катером? На таких, разве без двигателя, наверняка хаживал Ермак Тимофеевич".

Офицер пояснил:

— Катер высадит вас на мысе, а потом его обогнет и войдет в устье реки.

Вокульская почуяла намеренное смешное ударение на слове "катер". Ничего не поделаешь! Сколько ей ни приходилось бывать на море, она по-прежнему считала: катеру присуще малость глиссировать и задирать нос.

6

То, что Вокульская приняла за льдину, было узкой косой, обрамлявшей излучину суши. Парой километров южнее начинался подъем на необитаемое арктическое плато.

Бивак решили устроить около литорали, недалеко от птичьих утесов, а после подобрать координаты безопаснее.

— Пристанище может оказаться и постоянным. В пяти часах есть уголок, уже обжитый экспедицией, — провозгласил Дюмов, — там в такое время года всегда кто-то есть. Наведаться в гости успеем.

Бытовые вопросы отложили и сразу приступили к фильму и ловле птиц: легко упустить многое. Дюмов пока угождал даме и расставлял сетки для отбора и кольцевания птиц в местах, неинтересных Евгении. Объекты съемки искать не понадобилось. Люрики, чистики, кайры заполняли небо и землю. А чайки точно норовили расклевать путешественникам головы, но пугали и удовлетворялись тем, что метили с высоты непрошенных бескрылых двуногих. Так эти ох-

ранники гнездовой выражали глубокое презрение к пришельцам.

7

Конца полярному дню не видно, но к вечеру птичья суматоха уменьшилась. Сумели найти скудное топливо для костра, добавили сухого спирта. Едва закипела вода в котелке, Петр достал пачку чая и распечатал ее:

— Муторноватый запах, да и чай просроченный! А если к нему багульника для вкуса?

— Вот еще! Очень надо отравляться, — возразила Евгения.

— Заварим по отдельности.

— Давай. Но зря на заварку грешишь. Отличный чай, говорят, железнодорожный. Этот чай обычно лучше столовского. К тому же сами завариваем.

— Железнодорожный! Железнодорожный! Отчего-то все возжелали опоить меня железнодорожным чаем. Напасть целая! Где ты таким разжилась? Ночкой темной проводника ограбила?

— Купила. И не ночью, именно у вас в городе в подземном переходе позже двадцати трех ноль ноль, когда милиция меньше гоняет торговцев. Лишь пояснила бабушка: чай с железной дороги, — захотелось отовариться целой коробкой. Всей не удалось: успели половину распродать. А картинка! Девица с мандолиной! Где найдешь такое?

Дюмов всё понял и промолчал.

— И почему решил, просроченный?! Три недели остается!

— Наивная! Загляни в интернет! Поймешь: хороший чай тот, у которого после расфасовки не прошло шести месяцев.

— Мудрят в твоём инете. Ничего похожего не слышала. А пропос, ты ботаник, тебе виднее.

— Ты чай свой пробовала?

— Ещё бы! Не успеешь выпить — возникает ощущение, напоминающее невесомость...

— Можно подумать, была в невесомости!

— Была! Была!

— И как ухитрилась? Сорвался лифт с цепей в твоём доме?

— Шутишь! Я находилась в скафандре. В настоящей невесомости.

— Четвертой секретной женщиной? На Марсе с тайной миссией не побывала?

— Случайно нет. Но невесомость испытала. Правда, сидела в кресле, вернее, висела на отпущенных ремнях, а не барахталась. Есть специальные тренировочные самолеты. У них бак с горючим и бак с окислителем. Нетрудно взять выше стратосферы. В первый раз собиралась схватить феномен и привыкнуть, в следующий — парить ни на чём. Второго шанса не дождалась. Поменялись командиры.

— Смотри-ка! Я сижу рядом с ге-ро-и-ней!

— Не героина. Зато некоторых мужичков кое-чем накачивают перед сверхвысокими полетами или центрифугой. Они блюют-какаются-писаются-спускают, болтаясь в невесомости. Будто висельники в петле. Пока вестибулярный

аппарат, мозги и сфинктеры не привыкнут. В основательной медицинской обработке нуждаются кандидаты. Только в кино невесомость кажется волшебной сказкой.

— Не считаю. В волшебную сказку летом иногда превращается Крайний Север. Кстати, на самом деле.

8

Из-за скал к потухающему костру приблизилась фигура в расшитой кожаной одежде.

— Абориген! — ахнула Вокульская и приготавливалась к съемке.

На корпусе камеры появился красный сигнал, показывающий, что мало света. Огонек чрезвычайно мощный с отсветами на камнях. "Подобного раньше не видел, — подумал Дюмов. — Автомобильный стоп-фонарь!"

Подошедший неразборчиво заговорил тем непередаваемым тоном, каким записные остряки транслируют байки Юрия Рытхэу. Дюмов слышал только слова "байдарка", "тундра" и "гости".

— Выпейте с нами чаю, — пригласила Вокульская.

— Чай — это хорошо. Хорошо чай, — произнес абориген, по лицу скорее китаец, нежели северянин.

— На мысе живете? — поинтересовался Дюмов.

— Где охота, — не совсем внятно ответил абориген.

- И сколько вашего народа?
- Народ разный. Здесь разный народ. Материк — разный народ. Море — два народ.
- И в море жители?
- И в море человеки есть. Там человеки моря жить.
- На островах?
- Нет!
- Доплыть можно?
- А-а-а! Байдарка, катер, корабль, олень к человекам моря попадать нельзя. Много лет назад туда ездить зимой. На собачий упряжка. Это давно был. Сильный пурга был.
- Люди в море?
- А! Они не море жить! Они большой теплый земля жить. Такой большой земля, больше Аляска, больше Таймыр, больше Чукотка.
- Может быть, на той территории и пальмы с эвкалиптами растут?!
- В море пальма нет! Сосна есть, береза есть! А тундра — нет! Снег — нет!
- Да прямо дыра в другое измерение, — не удержалась Евгения.
- Да еще с Гипербореей или с Землей Санникова, — изрек Дюмов.

9

Утром всю ширь застилал густой туман. Различались исключительно еле намеченные контуры скал.

— Куда подевался наш абориген? — спросил Дюмов.

— Какой абориген?

— Тот, что вещал нам о племенах моря, о чем-то наподобие Гипербореи...

— Гипербореи? — удивилась Евгения. — С чего ты про нее вспомнил?

— В свете вчерашнего разговора.

— Разговора? — на лице Вокульской вспыхнуло изумление. — Я чуяла, худо добавлять багульник. А ты уперся: мол, чай не тот, мол, для запаха и вкуса. Всякую кулебяку в рюкзаке носишь! Отыскал карман и для жухлого багульника.

— Ржавую астролябию ношу! Жухлый, не пах бы... — обиделся Дюмов.

— Заметано. Значит, из-за сохранившегося багульника Север и подарил тебе волшебную грезу, хотя в нее пока не превратился.

10

Что произойдет, если не совсем дурную, не совсем плохую женщину поселить на необитаемом острове и на него же поместить не совсем дурного, не совсем скверного мужчину? Как у них будет через сутки, неделю, через месяц, год? Что случится, аще мужчину и женщину посадить в клетку? Известно всё это, известно. Эксперименты возникали сами.

А фокус на мысе Вранова ломался на глазах. Велись записи о птицах, постепенно создавался фильм, но особой экзотики в нем не намечалось. Вокульскую раздражал не фильм. Дюмов — вполне нормальный представитель мужского пола. Даже более чем. Видела она четко: стоит у него по утрам и вечерам. "Не кришнаит ли он и в душе? Может, Брахма обкумарис? Про кого

свое добро хранит?.. Или я уже окуклилась и достигла ядреной стадии? Многие в нее досрочно переходят. Едва к ней чуть прикоснулась Гиппиус, вся эта компания: Амфитеатров, Философов, Андрей Белый — стали видеть в ней лишь духовную сторону, а за женщину не принимали, полагая дышащим кадавром; а главное: это не пытались скрывать".

11

"Пишет и пишет. Любовную записку?" — Вокульская потихоньку зашла сзади.

На одной странице блокнота красовался заголовок:

КАК УСТРОИТЬ СУБТРОПИКИ В УСТЬЕ ЛЕНЫ,

на другой спрашивалось:

ПРОВАЛИТСЯ ЛИ НОРИЛЬСК В ЖИДКУЮ ГРЯЗЬ, КОГДА СТАНЕТ ТЕПЛЕЕ?

"С Леной очень просто, поскольку Ленами бывают не только реки, — подумала Вокульская. — У некоторых Лен — неважное в оном устье богатство, поневоле приходится менять климат. Но трактовка имени "Норильск"? Нора в иле? Тогда все наглядно. А что такое грязь? В двадцать первом веке подобные слова отброшены. Пора красную отметину о том сделать. Наверное, свихнулся Дюмов со сновиденной

Гипербореей. Этим проблема объясняется. Дюмов-Дюмов ошизел!"

"...Испарение, — читала дальше Вокульская, — обеспечивает охлаждение и осушение... Можно ли добиться правильного испарения?.."

— Инженер-ботаник! — иронически произнесла Евгения.

— Звучит не абсурдно. В одном университете... Реально по названию отличить настоящий universitates от современного метафорического — сварганенного из института? Где настоящий университет, а где всякий железнодорожный, аграрный, ветеринарный? Язык легко сломать. Массачусетский технологический прекрасно существует без приплюсовки ложных титулов. И вот, в одном БОЛЬШОМ, настоящем провинциальном университете, не педагогическом, не сельскохозяйственном и др., не спланировали и выпустили лишние кадры. Куда их девать? Черт не разберет! Собрали свежесвушенных зоологов, биофизиков, биохимиков и послали на мелиоративные работы в качестве ботаников. Так родились инженеры-биологи. Давненько то было. Ныне никто никого не распределяет.

— И как обеспечить правильное испарение? — решила поиздеваться то ли над Дюмовым, то ли над собой Вокульская.

— Способов много. Можно сразу не осушать, а закачивать в подготовленные скважины крошку из рыхлого осушителя...

"Способов-то хватает, — сочла Евгения, — а толку?" — И спросила:

— И что из этого получится? Не помнишь фразу, украденную у Жванецкого ельцинским премьер-министром?

— А Жванецкий протестов не выражал. Не иначе откупились мерседесом. Да и, поди, взял у Кропоткина.

12

Назавтра перед костром возникла новая фигура. Но уже с базы. Она не походила на аборигена и оказалась весьма реальной и даже официальной.

— Знакомься, Евгения! Это Карен Акидоров, доктор биологических наук. Самый крупный в мире исследователь грибков, растущих на оперении птиц, и патриот ЗФИ, то бишь Земли Франца-Иосифа.

— Теперь его представляю я, — выдала Вокульская. — Это и мой приятель. По кличке Старый Хиппи. Его же называют Джинсовый Поппи. Не слышал?

— Он не слышал, — подтвердил Карен. — На тех тусовках не бывал.

* *

Дюмов отстегнул клапан рюкзака...

Да-а! Древняя керамическая баклажка. Вся в пупырышках. Как она сюда забрела? Начал размышлять — и вдруг дико заныл левый висок... Емкость заткнута или закручена пробкой. Не открывается. Нужно нагреть. Старик Хоттабыч

там прячется? Полил горлышко горячей водой из термоса. Отошла.

И вот вытащил свернутый в трубку желтый пергамент. Разрозненные листы. При свете фонарика принялся разбирать написанные химическим карандашом слова. Ничего не рассмотреть. Чтобы не вылезать на улицу, достал сберегаемый на пожарный случай огромный рыбацкий фонарь. Рукопись озарило, будто прожектором.

Чернила (или краски?) поблекли. Не различить их оттенки: проступает и алое, и лиловое, и синее. Не цветами ли радуги всё писалось? Читать подряд не удастся, но фрагменты впечатляют.

.....

Я, Горяинов Сергей Васильевич, 1918 г. р., военный летчик. До войны учился на экономиста.

28 февраля 1954 года старый ЯК-9У, на коем я вылетел с полигона вблизи Кандалакши, потерпел непонятную аварию. Подозреваю это. Последнее, что помню, — сильные сполохи северного сияния. И без столкновений, неисправностей.

Сохранилось ощущение провала и затягивания, начала падения в штопор.

.....<Неразборчиво>.....
.....

Куда исчез зимний мрак? Я внезапно очнулся лежащим под ярким небом на возвышении, подобном клумбе. Метрах в ста — роскошное подковообразное здание вроде манежа. "Клумба" располагалась в центре той невидимой окру-

ности, по отрезку которой растянулось строение. Возле меня стояли четверо мужчин в туниках. Я был цел, но почувствовал как бы контузию...

Далее, ни слова о себе лично и моей истории. Она в отдельном свитке. Здесь расскажу о том, что касается всех. В стране, названной древними Гиперборей, прожил больше тридцати лет. Точно сказать не могу. Часы в Гиперборее идут иначе, чем у нас: то быстрее, то медленнее. В редкий краткий интервал, когда времена выравниваются по скоростям, и возможно проныривание между пространствами. Философы привыкли к парадоксальным утверждениям новой физики.

Один раз в 11 или в 19 лет (есть и другие сроки), Север освобождает дорогу туда — к остатку планеты Земля, существовавшей до исторических дат...

.....
.....

О языке аборигенов

Кое-кто из гиперборейцев говорит на архаическом каргопольском диалекте. Однако основной язык гиперборейцев — не измененный древнеболгарский, не славянский, но очень знакомый. Впечатление от их речи такое, словно попал в сказочные архиродные края. Названия месяцев не самим звучанием, но формой напоминают белорусские. И все же гиперборейцы, хотя и мешались со случайными пришельцами-

северянами, похожи либо на облондинившихся греков, либо на берберов, врубелевских персонажей, вдруг ставших альбиносами.

Природа

Над древней северной землей нет Полярной звезды. Вместо Малой Медведицы — созвездие под названием Тощий Паук.

Почти не найти финиковых пальм. Тем не менее зимой там — лето, и зимы не бывает. Я не биолог. Ничего особо странного для себя во флоре и фауне Гипербореи не увидел. Правда, попадались мелкие пингвины, а они, как понимаю, должны быть только в Южном полушарии. Наши птицы пробиваются в Гиперборею тогда...

<"Опять стерты буквы!" — вырвалось у Дюмова.>

* * *

Попасть из полярного континента на иные континенты той Земли-планеты никому не удастся.

.....
.....повсюду — Бешеные на треножниках. Вооружены длинными пищалями-копьями. И вообще это не пищаля и не копьё.....
...дикий обычай, дошедший с варварских эпох.
.....
.....

Еще о вратах с внешней стороны

Чаще раз в 11,2 года (реже в 18,7 лет) северное сияние на теперешней планете Земля открывает-приоткрывает, восстанавливает расплавленный коллоидный метеорит, называемый Морское Легкое. Застрявший между разными пространствами, он вне моря, суши и неба. В нем есть вход, ворота в Гиперборею. Будто бы я без проводников прошел их. Не помню. Предполагаю, происшествие специально подстроено. Иначе куда делся самолет?

.....

Пути из Гипербореи охраняют Бешеные на треножниках. Но не те дороги, не двери к нам, но на другие континенты той Земли, той планеты, что была <.....> лет назад... Я думаю, Гиперборея играет роль египетской пирамиды, направленной не в царство мертвых, но в ординарный мир. Она ловушка у окончания туннеля-канала, призванная задерживать тех, кто чудом проник в туннель от нас. Коренные гиперборейцы смотрятся нормальными людьми. Скорее, здесь маскировка. Всё это или жрецы, или мифические петелы, "апостолы Петры" — стража. Ее функция — оболванивать и ассимилировать случайных пришельцев, не допускать их на континенты, которые превратились в Рай.

.....
.....

Главное

Я узнал, что на остальных материках той Земли (то есть в Раю) — семьсот семьдесят тысяч индивидов. Все они пещерные люди. При этом сверхсапиенсы и одновременно — *пра-МЫ*... Нынешний человек — их вырожденец. Древнему населению запрещено применять металлы. Они пользуются изделиями из дерева, кости и камня.....

.....
.....

...сколько необходимых пролетариату ресурсов пропадает на неполярных континентах! Такая картина противоречит принципам Мичурина и Лысенко: "Мы не можем ждать милости у природы; взять их у нее — наша задача".

Нужно организовать в областях Арктики, где не исключается коллоид "Морское Легкое", дежурство специально подготовленных ледоколов, военных кораблей и авиации.

И зачем беречь ту цивилизацию?! Все равно прапредки-сверхлюди начисто исчезнут!! Они промежуточное звено перед восстановившимися обезьяноподобными, петлей эволюции.

Важно обратить внимание...

.....
.....

Оставалось еще страниц двадцать местами размытого текста. Глаза слипались, голова гудела. "Тяжело читать. Попробую завтра утром", — решил Дюмов и вложил расправленные листы в рабочий журнал. Явилась неожиданная

мысль: "А вдруг НКВД там хитрым образом побывал?"

Извне не доносилось ни звука. Погода наладилась. Безветренно. Микробиолог и Евгения — в своих палатках.

Часов через шесть Дюмов проснулся и высунулся наружу. Поппи раздувал потухший костер. Дюмов обернулся внутрь палатки, его взгляд упал на журнал: горяиновская рукопись из него не торчала, керамического сосуда не было.

— Привет, Поппи! Ты ничего у меня не брал?

— А у тебя что-то есть? — съехидничал Поппи.

— Где Евгения?

— Вот уж не умудрился проверить. Без сомнения, дрыхнет без задних ног.

— А ты... — начал Дюмов — и скорчился, точно по лбу шарахнули триста восемьдесят вольт.

* *

Наблюдения за птицами усилились, но беготни у Дюмова меньше. Сидя у палатки, он усмотрел возвращающихся от моря Поппи и Евгению. Поппи недовольно говорил о чем-то унылым скрипучим голосом. "А хвалился, не простужается. Или иным его осенило?" — подумал Петр.

Евгения возражала собеседнику:

— И что ты ко мне с Утиным пристал? Я не кричу на весь свет, как Валентиной Терешковой или Савицкой едва не оказалась. Ну, ездил ты с ним на соревнования по самбо в Баку,

встречался на юрфаке, в главном здании и бог знает где. Зрел в ботинках "прощай молодость" и без штанов. А может, не ты его старше на полгода, а он тебя на пару лет. Сколько у тебя матерей? Одна. У него целых три. Есть юридическая, вторая — действительная, в Грузии, а третья — на небеси. Утин — это Царь, даже наследным принцем был. А ты кто? Микробиолог глокий кудланутый? Я, в отличие от Терешковой, в космос не летала, а так себе — на субкосмической орбите, и то неофициально. Некому ябедничать.

— Тон подпевания — сервильный, — бесцеремонно влез в разговор Дюмов, — или времена Хрущева вернулись? Вновь Кремль со Звёздным целуются?

— Не похоже на то, — откликнулся Поппи, — Звёздный больше чертыхается. Как дама, она доносит до нас народную душу. Незримый комиссариат нардуши давно жаждал увидеть Штирлица на троне. И увидел. Да еще впервые не из партийных бонз. Облик человеческий присутствует. Плюется теперь нардуша по крупным мелочам да по мелкой крупности, но разочаровываться не желает. На то она и душа. Ей земных благ не требуется. Если и перепадает что, то в качестве подтверждения благ небесных. Вспомните Даниила Андреева с его жруграми и резидентами.

— Развел киселя! — досадливо вырвалось у Петра. — Да ты первый от сих слов откажешься. И есть вещь лучше двадцать пятого кадра — психотронная обработка. Лишь увижу по ящику — кайф по жилам разливается. Почему?

— Ду-ша... Рези-дент... Пусть хихотронная, но политику Кремля одобрям-с, — брякнула Вокульская серьезным и суровым тоном.

Старый Хиппи покосился на нее и, растопырив пальцы правой руки, показал Дюмову взмывающего от височной кости голубка. Вокульская жеста не заметила.

— Женечка! — слащаво произнес Петр. — Не надо тебе поставить термометр в левую подмышку?

— Не надо. Я чувствую себя здоровой. А вы ко всему готовы? И к тому, когда черное станет белым, а белое черным?

— Это у нас легко мастачится, — невозмутимо заявил Дюмов.

— Очень двусмысленная мысль, — попытался скаламбурить Поппи.

— Двуумысленная, — присовокупила Евгения. — У одного вырвут усы, а у другого бороду.

— Только у общественного мнения ничего не вырывают — оно у нас всякий день свежее и невинное, — добавил Дюмов. — А давно пора ему уши надрать.

Вскоре мужички-исследователи, принявшие для согрева энное количество граммов, пошли по своим делам за огромный валун.

— Что случилось с Вокульской? — изумился Поппи.

— А что?

— А что — а что! — передразнил Поппи. — У нее крыша едет! Она ведь бывший еврокоммунист! Была левым радикалом. Чуть не до анархизма доходила. И Лимонову собиралась

семафорить! А какую фиgidрень она разводила?

— Ну, изменились у нее взгляды.

— Не взгляды, а мозги изменились.

— Я из ее корабельных разговоров понял: она правнучатая племянница Железного Феликса. Можно смотреть на нее и с этой точки зрения. Такое-этакое сердечное трепыхание в нее заложено с пеленок.

— Внучатая или правнучатая (Вокульская — девичья фамилия осталась), но блеск глаз — не ее. В зрачках вижу чужое.

— Чужое у тебя. Голосок кузнец перековал?

Джинсовый Поппи смущенно хмыкнул.

* *

Не спалось ночью Евгении. Или казалось, что не спалось. Она ворочалась с боку на бок. Да еще издалека, со скалы зазвучало гитарное треньканье Поппи:

— Мы встретимся с тобой на острове Вайгач
Меж старою и Новою Землей.

Вот серенада! Опять чего-то наглotalся и теперь расслабляется на каменном столбе.

Вокульская начала телепать в направлении Поппи:

— Не выйду я к тебе, не выйду. К Птибурдюкову я ушла. Ушла. Не выйду! И лучше не бренчи!

И Вокульская задумалась: "Ну и закавыка! Мы с ним в препозициях, подобных у меня с Дюмовым, но в обратной полярности. Именно. В Заполярье — не в той полярности. Как меня не тянет (Глагол матерщинный, иной не отыскать?) к Поппи, так и Дюмова ко мне. Да уж совсем не притягивает? Нет! Нет! Всех ко всем тянет, но не каждому хочется ездить на вмененной тяге. Но Дюмов? Что он там плел о перегородках у сновидений? Де к ним привык! «Со мной плохое не произойдет! Хорьки психотаксисам научили! А вы... На геологическом разломе пребываем — понесет вас из одной реальности в другую». Плюс подробности... Откуда куда понесет? То ли из Старой Земли — в Новую, то ли из Новой в Старую?.."

Терпкое треньканье на заемной дребезжащей гитаре продолжалось:

— Мы встретимся с тобой на острове Вайгач,
Где держит непогода корабли.

Вокульская прислушалась: "Не играет никто на гитаре! Слова городные, народнические. Это кажется или снится! Ветер поет сам по себе! Музыка от облаков исходит.

Стоп! О каком Утине рассуждали сегодня? Разве он существует?! Истинно геологический разлом!"

КБ-5

Память прояснилась, всплыл силуэт особенного охранного джипа, и представилась Наденька. Как ее забыл?! Есть предметы, в нормальном случае, вспоминаемые постоянно.

С Наденькой Дмитрий познакомился в тамбуре железнодорожного экспресса. Через три минуты они постигли духом и телом: подпольно-подспудно знают друг друга чуть ли не пару тысяч лет. Такого легкого и вольного общения до этого момента не ведали. Идеальное сравнение: две одинаковые бабочки, севшие на цветок. Больше часа они не покидали тамбур. Боялись даже мысли об уходе из него. Тот, кто второй-третий раз шагал мимо парочки, старался не присвистывать, обнаружив ее все там же.

На седьмое небо они не попали, но, едва коснувшись друг друга, почувствовали мешающего жить откровенно злого боГа... Почуяли они боГа похоже, но вообразили его несколько по-разному. Полузакрыв глаза, Дмитрий узрел космически запредельное, надлюдское. Высшая сила оказалась панорамно воплотившейся.

У боГа не было рук и ног. Он вынырнул в виде бюста. БоГъ-бюсть ехал на тяжелом асфальтном катке по огненной дороге, вымощенной душами. Везде — звезды. И впереди, и позади поток их сворачивался в криво-сетчатую голографическую дуду.

Наденька разглядела примерно то же, но ее боГъ не смотрелся бюстом; он имел светящиеся тяжелые ноги, обутые в базальтовые лапти. Лаптями он давил человеческие души. Души корчились, некоторые из них издыхали и превращались в потухающие искры, освещающие боГу *путь*. "БоГъ — это Гитлер, а весь мир — огромный Освенцим", — подумал Пешный, услышав о Наденькиной картинке. И, конечно, подобного нельзя говорить: женщины сие не любят или понимают наоборот. Хотя непритязательная верующая решит: пригрелся языческий бог, атеистке — без разницы, а скептичка-медичка назвала бы великого призрака Люцеферусом.

Почти не устав, парочка провела в тамбуре еще часа полтора, страшный боГъ ее не беспокоил.

Возник вопрос: "В чье купе идти?" И Пешный пожалел, что уступил. Все могло сложиться и по-иному. Надино купе было свободно, если не считать одной персоны: мужа. Его лицо... Гм... Не ново! Оно раз шесть молча высывалось из салона в тамбур, словно выискивая потерянную вещь. "Кто этот тип?" — спрашивал Пешный, но Надежда смеялась и ничего не отвечала.

Интермедия

Фарт, Куко и Облез сидели под крыльцом.

— Где Какан? — спросил Облез.

— На него нас-т-упила твоя А-лиса, — ответил Куко, — да та-ак, что сам В-аттар-ви не спасет.

— Ва! Ра! Ва! — зарыдала в подвале-примечании Твистрова.

"Не исключается и наше несуществование, — осторожно помыслил Облез. — Вдруг мы привидения?"

Теперь о прочих, оставленных нами пассажирах "чайного" поезда.

Эффект № 10

Быстро очень шё-ол Симов. Был он в духа состоянии приподнятом, но сказать мало это: озарением пылал он весь, точнее, пожаром страстей еще более высоких.

— Наконец-то! — твердил он. — Сотворилось!

Не погасла в его памяти гигантская карта Супервселенной и событий всех: прошлых, будущих. Ему Симову увидеть удалось тот факт

ничтожнейший, пустячок, изменением еликого повлиять можно на метагалактик движение. Мелкий упомянутый факт, пустячок, доступен и во власти Симова, хотя него ради затеял он скитание некоторое.

Достаточно отправиться в известный Симову посёлок, слегка нарушить церемонии и обычаи, вызвать недоумение окружающих, подействовать на чепуховый неисторический эпизод — как перевертывалось всё, грядущее предназначалось другим, а время удостаивалось Монумента времени.

Симов миновал три-четыре улицы с редкими фонарями. В лужах плавали листья. Серп луны на небе имел форму зеркального "эс" и перемещался в такт шагам. Но в будничности обреталось неземное раскрепощение, реяла безмерная свобода: мир походил на произведение искусства. Волнение от сознания сделанного уже меркло. Чувства перевешивало изумление от возможности такого влияния событий друг на друга, при коем важна не их сцепленность, а иные, невероятные законы, стоящие над человеком и природой.

Переживание-виденье всех времен и пространств сразу — стихало, воздух наполнялся обрывками фраз что-то обсуждавших людей. Симов догадывался: это "что-то" одно и то же в каждом разговоре.

Он выбрался к озеру. Лучи прожекторов подсвечивали поверхность воды до белизны. Пройдя парк, Симов уперся в двухэтажное здание со стеклянными стенами. Сквозь стекло

доносились хлюпающе-чмокающие звуки музыки. В низких залах кучковались, разгуливали, раскачивались в танце праздные люди. Их головы почти касались полупотушенных шаров-плафонов. У дверей сержант милиции держал за ворот балахонистой куртки вырывающегося субъекта.

Симов боковым зрением отмечал внешние явления. Пройдя около полусотни метров, он опять очутился в густой толпе, но теперь народ шел ему навстречу. Мелькали лица, люди даже не шли, а, скорее, плыли, неслись...

Внезапно он заметил: путники идут на него без малейшего желания избежать сшибки. Безликая масса обтекала Симова... у самого его носа. Пришлось взять правее и обходить не столько прохожих, сколько насаженные вдоль тротуара тополя.

Вблизи них оно и содеялось. Из-за дерева выступил и устоялся на Симова потрепанный старик с пропитой физиономией. Желто и остро воззрились вытаращенные, как при базедовой болезни, зеницы. Старик исторг нечленораздельный вопль, чиркнул спичкой и сунул её зажженный конец прямо в лицо Симову.

— Дух! Дух! Дух! — возопил старик на всю улицу.

Симов попытался отстранить сумасшедшего и обойти его. Тот начал совершать неестественные движения и упал на руки идущих.

— Вы! Слепые! Разве не видите этот огонек?! — кричал безумец, указывая на Симова.

Прохожие стали смотреть на Симова, но ничего, кроме пустоты, там не увидели. Симову показалось, вот-вот он провалится в бездну.

С восклицаниями "Дух!", "Дух!", "Дух!" сумасшедший вновь принялся прыгать вокруг Симова и чиркать спичками. Пламя чуть не спалило Симову ресницы.

— Пошел вон, дурак! — неожиданно громко и резко, но бессловесно выговорил Симов, и в тот миг на него нахлынуло такое, от чего всё оборвалось.

Звуков в речи Симова не было, но присутствовало то, что хуже и страшнее. Лица людей сделались бледнее смерти, в их глазах застыл ужас. Окоцурилась вселенная и родилась жуткая, дикая. Взметнулся густеющий мрак уничтожения, грянули круги сознаний концентрические, возникло третье, побочное равновесие, которого и не должно быть.

Исчез парк и стеклянное здание, сгнула набережная. Радостно визжа, размахивая тесаком, помчался детина в длинной балахонистой куртке.

Здесь Симов постиг: никто не чиркал спичками, огонёк есть он сам, разгорающийся под больным взглядом старика. Он, Симов, не шел по улицам, а плыл неуловимым плазменным облачком.

Мир стал неким третьим. Середина его коснулась периферии.

Вдруг Симов узрел себя дома и ровно со стороны — сидящим в кресле с поднятой левой рукой.

Через минуту внутренней смутности прорисовались воспоминания. Будто совсем недавно, он перемещался по вечерним улицам.

Симов еще сильнее напрягся, собрался с мыслями и до него дошло: местность, по которой он путешествовал, хотя и далековата, но знакома, в ней не приходилось бывать больше восьми лет. За долгое время там мог подрасти парк, выстроиться концертный зал с дискотеккой, озеро — обрести набережную. Но нет! Нет! Не это важно! Многомерная карта сплетения причин и следствий выветрилась из памяти. Пропал остов того, благодаря чему завязывается их кажимость. Но они ли сейчас главное? Зачем потребовалось туда лететь? Карта Космоса не галлюцинация, не сновидение. Она яснее любой яви... Какое событие понадобилось изменить? В какую точку поселка довелось спешить с таким нетерпением, что в кресле осталось забытым тело? Какова была цель? Цель! Цель!

Эффект № 11

Поэта Ивановича лишили квартиры, у поэта Ивановича сломалась пишущая машинка, вдобавок у него отрезали ухо, в довершение он почти прекратил писать стихи и решил удавиться, а сие весьма потребно и важно настоящему пииту.

Ох, опоили его пережженным ликером, да подбросили к темным, горластым и торсоволосатым. Уж замуж невтерпех закрыть и не рассу-

соливать эту историю. Теперь жил он при южанах в общежитии и торговал вместе с ними на рынке. Дома то сё у него тибрили, но его самого и гитлеровскую пишущую машинку "Рейнметалл" не трогали. И за то прославлять полагалось бога. И величал хохол Иванович бога, возвеличивал, но неверно. Поэтому бог недостаточно его миловал, ибо пил и пил пиит Иванович азербайджанское вино не просыхая, и вино дармовое, злясь на торсоволосатых, не похваливал. За то и послало ему небо новые испытания.

У фашистской пишущей машинки рассыпался лентоводитель. Состояла его тонкая и хлипкая рамка из пяти или шести спаянных частей, периодически застревала. И продергивать ее вверх, вправлять вниз, согласно тайному моральному кодексу, рекомендовалось рукою нежною, трезвою и дамскою, но не хохлятской пьяной ручищею. Не германская была рамка, а советская, и равно кривые свинцовые литеры на крепких иноземных рычажках... Взял Иванович напильник, взял паяльник, третник и канифоль, принялся рамку — увы, слово не воробей — спаивать. В итоге он ее споил, а не спаял. Смеялись торсоволосатые азербайджанцы: "Контрибуцнули вы, хохлы, конструкцию у «Рейнметалла» и обозвали «Украиной»; вот печатал бы на нэзалэжной дрэнчливой «Українэ», а не форсил жареным трофеем". Самый крутой и наитолстый азербайджанец носил странную фамилию — Петренко и лучше говорил по-русски, чем поэт Иванович, а на крайнской мове — куда гарнее. Никогда не ездил Иванович на нэзалэжную и писал стихи на русском. Издевался Петренко над Ивановичевым незнанием языков. Чувствовал Иванович, чуял собственное непонимание сути языка, да родимое

косноязычие. Из-за речевого дефекта вирши из Ивановича рекой так и текли. В восторге от необычности и свежести образов поэта редактор Омулевский подпрыгивал на стуле, ловчил обойти и обмануть бухгалтерию, чтобы выкроить побольше гонорар Ивановичу, а потом, плюнув на бухгалтерию, ибо стихи не проза, молока из них не выдоишь, вел поэта в кафе "Миранда" откармливать и опаивать за счет спецфонда. И не по вине главного редактора типография упорно задерживала роскошную, золоченую книгу дистихов Ивановича под названием "О, закрой свою негую бленду".

— Делаешь дело на "Рейнметалле" — и делай. Не вздумай пустить в ход ручку, карандаш или компьютер, — предупреждал Омулевский. — На тебя немецкая железяка действует, как вино рейнвейнское. А ПК хуже всего. Ты знаешь поэта из Гомеля Благоутробенко. Пока он сидел в кочегарке — писал поэмы, а женился на квартире с Пентиумом III и получил синекурный чин в издательстве — от его творений тошнить стало.

"Нужен едкий кислотный флюс с «Юноны», а не канитель-канифоль!" — решил Иванович. Но собираться на рынок «Юнона» противно, добираться туда — омерзительно. Коли туда съездишь — день убьешь, смертельно устанешь и стихов не напишешь.

Ну и насмешка — дурацкое высказывание "Ни дня без строчки!", здесь сплошные бесстрочки. Лишь аромат фруктов спасает. Без этого боевого отравляющего запаха ничего бы не писалось после дня торговли. А утром до торговли не

пишется оттого, что подъем у Ивановича собачий, голова с утра тяжелая. Долго не проходит в задубелом лбу сивушечно-бормортушечное. Укравкой Иванович записывал опорные мысли среди овощных и фруктовых рядов. Жалел, "Рейн-металла" нет. Азербайджанцы видели это преступление, языками цокали и усмехались. А придя к себе, да разложив по бокам машинки фрукты и налив в фужер нахичеванскую бормотуху, он принимался стучать по клавишам, — да в ответ со всех сторон в стены стучали. От негулкого эха Ивановичу стучалось великолепней, а пуще — от угроз ударить машинкой по маковке, расплющить машинку кувалдой или сдать ее в пункт приемки чермета. Может, иной стучащий агрегат и расплющили бы, но *Reinmetall* блестел стилизованной под готику гордой надписью и набивался в родичи этой достопримечательностью и прочими особенностями дизайна то ли танку *Panther*, то ли штурмовому самоходному орудию *Ferdinand*. Поглумившись, азербайджанцы замирали перед музейным раритетом.

С тремя пересадками доехал Иванович до «Юноны», но пройти в глубь рынка к ларьку с паяльными флюсами не удалось. Налетел на Иванoviча коренастый шпана и толкнул в грудь:

— Вон девушка в голубой шубке, пять тонн в колпаки проиграла! Помоги ей отыгаться. Она тебя не забудет!

Посмотрел Иванович на девушку, и девушка на него посмотрела, и не понял Иванович, истина се или розыгрыш, впрямь ли эта девушка — девушка или размалеванная подсадная ут-

ка. Не успел моргнуть — толкнул его второй коренастый, началась суматоха, и видит Иванович: у стоящего на возвышении мужчины вытаскивают кошелек из внутреннего кармана распахнутого тулупчика.

— Держи кошелек! — закричал ему Иванович и почувствовал, что проваливается в проблематичную эру.

Не успел Иванович вздохнуть, как обнаружил у глаз лезвие безопасной бритвы — уже третье время перед ним возникло. Отвернул лицо от лезвия, а тут его цапнули за ухо и чикнули по хрящу. Потекло теплое за шиворот. Пережал он на всякий случай большим и указательным пальцем артерию у виска и нижней челюсти, тяпнул скотч с прилавка, намотал витки, где сумел, а отрезали ухо, не отрезали — не догадался пощупать.

Вышел Иванович из толпы, сунул руки в карманы, а в левом правое ухо лежит!

"У любопытной Варвары на базаре майора Ковалева порвали", — мелькнула строчка. И не вспомнил он частушки-поговорки полностью, зато прорегистровал память на событие, когда действительная варвара вякнула "Держи вора!", а потом отыскала кусок своего отрезанного носа в надетом на ногу чулке. Чему удивляться?! У гоголевского героя и то нос обрелся в свежеевыпеченном хлебе.

Нырнул Иванович в другие плотные эпохи и сразу будто вынырнул назад. Теперь с отрезанным ухом не подходили Ивановичу три пересадки. "А флюс-то! Флюс! — засвербила вишудха. — Вот грандиозная смысловая рифма:

намеревался спать "Рейнметалл", а распаял ухо!" И заметив на обочине две новенькие "Волги" с шашечками, поэт бросился к ним. Но все машины без водителей...

— Смотри! Клиент у тебя! — произнес покуривающий на тротуаре мужчина мощному верзиле в пыжиковой шапке.

— А кто знает! Может, и клиент, если не шутит. Только ободранный, обосранный и уха у него нет. В гробу я видел замухрышек, — громко ответил верзила и захохотал так, что прохожие стали оглядываться и по-щенячьи подвывать и подхихикивать.

Ивановичу захотелось взять валяющуюся в колдобине ржавую трубу и как следует огреть верзилу, но между тем принялся рассуждать: "Хороша ли рифмовка «гробу — трубу» или плоха?" Решив, что рифма здесь скверная, Иванович не потревожил железяку.

— На Петроградскую довезете?

— Гм...м. На Петроградскую не прохонжэ. Кого я обратно повезу?

"С человека кровь капает, поэтому и выкобенивается, — подумал Иванович, — просекает, момент не до разбирательств, не до звонков с жалобами".

Пыжиковая шапка дернул Ивановича за локоть, чуть подтащил и отчеканил:

— На Петроградской гони восемь сотен.

Спорить действительно "не хонжэ". Иванович деликатно сел по диагонали от руля — дабы не травмировать чужую психику небытием уха, а свою — расспросами, и поехал на Петроградскую.

— А ухо шас отъяли? — обернувшись, спросил водитель.

— Да уж! — неопределенно пожал плечами Иванович.

— Ну, анекдоты у нас творятся! И ровно-то, ровно срезано! Дураку понятно, не зеркалом заднего вида сбрило! А куда на Петроградскую?

— На кафедру микрохирургии.

— Это где?

— Первый мед.

— Улица Льва Толстого, значит. А ты, на сиденье, пригнись, пригнись, исчезни. Торчишь там, как .

В чем соль, до Иванoviча не доходило; он, бесстыдный, наглейше не пригнулся. На подъезде к центру города ситуация несколько прояснилась: шофёр остановил машину, выхватил из бардачка изоленту, а с ним — продуктовый полиэтиленовый пакет и выскочил на дорогу. "Что за действо?" — ошарашился пиит и попытался высунуться, но, покосившись на витрину закрытого на ремонт кабака, различил: таксист напялил на желтое табло с шашечками пакет и закрепляет его. Однако заграда оказалась довольно прозрачной, и потенциальные пассажиры наверняка увидели бы свет.

"Это на случай претензий со стороны внутренней инспекции. Мол, техника капризничает, де тумблер не удалось заменить, будто бы для соблюдения правил он и замотал", — сообразил нежелавший пригибаться Иванович.

— Тумблер не трамблёр! Из-за него выезд не отложишь, — проговорил вернувшийся водитель и нагло дважды щелкнул рычажком.

От нарочито громкой процедуры в витрине ресторана погасло и зажглось отражение табло с шашечками.

Чем ближе к Петроградской, тем таксист становился замкнутее и суровей, похоже, был обозлен отсутствием "голосующих". На Каменноостровском он потребовал денег и заявил, что дальше не поедет.

— Льва Толстого перекопана. Вот парк. Пробежишь ножками квартал до Первого меда. Окажется быстрее.

Минут сорок Иванович слонялся по территории института и никак не мог найти кафедры. Люди во дворе о ней не слышали и отнекивались, или хуже: долго раздумывали и по-сусанински отсылали Ивановича не в тот закоулок.

Наконец, Иванович в нужном коридоре. Он у заветных дверей. На них — замки. Вышел на улицу и встретил женщину в белом халате:

— В воскресенье кафедра не работает. А в клинике сегодня ничего не сделают. Нет хирургов. Ни до кого не дозвониться. Приходите завтра в приемный покой с утра. Палец через большой срок пришивать бесполезно. Но у вас то ухо, может, и срастется.

Женщина достала из кармана халата обсыпанную табачинками пластиковую упаковку с чашкой Петри, вытряхнула чашку себе в карман, в освобожденную тару затолкала злополучное ухо Ивановича и проинструктировала:

— До завтра держите в холодильнике, но сейчас отправляйтесь в травмпункт на перевязку.

— А хранить в морозилке? — спросил Иванович.

— Не хочу врать. По-моему, температура должна быть плюс один градус Цельсия или вроде того. Идите, идите в травмпункт.

Кровь у Ивановича сворачивалась быстро. Инфекции он не боялся, а глупых расспросов медперсонала и дикого укола от столбняка совсем не хотел. Представив кислое лицо фельдшера и нытье под лопаткой, поэт произнес "Бр-р-р!" и не пошел к медварварам. От столбняка умереть гораздо лучше! Р-раз — и на том свете. Облегчение-то! Нет издевательств, нет трамблёров.

Куда топать, он не знал. Ведь не идти к азербайджанцам с ухом в руках! Они не поймут! Сифилис могут понять, гонорею — могут, но отрезанное ухо, да еще в пакетике из-под чашки Петри, не воспримут. Ван-Гога не вспомнят, обязательно сморозят чушь с оригинальнейшим кавказским орнаментом.

Ивановича обогнала больная серая сучка. Из заднего прохода у нее выпячивался изрядный кусок вывернутой наизнанку кишки. Оболочка кишки выделялась алой краснотой, мнилась начавшим распускаться бутоном или вытянутыми для поцелуя перепомаженными губами нескромной дамочки. "Жертва медицинских опытов", — подумал Иванович. Когда поэт собрался выходить из институтского квартала,

его повторно настигла серая сучка. Почти не уяснив собственное действие, Иванович бросил ей прозрачный пакетик с ухом. Вместо того чтобы порвать пакет или проглотить гостинец прямо с полиэтиленом, собаченция схватила брошенное и зигзагами помчалась вперед, а затем, вовсю вихляя шеей и крупом, вычурно-балетными прыжками — вбок. Театр! Просто театр! Объятые эмоциями, словно парусные барки пассатом, за сучкой с лаем и визгом устремились два пегих кобеля.

— Видел это! Видел! — заискрилось в мозгу Ивановича. — Да как забыл!

Ухо — дежавюха! По-ту-утроб-ный феномен! Нырнул эмбрионом и вынырнул в потудоданной степи... Вспышка из небытия. Да, Город. Другой Город. Тот Город! Там Иванович сделал ошибку. Не где-нибудь. Потом ночь всё объяла... Помрачение ума. Исчезновение памяти. Выпуклости великой благодати.

Ага! Не тот обмен квартиры. И еще, еще накручено! Не придавал значения сплетням и слухам: де низовыми риелторами работают странные люди, не то шизанутые, не то заторможенные, похоже, обкуренные. А ему менять, требовалось менять. Ну и сменял! Где слыхано?! Будто специалисты по недвижимости — одновременно психиатры, психологи или медицинские сестры с того света?! Двойной специализации не скрывающие! Снабженные сумкой скорой помощи и незримыми приставными хвостами да эфирным опереньем! Ах вы ангелы опальные, бледные печальные, бандиты, мошенники, врачи заколодные наколотые, имею-

щие наготове шприц! Ах вы, гипнотизеры, милиционеры, плюс кое-кто, о ком говорить цензуры ради не стоит. Но азербайджанцы-то, веселые блатники азербайджанцы почему в финале нарисовались?! Не знает Иванович. Припоминает только крепкий запах жженого сахара и ликер, темный ликер в фужере.

Был у Ивановича наработанный практикой неправильно-верный взгляд на вещи. В приличном смысле. Грузины-де окутаны кольчужкой амбиции, у армян — претензии внутри, как стержень. Подобного немного опасался Иванович, если фронтальная гордыня не вытеснялась у горцев косвенной: в виде хоть бы ученой степени. Прочих кавказцев Иванович принимал за своих ребят. Столетия их гены варились в красном вине, но до конечного эффекта не доросли. Есть белая, и есть красная горячка! Не бывает, не бывает на Кавказе русской паранойи, а фактична южная паранорма — и ругал Иванович душеведа Бехтерева за знаменитый кремлевский диагноз, почти последний. Понятно, для кого-то породнившаяся с "белочкой" равнинно-русская или сарматско-краинская паранойя — ковчег спасения, но горный виноград лучше, надежнее.

* *

Две недели Иванович считал, еще в Том слое бытия: у него нужный выбор; и ему представлялось: он живет один на изолированном пространстве, занят обычными делами, вечером заводит будильник, утром включает радио... Но внезапно у Ивановича отверзлись глаза. Он

проснулся среди ужасного гвалта и вони. В зале — семьдесят кроватей. На них сидели таджики, туркмены, азербайджанцы, калмыки, узбеки, каракалпаки... Когда Иванович первый раз осматривал эту площадь, кроватей не заметил... И здесь до Ивановича дошло: они складываются и убираются на время дня. Действительно, их складывали и уносили вместе с нехитрым скарбом. Бух! В кровать Ивановича ткнулась палкой швабры техничка и недоуменно посмотрела на него:

— Чего расселся, барон? Не на вокзале находишься!

Иванович поступил как все: сложил и прислонил к стене кровать, чтобы ее унесли.

Двинулся Иванович по длинной анфиладе нового для него потудоявного мира. В низких полукруглых окнах бывшей конюшни — женские помещения. Утренняя суета, дикий шум; по соседству девушки-армянки, одетые в пёструю форму, чикались с элементами китайской гимнастики.

Иванович вырвался на улицу. Куда идти? Он решил идти к дому, где влачил существование до... пе-ре-ско-ка. Преодолеl ирреальную ярко-зеленую заболоченную лужайку и десяток кварталов. У каменного ограждения пыхтел, притулившись боком, КамАЗ с прицепом, второй КамАЗ с поднятой кабиной застыл в стороне от него, третий КамАЗ маневрировал и разворачивался для въезда. Во дворе буянила ватага здоровенных псов. Псы не поделили некую добычу. Кобель, похожий на выдру, выбежал на улицу с большим и красным в зубах, ве-

роятно, кровавым куском мяса. Стая ринулась за ним...

Вот оно, вот оно что!

Псы, еще чего — псы! КамАЗы отнюдь не КамАЗы! Город! Этот Город — ГОРОД, Общий город. Это вон какой город. Москва-река и Нева, Гудзон и Потомак, Сена и Рейн, Тибр и Темза — одна система. К примеру, станция метро "Фрунзенская" в Петербурге, а через несколько минут — "Новослободская" в Москве, а через восемь минут уже татарские могилы в городе Одессе... Вестибюль московского метро переходит в одесский кинотеатр. Вышел — и перед тобой Черное море. А Манхеттен — где проспект Народного ополчения — и без хрущоб. Собрано всё, всё в одной грани собрано. Порт-о-Пренс взамен Канонерского острова, а у Васильевского острова плещется Индийский океан. Зато и Нева иная, спрямленная... Или сплюснутая! Нева без загогулины. Город без Смольного. Сразу за тридцатиметровым Медным всадником — Веселый поселок, но огромный и страшный, шикарно отстроенный и веселым его не называют. Там же чудовищный гибрид Адмиралтейского завода и предприятия имени Тельмана.

И виделся, и беспрерывно снился Ивановичу Общий город. Тот город, в котором сливались воедино все города Земли. Можно пройти пешком между зданиями, расположенными за двадцать тысяч километров друг от друга. Изредка попадались на пути странные болотца с ядовито-зеленой растительностью и мертвые столетние дубы с взрывоопасными, катапультирующимися в Эдем ветками-шахидками.

Был. Был и жил поэт Иванович в Общем городе, хоть почему-то и забывал о том иногда, а как отрезали ему ухо, взял и решил удавиться. По великому вдохновению перевернуть счеты. Из зала на семьдесят раскладушек он месяц назад перекочевал в комнату при рынке с десятком цивильных железных кроватей. Сегодня в воскресенье она пуста. А! Повезло! Все поехали в кафе на свадьбу! Крыло здания безлюдно. Только на первом этаже лежащий в прострации кавказец без передышки крутит компакт-диск с иранскими мугабами. Очень важно! Иванович и без того превратился в сомнамбулу. И что?

Поэт уставился в воздух, смотря на юркие частицы пыли; почти не глядя, снял с подоконника в коридоре брошенную штукатурками веревку и пару испачканных известкой блоков для лебедки. Блоки Иванович прицепил крюками к трубам отопления, сделал из рёвки-д-веревки петлю, намылил, надел на шею. Вер-веревку протащил через блоки, залез на кровать и для фиксации прислонился к ее спинке. Образовался равнобедренный треугольник. В одном из его углов сидел Иванович-Есенин, начавший дергать су-елей-в-вервие и затягивать петлю. Голова и шея откинулись, уперлись в железную спинку кровати, завизжали стальные александроблоки, п-петля, без подоткнутого п-полотенца или наворота из узлов для слома п-позвоночника затягивалась туже. Лицо Иванoviча покраснело и набычилось. П-потяг, еще п-потяг. Отчего-то узрелся Подколесин Гоголя, пры-

гающий из окна... Но русская литература-география скончалась, поскольку звуки мугаба умонились. Мужской голос смешался с пронзительным женским. Азербайджанским, не иранским... Силища! Куда там полифонии мегрелов-имеретинов! Потяг! Потяг! Тьфу!

И тут Иванович проснулся от рева динамика. Зажег бра: четыре утра. Башка болела. С чего бы? Левая рука взметнулась вверх по диагонали: правое ухо — в наличии, ...наилучший русский — еврей, а не хохол...

На журнальном столике — пишущая машинка "Ромашка" с кириллицей и латиницей, а не "Рейнметалл"... ...поэт не прозаик, не драматург, ему большего не надо. Больше для него вредно.

Иванович вспомнил редактора Омулевского, вспомнил поэта Утробенко, вспомнил пятое-десятое...

Га! А зримо ли обоюдное между псами и КамАЗами? Пес выбегает... КамАЗ въезжает... Не есть ли псы, КамАЗы и рыночная шпана одна и та же сновиденная сущность? Вот незадача! Предвечный дух рядом танцует, но понять ни йоты невозможно! И вдруг, словно рикошетом, Ивановича поразила ясно-чистая мысль о варварски недостигнутом блистательном Общем городе. Ивановичу стало жалко, что он проснулся. Эх! Плохо! Жутко паршиво, когда гроб с музыкой пииту на ухо наступает. Всем пиитам подлунной наступил. Пиизия, la piss-si-zia сдохла! Звездой гавкнула.

...психея Ивановича не успела расправить крылья, но уже мчалась со сверхсветовой скоростью к границе вселенной. Душа не ведала: подлетевший к этому абсолютному зеркалу не определит, с какой его стороны находится.

...и многое не чуяла. А в мире буйном нет ничего. Да и мира-то самого не

Довольные

— Мы здесь причем? У нас тишь и благодать!

— Греков забыли? Здорово они вас отделали!

— Да! Упущеньице. Зато и польза! Мы им вставили, как ключ в зад, Афинскую школу и провернули — два тысячелетия было спокойно.

— И рухнуло всё! Пригрели змей!

— Это про Декарта с Беркли? Ахинейский немецкий гроссбух приплюсуйте! Мы так им хлопнули — ни от Беркли, ни даже от Юма мокрого места нет!

— Подумаешь! Потом энергетисты-позитивисты поползли...

— Так мы по старой привычке пошелестели немцами, стукнули Гуссерлем, а умным французам подсунули Хайдеггера. Они рехнулись сразу! Эхолоалия и круги по воде пошли. А от русских избавиться еще легче. Мы на них фальшивой французской аромой побрызгали. Теперь они от другого-прочего нос воротят.

Чекалдыкнутые, но пока хлыстами себя не бьют.

— Бьют. Сам знаешь, пусть без хлыстов.

— Тем лучше. Хвилософии и без них конец. Чуть-чуть хилозовия с хлорофосией остались. Да и те фиктивные.

КБ-6

Пещный оказался кем-то вроде Тургенева при Полине Виардо или Владимира Маяковского при Лиле Брик, но не статистом-литератором, а просто деятелем на краю чужого гнезда. Однако на край он не претендовал. "Мы с Борей не живем, мы по факту не муж и жена", — заявляла Наденька. То же твердил Боря и прямо приглашал Пещного жить с ними, то есть предлагал Пещному жить с Наденькой. Боря не с улицы парень, но красавец-молодец, изготовленный из высококачественного мяса. Будь Дмитрий <.....>, он сам бы его <.....>.

Обиталище, в какое попал Дмитрий, чрезвычайно уютно. В спальне Наденьки — огромная кровать-диск на мощной ножке. Если эту кровать-центрифугу раскрутить, вращаться она могла весьма долго. "Все трое заберемся!" — восклицала Наденька. — "У нас с Надей интима нет и не предвидится", — уточнял Боря.

Боря отнюдь не импотент или кастрат; в полное исчезновение секса у этих близких людей Пещный не верил: "Несомненно, хотя бы единожды в полгода есть", — решил он про себя. И всё дело заключалось не в том, что Боря был любовником слишком редко, а в том, что

Пещный слишком часто — столько раз в сутки, сколько иной мэнар в неделю или в месяц. Находиться на краю чужого гнезда при таком обстоятельстве невозможно. А Боренька для всякой женщины — мужчина очень удобный и более терпимый, чем ребенок или котенок. Разве в известном смысле не приставал и не ласкался, но вещей не разбрасывал, ничего не пачкал, пьян не надирался; сверх того: он чрезвычайно аккуратен, подтянут, необычайно вежлив, весел, остроумен, образован, как бык здоров. Боря — лучший партнер по танцам, по походу в театр, в гости и куда дальше. Не бросит, не предаст, не обманет, в нужный момент подставит плечо, а когда надо — заслонит широкой спиной — короче, фантастическая вещь, которую в супермаркете не сыщешь. Говорил Боря исключительно с московским булошно-ишным акцентом — словно купчиха-прабабушка с древними предрассудками, — но временами и петербургская ччтойна ччтобность запатЭнтованная прокофЭЭнной атмосфЭрой провинциальной конфЭрЭнции раздражает! Тетя Хая из Шанхая! Почти нет даже в голосе белоэмигрантов ни московского, ни иностранного призвука. Последний бывает у аспирантов, поторчавших в забугорных университетских "пам-пасах".

Однажды Пещный не удержался и спросил Борю:

— Женятся не для пребывания в состоянии "брат с сестрой". У вас с самого начала этак пошло?

— А пошло скверно. Мы гуляли по парку "Лосиный остров", она там напала на меня и изнасиловала, — заплакал Боря.

— Но позже-то вы без проблем выбрали из парка?

— Она насиловала еще три года, пока я не опомнился. Но опомнился — стали брат с сестрой, — присмирел Боря.

Эффект № 12: контр-интактный

1

Павел Косидовский мог работать пять дней и не спать, но для отдыха у него имелся на Каменном острове особый домик. В нем размещались полторы дюжины спален: арабская, испанская, китайская, японская, индийская et cetera, но главной опочивальней прослыла ПЛК — православно-лютеранско-католическая. Отказываясь от неточных синонимов, он так и называл ее. Стены помещения украшали виды городских кладбищ, кирх, церквей. Для контраста там висели две тарелки с изображениями еврейских могил, но зато отсутствовал и слабый намек на среднеазиатские надгробия. Эти намеки (порядочную коллекцию) Косидовский думал расположить в одной из мусульманских спален, но о том забыл, а потом отставил намерение. Не все связывалось воедино. Слишком не похожи турки на семитов-арабов. Им бы подошел ламаизм. Гармония выше всего! Даже Испания

524

улизнула из романского угла, а затем — из европейского аккорда. То в ней проступает мавританское, то южноамериканско-индейское.

Косидовский собирал чертежи подвальных пространств и подземных коммуникаций, принадлежащих монастырям, духовным училищам, храмам и кладбищам. Его интересовали кладбища и склепы. Но центральным пунктиком были подземные ходы. Рассуждать о них мог беспрерывно. Он знал подземные ходы на кладбищах великих и малых городов, туннели, соединяющие кладбища с храмами и реками. Вот карта начала XX века, а на ней — подвалы Томского женского епархиального училища — неофициального института благородных девиц. Ныне в здании — Военно-медицинский институт... От подвалов училища идут широкие подземные дороги, по каким купцы на лихих бричках увозили развлекаться обучающихся добродетельности девиц. А на этой карте — туннели под кладбищем города Козлова, сейчас Мичуринска. Ответвление ведет в кладовую, в которой до сих пор хранятся спрятанные от большевиков церковные ценности. Впрочем, подобным и кладами, в отличие от ценных бумаг, Косидовский не интересовался. Важнее просто вдохновение. Павел Косидовский рассматривал чертежи склепов и подземелий перед сном, с тем чтобы они ему приснились. На столике у изголовья Павел раскладывал шанцевый инструмент, веревки, фонари, свечи, масляные лампы. Напротив висела черная накидка домино и военная плащ-палатка, а также масса ключей от старинных замков.

...спонтанно Косидовский перемахивал и на цивилизные (то есть вроде бы на светские, мирские) подземелья. Знакомясь с ними, он нередко напевал под нос песню на слова Языкова:

Нелюдимо наше море,
День и ночь шумит оно.
В роковом его просторе
Много бед затаено.

Изучал цивилизные подземелья Павел Косидовский опять с целью стимулирования необычных сновидений. Но чаще Косидовскому нравилось, когда духозрение появлялось само собой, без всяких усилий и просьб, сливалось с рутинной жизнью и оказывалось ее продолжением. Скажем, подземный ход между главным зданием университета (бывшего во время оно имени Жданова) и Академией художеств существовал в реале сновидений давным-давно. По нему вроде бы вагоны-электрокары бегали... Но в тех, не всем известных измерениях, Академия наук и Зоологический музей отскочили от университета на километры. И пешком здесь никто не передвигался.

На Петроградской стороне того таинственного слоя народилось с десятков станций метро (где им места хватило!), а "Торьковскую" перекрестили в "Станцию Мира" — не в "Площадь мира", не в "Улицу мира", но без намека на оговорки, как слышится — так пишется, стеклянно-чугунно-каменно: "Станцию Мира". А за ней — не парк, а длинное небоскребоподобное сооружение, несколько сходное фасадом с высотой ООН. Обойти его стоило великого труда. А вокруг него — киоски, киоски... Ночью от них

идет призрачный свет. Торговцы этих точек упрямо не подсоединяются к городской сети, пользуются свечами и аккумуляторами.

Серьезные кунштюки скрывала и улица Профессора Попова. Конечно, действовало подземное сообщение от Попова, 4 до Попова, 14, но еще ничего особенного. Дикое, странное, убийственное — в том, что через дыры в плетнях-зарослях и мощных заборах, через скверики со скамеечками, через живописные уголки и уютные дворики проходил ход надземный! Целые куски витальности, выданные из Ботанического сада, нанизывались на узкую тропинку, как на шампур. Разное там кипело и дышало. Там можно жить и слушать птиц, там эпоху назад полагалось целоваться с третьекурсницами и подобно призраку растекаться по дереву. Собираясь туда, не обязательно менять хаки на штатское. А вот соль дикого, странного, убийственного: надземная стёжка не пересекала соответствующий карте проспект Медиков! Метагалактика ломалась и мчалась к черту. Проспект Медиков аннулировался как ненужный и неправильный, а страшная разлапистая громада Полиграфмаша испарялась.

В букете затейливых снов первенствовали мелочи-зацепки, оттенки красок, запахи. Кому могут сниться запахи? Неизбежно возникали пунктиры, хрупкие мостики между различными мирами. По ним естественным образом толковались и перетолковывались сновидения.

На верхнем этаже грохнуло. Косидовский усмехнулся. Усердствует Мотоустя. Заявилась с корабля на бал. Типичный шизоид. Однажды даже вознамерилась мыть резиденцию восьмого марта. Надеялась зашибить лишнюю тысячу долларов? И на Измайловский проспект в тот день поехала. Натурально не пустили. У нее с мозгами не совсем. Отчего не выставили с теплых мест?

Павел наморщил лоб: "Забыл, почему она Мотоустя, хотя зовут Клара?" Похоже, благодаря фамилии. Клара Устьянцева, а "Мото" оттого, что до нынешней "Оки" разъезжала на мотороллере. Доброжелатели подарили новую "Оку", дескать, не трещи и зря собак не дразни. Ну и Мотоустя!.. Рост — сто пятьдесят пять сантиметров. Масса — сто двадцать килограммов. А сложилось у нее так уже лет в четырнадцать. Получается, хорошо форму держит. Мебель перемещает лучше иного тяжелоатлета. Кровати не двигает, хватает за середину, поднимает и переносит. Беречь полы научили! Хи-хи! При эдакой корпуленции совершила семнадцать прыжков с парашютом, трижды в течение сорока минут управляла самолетом АН-2. Но в военное училище не приняли, космонавтом (фью!), как мечтала, не оказалась. И техником или инженером не сподобилась стать. Помешала нелепая историйка замоскворецкая... Проучилась пару семестров в МАИ, но выгнали из-за высшей математики. Взыграл знак интеграла — буква "S" запретила космос. Тайное в этом

есть. Непрерывная неровность, нервность. Перемычка у символа доллара... Поедет Коралла на лошади, если опять начнет комплексы демонстрировать. Косидовский не мог остановиться. За мыслью шла еще мысль, но не та, а нужная пряталась где-то на заднем плане, словно за кулисами. Кругом сплошная интерференция. Любой человеческий тип не существует изолированно, но скачком переходит в соседний. Сразу, не постепенно! Без промежутков... И здесь перед ним мелькнула картинка.

— Ну да! — сказала в тот приснопамятный момент Элеонора, бросив девяностокилограммовую штангу. — Ваши жены — пушки заряжены. А вы ищете тех, кто верит и ждет. Нашли дурочек! С каких щей и с бухты-барахты я должна рваться на Курилы или в Чуркистан?

— И что предлагаешь? — делая вид, будто все ordinarily, спрашивал Павел ("Сла-богу, не культуристка").

— Выхода у тебя два: либо комиссоваться, либо определиться лакеем в академию...

— Почему лакеем?

— А в военных академиях лакеи — те, кто в чине ниже майорского. Надо за полковников таскать указку, раскладывать наглядные пособия.

"Требуется ли мне чрезмерно умная спутница жизни?" — засомневался Косидовский. Последний курс топографического многим развязал руки, позволил разжиться на всякий пожарный лишними кандидатками в жены. С полдюжины набитых студенточками вузов слились в ирреальную единицу, одни факультеты рас-

творились в других. Шагает переодетый в штатское Павел по набережной Макарова (чуется, универсанты терпеть не могут курсантов, да сами по себе курсанты-недоофицеры воспринимались подчеркнуто желторотыми, хуже смотрящихся удалцами суворовцев; недорабатывали здорово военные дизайнеры), а взамен филфака ноги приводят к психфаку, чуть не на подозрительной психической почве...

Тогда Косидовский еще не представлял нужное и запасался вариантами. Но Павел знал: души нет... Точнее, он убедился: душа отсутствует лично у него, а потому везде искал объект, какой бы ее заменял. Да, на Курилы он не поехал, а комиссовался, побыв адъютантом. Взял паузу с чужой подачи и душу встретил, которая ходила туда-сюда, оживляла тусклое житейское пространство. По молодости он не ведал: у тургеневских девушек есть тенденция превращаться в своих антиподов — тургеневских женщин. Шанс избежать смертельного апперкота — выбирать эмансипированных, но Россия не Париж и не Нью-Йорк; в Русландии они корявы: либо штанги кидают, либо имеют вместо сердца пламенный мотороллер.

Вот-вот. Косидовский пытался толковать и сновидения, и события. Для кого-то сновидения покажутся тренировкой перед чем-то. Истолкованию событий Павел учился не по учебникам. Уникальное зрение у него открылось, когда он числился школьником. Кое-что прояснилось — и присниться не могло...

В те смутные времена (Существовали ли они? Чересполосица в памяти: то твердо-резкое, тугоплавкое, то — маловесно-мякинное, бесформенное!) соученик Косидовского, Синельников, восемь раз ломал правую руку. Семь из них такое происходило при одинаковых обстоятельствах: на Синельникова налетал мотоциклист. Но однажды это случилось на легкой атлетике после несанкционированного прыжка в высоту перекатом. Прошло несколько лет с тех пор, как Косидовский-школьник перестал изобретать электрические вечные двигатели и верить в Буратино, Карлсона и подобных персонажей. Строгай не строгай полено, а человек из него не возникнет. Не всякому, увы, дано простейшее осмыслить. Внезапно освободившийся от суеверий и сказочек обостренный ум Косидовского озадачился повторениями. Вначале Павел подумал: фантазер Синельников врет. Косидовский опросил всех, кого отыскал, и даже, прикинувшись посланником директора школы, познакомился с медсестрой хирургического отделения, в которое периодически привозили несчастного, и с оторопью постиг: "Вранья нет!" Но ужаснулся здесь не Косидовский, а его интеллект. И была, была прозаическая разгадка совпадений. Оказалось: третьегодник Синельников — класс-то не с литерой "А"; по свято-советскому уголовному принципу туда совали отпетых и переростков для отягощения кармы остальных — не хочет учиться, проще сказать, боится занятий. Глубоко спрятанная сила, что не хотела пребывать в мерзком казенном учреждении, норовила убить объект, в коем сидела. Она умела управлять ногами, но другая сила, ей противоположная, держала под контролем пра-

вую руку и, жертвуя ею, спасала организм. Но кроме тайных стихий есть закон причины и есть закон повторения волны. Закон волны важнее всего!

Теперь Косидовский, покуривая кальян, размышлял. Он тщился найти связи между несуразицами и особенностями, какие ему подарили природа или судьба. "Природа ли? — думал Косидовский. — Судьба ли?" По всему виделось: не природа, не судьба, а случай. Знал Павел те часы и те секунды, пенял на них, да позже потерял детали, сбился. Разное творилось: первое, второе, девятое. Почти одновременно. Что-то и стало причиной. Проклюнулась эта причина лет в восемь, а не когда он подстрекнул богатых интендантов перекупить интересенькие акции и принял над несведущими в ценных бумагах старшими офицерами неофициальное командование.

3

Косидовский вспомнил себя, школьника младших классов, ту доисторическую зиму, деревянный дом и лицо старшей сестры Светы именно той зимой. Сестра стояла на крыльце и смотрела на черную собачку с белым хвостом, бегающую по утопанному снегу.

— Розка родит щенков, — уточнила Света.

Эта фраза повисла умершей возможностью, памятником пустоте. События наступили на пуп самим себе: ощениться Розке не удалось. В

январе или в феврале, раскидав сугроб и устроив под оградой лаз, в сад проникла чужая желтая собака. Она искусила Розку. Розка носилась по снегу, оставляя кровавые следы. Вскоре раны затянулись, о происшествии почти забыли.

Пришла весна, исчез снег. О щенках уже помалкивали. В остальном Розка вела себя по-обычному. И вдруг в конце апреля она набросилась на соседку Ираиду и прокусила ей сапог.

Затем в дом притаранился дюжий врач, Максим Давыдович. Он для приличия порасспрашивал жителей о том о сем. Всякий удивлялся. Никто не улавливал, чего этот благообразный ветеран добивается. Но Максим Давыдович побеседовал и с каждым в отдельности, позабрасывал престранными вопросами: "Что сегодня ели?", "Вы ели суп, а из чего он сделан?", "Какой идет месяц на дворе?", "Не сообщите вы мне, какое число наступит завтра?", "А день недели какой?", "Не целовались ли вы с Розкой?", "Не приходилось ли ее гладить?" Затем врач прописал всем уколы от бешенства, сдернул очки и удалился.

Собаку больше не отвязывали. Она лежала в конуре, молча и затравленно глядела оттуда. Изредка высовывалась и утыкала взор в звёздное небо, высматривала в нем ответственного за свою судьбу. Розка, наверное, чувствовала: очень скоро она здесь не будет, а ее теплый и уютный домик отволокут веревками дальше от сараев, польют бензином и подожгут... Над землей появится огонь и высокий столб дыма.

Дым повалит в одну сторону, в другую, чуть замрет и устремится в неизведанное.

Павел терзался: "Зачем я сказал доктору: «До того, как Розка начала кусаться, гладил ее по шерсти»? Он и прописал тридцать дурацких уколов! А если воткнули некачественный? Например, с примесью наподобие прионов? Но уколов-то пятнадцать, а не тридцать! В этом заморочка? Или в третьем?"

И нашел Павел точку сборки — знаменательный урок во втором классе. Что было? Чистописание? Арифметика? Русский? Но не иное! Объясняла учительница. Вещала, аки птица пела. Разгуливала по классу в расшитом облегающем талию светло-синем джемпере а-ля венгерка. Падающие от окна лучи зажигали на нем золотые блески. Сполохи ходили по стенам, словно от Жар-птицы. Что значил вид преподавательницы и движения? Надо полагать, хотела в собственный рот посмотреть, перед зеркалом повертеться! Так красовалась! Так увлекалась! Вот, мол, дети, какая я, ваша учительница, хорошая и пригожая, и как говорить изящно умею! Вот оно — зрелище! Похожее вовеки не встретите! Наслаждайтесь, пока есть возможность! До пенсии станете меня вспоминать, да и на пенсии вспомнится. Блеск! Блеск! Вы бы обратили внимание на пердючку-каргу или на невротическую уродину в параллельных классах. Сравните! Сравните! Повезло вам, дети, со мной! Или вы предпочитаете тех клуш и матрешек, кои рядом учат?

Много прозвищ дали преподавательнице. Одно из них — Жар-птица...

Оля, с которой Павел сидел за партой, быстро вырезала из бумаги крохотные цветки сирени натуральной величины. Вырезала она маникюрными ножницами пятилепестковый цветок, улыбнулась и похвасталась. Павел у нее переспросил, она ответила — и пошло. Да тут петухом выскочила учительница: "Ах ты, сволочь! Болтовню во время объяснения разводишь!". Схватила чью-то сумку-планшет, набитую чем-то тяжеленным (Кафельные плитки там гремели? Может, сумку Козырева? По инструкции отца Козырев каждое утро где-то крал десятка полтора штук кафельной плитки, а потом — не поворачивать же назад! — тащил это добро в школу), и принялась молотить ею Павла по темени: "Ах ты, сволочь! Бестолочь! Бестолочь потуская! Сволочь уповская!" А произношение! Произношение! Когда Жар-птица злилась, становилось оно, как у клуш и матрешек, что в параллельных классах — ученики не находили себе места от стыда, потупляли глаза... Ударила Жар-птица раз пятнадцать в истероидном сне без сна. С катушек полетела педагогиня. Жареной вознеслась. Ну и дело! Уколов штук пятнадцать, а теперь ударов — пятнадцать! Зло сверзлось с неба? Чье это задание? Кого-то свыше? Почуял Павел крепкий запах гудрона, но не носом, ощутил верхушкой мозга. Аналогично германиевый транзистор со срезанной крышкой осязает горячий свет стоваттной лампы и служит датчиком. Никогда такого не испытывал. Лопнули, несомненно, в мозгу мелкие сосуды — и попала сыворотка от бешен-

ства туда, куда проникнуть не могла по природе вещей, да скорее, проникла не сыворотка, но неизвестный загрязнитель. Раскладку эту Павел сразу угадал, хотя и не всё в ней уловил.

От сотрясения извилин у Косидовского повысилась температура, голова разболелась, и назавтра он не поспел на утренник с построением, речами и концертом. За нарушение объявила учительница Павлу строгий выговор с регистрацией, с хитро-нудным записыванием, в хвост журнала, но Павлу уже было наплевать. Он старался с той поры на утренники, собрания, соревнования, демонстрации, сборы металлолома и прочие коллективные мероприятия не ходить. Автоматически стал антиобщественным элементом, эгоистом и "частным капиталистом". Именно так его и называли после отказа сдать в макулатуру хранившиеся в сарае подшивки старых журналов. А еще без всякой основы его нарекли "Чичиковым". Наверное, оттого, что у гоголевского героя то же имя. Но суть не в том. Почему-то Павел изредка принимался рассуждать вслух и невпопад. Иногда даже рассеянность проявлял, а из отличника превратился в хорошиста. И почерк-то! Почерк! Забыл Павел чистописание, а до того считался каллиграфом!

* *

Та ли то краеугольная причина — неясно. Но криводвигатель возник. И посыпались странные следствия, обыкновенные связи сущего разъехались, — и начал Павел жить по иным, чем обычные люди, законам. Интересно и жалко убегающего времени, потери сил на дополнительное трение, которое другим не снилось. Творилось с Синельниковым диковинное, и с Павлом Косидовским оно творилось, но не в тех сферах.

А ныне? Обострилось восприятие! Будто вновь ему грязную сыворотку от бешенства в брюшину закачали и раз пятнадцать надгорным паровым молотом по макушке ударили! Повторяется жизнь, повторяется!

Задумался Косидовский. В себя пришел — выяснилось: не там он. Не то ему видится, не то снится. Да уж подземные ходы! Ими изрыт шар земной насквозь. Люди живут не на поверхности, а во всем объеме планеты! На поверхности — только проекции-отображения! Платоновский театр теней! "Где мантия? Где магма? Где железное магнитное ядро?" — спросил Павел Косидовский. И оказалось, ничего этого нет. Открылся невнятный скол незримого. "Зачем так глупо, так неинтересно! Лучше до Марса пешком! И Луна рядом, а здесь ныряй в глубины, — досадливо констатировал Павел. — Что написано на роду... А затем? Дальше в рифму должно быть. Или без нее? ...написано на роду, то... тому... Не вспомнить". Провалился Косидовский еще глубже и, низвергаясь, зрел округу насквозь, с представляемым и случайно подставляемым. Ухо-

дящие свистящие пространства словно бы и не исчезали, а мерещились. Ахнул Косидовский — и земной шар у него в голове: геополитика и затытика, зоотаника и даостатика. Вот они тяги, шестерни, кремальеры, верньеры, рычаги и кнопки...

"Нажать, нужно обязательно нажать! — забурлили планы. — Отчего не подтолкнуть?! Не воспользоваться возможностью?! Но те ли рычаги, те ли кнопки? Ух, нажал бы, многое перестроил, перевернул! Тут они, тут они! Подлинные! Немедленно нажать и подкрутить не рукой, а мыслью! Как нажмешь — так и будет!"

И принялся Косидовский нажимать наступающие из-под тумана пульсирующие кнопки-окончания, давить огромные артерии, переключать нефтепроводы, газопроводы, переносить дороги, перемещать морские и воздушные пути, изменять ход истории. "Надо ведь табакерка! Надо ведь музыкальная шкатулка! Всё различимо! И пофигизм везде! До всего легко дотянуться! Вперед! Вперед! Тянуть тяги! Вращать маховики! Перетасовывать связи! Перемодулировать сигналы!"

Уф! Обзор пропадает. Но хватит свершений и видений. Остановить их? Не удастся. Вылететь наверх? Получается. Почему летишь ввысь — неизвестно. Но вариант не тот, не тот. Не могут существовать эти шхеры, норы, пустотные пещеры. И главное: неощутим сам для себя... А для других?..

Что на теле Земли? Уже нельзя рисоваться в трехстах местах одновременно. Первый, кого удалось найти, был владелец Евразии. Во дворике вдали от магистралей...

.....

Владелец Евразии похож на китайца, но у него светлые волосы и светло-серые глаза. Его левое ухо меньше правого. Он житель Харбина. Любимый сильный мира сего, сумевший прикоснуться к одежде или коже владельца Евразии, имеет мандат неограниченной власти. Целых тридцать шесть часов! Но никто не ведает об этом.

"На черта мне теперь власть!" — помимо воли проговорил Косидовский.

Вторым найденным стал немощный и дряхлый владелец Африки. Восемьдесят три года назад он покинул Эфиопию и поселился в Тунисе. Во избежание смуты не нужно никому называть его селение. О бытии владельца Африки узнали коммерсанты из ЮАР. Они давно задействуют его в своекорыстных целях.

"Премило! Разве мумба-юмбадохнут от СПИДа! И порядок этот не отменяем! В чём и загвоздка!"

Полет — перелет! Опять под землей перелет. И вот Австралия! Владелец Австралии, наоборот, юн. Ему не исполнилось и четырех лет. Гм... Уравновешенный, подающий надежды ребенок.

"Короткие штанишки? Да нет! Обойдемся без напарника!"

И вот — владелец Антарктиды...

Владельца Антарктиды зовут Пй́нгвин. Он росл и грузен. По обыкновению Пй́нгвин прячет тело жирное в утесах... ("Что? Что? — пронеслось в мозгу Косидовского. — Слишком опера знакомая!") Глупый Пй́нгвин очень боится барражирующего в небе Буревестника.

"Розыгрыш? Ан нет! Это не у Максима Горького списано. Молодой ницшеанец, подраненный Алеша Пешков, после попытки застрелиться, прохлаждался в тех же неизменных эмпиреях вечности, а пережитое там — записал. Не попадись ему злостный житомирский саботажник Короленко, вышел бы Пешков в дамки символизма, сиял бы славой русского Лотреамона!"

Наконец вакансия. Америка до сих пор без владельца. Наиболее подходящие для этой латифундии индейцы не дожили до наших дней.

"Америка? — соображал Косидовский. — Не желаю Америки! Через полтора-два года не отличишь Северную и Южную от Центральной! О-о, родится кофе с молоком и текилой!"

Контроль: контрольный

[16 +; 35 минус]

...утром дорогу перед капотом перебежала кошка. Впрочем, рыжая. И не кошка, а, судя по здоровенной морде, кот.

Кто бы это мог быть? Да известно, кто! Не иной! И думать не хочется! Он, скотиньяка, опупел! Но связываться — ни-ни-ни! Лучше отрежу ему что-нибудь. "Но нет! У него особая статья есть. На гул! На хул!" — крикнем дружно! Пока скромненько предупрежу. Ах, ты! Еще и управделами заболел. Руководитель администрации не придет. Везет коту толстомордому! А если меня на троне сменит, паразит?! И щелкнуть по носу нельзя. Из-за него неразберихи-несварихи пошли. То с перьями, то с трубами, то — с маразмой-протоплазмой. В перьевой стране с перьями в сорока двух субъектах федерации замороки.

Почему в Европе проблем нет? А от нас сосет! Яволь! В ГДР торфом топили — и ничего, часто без котелков. И все равно — орднунг унд штрэнгэ дисциплин! И вовсе не оттого, что каждому бесплатно по четверти стакана штази наливали.

Ели восточные немцы на грош. Зато пили как следует. Цум воль — прозит. Цум воль унд цум воль. Хорошо нацумволивались, а схрумкивали за вечер только пару бонбонок. Вот тебе,

бабушка, "после первого стакана не закусываю"! Это лишь русские жорики-швайнкопфы просекают, в чём соль эпизода из "Судьбы человека".

Проглядел выделенное разными фломастерами... Сегодня больше заинтересовали "плохие" цвета. Не иначе рыжий досадил... До чего стервецы дошли! Вчера зачем шнягу гнали по тому каналу?! Собаки! Собаки! Куда их? Предыдущий многое позволял. И что получил? Не тот винегрет! Гагаке лапчатому, гагаке хрустальному было мало. За облака воспарил, трамплины начал строить, мосты. Собирался верхотуру замостить. Чуть-чуть крыльев и фантазии не хватило. А внизу подобно танку себя вел. И пришлось его слегка перемостить. Он не понял. Не всё дотумкал.

Плюс другое вспомнилось. Еще как вспомнилось — насквозь прошило. И тут же провернулись в голове затверженные формулы: *"Заткнуть фонтаны! Убрать раздолбаев!"* Раздолбаев никто не сеет, не жнет, они сами родятся. Прореживать, отрезать и просеивать. Богатство и сила придут из пшика. По академику Зельдовичу.

И вообще: всякий сверчок знай свой шесток. Неча *вы-со-вы-ва-ца* кому не положено. Но когда для дела потребуется ушки, рожки или серебряные, хоть и глиняные копытца продемонстрировать — тогда мы скажем, тогда мы покажем, заставим высунуться, пусть даже головы и ноги при этом сбреет. Орднунг должен быть.

Раздался звонок внутреннего телефона.
— Слушаю.

— Готов анализ посылки с пачками чая.

— Ну, и?

— Токсичного не обнаружили, но присутствует постороннее вещество. Возможно, думали напугать.

— Позабыл, кто отправил посылку.

— Послали с почтового отделения на Комсомольской площади. Некто А. В. Петров. У нас Петровых миллион, а здесь, скорее, не москвич. Корпус ящика чрезвычайно тяжелый. Словно специально подыскали, чтобы не отсылать бандеролью и не предъявлять документы. Присовокуплена краткая записка...

— "Отличный чай, прямо кремлевский". Верно?

— Так! Его желательно никому не отдавать, как вы намекали, но уничтожить. Проще говоря, сжечь.

— Поступайте по ситуации, — он кинул трубку и забормотал слова заклинания: — "Живый въ помощи вышняго, в кровѣ Бога небеснаго водворится; речеть Господеву... ...Богъ мой, и уповаю на Него".

Штука! А у нас (он передернул плечами) опять отловили снайперов. Откуда чертяки берутся? Весь народ за меня. Будь халатный Горби на одну двадцатую мной, сейчас находились бы в раю. Ха-ха! Надеюсь, в земном раю... А почему бы, и правда, не выпить чаю? В горле пересохло. А может, подсушить поц-затычки между Ленобластью и Кенигсбергом? Не теперь! Пока пару пробных фраз брошу — хай журналюги разбираются, развивают умственные способности. Но сяду в кресло Генсека — высушу. Хотя шахты и бухты уже иссякнут сами...

Ладно! Лишь появится недостаток спирта и угля и булки на деревьях кончатся... Начну с затычек, не с Европы. Главное, предлог бы нашлся.

КБ-7

Пещный не оказался в глупо-мудреном положении Тургенева или Маяковского. Надя трудилась на всемирно знаменитом ракетном заводе имени Столешникова, часто пропадала там днями, дежурила ночами. Она каким-то образом достала Пещному пластиковую карточку. На пластике Дмитрий увидел свою фотографию и чужую фамилию: *Мандро...* Показывать паспорт никому не понадобилось. И Пещный превратился в секретного любовника секретного работника на суперизвестном секретном заводе в одном из московских городов-спутников.

На тамошней овощебазе Пещный без документов зачислился экспедитором в абхазскую фирму. Фирма занималась не овощами, не закрывалась на ночь и в выходные дни. В любое время Пещный приезжал к абхазам. Рядом с гигантским дюралевым сараем денно и ночно стояли с включенными двигателями три десятка разномастных грузовиков. Пещный выбирал шофера-халтурщика, загружал товар и рисовал ластиками автомобильных протекторов хитрую загогулину на теле Москвы. Крутился сииим макарон Дмитрий с пятого на десятое, но ухитрялся при этом огрести червонцев раз в семь больше, нежели Наденька и ее муж вместе взятые.

Прошло два года. Пещный уже не на краю гнезда, он чувствовал себя вне его. Пусть Боренька соглашался едва ли не на роль камердинера, а в распоряжении Пещного — с полдюжины свободных помещений ракетного завода... Маятник судьбы торкнулся с того, что Дмитрий стал терять сон. Четыре часа сна в сутки, один час — и наконец Пещный научился спать вообще. Странно, но его эротические способности резко усилились при таком обороте вещей. Зато восприятие мелодий и ароматов ослабевало, удовлетворенность жизнью — улетучивалась. Приходил срок отъезда. Как быть? Бросать Надю Пещный не собирался, невозможно придрататься к ней, а в самом Дмитриии начисто отсутствовал внутренний зверь, вызывающий спасительные скандалы, толкающий события к развязке.

Распрекрасным утром Пещный шагал по необъятному двору между длинным приземистым баракom и высотными сооружениями, сверху донизу обтянутыми брезентом. Неожиданно на Дмитрия выехал луноход. Серебристая машина медленно ползла по асфальту. Луноход остановился, к нему подошел инженер, вознамерился регулировать его башню. Сбоку завизжали шины, к аппарату подрулил джип охраны. Пещный знал: этот автомобиль — не меньший уникум, чем луноход. Его изготовили не в Ульяновске и не в Нижнем Новгороде. Несерийный джип сварганили на КЗКТ — Курганском заводе колесных тягачей — в пик пореформенного простоя. Из экспериментальной машины вылез пожилой человек в штатском, коснулся рукой нержавеющей металла лунохода и начал

сухо и беззвучно рыдать. Видимо, пристроенный в охрану заслуженный пенсионер оплакивал смерть космической эры. Да! Луноход подчистят, подправят и отвезут на третьестепенную выставку, но никогда эта серебристая штучка не коснется другой планеты: ни Луны, ни Марса, ни Венеры... И ультрамодерные аппараты туда не десантируют: мир иных планет для России захлопнулся перед носом.

.

***Продолжение эффекта № 1,
ювенильного,
плюс эффект № 13***

1

Константин упек сыночка в военно-патриотический лагерь "Феникс". Лагерь находился далеко. В Лодейнопольском районе. Автобусы с детьми тронулись — и папаша услышал: славное заведение предназначено для трудновоспитуемых подростков и слегка похоже на колонию для несовершеннолетних преступников. Что делать? Поворотливостью, разворотливостью Константин не отличался. А поскольку давать отбой поздновато, он для успокоения пробормотал: "Ad augusta per angusta. Лучше этот лагерь, чем психиатрическая лечебница, в которую загребла мамаша".

В лагере Валик почти сразу получил кличку. Никому не спалось в пахнущем краской корпусе. Потихоньку переговаривались сосед с соседом. Затем стали делиться байками и жуткими

историями уже для всех. Не первойшей свежести: "В черном-пречерном лесе стоял черный-пречерный дом, в черном-пречерном доме был черный-пречерный стол..." и так далее. Очередности в порядке рассказывания — никакой. И здесь к Валику пристал сосед:

— Расскажи страшную историю!

— Расскажи историю, — повторил второй сосед.

— Расскажи, расскажи, — загалдели кругом.

И не к месту Валик выпалил:

— Расскажи, расскажи... а почему не покажи?

— А ты покажи, покажи, — иронично заметил сосед.

— Покажи! Покажи! — зашумел общий хор.

Ретироваться некуда. Торопила деликатная двусмысленность ситуации.

— Кири-кири! — крикнул Валик в пустоту и принялся сверлить ее взглядом.

И тут вечерняя муть сгустилась, зашевелилась, из нее высунулось непонятное существо, которое может жить только в кошмарных сновидениях.

— Ай! — донесся чей-то напуганный голос.

— Вай! — передразнил трусишку Валик, и Кири-Кири исчез.

Промелькнувший призрак произвел колоссальное впечатление на публику. И Валик стал почтительно именоваться Гарри Поттером.

Игры в лагере обычно начинались из-под палки, по расписанию и под присмотром. Иных развлечений почти не оказывалось. А те, что возникали сами, были очень смешными или запретными. Они могли быть разве в психиатрическом интернате или у ээков. Одно из них — поход к деревенскому ларьку. Серый сумрачный ларек стоял у перекрестка дорог, но продавцы предпочитали в хорошую погоду в нем не прятаться — слишком вонял товар. Они выносили столик и торговали с него. Приличные продукты на нем трудно увидеть. По словам девушки-продавца, ассортимент как во времена Горбачева, но качество гораздо хуже. Будто бы ничего и не менялось. Кидались в глаза малоаппетитные банки с зелеными помидорами, пахнущий вином перебродивший инжир в пачках, отдающие дрожжами токсичные плавленые сырки из глубоко уважаемой и особо любимой эсэнговой республики; высились стопки некогда сгинувших сигарет "Прима" и гниловатых папирос "Север"; громоздились бутылки с импортным подсолнечным маслом. "Рехнулись иностранцы на подсолнечном масле! Поджарить бы их на нем! — говаривал старший вожатый. — Во всякую больную точку мира посылают! Кому такая гуманитарная помощь нужна? А ведь сбываемое — пособие чеченцам, на котором кто-то наживается".

Куда-то проваливались сникерсы и жвачки. В чем загвоздка? Жители заранее узнавали о привозе товара и в тот же день его расхватывали, а тарахтящая Татра подвозила продукты только в дни выдачи денег в колхозе. Юным бойцам детского военного лагеря "Феникс" строго запрещалось употреблять сникерсы, марсы и прочие непатриотичные сласти. Рекламировали якобы отечественные шоколадные изделия фабрики имени Крупской. Но они в сельпо не поступали. Валик о них не жалел, вспоминал лицо своей бабушки, Вероники Калиновны. Ленинградская хореография и петербургский шоколад вызывали у нее обострение ревматизма.

Настоящий Гарик, то есть Гарик Лысенков, и Гарик Поттер, то есть Валик, подошли к лотку. Поттер обратил внимание на большой дефицит: какао. Чистое, незамутненное наполнителями какао и в городе не найдешь. Всё его, по мнению папаши, норовят сразу пустить на шоколад: так выгоднее. Мальчики придвинулись ближе и под насмешливым взглядом продавца осмотрели и обнюхали пачки. Одно какао было прибалтийское, другое — отечественное. От прибалтийского пахло плесенью, от отечественного — ванилином. Гарик Поттер, то есть Валик, не удержался от хохмы:

— А какое какао лучше: отдающее плесенью или пахнущее ванилином?

Хохма не удалась. Продавец лениво промямлила:

— Оба плесневелые. Просто во втором плесень забита ароматом. Но какао с ванилином, для печенки вреднее.

— Почему? — еще надеясь на удачу, спросил Поттер.

Продавец равнодушно ответила:

— В нем два яда.

От страдания, от скуки и отсутствия на лотке халвы или подобного ей, пацаны обзавелись прибалтийским какао. Валик тут же вскрыл пачку и лизнул:

— Отчего какао сладкое и светлое? Информация и на русском. На пачке не напечатано, что туда положен сахар и сухое молоко.

— Важность! — пробурчала продавец. — А если здесь не какао, а отходы шоколадного производства. Смели с пола и нафасовали, а дураки купили.

— Поэтому на зубах скрипит! — озарило Валика. — Кроме сахарного песка, в нем и минеральный! Отчего на границе такое прозевали?!

— Не песок, а цемент. И кто вам сказал — из-за границы? Может, и правда вредительство или тамошние русские по стародавней привычке свинячат. Но не думаю. Если у нас насыпали и пачки в типографии заказали? Документы, конечно, подлинные, от прибалтийской партии, которую услали в Москву.

— Вот волшебство! — восхитился Поттер. — Всё видите?! Вы фея?

— Фея! Фея! Но не я, а наша деревня. Запаслась у меня баба Галя макаронами с сушеной мышкой. Полчаса — и о том дошел слух в дома за озером. Вот и какао с цементом до вас лежало.

— А зачем вы его продали?

— Хо-хо! Зачем вы купили? Не я ли предупредила: оно плес-не-ве-ло-е! Эх, Поттер, Поттер! Плохой ты кудесник. А у нас уши развешили: английский волшебник живет в лагере!

— В действительности английский шпион Джеймс Бонд! — изрек до того молчавший настоящий Гарик. — Он у нас с орденом Пеникса спутался!

— Матом ругаешься?!

— Не ругаюсь я! У него и пеникс еще не вырос.

3

Важным средством воспитания считалась песня. Новые вещи не написаны. Реанимировали старые. Правда, веселенькую древность со строчками: "Взвейтесь кострами, синие ночи!" петь не заставляли. Боялись, как бы кому не донесли, да как бы чего не вышло. Зато "Ночи" по три-четыре раза в неделю доносились из динамиков. Вырезать их из готовых сборников не собирались. И кто бы бесплатно взял на себя труд?

Стингов, Zemfir, разную металлику требовалось дегустировать тайком, но подобным мажевом никто, кроме младших вожатых, не увлекался. Странная расслабляющая и сладенькая попса, которую слушали на ночь через наушники не имела ничего общего с металлом.

Многие официальные песни перекочевали в лагерь из Министерства обороны. Они — для хождения строем, и не заводили. Может, оттого, что их исполняли в записях только взрослые. Из старых пионерских чаще принуждали

петь "Орленка" и песню о барабанщике ("барабашке", — упрямо поправляли скауты). Обе воспринимались мистично, не хуже "Белокрылого ангела". Кто такой орленок, который должен... взмахнуть опереньем (а не блеснуть им или сверкнуть, как в бумажных текстах!), кто такие враги, которые называли орленка орлом, не знали ни подростки, ни вожатые. А дети, благо, не спрашивали. Самым таинственным казался текст о барабашке. Барабашка-тарабанщик отождествлялся с коммунистическим призраком, шагающим по городу: "Будет полдень, хлопотливый и гремющий, звон трамваев и людской водоворот. Но прислушайся — услышишь, как веселый барабанщик с барабаном вдоль по улице идет". Определение "веселый" ни о чем не говорило. Мотив заунывной мелодии вещал: тарабашка — призрак очень печальный, но она всем нравилась.

Откровенно подходило запрещенное, например полублатные песенки из "Бременских музыкантов" с речевками: "Ох, рано встает охрана!" да "Работники ножа и топора, романтики с большой дороги".

Шестеро скаутов — и даже Валик — дружно топали по узкой дороге, идущей близ клумб, и голосили на мотив "Ах, вы, сени, мои сени":

Соня! Соня Колпакова!

.....

Мальчишей-плохишей остановил начальник лагеря:

— Этот неприличный текст сочинен на иностранные деньги! Его придумали специально для опорочения нашей Родины. Запомните, Родина не государство, не земля, не мать, не сестра, не невеста. Вы обязаны сами чувствовать, что она такое.

Валик уперся взглядом в прогал между облаками и, похоже, понял совсем иное.

4

Лагерь предназначался для подростков мужского пола, но в нем жили и тринадцать девочек. Еще с прошлого года девчонок в лагере прозвали путанами, а корпус "Д", где они находились, — путанником. Отучивать детей от глупых именовании считалось бесполезным делом. Обитательницы здания от девяти до пятнадцати лет себя путанами и величали, и гордились гуртовой кликухой. Путаны всем родам войск предпочитали кавалерию. Вследствие этого лошадки в конюшне были накормлены, вымыты и вычищены. Ржавели велосипеды. Но вскоре застаиваться в конюшне или на привязи у деревьев стали и животные: вожатых не удовлетворяла облошаженность тропинок на территории и в лесу.

Заигрывать путаны стремились с ребятами из младшей и средней групп. Младших они использовали вместо кукол. С палаточниками поддерживали дистанцию. Зато строили глазки вожатым. Гораздо удобнее и никому не обидно. Второе после лошадей увлечение путан — "балет", занятие секретное. Смотреть и показы-

вать его могли только избранные. Валик попал в их число, то есть он поступил в штат зрителей. Отец Валика слегка знал обитательницу корпуса "Д" Нину. Он как бы в шутку попросил её надзирать за Валиком. Она ограничивалась тем, что время от времени приглашала Валика в свой корпус. Там Валик раскрывал тайны карточных фокусов, а пару раз подманил Кири-Кири. Восторг от призрака испытали немногие. Но за другие достоинства, особенно за честное и правильное лицо, Валика допустили к "балету".

Однажды Валик возился на площадке с гимнастическими снарядами. Первые недели смены к ним разрешалось подходить, потом их изымали и прятали под замок: начальник лагеря и доктор боялись, что юные бойцы из-за интенсивных физических упражнений потеряют вес и уедут худыми. К Валику подошла Нина. От нее интенсивно пахло чем-то парфюмерно-косметическим, наверное, питательным кремом. Валик не стерпел и приник носом к ее голому плечу. И от плеча пахло, пахло от всего.

— Вот намазалась! — изумился Валик.

— Через пять минут балет! — сказала Нина.

— Какой балет?

— А сякой!

За зданиями, на некотором отдалении, высился сарай для дров и сена, с очень большим чердаком. Он походил на здоровенный одноэтажный дом. Снаружи к двери чердака кто-то приставил кривую деревянную лестницу. Под лестницей стояли два мальчика.

— Присоединяйся к ним, — кивнула Нина, а сама отправилась в кусты. В них шушукались несколько девочек. Первой из кущи вышмыгнула Таня Жукова. На ней колыхалась широкая юбка.

— Я полезу, а вы смотрите на меня, — заявила Таня и стала медленно подниматься по лестнице.

Валик добросовестно пялился на нее. Таня приближалась к концу пути, а Валик вроде бы ни черта не расчухал... "Разве балет? — удивился он. — Такой балет и на пляже бывает".

— До лестницы трусы сняла, — тихо прошептал мальчик слева.

Но Таня юркнула под кровлю. Валик ничего не увидел.

Второй поднималась Нина. Она надела юбку уже, но Валик мельком разглядел ягодичы и уголок между ног. Нина перемещалась медленнее, чем Таня. Идя, она словно бы и танцевала, и устраивала всевозможные па, которые обычно выделывают воздушные гимнастки. Упершись взором в пустоту, Валик почему-то думал о селедочных брюхах и куриных гребешках. Продефилировали еще четыре девочки. Соседи Валика обсуждали детали зрелища, а Валик ухватывал исключительно рыбыи брюшки и куриные гребешки. Ему чудилось, вверх забираются неизвестные науке животные. В качестве послевкусия он представлял себе зобы, распоротые кишки и вываливающуюся икру. Это было для него нормально. Ни радости, ни

отвращения он не ощущал. А ведь год назад он с удовольствием поглазел бы на "балет"! "Виноват Кири-Кири!" — счел Валик.

5

Чуть не каждого насельника лагеря украшали наколки. Количеством и качеством наколок всех победили путаны. Со временем число наколок у них увеличилось: путаны обижались на запрещение пирсинга и с помощью татуировок силились выразить протест. Наколку, в отличие от блестящих железячек, не вытащить. Вожатые сердились, но, часто не зная, как реагировать, старались в непотребство активно не вмешиваться: "И без того отряд гитлерюгендом именуют!" Но шикарнейшей наколкой щеголял хулиган Кука (нареченный так за "вирусоманию" и постоянное стирание в общем компьютере "кук"). На запястье левой руки, где положено быть якорю или чему-то подобному, у Куки красовалось схематическое, но точное изображение женской матки в стилизованном обрамлении придатков. Младшим бойцам (то есть бойскаутам) по скопированной на кожу интернетовской картинке шутники советовали изучать анатомию. Но путаны, обнаруживая куковский шедевр, просто тыкали пальчиками и хихикали. На что намекало хихиканье, никто из мальчишек не догадывался. Путаны находили в куковском рисунке иное, нежели остальные.

У Валика наколок не было. "И не будет!" — замечал себе Валик. Но в действительности больной вопрос раз и навсегда решила мама и

хитро втиснула готовенькое решеньице в Валикову, голову.

"И у Тани Жуковой нет наколок, — пробормотал Валик. — Ха! Разве нет, если у нее на жоконя со стрекозиными крыльями видел! И тотчас забыл! Или нет кося? Как бы теперь проверить?"

То ли для симметрии, то ли из иных причин Татьяну Жукову звали не путаной, а Таней Гроттер. Таня умела приручать белок, трясогузок соек, чем и прославилась. Но суть не в этом. Назревало другое обстоятельство. Тили-тили тесто напрашивалось само собой. А шутки плохи. Гроттер была здоровенной девицей и при желании могла до смерти забить худосочного Поттера. "А ладно, — успокаивал себя Валик, нашла на нее Кири-Кири!"

6

— Эй, Поттер! Тебя вожатый Михаил зовет, — крикнули Валику.

Валик чертил прутиком на земле схему электронного жучка для подслушивания и объяснял принципы взыскующим. Отрываться от занятия ему не хотелось.

— Эй, Поттер! Ты схлопочешь! Беги к корпусу "А"! — предупредил Валика уже третий посланец.

Ничего не оставалось. Да и схема почти закончена.

— Товарищ вожатый! Юный боец Выготский по вашему приказанию прибыл.

— Ты всё прибывал? Ты не прибывал, а где-то пребывал и прохлаждался! Почему сразу не пришел, когда тебя попросил Семенов?

— Я думал, Семенов врет. Да он пытался меня выкурить со скамейки!

— Индюк думал! Плохая служба, юный боец Выготский, тебе зачтется. Что за малинник вы устраивали у сенного сарая?

— Какой малинник?

— А "балет". Вы так его называете?

— И правда, товарищ вожатый, вы там балет видели?

— Я тебе увижу! погоди, дрянная служба зачтется".

7

Ибн Вола привезли в середине смены. Это был малыш по росту и возрасту. Но в первый день ему дали две клички: Вол и Ларин Пётр. Новенький продевал иголку с ниткой не только сквозь щеку, но и сквозь центр ладони. Мало того, он средь бела дня на долю секунды отрывал у себя пальцы, а потом возвращал их и сращивал. То же он вытворял с крупными суставами ног и рук: место, где соединяются части ног или рук, на время покрывала непроницаемая тень. Палаточники ставили Вола Ларина Петра то против солнца, то на солнце, но пробегающие жесткие тени, имитирующие разрыв, никуда не исчезали. Вторая кличка Ларин Пётр (или даже Ларинпёрд) не удержалась, Вола после отрывания левой ноги переименовали в Порри Гаттера; книга с таким названием появилась на стенде в библиотеке. Кликуху Порри

Гаттер через пару дней поменяли на Ибн... Кто есть Ибн? Ибн Волька или ибн Алеша? Непонятно. Ибн да Ибн! Не из-за дурачества палаточников, оскорбляющих обитателей домиков словом "сынки"? Отсюда гораздо чаще, чем Лариным Петром или Порри Гаттером, новенького называли либо Вол Ибн, либо, что страшнее, Ибн Вол. Считалось, Ибн — не сын волшебника, а сын вола. Пусть Ибн Вол — хитрый фокусник, но на внешность он, тусклый стриженный наголо карапет, тусклым карапетом и оставался, а потому прозвище Ибн Вол ему очень шло. Вдобавок от странного пацаненка пахло мышами, а доктор, неосторожно обмолвившись, оценил его в присутствии вожатых как дауна. А те не почли за надобность диагноз скрывать.

Валик усматривал, что Вол, невзирая на возраст, рост и запах, чуть не особая личность, йог, но это была ошибка. Выяснилось, чрезвычайная способность Вола — провоцировать кого-либо, а затем убегать вон, шустро перебирая короткими ножками. Многие нарвались на его козни.

— Поттер-Поттер! Покажи пеникс! — воскликнул Ибн Вол, спрятался за стволом дерева и, сделав обманный маневр, подскочил к Валику в попытке сдернуть с него трусы.

Валик хотел схватить Вола за шею, но тот извернулся и бросился наутек. Догнать ловко маневрирующего Ибн Вола не удавалось. Но возле угла корпуса Вол налетел на врытый скребок для чистки обуви, клюнулся в землю и неожиданно для Валика заплакал, завизжал, как девчонка.

Валик почувствовал: его тянут за ворот; оглянулся и увидел торжествующего вожатого Михаила.

— Ага! Маленьких обижаешь! Сейчас отправлю тебя к начальнику лагеря! Получишь по первое число! Покукуешь ночь в подвале под столовой! Там крысы величиной с лошадь! К утру твои косточки и вытащим!

Начальника на месте не обнаружили. Не оказалось и старшего вожатого. Оба выехали в Лодейное Поле, еще намеривались в Петербург. Не ждали их вообще. Валик обрадовался, а зря.

Вечером на линейке главным был вожатый Михаил. После положенной беседы о Русском государстве и древних русских воинах-богатырях Михаил заявил:

— В лагере есть горе-бойцы, которые недостойны нашей Родины.

Он подал знак движением запястья: барабанщики мгновенно развернули инструменты. Грянула быстрая и четкая дробь четырех палочек. Валик смекнул: действие запланировано и срежиссировано заранее. Дробь прекратилась.

— Валя Выготский! Выйти из строя! — командовал Михаил.

Валик вышел и повернулся лицом к линейке.

— Юные бойцы! — начал Михаил. — У нас в распоряжении свидетельства, что ваш товарищ Валя Выготский обижает маленьких!

— Коля и Вера! Два шага вперед!

Коля и Вера вышли.

— Обижает Валя Выготский маленьких? — спросил у них вожатый Михаил.

— Обижает! — пропищали Коля и Вера.

— Коля и Вера! Встать в строй! Надлежаще установлен факт: Валя Выготский обижает и обнажает маленьких!

Ударила по ушам громкая дробь барабанных палочек.

— Будем бить Выготского барабанными палочками? — обратился Михаил к присутствующим.

Дети молчали.

— Языки проглотили? Будем бить?

— Будем бить! — хором ответила линейка.

— Та-ра-ра-хт! Рахт! — согласились барабаны.

— Но мы до этого не снизойдем! — возразил Михаил. — Мы до этого не скатимся! Слишком много чести бить того, кто обижает и бьет маленьких! Негодяя и подлеца Выготского должны учить другие. Все знают: под столовой живут крысы-людоеды. И крысы обязательно съедят протобестию! Ну-ка, хором произнесем: "Пусть съедят!"

— Пусть съедят! — громко пропела линейка.

Е-да-да-дят! — изобразили эхо барабаны.

— Итак, приговор подтвержден.

Опять застучали барабанные палочки.

Михаил нагнулся, поднял с помоста и продемонстрировал огромный замок с торчащим из него ключищем:

— На замок и запрем Гарри Поттера. Нехай попробует заколдовать крыс, если он (хи-хи!) могучий волшебник! Вот уж его обгрызут! А утром мы посмотрим, во что Гарри Поттер превратится! Мы увидим, какого цвета у него косточки!

Застучали барабанные палочки. Их дробь больше не прекращалась.

— Конвой! — заорал Михаил.

Явились три старших мальчика-палаточника.

— Увести преступника на место отбывания наказания.

Двое надели на Валика наручники, взяли за плечи и повели. Третий с ржавым замком побрел следом.

Барабанная дробь прервалась, когда идущие отошли метров на сорок и скрылись за деревьями.

Для Валика время заковывало будто во сне. Он не чувствовал наручников, почти не воспринимал, как его ведут. Освободив руки, втолкнули в пахнувший сыростью подвал, закрыли тяжелую дверь, с лязганьем задвинули щеколду, со скрежетом навесили замок. Конвоиры, перебросившись несколькими невнятными словами, удалились. Горела забранная в решетчатый колпак тусклая лампочка. Похоже, она гудела. Нет! Гудел понижающий трансформатор. Валик поискал взглядом выключатель, но увя... Наверное, он располагался где-то снаружи. В проходе висели другие, потушенные или перегоревшие лампочки. Выключателей на стенах не оказалось. Коридор тянулся вглубь, его окончание терялось в сумраке. "Без свечки там ловить нечего", — подумал Валик, прошел до боковой загородки из штакетника и уселся на рулоны с рубероидом. От рулонов пахло смолой и шпалами. Было тихо. Крысы пока держали себя спокойно или спали. Валик слы-

шал шум деревьев и немного звуки, доносящиеся с вечерней линейки. Протекло минут двадцать. Линейка вроде бы распушена. В дверь постучали:

— Эй, Поттер! — донесся басок Михаила,
— В штаны не наложил? Эй! Ты не умер?

— Не умер! — нехотя ответил Валик.

— Раз не околел, значит, крысы тебя еще не съели! Подожди, подожди! Скоро они к тебе подберутся! Узришь кузькину мать!

Михаил потопал прочь.

Примерно четвертью часа позже вновь раздался стук:

— Поттер! А, Поттер?! — долетел до Валика чей-то шепот.

Валик приник к двери:

— Кто здесь?

— Я, Таня Жукова.

— А! Гроттер! Долго жить будешь. Не узнал тебя по голосу.

— Ты, Поттер, крыс не бойся. Они тебя не тронут. Хочешь, я покалякаю с ними?

— Ты даешь! Они сюда сбегутся и начнут вонять! Это тебе не белки!

— Я их на расстоянии заговорю...

— Ты бы дверь заговорила, чтобы она открылась. Крысы не крысы, а я замерзну! Колотун, словно в холодильнике!

— Не смогу ее заговорить. Она деревянная, не живая.

— Живая! Живая! Потяни слева раму за скобу, а я пихну изнутри. По-моему, столб не вкопан или подгнил.

— Не тянется!

— Давай дружно! Раз, два! Тяни!

— Не тянется!

— Представь, перед тобой репка! Раз, два! Тяни!

Валик толкнул трухлявый косяк — и тот захрустел сухими гнилушками. Дверь подвинулась вместе с ним.

— Отойди! — крикнул Валик Татьяне. — Я ногой шарахну!

Валик отошел на несколько шагов и, разогнавшись, сильно ударил подошвой по столбу. Столб заодно с закрытой дверью отступил еще, щель увеличилась, и Валик протиснулся через нее.

— Ура! — тихо сказал он. — А ну-кась сделаем, как было! — Раз, два! Поднажмем!

С третьей попытки им удалось водворить раму в паз.

— Куда теперь? — поинтересовалась Гроттер.

— В барак точно нельзя. Сообщат.

— Да уж! Все видели проработку на линейке! Страсть мечтают посмотреть на твои косточки!

— На всякий случай зайдем за корпуса. Как бы по дороге кто не попер. Но в лес тоже нельзя: там комары и холодно.

— Комаров придется терпеть. Да и не так их много. Сразу бы закусали. А холод... Подожди меня тут. Отыщу куртки, — заявила Гроттер.

Вскоре двое отправились по известной тропе, уводящей в чащобу. Идти по широким дорогам было опасно. По ним в любой момент могло пойти начальство. И вот полянка. За густым ка-

линником журчал ручей. Дети уселись на поваленное дерево.

— Поиграем в маму-папу? — задала вопрос Гроттер.

— Поиграем, — неосмысленно согласился Поттер, будто речь шла о салках или считалках. Во что-то надо поиграть, иначе не согреться.

Невдалеке треснула ветка. В листьях и траве зашуршало. Таня прислушалась. Шуршание не смолкало. Шумы в лесу, наверное, были и днем, но в темноте они звучали громче и настораживающе.

— А там? Змеи шебуршат?

— Может, и змеи. Д... нет. Пожалуй, ящерицы и жабы. Или здоровенные жуки с крепкими мандибулами, то бишь челюстями.

— Фу! — Гроттер плюнула на землю. По холоднокровным она не специалистка! Насекомыми преимущественно увлекались иные обитательницы корпуса "Д".

Ее плевок загорелся желтым светом. Плоский огонек разросся до диаметра хорошего яблока и пополз на нее.

— Гляди! Гляди! — прошептала она Валику.

Зрелище не для слабых. Яркий желтый кружок полз на Татьяну и вдруг погас. "Что за светлячок?" — озадачился Валик. Раздались звуки сирены на военной базе. Сирена прозвучала и, поперхнувшись, заглохла.

"Не связана ли эта иллюминация с военными?" — торкнулась мысль в голове Валика.

— Что за светлячок? — произнес он.

— Слишком здоровый! Не может быть, чтобы я свою душу выплеснула! Находиться здесь больше не хочу.

Гроттер с Валиком пошли вдоль ручья. У места, где он впадал в реку, умирал плохо потушенный костер. Они набрали сухих веток, мха, коры и раздули пламя.

— Себя и обнаружим.

— А наплевать.

— Ты уже наплевала.

— Не напоминай мне.

Часа через два в вышине слегка побелело. Скауты двинулись от реки в сторону шоссе. Там они увидели крытую автобусную остановку. На ее скамье они решили провести остаток ночи.

Убежище показалось чрезвычайно удобным. Вокруг стояла тишина. Похоже, ее излучало небо. Но по навесу изредка то тише, то громче ударяла ветка ели. От этого конструкция скрипела и тихо пела. Впечатление замершего времени и уюта. Точно в печной трубе гудел ветер, а рядом мурлыкал кот. Беглецы сидели, прижавшись друг к другу. Спать не хотелось. Наплывала вечность. Внезапно из-за поворота шоссе грянули многочисленные звонкие голоса. Было ясно: гам порождается юными бойцами лагеря. Подкатил страх. Валик и Татьяна быстро вскочили и спрятались за низкими ёлками в тылу остановки. Разлеглись на кем-то притащенном сюда ворохе соломы и принялись с испуга действительно имитировать папу-маму. Они не догадались только снять одежду или расстегнуться. Однако виртуально получили ощущения как настоящие мужчина и женщина.

Приблизившийся галдеж эти ощущения еще и усилил. Стало гораздо спокойнее, но Валик постиг, что теперь никогда не сумеет вызвать Кири-Кири. Галдеж пропал.

На дороге зачастили машины. Беглецы вернулись в лагерь. И корпус Валика, и корпус Татьяны были пустыми.

"Ну и отлично!" — подумал Валик и лег спать. — Кири-Кири не приснится.

8

Оказывается, в час ночи, когда станция "Би-би-си" на коротких волнах сменила русский на английский, Михаил сунулся к двери подвала.

— Эй! Поттер! — закричал он.

Никто не откликнулся. "Уснул поросенок", — буркнул Михаил, погремел ключами и отомкнул замок. В коридоре — никого. "Подзаховался паразит!" — Михаил зажег фонарь и прошагал весь коридор. Вожатый открывал боковые клетушки, осматривал углы, но никого не обнаружил, кроме двух небольших крыс. Пасюки пискнули и лениво прошмякали по косо-криво набросанным доскам в неизвестную щель. "Ёкс-мокс! Остались одни дохлецы! Шустрики нашли корма лучше!"

Михаил еще раз обозрел подземные отсеки. Нигде ни души. "Да обманул Поттер! Наверное, затаился у выхода, а едва я двинул в другой конец — выбежал..." — утешил себя Михаил и отправился прямо в корпус "Б". Кровать Валика оставалась пустой.

Часа в три утра объявились неожиданные начальник лагеря со старшим вожатым.

— Что-что? — изумился начальник, узнав об исчезновении Валика. — Разбирайся сам! Поднимай средние группы и палаточников! Айда на реку и в лес! Ищи где хочешь. Твоя работа. Я иду спать.

Старший вожатый вцепился в Михаила:

— У тебя с мозгами нормально?

— Неверно донесли! Ты... не такие устраивал эксперименты! Я словно не помню, как путан таскал за волосы и коленками на горох ставил!

— Победителей не судят! А проигравших — всегда! Ты доигрался и проиграл! У тебя не ныне начались закидоны. Я, в отличие от некоторых, не бил ребятню чайником по голове!

— И я не бил! Было демонстративное действие. Театр! Нужно пацанят учить!

— Всё на свете — театр. Умирая, поймешь: видел в жизни только игру. У тебя и сейчас театр! Буди народ и веди на поиски. А я подожду. И посмотрю, чем завершится твой сегодняшний спектакль.

9

Скауты слышали плач споткнувшегося о скребок Ибн Вола; за пискню карапет подцепил новенькую кличку: "Девочка". Никакими кунштюками реабилитировать себя он не мог: Девочка и Девочка.

А когда у великовозрастного, то бишь четырнадцатилетнего, палаточника Хэвы украли двести рублей, тот наглым образом развел под глазами мокроту... За недостойное бойца прегрешение Хэву прозвали Второй Девочкой. Потом подобрали имечко похлеще: "Путан".

Но путанами стали именовать и волшебников. "Я-то причём!" — дивился Валик. "А не надо нас путать!" — отвечали ему. Белки, сойки и трясогузки, подобно столовским крысам, обрели пропитание где-то на стороне и стали избегать Гроттер и ее приманок. Голуби перестали ее слушаться. Поттер разучился вызывать духов, а фокусы одевичевшегося Ибн Вола, то есть Ларинпетра, то есть Порри Гаттера, надоели. Однажды его схватили, завязали ему глаза, переодели в девчачье платье и корчившегося протащили вокруг спортивной площадки.

Зато настоящим волшебником сделался Кука. Кука двигал, точно ножницами, большим и указательным пальцем — и выколота на его руке якорь-матка шевелилась; Кука водил этими пальцами вдоль друг друга — и ее трепетания становились завлекательными, просто интригующими. Вскоре заметили: внутри куковского узора появилось темное пятнышко. В течение смены оно росло и превратилось в бородавку, а затем — в огромную родинку. Публика буйно выражала восторг.

Кука разумно умалчивал о кое-каких подробностях. В чём тайна? В лагере днём и ночью

боролись с курильщиками. Возглавлял эти меры доктор, отставной военный. Он прогуливался время от времени по окрестностям, заглядывал в подозрительные и сомнительные уголки, прислушивался к разговорам. Доктор знал тут всякое, но интересовался лишь курягами, не спугивал замеченную случающуюся парочку. "Пусть учатся умножать население вымирающей России", — резюмировал он и не заострялся на петтингующих путанах или тривиальной девиации мальчиков-палаточников. Ему в поисках нарушителей помогали вожатые, но они придирались к любой вшивости. Куку ловили не единожды. В последний раз (его схватил Михаил) Кука сопротивлялся изо всех сил, ибо понимал, что ему грозит. Доктор начнет его убаживать елейной беседой, потом угостит фирменным сиропчиком, а через пять минут попросит закурить. Где-то на третьей затяжке во рту и в голове разверзается ад. Из-за процедуры варварского лечения целых семьдесят часов невозможно переносить табачный дым.

"Эсэсовский метод! Хорошо, током не бьют!" — тоскливо думал Кука. Получивши от вожатого ядреных "пинк флойдов", то есть пинков, и приведенный в кабинет доктора, он по оплошности выпил сироп, но закуривать наотрез отказался. Михаил раскурил сигарету сам и попытался всунуть ее в рот Куки. Кука только отбрыкивался. Разгневанный Михаил пообещал уничтожить горячей сигаретой наколку. Кука принял это за пустые слова. Но когда вожатый действительно стал прижигать выколотый на руке шедевр, Кука сдался. Пока страдалец вдыхал положенный табачный дым, мудрый доктор

успел обработать его кожу хлорэтилом. Пигментное пятно в центре татуировки — результат ожога.

Но опозорился и великий герой Кука. Путаны не выдержали и проболтались о своем секрете. В первую неделю смены Нина не стерла в компьютере некие рисунки... Трафарет знаменитой наколки происходил не из интернета, а со сканера — из книги по зоологии беспозвоночных.

Так на священном "якорном" месте Кука наколол внутренние половые органы черного таракана-самца.

10

К концу смены денег в кассе почти не осталось. А прощальный костер кто устроит? "Обойдемся картошкой, чаем и самодельными кексами", — рассудил начальник лагеря. Картошка и мука еще есть, молоко и яйца поставляли шефы с подсобного хозяйства при воинской части; правда, с чаем скверно. Оптовый склад не мог ничего продать, кроме "Пиквика" в фильтр-пакетах. Повар выехал в город для покупки исключительно дешевого чая. Но как быть со вкусом? Нужно смешать несколько сортов! Да зерен десять кофе туда.

Часа за три до мемориального костра вожакий Михаил, бывший трудный подросток, он же прежний краснопогонник, охранявший во время оно эков, увидел на столе начальника штабель из пачек чая. Их принесли сюда для вящей

надежности. Заварки едва хватало. Но Михаил решил воспользоваться моментом и приготовить на праздник чифирь. Давно им не баловался. И душа не стерпела. Михаил выбрал самую яркую пачку. Картинка на упаковке показала изумительной: под развесистой разраиской чинарой сидела девица с мандолиной.

Уже смеркалось. Доктор двигался в сторону будущего костра. Впереди он заметил чуть пошатывающегося человека с медной тубой. Гм... Да это Михаил! Поравнявшись с ним, врач спросил:

— А зачем туба?

— Не туба, а труба! — с горделивой интонацией воскликнул вожатый.

— Зачем тебе труба?

— Я не кто иной, как архангел Михаил!

— Ты хочешь сказать "*архангел Гавриил*"? Обычно он любит дуть в трубу.

— Разница! Главное, я архангел! Я стану вещать!

С этим вожатый совлек с плеча тубу и протрубил в нее что-то очень знакомое и забористое.

— Весьма впечатляет, — отозвался доктор.
— Но о чём ты хочешь вещать?

— О скорой и неотвратимой беде! Большой беде!

На дороге, в прогалине леса, почти светло, но доктор нацелил на лицо Михаила фонарик. Внешний вид вожатого удивил:

— Дай, померяю тебе пульс. Так. Ого! У тебя за сто двадцать. Тих-тих! Сие под язык. Пойдем-ка назад!

Михаил не сопротивлялся. Доктор отвел его в изолятор, благо там никого не было. Достал шприц и ампулы, впрыснул пациенту сильнодействующее успокаивающее. Минут семь — и вожатый задремал на кушетке.

— Отдыхай! — промолвил доктор. — Теперь без "интубаций"! — и направился к костру.

Там присутствие медика важнее. Чего не случается на последнем костре! И кипятком могут обвариться, и искра в глаз попадает, да и подраться могут! В одну из смен вздумали топтать-шлепать по раскаленным углям без пропедевтики!

Михаил очнулся часа через полтора и принялся искать тубу. Туба не находилась. А надо подать знак! Обязательно подать знак! И обретший себя пророк уяснил, каким образом это сделать.

— Беда! Наступит большая беда! — повторял вожатый, обливая керосином стены корпусов.

Знак был подан! Пылали корпуса, пылал сортир, загорелись деревья, но веселившиеся у костра, разложенного на берегу реки, этого не видели. Спящей в своей каморе пьяной поварихе приснилось, будто на нее напал медведь и попробовал душить. Повариха закричала, проснулась от крика, заметила огонь и еле успела выпрыгнуть в еще затянутое марлей открытое окно.

КБ-8

Пешный побрел по заводу в таком состоянии, словно луноход его личное детище или луноходом являлся он сам. До московского застревания Дмитрия лет семь носило между Владивостоком и Калининградом. Что отпечталось в памяти из того?

...древлемешающий Оку с Волгой и наглый, как Москва, да и наглее Москвы Нижний Новгород;

...безропотно сосущий розовый кемеровский лосьон прямо из Томи Томск (от растворенного креозота-резорцина-фенола испеченный в городе хлеб мог, не плесневея, храниться в нестерильном полиэтилене вечно, а местные клозеты пропахли маргарином);

...обрамленный с одной стороны лепотой стальных океанских чудовищ, с другой — разновеликими сопками сам надетый на сопки Владивосток (Ох, не забыть на маяке твой огонек!);

...вызывающий абрикосовой пылью саднение в горле и нагоняющий неутолимую жажду Краснодар;

...насквозь пропахшая гнилой рыбой и водорослями Находка;

...награжденный особым изумрудом — лучшим в мире вокзалом — Челябинск;

...тонущий не в саду, а в едком воскресном дыму Новокузнецк (выбросы устраивали по праздникам и выходным для успокоения санэпиднадзора);

...известная упорно живущей неофициальной прусской топонимикой Кёнигсбергско-Калининградская губерния;

...вовсю кудахчущий ельцинскими бройлерами, пронзенный в сердце куриным духом Екатеринбург (*Где еще встретишь не березку, не ракиту, а куриные пельмени?*);

...утонувший в зелени Донецк, рядом с ним картофельные поля, усеянные, колорадским жуком — согбенными горожанами, собирающими именно это взрачное насекомое;

...прославленная невменяемыми для приезжего правилами уличного движения Чита.

Но толку? Даже пребывание Тургенева в Париже скрывало подтекст. Сверх всего Тургенев основал там библиотеку. Она существует и ныне. Пятьдесят тысяч томов — мелочь, но была роль. А смысл теперешнего положения-нахождения? Бездействующий луноход поблескивал внутри Дмитриевой черепной коробки... В туманном "луномобильном" состоянии Пещный и совершил давно ожидаемый неблагоприятный поступок, который разрушил анекдотичный союз с Надеждой. Что фортель исполнен, Дмитрий уразумел, когда покинул территорию знаменитого завода и потопал по улицам города-спутника. Пещный обвел вокруг пальца вахтера: он вчера прошел через Южную проходную, а сегодня вышел через Восточную. На всякий случай Пещный вытащил из кармана взятый на вахте кусочек пластика: на нем не его фотография и не его номер. Вахтер выдал не то. Возникла двойная ошибка. Со временем скандал дойдет до службы безопасности, но разбирательство затеют на Восточной проходной. На Южной про-

ходной его не его карточка пролежит неопределенно долго, пока не потускнеет. Объявить об ошибке — означает подставить Надю, уголовное дело неизбежно. А унеси он ноги — Надя, невзирая на эмоции, не наломает дров. Технаркс, не кисейная барышня! Отправляться на край чужого гнезда несуразно. В итоге многомесячного торчания в Москве и Московской области Пещный оказался на Ленинградском вокзале.

Сейчас, в автобусе, Дмитрий вспомнил бы массу подобных историй, но остановился. Оттенком, призвуком, присвистом ни одна из них не походила на сегодняшнее происшествие!

"Це Кастанеда!" — осенило Пещного. Пассажиры, поймав некие токи, принялись озираться.

Эффект № 14

Студент Антон Воскресов начал потихоньку писать дипломную работу о высоковольтных воздушных конденсаторах. "Кто бы знал, почему понадобились они? В чем подоплека?" — думал Антон. Впереди два года. Спешить некуда. Но Воскресов решил всё добить авансом, а потом как следует повалить дурака или заняться очень приятными вещами. Что есть приятные вещи, Воскресов, в отличие от сверст-

576

ников, не ведал, но подозревал: упоительные сферы реально существуют.

Всюду буйствовали чудеса. Для чего-то надо получать одну специальность, а использовать другую. Премудрости! Готовясь к странному обороту событий, Антон заранее окончил курсы по компьютерному железу, а сверх того, — программистов и сетевых менеджеров. В будущем году требовалось некоторые из них повторить. Нормальные люди превосходно обходятся курсами без института и диплома. Не видно логики. Воскресов мог защитить диссертацию, но не по компьютерам, не по конденсаторам, а по малоизученным поэтам серебряного века. Но Антону такого права не дали. С какой стати?! Покоя захотел? Если во всяком сапожнике проснется морожник, то мороги пойдут с клыками, а твороги с кварагами. Но грибы — каблуками, сапоги — индюками, а в грядущем не светило ничего, кроме компьютерного сервиса, то бишь щетки для чистки кулеров, отверток и армады приемов для отсечения занудной придури в прогах. И от диплома не отделаться! Поэтому, из-за сдвига пластов жизни, Антону не предстояло испытать ни приятных вещей, ни тем паче тайных красот. Сад радостей земных скользит не то в метрополитен, не то в новую черную дыру, которую отыскивали американцы.

Для сбора данных Воскресов потащился на Южную ТЭЦ. Кроме блокнота студент прихватил с собой и "Гриф-2" — компактное устройство для измерения радиации. Несколько лет гуляли слухи: целый микрорайон в Купчине возведен не то на могильнике радиоактивных

отходов, не то на чем-то похожем. Теперь представился случай это проверить.

Вот электростанция. Кое-как Антон расставил на планчике объекты ТЭЦ; он был не энергетик, а электронщик и частично инженер-электрик. Никто не обращал на непрошеного студента внимания. А он ожидал, что подойдет сапиенс в камуфляже. Люди в камуфляже располагались у шлагбаума при выезде на бывшую свалку и у складов неизвестного назначения. Мимо складов мог проехать любой, лишь бы позволяли габариты кузова: над дорогой нависали трубопроводы, изображая изгибами букву "П". Пройти пешком затруднительно. Из подворотен выбегали грозные полоумные собаки, величиной с овцу, и загораживали путь.

Воскресов поблуждал вокруг внушительных градирен, рассмотрел подстанции. На доступных зрению территориях конденсаторов немного, за заборами их, скорее, нет, тем не менее неплохо посетить техотдел и уточнить. Можно подметить издалека марку конденсатора, но не его характеристики. Пришлось не раз звонить. Принять Воскресова отказались и посоветовали подойти дня через три. Сейчас цацкаться со студентами недосуг. Антон поскущнел, но вспомнил о желании замерить радиоактивность. Тем более обвиняли в ее избытке именно ТЭЦ.

Мембрана защелкала, табло загорелось, и Воскресов чуть не упал: ПЯТЬ МИКРОРЕНТГЕН! Это меньше, чем на середине эскалатора метро, и вероятно в тундре или в дремучей тайге, где не ступала нога человека.

Студент задумался: или, правда, здесь низкий радиоактивный фон, или... прибор у высоковольтных ЛЭП стабильно не работает. В корпусе не только ионизационная трубка. Ковыряться в его нутре не хотелось. Штука расчленимая, но, пожалуй, для ремонта пользователем не приспособленная. Можно сломать. Вылетит, скажем, мелкая пружинка и спрячется в траве.

Антон обошел овощебазу, миновал винный цех и побрел в сторону длинной и широкой зеленой полосы — Загребского бульвара. Поговаривали, там секреты и скрываются. Иначе почему огромное пространство не застраивают, не сажают деревья для парка? Действительно очень нелепый бульвар. Какой это бульвар, если на нем нет аллей? Пустырь обыкновеннейший. Воскресов двинулся по его бугристой поверхности, вновь вытащил из сумки приборчик: радиоактивность обычная для Купчина — раза в два выше, чем на Невском. Впрочем, малохарактерную для остального города радиацию Воскресов однажды засекал в цокольном этаже школы № 239, где кассы кинотеатра "Спартак". Хотя всё — почти нормально, а по санитарии совсем прилично. Но не без нюансов.

До пустыря, при переходе Бухарестской улицы, Воскресов попал в пылевую бурю. Ветер вздымал тучи пыли. Не сельскую пыль, но едкий порошок с примесью брошенных стройматериалов вроде песка и цемента. Левое ухо и левый глаз — полностью забиты. Воскресов схватился за голову и нащупал в волосах песок и игольчатые кристаллы. Проехал грузовик и под-

нял еще пыль, ее поднял едущий от кольца трамвай. Сильнее подул ветер — и стало черно. Такое творилось от улицы Дундича до окончания Бухарестской. Антон захихикал, когда увидел в зоне пылевых позёмок трамвайные остановки. На каждой — толпа. Трамвай тронулся, но люди в него не сели, дожидаясь другого. "Герои! — пришла мысль к Воскресову. — Трех шагов невозможно пройти, а они стоят по двадцать минут!" Плетущийся по улице бомж или замызганный пенсионер прогундосил что-то неясное. "Фарфоровые челюсти потерял", — предположил Антон; и на миг зависший, подобно компьютеру, но очнувшийся мозг перевел бормотание шедшего: "Генерал-губернаторасюда! Спылесосом!"

"Вот как! — ошеломился Антон. — Оказывается, только бомжи достойно представляют гражданское общество! Никто иной в спикер-бароны не метит! Отчего парламент не зарегистрирован в ночлежке?"

Побродив по зеленой зоне и пощелкав приборчиком, Воскресов не придумал ничего лучше, чем махнуть к своему знакомому Григорию Грибову в дом-фляжку, близ Федоровского центра. На углу Дундича и Бухарестской мокрели следы ретировавшегося подметально-поливочного трактора: влажные полосы обрывались за пару кварталов от трамвайного кольца. "Логично! — решил Антон. — Трактору с мощной пылицей не справиться, да и мотор у него заглохнет, не рассчитан на рассыпанные стройматериалы".

На катальном кургане Антон обнаружил поверженных языческих идолов, а в стороне —

избенку с несущей крест башенкой и дымящей трубой. Воскресову стало жалко идолов. Незнакомый мастер вырезал их из толстых стволов дерева, обработал морилкой и воткнул в землю. Кому-то не понравилась достопримечательность.

* *

Внезапно вторгающийся не всегда приятен хозяину, кем бы ему ни приходился. Чем занимался в тот момент Гришка, трудно уловить. Занятия он, похоже, похоронил в платяном шкафу и прикинулся добрым малым. Сему помогли темно-малиновый халат и явно пять секунд назад раскуренная трубка с чашей в форме черепа.

— А-а! Вон у тебя какие новости! — возгласил Грибов. — В зеленого собрался поиграть! Я тоже экой-то баловался. В восьмом классе в область ездил класть кости перед Киришским комбинатом.

— Успешно?

— Кромешно! Гринпи... — выругался Григорий. — Шумим, друг, шумим. За нас кто-то ушлый пошумел. К купчинской радиоактивности ни ТЭЦ, ни свалка не имеют отношения. Виноваты ДСК и ЖБК.

— Коим образом?

— Здесь много панельных домов. Фирмы сыпят в бетон, за отсутствием известняковой щебенки, гранит, мрамор и камешки похуже. Даже у гранита радиоактивность выше фона.

— Откуда тебе известно?

— Да уж известно. Знающие люди говорили. И я натурный опыт проводил.

Грибов подозвал Антона к аквариуму. На дне отдыхали тигровые сомики, вверху плавали лимонно-желтые астронотусы-гибриды с крепкими челюстями. Сквозь стеклянное сооружение просвечивало лихое стихотворение на косом клочке бумаги:

КОМАНДИРОВКИ

Берген-Бальзен, Треблинка,
Ау-
-швиц.
Равенсбрюк, Дахау.
Моа-
-бит.

Бухенвальд, Майданек.
Петер-
-бург.
Купчино, Обухово

— неразрывный круг!

Книзу от виршей — пригвожденный к кресту обалдевший 3D-смайлик. У этой рожицы высунут язык и почему-то пронзен пернатой стрелой. "Еще там пузыря с самогоном не хватает", — хотелось сказать Антону.

Григорий давно забыл о стенном искусстве и указал на то, что находилось в аквариуме взамен грунта — массивные камни различных цветов:

— Отнимают объем у рыб. А что делать? Камни я взял на трамвайных путях, вымыл, прокипятил. Рыбки их терпят. Грунт из зоомага-

зинов не годится. Мелковат! Забивает сифон. Нужны средние камни. Их-то я и набирал на стройке, а потом на комбинате ЖБИ. Вымыл, прокипятил, поместил. Рыбы вздумалидохнуть. Одна за другой...

— В ином секрет!

— Иное — на дамбе. После тех камушков три дня лечись, если есть чем. А нечем — то полтора месяца. Не рекомендую дамбу для загораний и купаний.

— О дамбе не в курсе, а у вас на Бухарестской бог знает что творится. У-у! Пылища на остановках!

— Ты кто? — спросил Грибов с удивительно наглой интонаций.

— Как кто?

— Ты пешком сюда пришел или приехал на лимузине?

— Пешком, — наивно открыл рот Воскресов.

— Коли пешком — ты есть пролетарий. Пролетарии всех стран, носите, пожалуйста, кепки! Не выпендривайтесь!

— Понесло...

Грибов молча снял с полки толстый лист белой бумаги:

— А ну потряси над ним свой есенинский чубчик! Или дам медицинский гребень. Сейчас проверим тебя на вшивость.

Антон пару раз потряхнул.

— Обеими, обеими руками, дружок! — заметил Григорий, вытаскивая из футляра двойную лупу. — Энергичнее!

Далее махать чубом Воскресов гордо отказался:

— Изучай собственную башку лучше!

— Увидим и так.

Из тривиальной человеческой нецензурщины на листе резко выделялись страшные смоляные точки. От наиболее крупных отходили витые отростки с клешнями-штепселями. Грибов положил на бумагу линейку и стал шевелить точки иголкой:

— Это что?

— Угольные фрагменты. Из них и должен состоять городской смог.

— Ой ли? Ты не боишься? "Смог" в тебя вонзится, когда подрастет, и начнет сосать кровь, а то под кожей жить-прохлаждаться или согреваться, там-сям покусывать жирок и плодить детишек.

— Но что это?

— Черный микроклещ. Космический пришелец. Очень спирохетистый товарищ. Четыре сотых миллиметра. Может дорасти до одной десятой. Итак, господа присяжные, модификация болезни Лайма Антону Воскресову обеспечена. Поедет он в Невский район и усех заразит. Наволочки и простыни споганит. Диваны, ковры, весь гардероб — сразу выкидати. Хе-хе! Марсиан шампунем не смыть. Сколько кирпичом голову ни дери. Хоть наголо обстригись!

— Про Лайма и его болезнь не слышал. Скорее, забыл о ней.

— Да не Лайм! Не то! Намек. А лихорадка — некая помесь вялотекущего возвратного тифа с энцефалитом. Хе-хе! О точках сих ведает только парочка маститых зоологов. Да еще один канадский ветеринар... Людской медицине, всяким КВД и Боткинским баракам, они не сни-

лись! Красота какая! Если и будут лечить, то неправильно и с опозданием! Хе-хе! Ох, не сама я трясусь, меня бесы трясут, молодые спирохеты подбрасывают! Хо-хо-хо!

— Не сочиняй! Покажи гиперссылку.

— На фиг она мне. Покупал, не выходя из дома, плоскогубцы-пинцеты, набрел в *Yahoo* на клещи, а уж с них — без затей на питерские вредности. Именно из-за микроклещей град Петров прослыл неважной столицей. Дюже увлекались властители охотой, цепляли на нос черную гвардию. Энцефалитники чертовы, винь. Русь погубили. Де сапрофитами, винь! Кус-кус ням-ням!

— Ловко ты плоскогубцами Русь ухватил! Давай-ка, запустим железо.

— Ух, крякер! Восстановить информацию хочешь? Шиш с масличком! На том главном диске зарэмлена куча бэдов. Сколько можно терпеть?! Ищи утиль на помойке.

— Спасибо. Обрадовал.

Воскресов покосился на Грибова. Тот не казался пьян, но тонус его был очумительно зашкален. Физиономия выглядела одутловатой. "Чем он до меня занимался, чем накачался? — напруг извилины Воскресов. — Заел "Бизоном" или "Антиполицаем", от звонка вздрогнув? Понять невозможно".

— Ты вытащи трамвайные камни и разбей их молотком, — решив отомстить, завелся Воскресов. — Хватит меньшего количества. Не заберут зря пространство.

— Вот и разбей, а я посмотрю, — лениво отбоярился Грибов. — Могу пожертвовать зубило, благо есть лишнее.

Зазвонил телефон.

— Привет! — произнес в трубку Грибов.

— ...

— Да так как-то. Здесь Воскресов сидит. Чешет репу: откуда в Купчине радиоактивность.

— ...

— Известно, в норме. Но выше, нежели в прочих местах, включая Славутич, Киев и Гомель. Воскресову покоя и нет...

— ...

— Возьми трубку, — обратился Грибов к Антону, — Тигран тебе втолкует что к чему.

— Алло! — взял трубку Воскресов. — Да. Да. Почему с бунтоватой улицы? Прописан не на Вакуленчука, а на Матюшенко. Другой район. Улицу Вакуленчука в книгу Гиннеса надо: на ней один единственный дом... А на Крестовском... Ясно, нормально. И без тебя знаю: не превышает... О, хитро ты повернул... Гм... Про Пулково не подумал. Наверное, все огулом складывается: и аэропорт, и свалка, и копалка, и гранит в бетоне... У сфинксов (напротив Академии художеств) также мерил — хорошо щелкает. Ладно. Мэ_{pp}сы. О_{pp}эвуа_{pp}.

— Постой, — заявил Антон Грибову, положив трубку, — мне тутошняя экология до лампочки. Я в Кукчине-мукчине не обитаю, значит, лишний раз не облысею. Меня пока интересуют конденсаторы. Но и от них избавлюсь. Как потом освободиться от компьютеров? Будь они неладны! Надоели железки и программы.

- Займись-ка ты лучше...
- Нет. Этим ты сам займись.
- Этим я и без тебя занимаюсь.

Грибов полез в шкаф и выволок оттуда силиконовую женщину.

— Ну, ты и гриб! — вырвалось у Воскресова.

— Готовлюсь к Силиконовой долине. В отличие от некоторых в одну сторону гну.

— А я-то грешным делом заподозрил: у тебя в шкафу — теплицы с марихуаной. Впервые подобного миллиардера вижу. Хотя бы для экономии выбрал резиновую или секс-шоповский агрегат на струбцинах.

— Я поклонник максимальной натуральности, — гордо ответил Грибов.

— Какая к бесу натуральность?!

— Ты попробуй! Совершенней природы. А гигиена?! То ли канал пережимается, то ли рецепторы... В чем ноу-хау — бог весть, но сперма уходит тебе же в мочевого пузырь или в иную там полость — физического ослабления никакого! А психического и духовного — тем более! Вкуснее всякой вазэктотомии. Бабы вообще не нужны. На фиг! На фиг! Даже мизерного SOS от отсутствия бабского духа нет. Потерхаешь такой силикон — сразу чувствуешь себя Наполеоном.

В это время шкаф заходил ходуном. Из него послышались странные звуки: не иначе скребло когтями о стенки крупное животное. После чего из шкафа раздался могучий зевок и дичайший звериный крик. Похоже, кричала гиена. Грибов звуки проигнорировал:

— Через год-полтора и Антон Воскресов почует себя Наполеоном: на него нацепят звездочки и отправят служить на радарную станцию поближе к морским котикам или голубым песцам. Глядишь, он и с белыми медведями подружится.

Вариант очень вероятный. Воскресов его подзабывал, рассуждая о грядущих передрягах.

— А что в шкафу? Бабака Баскервилей?

— Понравилась? Предпочитаешь силиконовой женщине?

Воскресов постучал ногтями по торцу шкафа. Оттуда донесся полузадушенный вопль. Забулькало. Бульканье сменилось клокотанием.

— Га-ха! Ты поосторожней! Убьешь человека!

— В чем дело? У тебя камера пыток?

— Не знаешь?! Всего-то генератор случайных процессов.

Генератор угадал: говорят о нем, и скромно замолк.

Грибов — ладошку ко рту, зевнул и прокартавил:

— Ты меня разбудил, — и, якобы извиняясь за эти слова, добавил:

— Твой покорный проснулся часа в четыре, бродил из угла в угол. К двенадцати только-только задремал, к искусственным и естественным женщинам не притрагивался...

— Успеешь додремать!

— Как бы не так! Бодрствование обеспечено до конца дня. Чем теперь заниматься?

— А займись ты ...

— Сам займись!

— А нечем заниматься, поехали в Поповку.

— В Красный Бор, хочешь сказать?

— Туда именно.

— А что мы там потеряли?

— Конденсаторы. Не пустили на Южную ТЭЦ. Осмотрю нужное, а ты полюбуешься природой. Погнали на электричку в Обухово.

Грибов захохотал. Упал на диван и принялся демонстративно перекатываться с боку на бок да бить себя куда придется.

— Где ты видел: из Обухова среди дня — и вдруг электрички? На железной дороге тыщу лет — сплошные перерывы! И чем дальше — тем дольше. Сегодня нет информации. Вчера прерывались с девяти тридцати аж до семнадцати сорока пяти. А божеское недоразумение: 96-й автобус для депутатских маршруток? Хе-хе, брат! Дюжине тупиков сойдет и виртуальное расписание! Его лишь вороны и галки читают! Интервалы межобластные!

— Ситуэйшен! — воскликнул Антон. — Тихая и неслышная революция...

— Революция с генсека гороха. Потом она углубилась и заглубливается прямо с рогами. Трамваи на Лиговский проспект днем не ходят лет десять, поворачивают в парк. Путь длинный, всегда найдется причина перекрыть, а ремонтируют его не ночью, как было положено раньше. Экономят на прожекторах... Но айда к нашим баранам. Трох-тибисдох! Довезу тебя до Поповки. Там уяснится. Назад, может, сам вернешься. Едем?

— Едем!

Грибов засунул искусственную женщину в шкаф и захлопнул дверцу.

— У-а! Уа! У-а! — вырвалось из шкафа.

— Ты, оказывается, еще и отец силиконового ребенка...

— А ты думал!

— Так что орет?

— Оглох или память отшибло? Повторяю: генератор случайных процессов. Я не проверял эти четыреста мегабайт. Мало ли в них дряни позаписано. Для самого сюрприз — вылетающая тарабарщина. Пока не привык.

Вскоре белый москвичок со студентами выехал из города и помчался по шоссе. Благополучно миновав гибэдэдэшников, а после них — развилку, Грибов дернул к обочине, остановился и обрадовал:

— Дальше ни с места. Веди машину. Я не выспался и засыпаю.

— С кислых щей? Я разучился, как только научился.

— Давай меняться. Каждый российский офицер должен сноровисто водить транспорт. Тебе же вездеход по тундре гонять, куропаток распугивать.

— Даешь!

— Я тебе покажу, где Красный Бор, где что. Буду за тобой наблюдать — и дремать перестану. Дело для меня новое, передовое. Но руль — чистый автоматизм. Боюсь влопаться в болото, а на одной трансмиссии из него не выедешь.

Невзирая на перерыв в вождении, Воскресов довольно уверенно повел, но езда стоила ему большого напряжения. Физиономия студента перекосилась от мышечных спазмов. Смотреть на него Грибову было просто смешно.

— Вот и Красный Бор, — минут через двадцать заявил Грибов.

— Интересно, а где знаменитый полигон химических отходов, то бишь растворителей? Говорят, он давно переполнен, но я тут ни разу не видел подтечек...

— Ах, эколог чертов! В тундап тебя заносит! Машиной управляй! — Грибов прихватил руль и выровнял движение. — На фига тебе экология? Я знаю?! Не течет — и не течет! В Саперном есть целая Джомолунгма из твердого гумна. Удивительно: в книгу Гиннеса сей факт не попал! Зато отметка о высоте на карте имеется. — Грибов отдал руль Антону. — Но химией, хоть всё обойди, не пахнет. Тьфу! Чувствую, нас опять несет. Ты достукаешься! Не доживешь до собственной смерти! Что на тебя находит! — и Грибов начал выкручивать руль. — Кого-то точно ждут песцы, но не на Таймыре, а на Колыме.

— ...

— Еще лучше туда послать на исправление Грин Пи-пи Длинного Чулка. Тра-та-та... ползучие вынудили дураков запретить противомалярный дуст и теперь эликсир жизни — трансгены уничтожают.

Студенты оставили "москвич" метрах в пяти от подстанции. Григорий призаголился и нагло разлегся загорать на травке, на виду у случайных прохожих; Антон отказался от эскизов и сразу устремился к администрации, которая почему-то решила устроиться вплотную к распределителям и подставить мозги и требуху

действию электромагнитного поля. Это выглядело забавно.

Григорий вынул из травы какую-то былинку и принялся ее жевать. "Ничего. Домашних тварей здесь вряд ли выгуливают. Небось не заражусь эхинококком или чем-то подобным".

Солнце стало припекать. "Дурацкое положение! Не подумали о пикнике! И воды нет! Влип ни с того ни с сего!" Однако постепенно у Грибова открылось второе дыхание. Он и дремал, и неведомым образом все вокруг видел зажмуренными глазами, слышал, обонял, осязал, но почти мгновенно забывал. Ни воды, ни еды ему уже не хотелось. Пели птицы, стрекотали насекомые, еле колебались ветки деревьев, со станции доносились редкие звуки цивилизации. Время замедлилось или наоборот убыстрило ход — не понять. Мелочи быта смыты огромным потоком. Словно широкая река, Волга или Енисей, смела лишнее, сделала пеньки, рытвины и занозы тайного пространства души ненужными. Грибов никуда не хотел ехать, никуда не хотел идти. Ему теперь — всё всё равно и безразлично. Засасывала дневная прозрачно-эфирная и, естественно, не черная, а волшебно-бесконечная, но и откровенно опасная неизвестная стихия.

И мелькнула рифма тонкой экзистенции: появился сияющий Воскресов. Рот у него был до ушей:

— Крупно повезло. Ни на Южную ТЭЦ, ни на иную не надо. Попался разговорчивый работающий пенсионер. Главное — суметь разобрать свой почерк. Инженер рассказал обо всем. Даже о городских и областных ТЭЦ. Об одном

умолчал: куда идут кабели, о характере нагрузки. Да мне и не...

— Будто слепой. Идут провода и какая нагрузка?! Что за китайские фонарики качаются? Поплавки? Что за зрелище? Буи для воздушных купальщиков?

— Посмотрим?

— Отчего не посмотреть! — отошел от лентности Грибов.

У Воскресова — сегодня торжество: фактически завершена работа дня, недели, а то и месяца. А успешный финал требует немедленной награды. Желательно и пенсионера отблагодарить, найти коньяк, но не сейчас. Неудобно в тот же день. Самаритянин может и отказаться. Коньяки и такое прочее могут быть поздним причастием. После защиты. Феерические фонарики-поплавки, разметавшиеся в воздухе, сами по себе походили на праз-Д-ник.

Студенты махнули на другую сторону железной дороги. Ограждений — нигде. Действительно, кому нужны железные палки, мачты, растяжки? В отдельности они ни туда ни сюда. Но общее зрелище было грёзоическим, с налетом некогда исчезнувшей детской мистики. Или небо ныне слишком голубое?

Воскресова так и тащило дальше, дальше. Грибов влачился за ним шагах в восьми. Перепрыгнули через несколько канав. Они оказались сухие — неудачный прыжок не привел бы к неприятностям. Много поваленных столбов. Прямо в чащобе! К большинству прикреплены провода без изоляторов.

Где блуждают двое? Территорию с цветными "буями" они давно миновали, не найдя в ней интересного. Бывает: привлечет человека зеленый перелесок, а подойдет он к нему ближе, войдет, а там ничего, кроме неприглядного бурелома, крапивы и комаров. Воскресов и Грибов шли очень быстро, не отдавали себе отчета, куда их несло, паутину нацепляли, колючек на брюки и носки набрали. А всё трын-трава. Идут и идут. Солнце в рощицах уже не палит. Березки навстречу шествуют. Тут камни какие-то жуткие, мерцающие, непохожие на земные...

Из-за деревьев вышел человек в камуфляже и направил на Воскресова карабин:

— Стоять! Стрелять буду!

Возник второй камуфляжный. Этот тип ухмылялся в усы:

— Попалась рыбка!

Карабин у него болтался за спиной. Наводить его на кого-то усатый не собирался.

Отставший Грибов затаился, остального не видел. Услышал слова команды, обращенной к Воскресову:

— Р-руки за го-лову! Пальцы — в за-мок!

Торчат здесь Грибов счел неуместным. Да и ситуация рискованная: задержка грозила продлиться надолго, а у "москвича" на обочине не заблокирована левая задняя дверца.

Подошедший усатый караульный принялся обыскивать Антона. Первый караульный нацелил карабин в одуванчик у пяток Антона, но в любой момент мог повернуть его на недостающие сорок градусов.

Обыск закончился. В спину Антону уперся ствол:

— Вперед! Шаг-гам марш!

Воскресов двинулся сквозь кусты, руки были по-прежнему заведены за голову.

— Ку-уда прешь! Иди по дорож-жке.

Воскресов и караульные проходили то густые заросли, то полянки. Затем почапали по распластанному массиву из колючей проволоки, прошли какое-то подобие распахнутых раскуроченных ворот и остановились у огромного холма с квадратной дверью.

— Откры-вай! — прозвучала команда. — Захо-ди!

Воскресов оказался в захламленном гайне. Горели бестеневые лампы. Из маленьких зарешеченных окошек под потолком падал тускло-молочный свет. У комнаты была и другая дверь.

— Садись на стул. Отвечай, кто ты есть?

— Что отвечать? Документы у вас.

— Не увиливай! Кто такой? Как в запретке очутился?

Минут через цать пристрастного допроса усатый караульный отчебучил:

— Куда тебя сдать: в милицию, в ФСБ или куда погаже?

— Вам виднее.

Усатый не удивился:

— В углу — кран. Вон — швабра, вот тряпка, вот ведро. По-мещение уб-брать!

"А ситуация-то знакомая!" — подумал Воскресов.

Лет двенадцати-тринадцати он с двумя подростками ездил в Петро-Славянку. Недалеко от этого поселка они уже с год паслись на примыкающей к номерному предприятию полосе, где располагался огромный склад утиля под зияющим небом. В тот раз зона ограждалась. В стране — разруха, но древнюю свалку решили оградить и обустроить!

Гораздо позже Воскресов узнал: свалка у Славянки — настоящий Клондайк. Но если прежде на ней трудились редкие старатели, вырывавшие кусочки печатных плат, детали переключателей для извлечения драгметаллов, то отныне золотоискатели стали организованными. Путешествие на Клондайк необходимо заранее согласовывать и отстегивать большие бабки.

Тогда-то троица мальчишек и напоролась на людей в камуфляже. После выяснения больных вопросов "Кто послал?" и "От какой фирмы?" ребятам кинули под ноги грабли, скребки и дворницкие метлы. Прилежному в работе — Сережке Климову поручили вымыть пару помещений в примощенном к зданию флигеле.

Воскресов очнулся.

— Нн-не начну уборку! — заявил он.

— Ах, ты н-не начнешь! Сам и напросился! Мы готовились тебя отпустить! Хальт! Поведем тебя в Питер, там тобой займутся. Сейчас составим протокол, и ты его подпишешь.

— Составляйте, — неожиданно для себя проговорил Воскресов.

В укромном уголке мозга у него брезжила мысль: при дружелюбном прощании с караулом ему вернут только студенческий билет, а блок-

нотик с тарабарскими каракулями замылят; но при расследовании по всей форме, скажем в филиале ГРУ, ему наверняка отдадут и блокнот.

Возиться с протоколом никто не стал.

— Давай руки, — скомандовал усатый.

Воскресов не пошевелился.

— Еще и сопротивление оказываешь!! Тебе же хуже!

Караульный снял трубку и, не набирая номера, что-то произнес не то на блатном, не то на нечеловеческом языке. Во всяком случае, Воскресов ничего не усвоил. Нарисовался хмырь в черном кожаном жилете, швырнул на стол мудреную упряжь. На Воскресова бросились все трое, завели ему руки за спину, прибинтовали их друг к другу. Потом обмотали тело вонючими вожжами, надвинули на лоб мятый кривоватый чепец. Глаза теперь закрыты. Воскресов притворился почти бездыханным; ему захотелось обеспамятеть. Он не обращал внимания на происходящее, на всё уже ему наплевать: играйте, мол, если вздумается, мне-то какой резон... Антона потащили. Шваркнули на мягкое, опять повозились с упряжью. Вскоре Антон догадался: он в машине, его везут. Машина подергалась на ухабах, стремительно помчалась, остановилась, стала выворачивать, вновь остановилась. Воскресов почувствовал: его схватили и волокут, лодыжки дважды больно ударились о препятствие. Похоже, посадили в кресло. Еще одна машина? Мотор грубо застрекотал, затрещал. "Вертолет!" — смекнул Воскресов.

Прошло около часа, но, возможно, больше. Люди рядом разглагольствовали (иногда орали) то на русском языке, то на нелепом лающем наречии. Разговор на русском языке чаще шел о каком-то гражданском или военном чиновнике. Хороший тот работник или нет. То ли он делает по службе или не то. Порой даже русский язык перерастал в совершенную бестолковщину. Поэтому Воскресову казалось: он не летит, а ему снится, что он летит.

Вертолет сел. Воскресову освободили и голову, и руки, и глаза. Особенно осмотреться не дали, но без того ясно: он находится на венце высоченного дома. Впереди и по бокам простирался неопознаваемый индустриальный пейзаж. Поблескивали лужицы озер или болот, мелких прудов, зеленели чахлые рощицы, но всё затмевали, забивали многочисленные одиночные здания с трубами, ансамбли промышленных корпусов, эстакады, виадуки, башенные подъемные краны. Утыканые блестящими выступами и параболическими антеннами, некоторые сооружения напоминали надстройки на верхних палубах боевых кораблей.

Путь внутри дома показался долгим. В проходах, переходах, у лифтов идущих встречали вооруженные люди в кожаных жилетах, проверяли жетоны.

— Куда? — спросил очередной постовой в жилете.

— Идем к БББ. — Имя не было лающим, но Воскресов не смог его разобрать. То ли упоминаемого звали "Мянь-Мянь-Мянь", то ли "Нь-

Нь-Нь". Воспринимались только мягкие концевки.

— Промóхо прóйдете! — отозвался кожаный жилет.

Делегация протиснулась в длинное узкое помещение. Место, где все оказались, походило на начало конвейера.

— С чем пожаловали?

— Да вот привезли вам материал.

— Действительно? — удивленно вскинул брови ЪЪ. — Ну-ка, ну-ка, — ЪЪ покосился на прибор в форме индивидуального дозиметра. — Какой же материал! Это объект! Готовый объект! И настраивать не надо! Идите на седьмой этаж... Немедленно!

Депутация, ведшая Воскресова, стала пятиться.

— Быстрее! Быстрее! — поторопил ЪЪ.

Выходя, Антон увидел в углу огромный стеклянный цилиндр с вытянутым в нем по стойке смирно заспиртованным ухмыляющимся человеком. Лицо экспоната вроде бы знакомо, а ухмылка пронзительно выражала мысль: "Ага! Всех надул! Обманул директора кино!" Антон успел прочитать надпись на бронзовой табличке:

Ruslan Okolesov,
*Cicindela campestris*¹⁸

Охрана на седьмом этаже состояла из одетых в хитоны секьюрити, похожих на самураев.

¹⁸ Руслан Околесов, *полевой скакун* (лат., энтомолог.).

Пришлось шагать мимо их жестких взглядов. Один из самураев примкнул к идущим.

— ТТТ вас примет сразу, — проговорил он. И провел в небольшую комнату, за приоткрытой второй дверью которой снова замаячил длинный коридор.

ТТТ, гуру неопределенного возраста и неясной расы, осмотрел вошедших. Затем отрезал движением зрачков Воскресова от остальных.

— Поди сюда, — указал он на пространство рядом с собой.

Пару минут ТТТ молча созерцал Антона.

— Что ты хочешь? — спросил ТТТ.

— Ничего, — откликнулся Воскресов.

— Как ничего? Что ты хочешь не теперь, а вообще?

— Ничего не хочу, — произнес Антон, понявший метафизичность вопроса, — хочу проснуться.

— Откуда ты знаешь ответ?

— Я уже просыпался, но частично и не на долгий срок. Но очнуться лучше тотально и навечно.

— Ладно. Но в земной жизни, что должно хотеть?

— Обычно важны три "Д": Дееспособность, Дело, Дорога. В этом суммирована наша командировка. Например, просто способностей или просто здоровья мало. Дееспособность их подытоживает, заостряет. То же с Дело и Дорогой. Дело без Дороги не пойдет, может оказаться чем-то факультативным...

— Очень ххорошо, — пробубнил под нос ТТТ. — Почти верно, но главное в земной жизни — связь. Мы приходим связываться и

связь — мы сами. Скрепить одно с другим — вот задача!

ТТТ достал толстую стеклянную авторучку, нацелился на ее табло и задумался: "Так, так мы имеем сейчас... Кто стоит передо мной? Да-а! Он и есть!

"Бессмертный! — вещал про себя ТТТ. — Я вижу живого Бессмертного. Того, кого мы искали эпохи и эры! МЫ НАШЛИ БЕССМЕРТНОГО! Мы, а не кто-то! Реально ли сие?! СЛУЧИЛОСЬ!! Стряслось, наконец!! Почему не рушатся небеса? Небеса не лопаются, и я спокойно сижу! Бессмертный! Бессмертный! Повезло-то как! Гм.. Гм... Да, но что грозит нам? Что с нами произойдет? Мы будем не нужны. Сорок тысяч сотрудников во всей Евразии... Их функция успешно выполнена... Долой их! Долой! И нас в том числе. Зачем это мне трэба? Зачем это филиалу?" ТТТ изрек:

— У тебя НЕТ ДОРОГИ. Жаль. Пси-тракт перегружен искусственно сфабрикованными талантами, людьми-компьютерами с мозгами для ассоциаций. Направить тебя с твоими природными достоинствами и непостижимым грядущим не в моих силах. За пустые века мы разучились это делать... До них, если не считать одного полубессмертного мавра, прокандыбали втуне полторы тысячи лет. Не мнимое падение античного мира и не Пресвятая инквизиция здесь виноваты.

И ТТТ обратился к сопровождающим:

— Объект ликвидировать. И без ореолов! Без побочных эффектов!

— Десять тысячи вольт против ореола хватит? — спросил самурай.

— Вы с ума съехали! — вскричал ТТТ. — Зря к нему нетипичная фамилия прилеплена?! Необходимы пятнадцать миллионов вольт, а то и ускоритель! Ведите на экспериментальную установку. ВВВ распорядится. Он в подобных тонкостях специалист. Нынешний пароль: "Великий Пан — тюнер!" Надеюсь, и Субботовых больше не возникнет!

После ухода посетителей ТТТ предписал: у-праз-Д-нить пост близ станции Поповка.

Продолжение эффекта № 4 (рецидив)

Во сне Татьяне Быстровой явилась цыганка. Цыганка несуразно водила пальцем по Татьяниной ладони, словно перемешивая там невоспринимаемое, и твердила:

— Ох, богатая станешь! Ох, разбогатеешь!

Гадалка из сновидения не ошиблась. Ни с того ни с сего в середине октября выдали тринадцатую зарплату. В предвкушении шопинга Быстрова села в автобус. Только автобус тронулся, она почувствовала приятное покалывание выше и ниже зада, а также в промежности. Всё объялось властью незримых волн. "Как вкусно пахли в детстве карандаши, карандаши как мило в детстве пахли, — запела она себе. — Что еще было в детстве?"

— Разговариваете вслух, гражданочка, — заметила подле сидящая толстая тетка. — В детстве, скажу точно, были вкусные жареные пирожки с яблочным повидлом.

— Не помню похожего.

— Ах! Вот болтаю! Тогда тебя, гражданочка, в проекте не значилось! А еще продавались пирожки с требухой по четыре копейки за штуку.

Татьяна Быстрова уже не могла вообразить запах карандашей детства:

— Да идите вы сами в требуху!

— Это я требуха? Меня ты требухой называешь? Да я тебя, паршивка, шас тресну по башке. Сразу из нее дурацкие карандаши вы-

скачат! Вкусно пяхли, да вкусно драхли! Трахнуть, наверное, тебя, дура, некому!

— Ты что, ведьма старая, несешь?!

Тетка размахнулась и ударила Быстрову по голове. Быстрова сбила с тетки платок и вцепилась в архаическую прическу. Стоящие молодые люди с открытыми бутылками пива беззастенчиво заржали, один из них демонстративно вытянул перед собой руку с бутылкой и полил волосы Быстровой:

— Лучше расти будут!

— Га-га-ха! — противно засмеялась тетка.

— Так тебе, бзничка! Дождалась!

Быстрова поднялась с места, наступила тетке на ногу и, продравшись сквозь упрямые тетчины колени, вздумала расталкивать толпу, направляясь к выходу.

— Ну и нахалка! — послышалось рядом.

— Су-у-ка-а! — подпели-подсвистели левее.

Кто-то беззлобно поддал Быстровой в бок локтем, кто-то лягнул напоследок или ухитрился, отвесить пинка.

Выйдя на ненужной остановке и едва проводив взглядом отъехавший автобус, Татьяна машинально заглянула в пластиковый пакет. В нем не оказалось кошелька с тринадцатой зарплатой. Татьяна заплакала и, не разбирая дороги, пошла прочь. Она проплакала минут пять, а потом громко зарыдала. Волосы ее растрепались, пальто... порвано. Она напоминала выставленную вон пьяную проститутку. Из-под земли родились два милиционера. Блюститель закона, с тремя лычками на погонах, ударил Быстрову дубинкой по животу, другой — пихнул под лопатку:

— Куда прешь, стерва? Пойдем с нами. Отоспишься в КПЗ. — И милиционеры, обнажая кривые желтые зубы, гнусно засмеялись. Патрульный с лычками, для острастки шмякнув Быстрову тем же резиновым орудием по раздражающему око заду, авторитетно изрек:

— Правительственная комиссия едет из Москвы, а здесь всякая шваль по улице бродит!

Татьяну бросили за решетку. Она села на казенную скамью, не обращая внимания на окружение. Повторяется мир, повторяется. Чем? Будто на военных сборах, под нее подтекала чья-то лужа. Лежали и сидели интенсивно излучающие дух дерьма и лука бомжи.

"Так вкусно пахли в детстве карандаши! Карандаши так мило в детстве пахли!"

— Пусть убьют! — решила Татьяна Быстрова. Главное то, что я ощущала в шесть лет. Уже тогда я полно и счастливо прожила жизнь. Чуждого мне не надо.

Татьяна прикрыла веки и вызвала из памяти не запахи, но яркие и сочные цвета своих первых акварельных красок: оранжевый и лиловый. Не те, какие они у взрослых, а настоящие оттенки исчезнувшего времени.

Эффект № 15

В графе "Национальность" Петерман писал слово "хорват". Но ничего по-хорватски не знал и не без оснований числил себя турком.

После покупки нового саксофона он прекратил игру на музыкальных инструментах и переключился на игру биржевую. Ему крупно везло. На рынке Forex и на фондовом. Прежде баловством подобное представлял! Изменилось что-то в мире подлунном. Не сглазить бы пугливую фортуна!

Чуть не каждую ночь Петерману (то есть на самом деле Питиримову, если кто забыл) снилась игра на саксофоне. Саксофон во сне сильно вытягивался. При желании Петерман мог им достать до облаков, до луны, до звезд. И всерьез доставал! А саксофон не тромбон, наполовину повернут на 180... Зато у него... "Вот ведь Фрейд-эйт!" — думал во сне Петерман. Фрейд Фрейдом, но чем выше во сне вытягивался саксофон, тем больший куш отваливался на бирже.

"А Соросом все равно не стать!" — обижался Петерман. Успех становился квазинеуспехом, настроение падало. И только виртуальная сновидческая игра на саксофоне давала какое-то удовлетворение.

Раз в неделю Петерман читал в гуманитарном лицее факультативную лекцию по истории джаза. Это были действительно лекции, а не уроки. Джаз есть джаз. Нужны демонстрации, и по требованию темы Петерман приносил музыкальные записи, либо просил играть знакомых музыкантов. Его терзал панический страх. Ему казалось, извлеки он из инструмента хоть ноту

самолично, моментально лопнет свежеобретенное биржевое благополучие.

С Питиримовым (то есть с Петерманом, если кто забыл) случилось еще чудо: он начисто потерял способность к употреблению крепких спиртных напитков. На стене его орехового кабинета, где раньше громоздился бар с бутылками арманьяка и хереса, блестела нефритовая рамка с факсимильным текстом:

АЛКОГОЛЬ.

Е. Янтареву.

Когда толпа надеждъ растерянно рыдаетъ
И дьяволъ прошлаго на раны сыплеть соль,
Когда спасенья нѣтъ... лишь онъ не отступаетъ,
Лишь онъ, цѣлитель мукъ, священный Алкоголь.

Въ немъ невозможное такъ сладостно возможно,
Единымъ маніемъ мечты воплощены,
Въ немъ дивно истинно, что было только
ложно,
И сны — какъ будто явь, и явь — какъ будто сны.

Хочочетъ онъ въ глаза железному закону,
Въ снѣгахъ творить цвѣты и всѣхъ зоветъ:
сорви!
Бѣднягѣ-нищему дарить, смѣясь, корону
И нелюбимому — вѣнецъ его любви.

О Царь отверженныхъ! О радость позабытыхъ!
О претворяющій въ восторгъ земную боль!
Ты въ заревѣ вѣковъ — какъ сфинксъ
на черныхъ плитахъ,
Владыка гордыхъ сновъ, священный Алкоголь!

Старые друзья-собутельники Петермана сочли такое украшение кабинета насмешкой. Половина их куда-то исчезла. Некоторые решили: во всем виноват Янтарев. А нагрянувших гостей интересовал не Сергей Кречетов, но лежащая на антикварной пишущей машинке *Rheinmetall* книга поэта Ивановича: "Улечу в твою негую бленду".

Год назад, заставив издателя изменить название, Питиримов-Петерман перевел на счет типографии недостающую для золочения переплета сумму. Попутно разжился трофейным раритетом. Существует и каменный вариант германской пишущей машинки. Он находится на одном из южных кладбищ Петербурга, на могиле безвременно ушедшего от нас поэта.

КБ-9

Дмитрий Пешный двигался вниз, держась за поручень эскалатора станции метро "Петроградская". Туннель выглядел ободраным, невзирая на побелку. Ни с того ни с сего Дмитрий захотел не спускаться, а наоборот подниматься. "Что бы значило это желание? — задался он вопросом. — Вроде горький шоколад не ел, инжиром его не заедал, витаминов не трогал..." Но Дмитрий заметил брюнетку с необычным зраком, на соседней ползущей вверх лестнице. Брюнетка, точнее, очень темно-темно-русая особа лет двадцати семи обзревала трещину на потолке шахты и даже подняла руку с вытянутым большим пальцем, словно бы

думала проверить: сколько дюймов в иероглифе, изображенном обязательными для города разрывами в штукатурке...

До нижней площадки оставалось немного — у Дмитрия мгновенно возникло решение. Сойдя с лестницы, он перелез ограждение, сделал разворот вокруг освобожденной стеклянной будки и начал догонять примечательную особу.

— Извините, мне показалось, вы художница...

Прибрюнетистая нисколько не поменяла алтарного взора — скорее, он был натуральным — и промычала неразборчивое.

"Вряд ли немая..." Чуть передразнивая ее, Пещный промычал нечто от себя, но с довольно выразительной и почти нескромной интонацией, и добавил в том же ключе, но с открытой заинтересованностью (вот-вот твердь упадет, земля провалится или по другой причине жизнь на планете оборвется):

— И в институте Репина не учились? Или в художественном училище? — хрипловато спросил он.

И в ответ — нуль удивления:

— Я окончила Мухинское.

— Про него и не вспомнил. Как оно теперь называется?

— Художественно-промышленная академия, но зовут по-прежнему "Муу-хой".

— Да! Трещины на потолке туннеля действительно ближе к промышленному дизайну, а преимущественно — к муу-хову. А я получил диплом на курсах пауков...

— Вы похожи на человека военного. Погонны! И всё встанет на места... — замялась на последнем слове незнакомка.

Аккуратно выведя жертву своих непонятных устремлений на Каменноостровский проспект, Пещный уже не выпускал ее локоть. Ему грезилося, он находится в двух мирах сразу; ум рвался и туда и сюда. Еще объявилось мифическое царство: в голове завертелись строчки:

Хочет бедную убить,
Цокотуху погубить!..

Надо бы убрать неподходящий мотив? И-их! Клин — клином!

— Петро-градская род-ная сторо-на, — полупшепотом пропел Пещный, лихо адресуя слово "родная" спутнице. — Вы, вижу, не спешите. Могу кое-чем похвастать. Мне код Петроградской известен. Знаю хитрости хождения по ней...

— Какой код?

— Ритм в делании поворотов направо и налево. Когда улавливаешь такой код, прогулка становится сверхзамечательной. Архи-необык-но-вен-ной, — продолжал сидящий в Дмитриии черт, заодно посылая глазами острия произносимых слов "замечательной" и "необыкновенной" в направлении девушки. "Что не воспримет, то клетки ее кожи поймут..."

Линия их променада не походила на изящную синусоиду, то есть не походила на волну, но, ломаная, запутанная, она сотворяла нужные волны внутри. Даже нелепые кривоугольные

траектории пальцев музыканта или ужасные закорючки на нотном стане порождают вполне гладкую и гармоничную мелодию, а некоторое пошлое безобразие — изредка невиданный экстаз. Пещный и девушка забредали в те или иные кафе, но нисколько не рассиживались, только поддерживали тонус. Дикий запущенный Петербург превратился не то в забытый романтический и реально не существовавший Ленинград, не то в выдуманную для оформления этикеток Пальмиру-на-Севере, не то в фантастический зрительно звонкий чертог из нетленных измерений. В подобные моменты асфальт теряет уцербины, небо — серость, а улицы — прозаичность. Город переоткрывается и приоткрывается, меняет лицо. А в особенности под лживыми косыми лучами кинопроектора-солнца. То же и сейчас: воздух слегка запах сосновым лесом и почудился нарисованным. И далее блуждание оставалось бы галлюцинацией, сновидением, сбывшейся легендой, но Пещный оказался верен самому себе. Час-полтора, а может, четыре без малого... — всякая длительность утратила смысл, определенность — где-то в окрестностях Артиллерийского музея всё померкло. Петрополь умер как оргазм.

Катя удивлялась: они шли по одну сторону воды и почему-то теперь идут по другую, будто они переплыли Стикс. Двое двигались по неоглядному пустырю в центре города. Да это была свалка! Лежали половинки кирпичей, пластиковые канистры, ржавые консервные банки, годами не убиравшийся хворост, мятая бумага. Именно так в мавританских или испанских средневековых сказках недавние дворцы и сокровища

обертываются ослиным навозом и глиняными черепками. Фланирующую парочку, похоже, вбросило сюда страшным взрывом, про который она запомнила. Невзирая на дикость и сиротскую неухоженность, земля пестрела, смотрелась мозаикой, геометрической головоломкой, лабиринтом. Не утренний снег первого января с обугленными петардами, опростанными бутылками, мандариновой кожурой... Компьютерная игра?

Выстрелила пушка Нарышкина бастиона. Закаркали вороны и смолкли. Странное ощущение за затылком, весь универсум находился в большой ярко освещенной резиновой груше... А если её сжать? Земля и ободранный асфальт? Да они тоньше папиросной бумаги! Не исключено, под ними ничего нет! Через полминуты тишины раздался непривычный звук. Кудахтанье? Слева и справа выросли крошечные деревянные домики.

Многочисленное непрекращающееся "Кудд-куддах! Кудд-куддах!" — явилось отчетливей.

— Курятники! У Петропавловки — курятники! — подняла руку Катя.

Еще несколько минут — и оба застыли как вкопанные, увидев окружение из клеток со львами, тиграми, обезьянами-мандрилами. Не входя в двери и ворота, они очутились в зоопарке, безбилетники, непрошеные гости и одновременно кто-то вроде космических зашельцев. Они — и тати, и всепроникающие боги.

Пещный был в своем репертуаре, он вспомнил: позавчера в сто первый или сто пятый раз прошел в Ленэкспо без билета и попал на нужную выставку, хотя на территорию комплекса не торопился, о новых объявлениях не знал, но решил подышать воздухом Гавани.

— Мы просочились сквозь стену... И через вселенную... — прошептал Дмитрий изумленной Кате.

Кате показалось: старое отрезано и планету подменили.

Эффекты № 16 и № 17 (потенцированные, зауральские)

Жил да был в областном городе Званске Юрий Михайлович Переплюев. Кабачки и картошку он ел сырыми, а свежие огурцы — жарил.

Почти рядом, в районном городе Зарвайске, имел честь проживать Михаил Юрьевич Светосватов. Этот герой звуками балалайки изображал фортепьяно, игрой на трубе — аэроплан; и больше всего боялся, что кто-то разгадает секреты его самодельных медиаторов и мундштуков.

Не возьмёмся описывать, как два приятеля встретились, как сдружились: то ли в поезде, железнодорожные чаи распивая, то ли где-то застряв на пересадочной станции и согреваясь теми же жидкостями из термоса, и не будем ко-

паться в том, когда они начали чудить: до дня знакомства или позже него, — мы, ребя, байки баем, а не мемуары пишем.

Настоящий театр возник, едва Михаил Юрьевич в гостях у Юрия Михайловича после принятия вместо аперитива крепкой сливовой наливочки стал есть горячие огурцы. Да! Наверное, стыд, срам, вежливость и прочую моральную сбрую потерял. Попробовал он огурцов и говорит:

— Фу, гадость! Жареные, да еще несоленые, слизняки настоящие! Не то тыква, не то икра заморская, буржуазная!

Твердит всё такое подобное, а сам ест, ест, ест. Остановиться не может. Килограмма три съел. Чуть не прожёл язык и желудок.

А Юрий Михайлович глядит на обжору молча и ухмыляется, да покуривает турецкую трубку.

Перевёл дух Михаил Юрьевич, еле затормозил челюсти, молотящие по инерции воздух, и прорезонил с зубовым призвуком да горловым усилием:

— Жареные помидоры в смеси с чем-то — вещь приемлемая: блюдо народное, на идише приготовленное, но огурцы! Из какой оперы?

Произнес он и заозирался подобно сумасшедшему. Сам заметил: очень глупо озирается.

Смотрит Михаил Юрьевич: Юрия Михайловича нет, комнаты нет, и сидит он, Михаил Юрьевич, среди неизвестных плетней и огородов не то подлинных, не то сказочных. Точно на сцене театра кто нарисовал их — не хватает только зрительного зала, а вверху не потолок, а небо. Огромное небо, великое небо. Этакой не-

бодуры Михаил Юрьевич никогда не видел! И плетни превысокие! И деревья здоровущие! Но нарочитые, декоративные. И Зауралье ли сейчас? Не Херсонская ли губерния?

Думал Михаил Юрьевич, думал, уже и дремать вознамерился, да тут низринулась с исполинского неба гигантская птица с грозным клювом, отфордыбачила несколько смешных прыжков, подскочила к Михаилу Юрьевичу — и стук его по лбу раз, стук его по лбу два! Склонила птица голову в одну сторону, искоса вылупила на жертву ярый красный глаз и стала про себя что-то соображать.

И дошло здесь до Михаила Юрьевича: стоит он на 95,6 % из воды, как и положено огурцу, и долбаёт его жирная черная ворона — самка. Пити паразитке захотелось.

Понял Михаил Юрьевич, карачун приходит. Вернее, грянул. В телах грубейшие дырки... Миновала жизнь! Закончилась! Не молиться же теперь! До свиданья, мир, до свиданья! Прощай навеки! Вспомнил Светосватов-огурец свою кличку "Мишель", внятно представил портрет Лермонтова, висевший лет пятьдесят назад в русской детской поликлинике на берегу могучей и мелкой латышской реки. Вспомнил мавзолей шейха Муслехеддина в Ленинабаде и нахальных воробьев на рыночной площади в Зарвайске, дернулся на пружинистом стебле и почил в бозе.

И устремилась его душа ввысь, в выспрь. Наверное, в огурце тайно расправила прозрачные крылышки...

"Печальный демон, дух изгнания..." — похоже, пропела отлетающая душа.

— И надо же! — продолжила она более отчетливо, обращаясь к кому-то бесплотному, но подразумеваемому, то есть к Михаилу Юрьевичу, оказавшемуся вне тела и ее самой. Стал он, как и все умершие люди — нуль без палочки.

— Ладно бы от нрава царицы Тамар погиб, а то — тьфу ты, от жареных огурцов!

Возмутилась душа несправедливостью, отстегнула незримые крылья, скукожилась и умерла с горя. Распалась на части: нейтрино, полтора пузырино и один грохотрон. Зазвучал грохотрон не то подобно трубе, не то — аэроплану. И возникло что-то ясное-ясное, исполнилось всё смыслом, а через миг — словно не было ничего. Родилась пустота. Но одну пустоту в другой и различить невозможно. Нет сущего на белом свете, кроме их множества.

* *

А Юрий Михайлович Переплюев выбил трубку, пригубил в сорок четвертый раз козырной сливовой наливочки, и уставился на чучело рыси. Стал пристально-пристально глядеть. Утомило такое действо. Закрыв глаза. Не выдержал и вторично на рысь посмотрел. Опять закрыл глаза, еще отдохнул. Затем бесповоротно посмотрел. И спросил строго у чучела:

— Где Михаил Юрьевич? Почему его не вижу?

А Михаил Юрьевич Лермонтов на портрете подмигнул, усмехнулся и произнес голосом Буратино:

— Ки-ки-ре-ки! /"Ку-ка-ре-ку" то есть по-немецки./

Знак свыше получен! Обрадовался Юрий Михайлович, язык высунул, выпучил пяла и принялся расстегивать ширинку. И тут в висках загудело.

— Ты что делать, гад, собрался! — закричал Лермонтов. — Хоть убей не дамся! Укушу-укушу, но и удавлю обязательно!

— Сам ты кто! — обиделся Юрий Михайлович. — Себя оцени. Ишь как барин вырядился! И художник приукрасил тебя! А в жизни ты плюгав, неряшлив и обликом неприятен был. Не возьму в толк, отчего в тебя Царица отчаянно влюбилась, а Царь приревновал и на Кавказ сослал!

Обозлился Лермонтов, вскинул и развел руки, плащ его обернулся демонскими крыльями. Бросился новоявленный Бэтмен на обидчика.

— Ах ты, мышь летучая! — начал сипеть, задыхаясь, Юрий Михайлович.

Увидел он на Лермонтове-Демоне-Бэтмене таинственную холодную полумаску. Черный бархат, униженный бисером. Сверкнуло от бисера адским и дотумкал Переплюев: до пришествия спасенья не будет.

Принюхался он: "Не Лермонтов здесь! От настоящего поручика Лермонтова, говорят, исходило горелое, горнее и мистическое. Кто это? Печорин? Ведь Печорин — выдумка. Эврика! Голова, голова-то знакомая. Кто ж это?"

Да не Печорин, а Пещный! За что? За что, спрашивается? Позапрошлым февралем или раньше, после аварии на ТЭЦ, замерзал командированный в гостинице... Подарил ему по дружбе электропечку с вентилятором, а теперь он душит! Вот расплата!

Стой! Стой! Да какой Пещный! Окончательно я очумел! Токи времени сдвинулись! Светосватов, черт окаянный, мудрит! Аэроплан-фортепьяно грёба-ное!"

За десятую секунды пронеслись отрезвляющие доводы, и постиг Переплюев: кранты! Но в синем его мозгу еще на долю секунды вспыхнули слова: "Аэроплан! Аэроплан! Эх! Зря спирт для сливовой наливки покупал в лётном училище! Плохой он спирт! Чувствую правым подреберьем: дряхлый ацетон отработанный!"

Воспоминание о монадах

* *

Монады не влияют друг на друга.

* *

В каждой монаде — все остальные монады, но их трудно распознать.

* *

Даже воплощенные в чуждом мире, они сохраняют способность к стремлениям и мнениям.

* *

Отражений не бывает, есть череда постоянных совпадений.

* *

Смысл дления монад — в оправдании предустановленной иллюзии.

* *

Увидеть монады очень просто: нужно быть одаренным трехлетним ребенком и иметь 160 %-ное зрение.

* *

Наши души суть гниющие отходы монад.

* *

Главная не предусмотренная свыше дисгармония — в том, что желание гнить правильно неосуществимо.

***Продолжение эффекта № 2,
феминного
(Отпустили на побывку)***

Юлия шла из бани. Легчайшее настроение. Бла-го-дать! На плечи совершенно не давит атмосферный столб, и сила земного тяготения стала вроде бы раза в три меньше. Возьми детский надувной шарик — и полетишь, полетишь, полетишь! Да и без шарика идетя, точно плывется. Здания, деревья словно не из твердых материалов сделаны, а из воздушных или из всяких безе, кремов, зефиров-пирожных и дудой кукурузы. Но это? На пути к дому посреди дороги расселась наглая собака Пряжка, принадлежащая Петровым-Сидоровым-Портвейновым — дворникам-мусорщикам, дроворубам-бензопилам, плотникам-стропальщикам-каменщикам — пылесосам на все руки. Собака и раньше никому не давала прохода. "Сейчас обгавчит, — поморщилась Юлия. — Было тонкопарное эфирно-зефирное настроение! Исчезнет вдохновение, как пить дать исчезнет!" И здесь Юлия спохватилась: идет она не из психбольницы Скворцова-Степанова, а из сестрорецкой бани, и, значит, не пахнет сама собой! И пахнет, наверное, мылом, шампунем, лосьоном и медальоном, а не человеком. Но может быть, не пахнет ничем! Ну, собака-бабака! Берегись! Будет тебе на орехи! Юлия перешла на громкий парадный шаг. Изображая пасть, полную острых зубов, широко открыла рот и агрессивно ощерила верхние зубы. "У собаки сумеречное чер-

но-белое зрение — поди, различит и в полутьме, и на расстоянии!" Юлия так начала печатать шаг, что испуганная Пряжка кинулась бежать, забилась под крыльцо и жалобно закулила. Упоенная победой, Юлия тем же строевым шагом подступила к крыльцу и прыгнула на него. Крыльцо рухнуло. Раздался плач обиженной Пряжки и серия всхлипов-писков. Внизу в щелях мелькнули то ли темные человечки, то ли неровные тени. Привиделись эрогенные шахматные поля, уставленные плоскими гномиками со скорченными мордами. Опять тихо пискнуло. "Не прятала ли она там щенков?" — предположила Юлия.

Однако Пряжка унюхала иное, царапнула землю когтями, клацнула зубами и лишние звуки пропали. В тот же миг Юлия почувствовала, что выздоравливает.

Она вспомнила совет психиатра: простым смертным проще изучать Коран по сутрам с плохими рифмами, но не по Крачковскому, и кэрролловскую "Алису" — не в переводах, а в пересказе Бориса Заходера... "Несомненно, — решила Юлия, — нам ближе «Волшебник Изумрудного города», чем «Чародей из страны Оз». Вдобавок есть мультики: «Хохлушка в стране чудес», «Хохлушка в Зазеркалье» — Киевнауцфильм!"

Похоже, клеился психиатр. А как не приклеился, строго заметил: "Кэрролл или Роб-Грийе не детективы Дашковой. Для чтения «Алисы» или «В прошлом году в Мариенбаде», нужно запастись необходимым, и взявшись за

текст, читать до конца, не отрываться". Дескать, у вас всё в порядке с памятью и вниманием...

"Ныне нет непотребного", — поняла Юлия.

О чём он еще балабонил? Хе-хе! Чеширский кот, мол, умер. Его улыбка-медуза сменилась парящей ухмылкой доктора Фрейда. Сигары этого мистика-атеиста не узреть, но ее аромат повсюду ощущается.

Былое и думы плюс слух об эффектике № 18

Шестнадцать страниц транснаратива изъяты цензурой. Дмитрию Пещному привычно думать о всяком-разном запретном. И нескучно! Идейки с него так и соскальзывают, так и про-скальзывают. Если бы они хорошо соскальзывали и куда надо, то здесь пребывал бы Гиперпруст. Но цензор тормозит посылы, кои никому, кроме Пещного, не пришли бы в голову. Иначе никто не будет на нашей глупой планете жить. Чем меньше идей, тем лучше. Но о запретных озарениях промолчим. Скажем, рассуждать о проходах и ходах в российско-финской границе — почти смежной с более важной **СЕВЕРНОЙ ГРАНИЦЕЙ** — неудобно. А у Дмитрия ходы-червоточины нередко появляются на Старо-Невском и в Репино.

Известно, Пещный держит при себе запаянный пакет с разговорниками и валютой. На случай. Можно автобусом, сновидением или Маннергеймом ошибиться. Мамаем, устьем Непрядвы. В тот день, когда Пещный ошибается — остальные гораздо сильнее: таможенники, пограничники, потусторонние выдры... Финны и

шведы выпивают, часто где-то застревают и отстают, мечутся в тяжких снах у дверей небесных. Потом, конечно, со скандалом возвращаются, но пока до того доходит, Пещный, оказавшийся при чужих документах, золотых ключиках и кармах, не слабее Фигаро. Да и без документов не тайна, как его временами заносит и уносит...

Но положим, неверно? И на самом деле он умер и просто бродит, позабыв что-то под кровом обманно-логарифмических белых ночей или в достоевско-крокодилово-бобоковой мгле?

* *

В Ботаническом саду желтели листья. Петру Дюмову надоел ежедневный маршрут. Выйдя из главного здания БИНа, Петр резко развернулся и решил пройти вглубь. Был предлог: увильнуть от очередной воздыхательницы. Новенькой и свеженькой. Никто ее не успел предупредить. Чего ради вырвался из горла слащавый восточный комплиман? Дама без того — словно на иголках, да вдруг взвинтилась. О чем этак? Будь одна, глядишь, и пригрел бы. Но у нее — две пары двойнят, муж с профилем и осанкой Каменного гостя. Не спутник жизни, а памятник конкистадору. В мире киношном он выбрал фенотип? ...пороха не нюхал, отсиживал бэк у арки Генерального штаба. Рывок — и пожалуйста: теперь наращивает мягкое место в шахер-махер-шараш-монтажке близ Смольного.

Ударил яркий свет. Листья желтые, оранжевые, красные, воспаленно сияющие. Еще не потерявшие психею. Был ли Петр в этом году вне обычных дорожек? У осенних клумб он увидел второй вспышкой, давнишнего знакомого — Пещного. Не дух ли он? Рядом с ним шла Катя.

Дюмов кивнул Кате и, пожимая руку Пещному, спросил:

— Где последний раз встречались? В СКТБ "Биофизприбор"?

— Именно там, если не в ЦНИТИ "Морфиз..."

— В "Морфизприборе" меня не бывает, — перебил Дюмов. — Нет причин.

— Есть. Бионика нужна везде.

— Тоже *бионика*? — поинтересовался Дюмов, указывая на Катю.

— Бесспорно! — театрально-патетически подтвердил Дмитрий.

— Представил бы, — продолжил Петр голосом благородного дона. — Кто она тебе: сестра, жена, любовница...

— Юбовница, — ответила за Пещного Катя.

— Вот как! — в звуке "ю" Дюмов, разумеется, отчетливо поймал призыв "е".

— А мы заскочили в сад не через проходную! И в кассе билеты не покупали! — похвасталась Катя.

— Ну и пусть. Не продаются билеты в райские сама-садики-садилы. Туда иная тропа.

— Хоть раззадили. Неважно. Суть: Сады и Мазохи нам не требуются, — заметил Пещный.

Дюмов направился своей дорогой, но его настигла фраза Пещного:

— Ничего не слышал о Карене Акидорове?

— Ничего. Отовсюду ушел, а что задумал, куда нацелился — не передавал. Странно... Неизвестно, где его искать.

— Известно, известно. Большой поворот в мозгах на Большом проспекте. Удалился крутолобый в монастырь. Не брали. Но победил взнос. Очень крупный. Прокуратура перекалилась, но не выяснила источник обогащения. Отмазался и мечтает о судьбе столпника.

Пройдя шагов сорок, Дюмов понял: в "Морфизприборе" бывал. Черт возьми! А протекция на атомный ледокол? "Хе-хе-хе, — возник внутри ровный басок Фантомаса, и неожиданно добавилось: — Сват! Свят! Надо же, ловко память отключается! Как кто нарочно за нее дергает! Контора не гидасповская, но в минувшем году кое-что стряслось. Лучше бы рвануло! Висели просушенные полем черно-лиловые дохлецы на раскаленных проводах. Доизобретались! Или это содеялось в другом ящике, или в сновидении-ужастике? Да отчего же прошлое столь смутное?" Завуалилось озеро, зашептался камыш.

Контроли из случайной выборки

Ефросинья ходила по пустой церкви и сливала масло из лампадок. До она с Аглаей выдирала щипцами из подсвечников недогоревшие восковые свечи, толстые и тонкие, длинные и ко-

роткие, — на переплавку. Одетые в темное старушки с засушенными лицами хватали бесстыдных монахинь за рукава, но божьи невесты лениво отмахивались. А теперь? Зачем сливать масло? То оказывалось ведомо одной Ефросинье. "Пол-то, пол плохо подметен, — бормотала Ефросинья. — Стекла давно не чищены". Пол был чист, пыли на витражах нет, но бурчать нравилось: монахиня облегчала душу, поругивая работу меньших служек.

— Обмети паперть, — сказала она вошедшему в храм Василию.

— Ванька обметет. Он нас покидает через полтора часа, а здесь ему все равно делать нечего.

— Знаем его, знаем. И как он обметет, и якобы делать не будет.

— И мы знаем. Почему его никто не выгоняет?

— Я тебе милиция? Или заседатель? Юродивый Ванюша-то. Юро-ди-вый. Блаженные храм украшают. Если чего себе позволяет, то бог за ним смотрит.

И вспомнила Ефросинья: необычно Ванюшка повел себя перед масленицей. Адски ей стало приятно. Так приятно, что она лампадку проглядела.

— А пол-то, пол неладно подметен! — опять пробормотала Ефросинья.

* * *

По статистике каждый злостный насильник совершает за свою жизнь 37 изнасилований. Потакало общество его наклонностям или нет,

сажало его усредненные полтора раза в тюрьму или нет, прошу покорнейше, положенные при основании мира 37 преступлений среднестатистический насильник совершит.

Иван Полупайко еще не отсидел назначенные ему небом сроки и осуществил пока не 37, а только 27 нарушающих *у ка* эротических деяний. М-да! Небогато даже для воина-оккупанта! Впрочем, считают по-всякому. Жертвы, говорят, частенько заранее настроены. На счету Полупайко — четыре старухи в возрасте от 60 до 88 лет, девять подруг жены, пять жен друзей; три блудливые школьницы сами его... Кроме того, он поимел трех побродяжек и трех работниц с соседнего текстильного предприятия, возвращавшихся порознь с вечерней смены.

Иван вознамерился подежурить у чердачного этажа нестандартной хрущобы, повсматриваться там в пролет лестницы в ожидании подходящего объекта. Это его фартовый способ. Некоторых подруг жены он тем же манером выискал. Те, конечно, узнали паскудника, но, жалея его жену Машу, по их мнению, на редкость приятную и отзывчивую женщину — хотя и набожную — не подали заявлений в милицию. Да и кто на смазливых кляузничает? А похож на Шаляпина! Прямо копия! Единственно, не поет. Да и любой муж после такого "нападения" просто тьфу, а не что иное.

Подежурить Полупайке не удалось. На площади к нему подвалили плюгавые субъекты: один из них держал микрофон, второй — телекамеру.

— Я корреспондент московского телеканала "Аш два эс о четыре" Микита Ольстерович Голосидзе, — возвестил человек с микрофоном. — Представьтесь телезрителям и ответьте: "Как вам живется, можется на святой Руси? Вы чем-то недовольны?"

— Я Иван Полупайко. Служу сторожем. Всем. Всем доволен, — отвечал Полупайко. — Претензий нет. Мне хорошо живется-можется на святой Руси. Пусть болтают: де мозгами ты прибацанный.

Полупайко отошел в сторонку донельзя гордый и забыл о запланированном.

Телевидение остановило проходящего мимо капитана-артиллериста.

— А вы, ферцер-офицер! Как вам живется, можется?

— Как сказать. Зарплату офицерам (а не ферцерам, до чего докатились!) надо повышать, квартиры быстрее выделять. Переводят из части в другую, и везде ни кола ни двора. Будет зарплата, будет квартира, тогда и станет всё отлично. Нет ферцеров и много мисс!

— Г-мм... интересно! — бросил в микрофон корреспондент, не стесняясь. — До того интересно, что скучно. Господин Полупайко гораздо лучше ответил. Не правда ли?

— Истинный бог — правда! — откликнулся Полупайко и внезапно почувствовал себя плоховато. У него страшно зачесалось нутро. Ванюшка задрал рубашку и принялся, словно собака, быстро-быстро чесать грязными нестриженными ногтями огромный безобразный шов — след падения на мопеде с высоты... Хирурги

в то время удивлялись: почему крепкий сук не пропорол тело насквозь?

— Кого еще спросим? Кто вы? — сунулся телекорреспондент к пожилому гражданину и тут же посетовал: "Начнет нудно лепить про абсурдные пенсии ниже прожиточного минимума..."

— Я доцент кафедры философии. До сих пор вынужден работать.

— Пенсии не хватает?

— Про нее молчу, хотя моим товарищам туго. Смены нет. Молодежь оканчивает факультет и уходит. Тянуть лямку преподавателя не хочет. Завкафедрой меня и упросил. А так дети обеспечивают.

— Ваши бывшие студенты совсем не стремятся быть профессорами и доцентами?

— Зачем им это? Кое-кто аспирантуру завершает. Но защитится — сразу прочь, PR кому-то делать или в том же духе.

— Для престижа нужна ученая степень?

— Степень ныне элементарно покупается. Имярек звание профессора получил после трехмесячных курсов, а затем и кандидатом в депутаты выдвинулся. Но не выбрали.

Вскоре помощник Голосидзе несколько козяво притормозил неторопливо идущего человека с острыми и правильными складками на брюках:

— Здравствуйте! Представьтесь, пожалуйста, телезрителям!

— Очень рад! Я Федор Максимович Пеньков.

— Нормально! Скажите нам, счастливы ли вы? Хорошо вам живется на Руси?

Петеньков ответил по-своему:

— У меня миллион зеленых. Из них пятьсот тысяч я готов потратить на развлечения.

— И как вы хотите развлекаться? — забыв о сути интервью, осведомился Голосидзе.

— Я родился в Баку. Туда я поеду и там истрачу кровные пятьсот тысяч, — произнес Петеньков и поспешно удалился, поняв, что сказал лишнее.

— Увы, Баку не Россия, — процедил помощник.

Вдруг корреспонденты увидели: по площади важно шествует непереодетый священник. Габаритистая толстомытая физиомордия. Широченная ряса несколько не скрывает великомощного брюхеня. Любо-дорого поглядеть! Классика! Голосидзе толкнул напарника локтем и прошептал:

— От соблюдения постов, наверное, раскормился!

— Есть иное мнение, — доложил напарник, — Джуна Давиташвили мне говорила: пузатенькие экстрасенсы и попы легче берут на себя чужие грехи, и, взяв грехи, в отличие от худых, не болят. Например, Фивейский у Леонида Андреева был худой, потому и загнулся. Пузатость у них лучше счесть не за профзаболевание, а за профзащиту. Пузо — что-то вроде молока за вредность. О монахах такого не общишь. Толстые монахи — бесстыдники.

Голосидзе похихикал, но почел неудобным возражать. И вспомнил очередные статистиче-

ские выкладки. Особо сильно жиреют, оказывается, доноры и почитатели долгих постов. Телеса готовятся к будущему дефициту ресурсов... "При-ро-да гос-по-да о-о-бма-а-не-ет! — мысленно пропел телекорреспондент. — А пост зачем тогда-а, за-а-че-ем?!"

Вскоре священник поравнялся с корреспондентами.

— Представьтесь, пожалуйста, и ответьте на вопрос: "Как вам живется-можетсЯ на святой Руси?"

— Я протоиерей церкви "Пасхальное Яйцо", — отрекомендовался священник приятным, звучным, но женсковатым голосом. — Мне хорошо можетсЯ на святой Руси. Вот только сломался "ауди", но к вечеру починят. Моцион мне полезен.

Священник потопал дальше.

— А вам как живется-можетсЯ на пресвятой Руси? — спросил корреспондент у прохожего, одетого в синюю тройку. — Кто вы? Представьтесь.

— Это прямой эфир?

— Не совсем.

— Покажите меня неузнаваемым, в мелькающих квадратах — и представлюсь.

— Клянусь. Вас не узнают.

— Я вор, — тишайше промолвил прохожий в синем, — Мне хорошо живется на святой Руси.

— Что ж, пожелать творческих успехов в вашей профессии не могу.

— А мне и не надо. Адью! — попрощался вор.

— На сегодня хватит, — обратился к парнику Голосидзе, а про себя подумал: "Неплохо бы повериться, откалиброваться на полную опроса!" И сразу пришло на память шуточное произведение, какое имел счастье держать в руках пару дней назад.

РУСЬ

*Одностраничная пьеса
из многочисленных закулисных деяний
и бесчисленных нормативных актов*

Замечание: в изложении деяния и акты опущены вследствие художественной необязательности.

Действующие лица:

Бомж-оптимист

Клерикал-ленинец

Хиромант

Астролог

Стоматолог

Либерал-идеалист

Евробандит

Плут-ДЕМО-Крит

Пустопляс-милашка

Компра-ДОР ОРС НОД-1

Убежжённая проститутка

Мандатарий Роддома

Человек в сером

Подозрительно честный бюрократ

Первый подохлец

Второй подохлец

Сто седьмой подохлец

Энный подохлец

The End

"Юморист еще тот сочинял. Знал куды бить, — начал соображать репортер. — Но правда в пьеске кривая и подпольно-осевая. Нам лосо-сёвая аксиальность не нужна. Требуется срез поперечный. Потому собранных мнений почти достаточно. Но все равно трудно, ох трудно! Если бы здесь, на данной широте, нашу почву заменить австралийской (с побережья), а наши реки — чужими, то был бы театр интереснее. Австралия занимает шестое место по продолжительности жизни, мы — второе по самоубийствам и первое — по пропавшим без вести. Да-а! Что-то в русской почве и воде лишнее и

вредное, а чего-то катастрофически не хватает. Вот для дам — два отдельных интервью. Одно в салоне красоты, естественно, при наличии красоты. Другое — в мотеле, по предъявлению водительских прав. Лупцевать Карасева за идиотскую фантазию! Но и вранья не хочется!"

— Давайте подведем итоги, — адресовался Голосидзе к виртуальным телезрителям. — Мы сейчас опросили тринадцать человек. Не посчитали только мужчину, который едет в Баку. Извините, растерялись и не смогли выяснить, счастлив ли он. ("Похоже, он подставное лицо, подосланное для сдабривания статистики, — мелькнуло в голове. — Чую, спецконторы ныне сверхоперативно работают. Бог в курсе, какие управления и департаменты в них возникли".) Итак, оказалось, хорошо живется-можетесь первому господину — сторожу Полупайко; и последнему, квадратненькому — вору; и среднему, иже нам сообщил-пропел, что он протоиерей церкви "Пасхальное Яйцо".

Репортер сделал многозначительную паузу и добавил:

— Бесспорно, нет четвертого, воспетого когда-то знаменитым поэтом, а именно: Гриши Добросклонова. Смею вас заверить, Добросклонов — это я, журналист телеканала "Аш два эс о четыре", Микита Польстерович Голоси. Мне хорошо живется-можетесь на святой Руси.

Голоси достал блокнот. Устраивая для себя краткий отчет, против отметки об интервью Полупайко репортер накропал: "Олигофрен или дебил. Материал вырезать".

Микита Польстерович задумался: "Кто у нас еще? Священник? Вырезать! Не надо раздражать надзорные органы. А Добросклонов? Бравада! В эфир не пойдет! Сие исключительно для друзей".

Журналист провел жирную черту и ниже написал: "Пару отрицательных интервью отредактировать и перекинуть в положительные...", задал вопрос: "Ну, всё на сегодня? Ничего не забыл? Ух-ты, забыл! Вор-то, вор! Вот пикантно! Удача приходит врасплох... Оставить! Обязательно оставить, невзирая ни на что, пусть даже и квадратненького! Основное — испортить подлинник... Впрочем, господа фуражкины без того всех мафиози знают".

Однако закругленная концовка обломалась. Голоси почувствовал странную дрожь в икрах, на него повеяло бездной. Репортер поднял голову: на него надвигается новый клиент. Из воздуха взялся? Словно из стены выскочил... Пришлось достать давно выключенный микрофон, напарник расчехлил телекамеру.

— Добрый день! Извините, коли вас задерживаю. Я телекорреспондент Олосид. Представьтесь, пожалуйста, если не возражаете...

— Не возражаю. Я Дмитрий Пешный.

"Только-только о конторе, а она тут как тут!.. — удивился журналист, опять искаживший собственную фамилию. — Куда миллионеру Петенькову до этого хлыща из табакерки!"

Часть третья

"ШРОТ"

Производитель

1

В торце здания прохаживался тощий усатенький тип. Заметив Святослава, он перехватил в руке рацию или мобильный телефон. Из вещицы поплыли булькающие звуки...

"Где приходилось видеть усатую глисту? И не раз приходилось: в плаще и без плаща, в очках и без очков. С букетом и без букета. Иногда с тросточкой. А усы — те же".

Святослав Анов подошёл к лаборатории. Дверь полуоткрыта. "Гм-м... Запирал вроде бы. Нормально ли с мозгами?"

Во второй комнате — посторонние. Один, явно главный, восседал в кресле, повернутом спинкой к монитору. Двое слегка покручивались туда-сюда на высоких лабораторных стульях. Гости устроились подобно хозяевам. "К чему бы?" — озаботился Анов.

— Нэ суэтись, дарагой! — произнес главарь. — Мы по важному дэлу.

— Морфин в героин не перевозжу, если вы за...

— Нам нэ нада гэроин. Что нам нада? — спросил заправила сидящего слева.

— Обработать эфедрин гидразином, — ответил тот.

— Вас обманули. Применяют более мягкий реагент.

— Мы агаворылыс, но ты-то знаэш, чем абрабатывать. Мы заплатим.

— У меня не цех. У вас нужных денег не будет. А в итоге — дешевый продукт. Не иное. Какой дурак сейчас возится с эфедрином?

— Эта наша дэло.

— Где? Когда заниматься "ваша дело"? Здесь идет непрерываемый процесс, и времени нет. (Просто так не отвязаться. Кто-то навел, дал сведения, гарантии. Скорее, уже и задаток получил.) Вам известно: не я начальник. Ошиблись этажом.

— Нам нэ нада началнык. Мы сечем фишка, что ты можешь и что нэ можешь. Нэ нада нам кудри матаць.

— Достаточно, господа! До свидания!

— Ты обо всем падумаль? Патом нэ пажалээшь?

— Зачем жалеть? Мне жалеть нечего.

— Пашлы, — скомандовал главарь подручным. — Он другой язык лубит. С ным на другом языке пагаварят.

2

Четверо суток в помещении стоял страшный запах падали. Анов и уборщица Алена обыскали всё и решили: где-то подохла крыса. Унюхать уголок, какой избрала крыса, не удалось, поскольку в первые дни напасти Алена опрыскала

подозрительные места крепким дезодорантом, годным лишь для туалета. И только к концу недели Святослав при вернувшемся из заграницы Семене снял кожух со своего "железа". В системном блоке — мертвая кошка...

— Достукался, хакер! — засмеялся Семен — То-то при запуске возникала розовая надпись:

System hardware abnormal, press any key to continue!

— Кто тебя вычислил? — продолжил Семен. — Я считал, напряжение в сети прыгает, датчик глючит!

Кошка была без головы и хвоста, весьма худой и немного мумифицированной еще до подвешивания в компьютере. На лапке болталась петля из суровой нитки.

— За петлю держали безгливые, — заявил Семен.

Святослав нашел упавший на пол пистончик. Подобными скобками скрепляют пучки проводников, чтобы не расходились. Тем не менее он обратил внимание на краевой зубчик...

— Ясно, эта часть куда-то вдвигается. Куда? Нет таких разъемов.

Святослав стал осматривать компьютерную требуху и особенного не обнаружил. Семен тоже, пока не перевернул крышку системного блока. И тут Анов оторвал от ее внутренней поверхности диск, похожий на аккумуляторный элемент. Правда, он оказался крупнее. На нем различалось отверстие-замок для выступа скобки.

— Картина немудреная, — проронил Святослав. — Или забыли вставить или вставили, но не довели до отказа. Поспешили. И защелка не сработала. — Пойдем-ка на улицу, прогуляемся.

Оба экспериментатора побрели на свалку НИИ, вытащили из хлама относительно сухой мешок из крафт-бумаги и подожгли его. Штиль. Пламя медленно поползло. Осталось положить на середину мешка "аккумулятор". Когда Святослав с Семеном отошли метров на семьдесят, хорошо бабахнуло.

Взрыв непримечательный, но им подбросило в воздух древний лабораторный таганок. Железка взвилась до уровня пятого этажа. Ее взлет и падение заметил из кабинета директор института. Взрыв он слышал, но не постиг, отчего сие и где. Таганок принудил главу учреждения высунуться из окна. Внизу — рассеивающийся дым! Посмотрев направо, директор смог опознать физиономии двух оглянувшихся виновников происшедшего беспорядка.

На лестнице экспериментаторов ждала встреча с руководством.

— Ну, Святослав? Опять пиротехникой увлеклись?

— Поневоле. Дополнение к тому разговору, что у нас был пару недель назад. Злоумышленники затеяли в компе опочивальню длядохлой кошки и, дабы никто не будил, заминировали.

— Дела. Я собрался передавать зальцбургские деньги на службу безопасности. А далее для ее оплаты нужно тебя с Семеном до пенсии

мариновать за бугром. И кого здесь сторожить? Кроме вас двоих, ни одна душа валюту не зашибает.

— Очень остро, — промычал Семен, — но больше не полезу в атомный реактор вместо робота. Маяковские прочие шведы пусть чистят там сами.

— Другой вопрос пикантнее. У нас Анов по реакторам не ползает, не надевает чешую из свинца. Он у нас ефрейтор Сбруев. У него сейчас жен семнадцать или двадцать семь? И если охранять каждую жену? Зачем ему означенное количество?

— Преувеличиваешь, Игорь, преувеличиваешь, — произнес, почти не улыбаясь, Анов.

— И сколько есть, ненормально.

— У Святослава столько любовниц, а не жен, — поправил Семен. — Зато фамилия напоминает библейскую. Почитай, до земляничных полян здорово тренировался в каком-то чертополохе...

Все трое загудели.

— Ну, три жены в разных городах. А детей от семнадцати любовниц? Четырнадцать? Им зеленень переводишь? — обратился директор к Анову.

— С вашего согласия. Хоть зеленые, хоть рубли. Давай продадим технологию модулятора.

— Нет уж, нет! Недостает скандала на всю вселенную. Может он не модулятор для кого-то и по-настоящему будет буравить мозги? Нам смоделируют еще не то коровье бешенство!

— Мы сидим, как собаки на сене, — вмешался Семен. — Такими производными инте-

ресовались японцы. Они спокойны, рациональны.

— Выискал спокойных людей! В храме или в офисе они без капризов. Поэтому и оттягиваются специфически. Кто поручится, что не запустят ваш продукт в систему вентиляции токийского метро?

— В мандарины модулятор пока не впрыскивали, но, подозреваю, подболтали кое-куда, — ухмыльнулся Семен.

— Ату тебя! Чура-чурочки! — просипел едва не задохнувшийся от грандиозных эмоций директор.

— Не Чура, а Нифертётя из заоблачной академии. Без нифертитек. Полгода каждую ночь она снится Святославу. Но эврики — нуль.

— Увы, тематика там, гошпода-товалисы, иная, — добавил Анов.

— Зато вериги расчудесные. Лишь бы Эзоп с Крыловым не ожили!

Психоаналитик

Вести из приемной

— Сновидения! Ха-ха! Сновидения! Да ведомо ли вам, что деньги, зарабатываемые в них, прокручиваются через страховую фирму мадам Соколовой?!

— Х-х!

— Да-да! Вы поройтесь в ваших сновидениях. Выстройте их цепочку. Наверняка, придете ко сну, в котором подмахиваете странные розовые бланки. К восемнадцати годам их подписывают все!

— Х-х!

— Соколовой охвачены и старики. Ее фирму знавали при Ленине-Сталине. Да-да! Подобно легендарному Кооп. Только между нами: председатель Кооп брежневских времен побогаче нынешнего Абрамовича! Да вот о Кооп я не боюсь заявлять, о Соколовой — побаиваюсь. Хи-хи! Соколова была и при Николашке! И при Иоанне Грозном!

— Х-х!

— А вы с вашими снами?! Да вы каскадер! С каскадеров Соколова удерживает 70 % зарплаты и не возвращает. Ни в той, ни в сей, ни в тридцать четырнадцатой потусторонней жизни! И в тридевятой — тридесятой не получите!

Эн-Эн покопался в своем прошлом, стал довольно блекло вспоминать, напряг память. И правда! Он действительно лет двадцать назад заключал договор с Соколовой. Военная кафедра нарочно отпустила полкурса прямо после первой пары. Заставляла зайти туда, сюда, и в

частности — в двести сорок первую "А" школу, заполнить в семнадцатом кабинете для блезира и общего развития стандартные бумаги, в том числе форму ноль ноль четыре ша. Память у Эн-Эн внезапно стала феноменальной. Тогда им, недотепам, выдали для чего-то без внятных объяснений карманные рубли. Обрадовались! Просто так дают! Потратили на кино, мороженое и всякую ерунду... Премия за массовое подчинение. Тот, у кого не было военной кафедры, того посылала кафедра физвоспитания. Тех, кто и от нее отделался, к мадам Соколовой загонял здравпункт. Охватили всех. Не счесть сколько сновидений снилось! И неизменно возникал мал-малюсенький сон, в котором надо идти в двести сорок первую "А" школу, в семнадцатый кабинет (против правил он находился не на первом, а на втором этаже) и забирать там какие-то гроши.

В недавнем сне разговаривал с кем-то в библиотеке. Да! С библиотекарем и разговаривал. От нее и услышал: "Вы что, и это Соколовой переводите? Ну и вернут по прошествии полугода, да и то мизерную долю".

Из святая святых

— Если вам нужен банальный психоанализ, отправляйтесь в другое место. Желательнее в столицу. Мой ассистент посоветует куда конкретно...

— ...

— Здесь — ни нового, ни старого психоанализа.

— ...

— Да, жрецы, среди них священники. Священников я тоже называю жрецами. Да, Фрейд! Но мы не обязаны подписываться под тем, что он утверждал.

— ...

— У Юнга вообще — проблемы со своей психикой. В попки бы ему, а точнее — в лапы. Сторонники Юнга в этом доме не прохлаждаются.

— ...

— Ах, его формальные методы! Против них возражений нет, но их не использую.

— ...

— Кисея? Да я беседую с вами через две кисеи "Антигипноз". Между ними даже прочная решетка есть. Потрогайте решетку, потрогайте. Вот! В отличие от некоторых, я не насиловую клиентов.

— ...

— Сквозь кисею вижу вас, как вы меня видите. Без оптических обманов. Мужчина или женщина со мной говорит, с лёту можно определить лишь по голосу.

— ...

— А вы хотите меня изнасиловать? Потрогайте, потрогайте решетку для удовлетворения.

— ...

— Разрядились?

— ...

— Да именно! Кисея токопроводна, а решетка заземлена. Всё по-людски.

— ...

— Лицезреть клиентов не должно. Толкование поступков и сновидений при заочном кон-

такте, например по телефону, это недвусмысленно подсказывает. Реакция клиента мешает, вносит искажения его внешность. А клиенту могут помешать облик и манеры аналитика. Под всех не подстроишься.

— ...

— Бывают случаи. Порой неплохо знать и внешность. Ассистент в приемной для чего? Он подкорректирует. Важное упущено не будет. Но уже в конце, по исчерпанию чистой интуиции. Клиента нетрудно попросить вернуться...

— ...

— Да обнажайтесь сколько надо, обнажайтесь и хоть прочтите там. Никто вам ничего не скажет. Телекамеры? Может, у нас есть телекамеры. А может, и нет. Сами думайте.

— ...

— Маски выдает ассистент. Дешевые лежат на полке по левую руку.

— ...

— Я разрешаю клиентам проверить наличие камер. Нет-нет да и приходят они сюда со специалистом по безопасности. Это хорошо, если клиент убеждается, что всё хорошо.

— ...

— Стараюсь не запоминать произнесенное. Дневников не веду. Боюсь повторяться. Материалы дневников или протоколов неуловимо отпечатываются в голове, создают штампы. Психоаналитик окостеневает в профессиональной деятельности. По той же причине давно не пишу научных трудов.

— ...

— Несомненно, обидно. Целые теории изпод носа уплывают. Но и теории сплошь и рядом вредят толкованию.

— ...

— Позавчера от нас выскочили закадычные подруги. Порознь, естественно, исповедовались. Эти подруги — первейшие враги. Им истину не объявили прямо, но они поняли. Не передать, как обрадовались, что раскумекали. Ассистент смеялся: у той и другой был хвост трубой.

— ...

— Врет ваш Щеглов. Не исключено, в письменной речи он бы не допустил ляпов. Ему нужно ораторствовать экспромтом. Бывает, что смысл вопроса доходит постепенно. Вообразите гроссмейстера на сеансе одновременной игры.

— ...

— Заметьте, Щеглов не пользуется кисеей. Его смущают софиты. Он тоже человек.

—

— И ни разу не заставляли момент, когда телепсихологи краснеют, стыдятся и стесняются?

— ...

— У этих спецов крен в физиологию и анатомию. О психике они забывают. Психологи в том числе.

— ...

— Да! Колдовством не занимаюсь, но нечто из вашего душевного несварения беру на себя. Раньше по утрам делала пробежки для избавления от лишнего груза. Теперь есть иные пути.

— ...

— Соколова! Доныне, к сожалению, Соколова. А как изволите быть? Вы посоветуете?

Опять психоаналитик

С клиентом-2

— Кладбища? Вы не догадываетесь что такое кладбища? Возьмите для примера Смоленское или лучше провинциальное, закрытое.

— ...

— Не схватываете поднаготную? А вам не доводилось справлять потребности на некоем диком запущенном кладбище, напрочь заросшем деревьями?

— ...

— Ага! В детстве? Припомните, припомните ощущения!

— ...

— Ах, вы чересчур поздно совершили первый половой акт. И голые девочки вам редко снились?

— ...

— Почти не снились! А с мастурбацией как обстояло?

— ...

— Сколь часто?

— ...

— О! Кладбища для вас вдвойне привлекательны. Еще бы! Там до сих пор похоронены ваши нереализованные возможности!

— ...

— Вот какие мы скромники! И в голову не приходило затащить кого-то туда!

— ...

— А я вам заявлю, приходило, но помимо постижения. Потому в сновидениях вы путешествуете по кладбищам!

— ...

— И под кладбищами? Гм... Весьма интересно! Изменяем подход. Дайте мне пять минут на размышление и расслабьтесь; подумайте об эмоциях, которые обуревали вас при хождении под землей. Сравните их с обычными наземными.

— ...

— Рабдовирусы и Дракула? Не знаю связи между бешенством и порфирией. Только одна из гипотез.

— ...

— О недолеченном бешенстве, честное слово, не слышала. Клянусь, ничего не найду на эту тему. Да нет! Вы меня просто морочите...

— ...

— Говорите, известны случаи, когда вакцина опаснее контакта с бешеной собакой? Усматриваете отдаленные эффекты?

С клиентом-3

— Гиперборея! Чертовски интересно! Страна легенд, надежд, рай обетованный!

— ...

— Вам ни разу не хотелось отправиться куда-нибудь в пещерную эпоху?

— ...

— Жить среди папуасов не хотели?

— ...

— Как вы относитесь к историку-математику Фоменко?

— ...

— Да не про то! Вы скажите, вдохновляет вас Фоменко или нет? Ага, вдохновляет! Припомните себя полностью, туловище, руки-ноги, голову во время чтения Фоменко. Я помогу вам припомнить. Но сейчас важно не чье-то, а ваше восприятие. Итак, представьте, перед вами произведение Фоменко. Вы читаете Фоменко. Что при том переживаете?

— ...

— Замечательно! Вы откровенно рассказали... Душевный подъем? И ощущение, будто камень с плеч упал? А чувство усложнения? Присутствует и то и сё! Одно не убивает другое. Да это новая жизнь! Вы недовольны вашей нынешней жизнью. Получив новую историю человечества, вы как бы обновляете персональное бытие. Но хеттские предания в обработке Карпущенко вообще выньте из ума. Здесь не найдете аналитиков.

— ...

— Аборигены? С аборигенами гораздо легче. В изолированном племени даже сифилиса и, возможно, герпеса нет. Правда, в последнем усомниться проще простого. Птички везде летают и бомбят.

— ...

— Не забывайте о ваших действительных или мнимых двойниках. Вот они невыдуманные вампиры. Да и вы сам. Примите как шутку, но обмен между виртуальными субъектами у нас факт. Если вам хорошо, то вашему двойнику плохо, и наоборот. У них и то, чего не было...

— ...

— Да! Взрослому труднее. Образы не так ярки. И дома это реже. Картина: вы гуляете по улице, быстро выпиваете где-то чашку кофе, идете дальше. Улавливаете бодрость. Но не с неба она свалилась! За нее нужно что-то отдать. Когда рассудок не занят насущным, в воображении смутно должно появиться...

— ...

— То — контакт с виртуальным двойником.

— ...

— Да не на Луне он. Скорее, в вашей голове, но не обязательно в ней.

— Но мне находили и настоящих двойников. Рожденных женщиной. Одного на кафедре, по ту сторону проспекта; второго — в НИИ Арктики и Антарктики и в музее с таким же названием.

— ...

— Они погибли. Западенца бросили под электричку бандиты, местный испытал на себе четвертый инфаркт.

— У вас тут не всё сваривается. Срочно ищите актуального двойника!

— Он, похоже, есть. Только меня с ним пока не путают. И на Гиперборее он не помешан.

— ...

— С теми двумя — да! Но в отличие от них, я не косил от армии. Военные сами потеряли мою папку. Помимо того, я не интересовался мареной, а также щеглами и зябликами. Вещи сверх здравого смысла!

Вновь с клиентом-2

— И вы всерьез верите в вашу сказку о владыках мира?

— ...

— Хотя бы о владыках материков.

— ...

— Представим, вы не ошибаетесь в отношении Евразии и Африки. Но как допустить, чтобы владыкой Антарктиды был пингвин?

— А нет? Владыкой Африки мог бы стать и слон. У него мозг гораздо больше человеческого. Вполне втиснется биокомпьютер, координирующий биоценоз и общество.

— Да вы тотемист!

— Не возражаю! Отдельными этносами руководили страусы, змеи и леопарды, материком в целом — слон...

— Хы-хы-хы! Извините за смешок. Уж больно всё вне рамок.

— Пропорция. Многонаселенной Африкой способен иногда управлять слон; почему бы ледяной замерзшей Антарктидой не управлять королевскому пингвину?

— Хы-хы-хы! Извините. Психоаналитики тоже плачут и смеются. Но учтите, где-то смех надо подавлять, а где-то он психотерапевтичен. Кроме того, вы раньше говорили не "пингви́н", но "пи́нгвин". Жирный... Да сбоку-припеку — утесы и буревестник. Вам не кажется, это из Максима Горького? Вы гагар забыли! Им гагарам... тра-та-та-рам...

— Коли взято не у Горького, но из некоего сновиденийного источника, откуда почерпнул и Горький? Если это метафоры? Вдруг здесь стоит невыразимое? И с какой стати на земной шарик упали религии? По сути они отъявленная ложь. За ними изредка — уловимая польза. Например недолгий союз людей, племен или народов.

— Или вражда. Мы далеко зайдем. Давайте глянем с иного конца.

С клиентом-4

Первую-вторую печать снимаем. Гм... Собрался подшутить? Позабавиться? Разведать ситуацию? Нет! Нет! С моей новой установкой могу не то что сапиенса — демона выпотрошить, бога усыпить, трикстера обнаружить, беспилотного мертвеца-гиперборейца разоблачить!

Третью-четвертую печать скovyриваем. Да-а... Наклевывается буйнейшее. Ничегочки! И он оттуда... Ага! Сейчас отроем! Откроем матрешку трансфинитную!

Так. Пятую-шестую печать сдираем! Ужас какой! Поди ж ты! Ну и таблетка сегодня досталась! За седьмой печатью наверняка карачун светит! Пещь огненная разгорается! А седьмую печать пусть он сам сбивает.

Правы те, кто не советовал полностью воплощаться...

С клиентом-3

— Да были у вас те керамические сосуды с рукописями. Целых четыре или больше.

— ...

— ...постепенно забирал и гасил память. Ваш Поппи почище Месмера. Но есть нюанс: похоже, ваш приятель о тайнах не ведал и вроде бы злого умысла не имел. Не иначе прокрались наводочки. Он изображал этого австрийца не по своей воле.

— ...

— Не хотелось бы раскрывать, да и темны бормотания-ревоспоминания. Там без счета и того, что вас не касается. Мне Соколова совсем не нужна.

— ...

— Вот-вот! "Бешеные на треножниках" рядом.

—

— Да не в Гиперборее и не в "Бешеных" сердцевина! Почти весь ваш искусственно вызванный спонтанный монолог касался какого-то расчудесного илеинового дерева и планок из него! Инопланетного древа, встающего раз в год к земле вершиной и корнями к небу. Ха-ха! Де планки летают сами по себе! Уж не из кометного ли илеинового древа мастачили ладью для Озириса? Хо-х! Может, и ступа для Яги из оного материала? Но, считают, у ведьмы не ступа, а просто гроб. Устроили иносказание для деток.

— ...

— Слишком сложно. Астроспоры и могони. По вашему отчету, планки нужно заталкивать внутрь треножников, но немного выставлять. В этом хитрость, не в пифийных сланцах. Не хватало вдобавок прототипа Аполлона, летающего на шунгите. Проще — уголь ему и паровую машину. И не надо скромничать!

— ...

— Опять за старое? Поговорите на эту тему еще с кем-то! Посмотрим, чем она кончится!

— ...

— Лучше ничего не планировать в отношении человека, ушедшего в монахи. Жизнь в ваших репортажах прозрачно двойится. Дюмовых двое — и Каренов двое. Где-то события пересекаются, где-то — нет. При попытке выйти за должные пределы попадете в парапсихейный капкан.

— ...

— О чём вы? Нам отрываться от земли? Не глупо ли судить Акидорова за то, что его тень коснулась тени Дюмова? Забудьте о чуждых нам долинах, монадах и мандолинах.

—

— И Карен всё забыл, и Евгения забыла. Их заставили это сделать, да и вас на какое-то время. Неужели непонятно? В дальнейшем рекомендую молчать. Нечаянно мы с вами вторглись на прадревнюю территорию. Нам там не место.

— ...

— Хорошо! Хорошо! Решеточку и обе ки-сеи "Антигипноз" мы сняли. Спать! Спать крепче! Внимание! Во-первых, выбросьте из головы значимые знания об Арктиде-Гиперборее! Следующее! Где бы и когда ни оказались, вы сочтете вздором всякую позитивную информа-

цию по данной теме. Третье. Если увидите свои или чьи-то неизвестные записи о северном континенте, то предпримите все усилия для их уничтожения.

Итак. Представьте ночь и луну. Вы спите, спите. Вам снятся лунные зайчики. Ночь. Ночь. Луна заплывает за облако. Медленно наступает рассвет. Мы чувствуем себя прекрасно. Мы просыпаемся.

Психоаналитик на отдыхе

— И вечно тебя несет в сторону помоек и оврагов! Не получал в ТЭДе-2 рузон¹⁹ от бешенства? Что за фокусы?

— ...

— Нигде не написано, да сталкивалась, мо сказать, с феноменами. Правда, зачем эти сексуальные ямы и бугры? Завел! Есть гектары, куда ходили грибные поезда. Недалеко тот угол.

— ...

— И поведу. Без дурацкого компаса поведу. Пижонство! Часы на руке, и солнце светит.

Они шли очень долго, по дороге попалась только одна полянка с грибами. Другие были сухи, некоторые выжжены.

¹⁹ ТЭД-2, рузон — именованья, не имеющие внятного перевода на язык человеческих отображений. Относятся к "полевым" (небиологическим, невещественным) формам жизни.

— Холмы, бугры, спуски. Станный рельеф для равнинной России. Почти Швейцария. А не подниматься?

Аналитик посмотрела на небо. На востоке из-за сине-серых туч явился штурмовик и принялся какать бомбами. Раздался характерный звук... Разрывов аналитик не дождалась. Рядом за деревьями зашумело... Бахнуло раз. Бахнуло два. Будто стальная балка, величиной с товарный поезд, по похожей балке.

Баханье превратилось в канонаду. Да это привычно для жителей городов, подобных Наро-Фоминску. Застучал крупнокалиберный пулемет. Из лозняка вылез танк и грохнул так, что барабанные перепонки словно бы заменились на ударенные молотком капсюли.

Гэгг чуть не покати́лся на траву от смеха. Нормально говорить он не мог.

— ...Садт.. рибн... арезд... — вырвалось из его горла. — Сюда ходили грибные поезда! Ничего грибнее не существует в природе!

В подтверждение восклицаний, ломая лес, на поляну выскочили еще танки. Машины стреляли из орудий, давили кусты и варварски утюжили почву. Где-то за болотцем запалили дымовую шашку. Дым начал застилать пространство. Нет ли крови на барабанных перепонках? Зато авиабомбы учебные и не взрываются. Даже повезло.

Сквозь прогалины леса Гэгг увидел открытый полигон с эшелонированными механизированными мишенями. Они имитировали идущую в атаку пехоту, технику. В черте, противоположной мишеням (куда и шли путники-грибни-

ки), гавкнул миномет — засвистела мина; помолчав с полминуты, он гавкнул вновь. Мины усвистели и детонировали бог знает где, далеко от мест с мишенями. "Наверное, разжаловали повара и посадили к трубе, или штабного писаря... Но нам все равно".

— Нужно идти к миномету! Он не перемещается. Танки не попрут по своей огневой точке. Она, скорее, на фланге. Идем на нее, а потом обойдем.

— Не пойду в дебри. Не хочу гавкалку! Вон дорожка. Бегом туда! Бегом!

— Каким бегом? Чего бегом? Иди за мной. — Гэгг пошел на звук — и оказался на той же дорожке. Она вилась через весь полигон и огибала миномет слева. А в обратном направлении?

Глянув, Гэгг оторопел. В трех шагах на холмике недвижимо стоял пахнущий маслом и краской танк Т-~~...~~. "Вытащили заспиртованный трюфель на полчаса для показухи, а потом спрячут лет на семь в коньячный раствор, то бишь в солидол и теплый ангар!" Танк, истинно мемориальная фигура, частично висел в воздухе. Вообще монументалисты так располагают не танки, а самолеты-истребители. На броне танка, традиционно нарушая устав, лежал животом вниз автоматчик-азиат в каске. Одной рукой держал калаш, другой подпирал подбородок. Взор автоматчика устремлялся наземь. Под холмом, под нависающими гусеницами ползала на четвереньках психоаналитик, рыдала, но упрямо собирала рассыпавшиеся из корзинки грибы.

"Был мопед. Теперь — танк, — загрустил Гэгг. — В реальности ли? Куда она спешит? Чего добивается? Тоже мне психоаналитик! Наполовину де выполнила секретную миссию! Поди, кого-то залечила до смерти и мстит самой себе. Что она наделала? А если она есть еще Кто-то? Для Кого-то? Или ее роль сыграна?"

Незримый кто-то

Кафе "Бродячая собака". Симов терпеть не мог подобных заведений, но Манипулятор пригласил его именно сюда. Столики соединены. Шум. Манипулятор конкретизирует теорию, сопровождая речь ехидными усмешечками. Не теория, а выжимка, вольная абстракция. Станет Манипулятор разбрасываться знаниями о потудосущественном.

Действие в кафе идет по старому сценарию. По кругу ходят бутылки и листки. Листок дошел и до Симова. Гм... Обыкновенный акцентный стих:

.....
Наверчивается.
Наверчивается.
Наверчивается.
Наверчивается солнце на сугробы...
.....

Симов отстранил текст. Ничего особенного, но, видимо, нужно высказать мнение:

— В предпоследней строчке есть изюминка...

В ответ по диагонали от Симова скрипнул стул, на Симова наплыла припухшая физиономия, напоминающая американского поэта Роберта Фроста:

— Ха! Мое стихотворение, по-твоему, булка?

— Думаю, хуже булки. Булку едят.

Роберт Фрост, как мог, внимательно осмотрел собравшихся. Реплики слышали, но никому не хотелось заостряться на них. Сие крепко не понравилось главным морщинам физиономии.

— Ты против кого?! — закричал Роберт Фрост и тяжело встал. Схватил за спинку стул. Раскручивая его на манер пращи, поднял над головой. — Ты против человека, который родился на Новой Земле?

— Не заостряйся, — донесся голос сбоку, — это пьяный в вентиль киришский стихоплет.

— Автор неоп-пуб-бликов-ван-ных р-ричер-р-каров, — дурашливо-хмельно пояснил другой голос.

"А-а! — начал напрягать черепушку Симов, пока его не ударили стулом. — Только ричеркар — проза. Англичане называли по аналогии с музыкой. Где-то видел киришское. Чрезвычайно оригинальная форма. Местами до дрожи пробирает. Не всякому дано. Даже мелкие идейки проблескивают. Но тематически приземлено, небрежно и масса орфографических ошибок. Беда не в этом, неважных редакторов-корректоров и кондукторов — пруд пруди; но не под-

стричь под классический горшок, не навести кантики, не засунуть в мальстрёмный мейн-стрим".

Не самое благое из промелькнувшего Симов по рассеянности пробормотал вслух. От ярости у субъекта со стулом выступила на губах пена:

— Грреммит музы́ка боевая! — заорал он и стал замахиваться.

Киришца кто-то схватил сзади:

— Зачем, дилетант, нападаешь на гостей?

— Я дилетант? Знаю, знаю, какие вы профессионалы. Денег ни у кого нет! А я работаю с утра до вечера, будто Дарья Звонцова!

— Но разводным ключом.

— Если Звонцова выпекает блинчики с масличком, то ты — что от них буль-буль... — проговорила с интонацией отъявленного феминизма персона с прикидом унисекс.

— И? — не дошел юмор до "веселого". — Зато могу угостить всех кофе.

— Себя угости. Протрезвеешь.

— Ха-ха-ха! — издал Роберт Фрост. — Я не пьян. Элементарно Гамлета изображаю. Бить или не бить. Ту бит о нот ту бит.

Высокомерного самоуспокоения не получилось. Резкий, но слышимый одному Симову щелчок — и Фрост сел, обмяк, стал выглядеть тюфяком с мякиной. Это не действие алкоголя. Симов давно подозревал: питается Манипулятор чужими судьбами, вернее... Как искомая сущность правильно именуется? Чувал Манипулятор: явится трофеем в "Побродячей собаке"; исподтишка спровоцировал эмоциональный вулкан для перисфера пробоя.

Симов покопался в памяти: "Дыра! Исчезла ипостась малоуловимая! Несомненно, съел кто-то, похожий на Манипулятора. А прочие слегка полизали будущее Лиссабона и Мадрида, разрушили там часть косметики, а великие возможности полдюжины банановых республик схрумкали".

Симов вернулся в мыслях к себе. Было в его прошлом огромное и блестящее, затмевающее всё, но что было? Где та мозговая извилина, в которой записаны нужные подробности? Отъял. Отъял кто-то незримый. Недвижный кто-то, черный кто-то миры глотает в тишине.

* *

Фамилия моя везде и повсюду — Симов. Но имя трижды модифицировалось. Без всяких процедур с паспортом. Что рисунок созвездий чуть мутирует, список римских пап постфактум перестраивается, грамматика того и этого языка за полгода в паре деталей на другое ребро встает — мог не заметить. По случайности обратил внимание.

Лог

Серая асфальтная тропинка ветвилась, пестрела камешками белого гранита и крапчатого кварца, словно дивной инкрустацией. Ее разветвления, далеко не уходя, объединялись впереди, затем разбегались вновь, а насильственно вмешанные, пожалуй, вдавленные в битум или выступившие из подложки обломки горных пород казались глазу одухотворенными мерцающи-

ми одноклеточными организмами. Их лица сверкали не очень ясными лукавыми и веселыми, а иногда печальными чувствами, сияли понятными и абстрактными, будто музыка, идеями, отвлеченно указующими, тихо, но четко поющими: "Вот мы все! Вот мы живое!"

"Души! Трепетные души, впечатанные в дорогу! Не иначе микролинзы подсыпали в питье, и я так прозрела, — думала Лог. — Смуренькую ароматную бурду налила соседка из самовара. С духом бергамота, мяты, мелиссы, болотной мяты и чего-то еще. Волшебный поселок! Вокруг штокрозы! И бабочку «павлиний глаз» пару раз видела..."

Лог прошла несколько шагов: "Хорошо, не «мертвую голову»".

Наверху пустынное шоссе, ни машины, а в асфальте опять камешки; полное ощущение: полотно дороги изготовил художник. Камешки подмигивают, улыбаются, смеются, их общий узор зовет в уютную конечную беспредельность, свою, близкую, а не чужую, изобретенную для звезд. Камешки отражают незримые волны, вибрации, зовут, призывают.

Рядом материализовался исполинский трактор или...

Ударило. Проскрежетало. Прошипело. Умчалось. Бох. Тоб. Грох. Гоб. Тоф.

Гэгг

Все было нереально. Гэгг выехал на место. "Какая фирма уговаривала ее купить за полценны инвентарь? Лог не соглашалась? Вроде года полтора назад она его меняла и на тех же

662

условиях. Да нет! Бред несусветный! Не в том причина".

Ах, теперь смекаю, чем ее заманило в этот поселок! Сплошное цветение. В воздухе озон и хвойный аромат. Без сосен-ёлок, вяза, ясени и березы. Ухоженные клумбы, над ними — гигантские шмели. О! Большой махаон запорхал! Не желаю прекратить жизнь в Венеции. Стрелка и моего будильника почти упирается в черту. Протереть до дыр переводную картинку!

— Здесь. Она умерла здесь. Она служила психоаналитиком? Вы ее приятель, не правда ли? Не из-за вас ли она мучилась? Еще до происшествия на дороге. И после ей стало вдвойне тяжело. Она приползла сюда с автострады. Чертов шоферюга не остановился, просвистел вихрем. А остальные? Они шуровали мимо. Им наплевать. Ее, может, не видели или сочли за пьяную... Только закрытые переломы и внутреннее кровотечение. Яко казнена по тайному приговору Церкви. А вы угощайтесь, угощайтесь чаем. С добавкой трав. Некоторые я сама сажала. Возвращаюсь к делу. На дороге, где произошел наезд, рассыпана необычная серая пыль. Точнее, голубая кембрийская глина. Почему ее называют голубой? Хотя когда-то черно-белый телевизор с серым экраном звался голубым. Норовят украсить. Дальтонизм в мышлении. Но помнят страшный карьерный самосвал БелАЗ (в три раза выше любого грузовика) — машину, которая перевозила глину, но ГИБДД ничего не выяснила. Не выискала даже карьер с голубой глиной. В районе такого нет. Смеялась милиция: "Лучше о летающих тарелочках погу-

торьте! Приснилось железное чудище! Пять товарных вагонов в кузове БелАЗа свободно размещаются. Въехать и выехать самосвалу негде! Ограничения по габаритам". Думать им лень! Вкатил и укатил. Обогнул! Двухэтажный автобус застрял бы со своей миниатюрностью. А если колеса в рост человека? Ручьи-болотца нипочем. Через гору рвануть, железную дорогу перескочить — раз газануть. Может, была полупустая машина и не везла положенные двести тридцать тонн...

Как меня зовут? Феней или чаще Фенечкой. Я насквозь вижу. От меня туманом не заволокься.

*Еще Гэгг
с эффектом
номер (x + zi)пу*

Итак... Var...

Георг Вильгельм Фридрих Гегель прогуливался в окрестностях Шпадедорф. Его обогнала бричка на рессорах, чуть пронеслась и, попав колесом в лужу, обрызгала с ног до головы шедшего ей навстречу высокого стройного бродягу. Лицо и осанка бродяги показались Гегелю знакомыми.

— Гёльдерлин! — воскликнул философ изумленно-трагическим фальцетом.

Бродяга приблизился, и Гегель с облегчением понял, что обознался. Нищий, получивший от

фланирующего господина талер, криво усмехнулся и проговорил по-итальянски фразу длинную и неразборчивую. Философ уловил несообразные с ситуацией имена: Скарданелли и Буонарроти.

— Недаром. Не просто. Не ошибка! — удивился герр Гегель и, дерзнув выйти из мутного транссубъективного состояния, коим заразился от нищего, начал вещать:

— Нет, скажите! Какова игра Мирового духа! Но есть дело до того? Этот дух есть я. А парой веков далее? Вижу! Уже вижу. Грядет время диссоциации мысли. Чувства людские потекут по расходящимся руслам. Содеется смешение языков.

И Георг Вильгельм Фридрих Гегель задумался.

Шагов через семьдесят герр Гегель вернулся к обыденности и воскликнул:

— Господа! Не целовались ли вы с пьяным ёжиком? Я воистину видел Гёльдерлина, но больного и постаревшего! Он меня позабыл! Буонарроти! Скарданелли!

Гегель попытался успокоиться:

— Так. Так. Что у нас есть? Гёльдерлин сошел с ума и состарился. Логику убили. Феноменологию сожрали с костями. Осталась одна феня! Идите-ка вы, господа, к ядреной фене! Постструктуралисты треклятые.

Интермедия

— Фу! Опять Логи и Гэгги, Чуки-Геки, — прошептал Анов. — Этот не подойдет. Тот откажется. Сейчас! Столько будет и на конечной станции... Да. Обычное ветеринарное средство, но мозги не дыривит... И Бермудские треугольники словно продолжение рассуждения о... И ядреная феня туда приплелась!

Зазеркальные кошки Борхеса не мрут?

Одеяло сползло, ныла шея от неудобной подушки. Они все неудобные.

Сияла ночь. Луной был полон сад.

В околывышней канцелярии

— Что это? Что? — кричала мадам Соколова. — Мигом всех повыбрасываю.

— Как? Маркировка продукта... — отвечал женский голос.

— Без изменений?

— Иначе? Буквы — номера. Буквы — номера. Вверху групповое наименование, не перепутаешь с чем другим.

— Особый случай! Случай из ряда вон!

— Вот и хорошо, внешне мало рóзнятся. Проверяющий и придраться не сможет.

— До кого-то доходит, не нас проверяют, а мы инспектируем! — выпалила Соколова.

Собеседница взглянула на хозяйку. Соколова была очень старой женщиной с чрезвычай-

но молодыми щеками и статной фигурой. Живая демонстрация арийскости. Но ее профиль непостижимым образом вызывал смутные ассоциации с египетским богом Гором. Соколова сообщала о себе: де родилась в заброшенном селении высоко над уровнем моря. Однако забывала упомянуть, когда и на какой планете появилась на свет.

Зная, что говорили о ней в ее отсутствие, Соколова регулярно разоблачала всякие байки. У некоторых складывалось впечатление: она либо читает мысли, либо повсюду располагает подслушивающими устройствами.

— Привнесений нет. Сокращенные записи с реципиентов, — проинформировала новенькая.

— А нельзя без реци?

— Позволительно, но дешевле без антиквариата. Сложные разработки запрещены.

— Все равно сложная разработка! Так уж разрабатывали, так наработывали. Еле-еле сподобили, и будто бы само получилось. Замаскировали под фортуна.

— Вы нарочно затеяли... — протянула ассистентка.

— Нравится предыдущая преснятина? — насмешливо спросила начальница.

— Я-то думала, свежуха: эффект номер восемь, эффект номер четырнадцать. Откуда посыпалось?

— От нас и взялось, — уточнила "новенькая", — из филиала.

— Ах, вы из филиала! — опять изумилась ассистентка. — Мне сказали, вы третий день работаете.

— На пять лет дольше тебя трудится, — ухмыльнулась Соколова. — Догадалась снабдить психологов, психиатров, психоаналитиков, целителей и прочих, без того традиционно выполняющих наши деликатные задания, аксессуарами интересного двойного назначения. Она с первого взгляда отличает людей от небожителей.

— Эх! Много спустилось их! Вот бы выяснить, сколько теперь осталось?..

— ...сколько осталось землянам? Вы ведь тоже принадлежите к ним. Или причисляетесь к ангелам? Может, не осталось ничего. И не только в качестве гусениц, но и бабочек. Возомнили: существует жизнь после смерти, душа обязательно есть! А если и есть, то не у всех!

— Исчезнет абсолютно всё, — категорически заявила сотрудница филиала, — кроме, конечно, грёз и сновидений.

— Крепче материала не бывает, — подтвердила мадам Соколова.

Январь — июнь 2004 г.

Творческая лаборатория

Фрагменты и вырывы²⁰ из текста

Берёзовск-8 за Арзамасом-26

эк-роман-лёт

(чтение для сверхчеловека)

17 из 7500012

...Пилеволе — главное в реальности. Умиравший начинает врать сам себе, на пару секунд погружается в галлюцинации о потустороннем мире. Но в пилеволе даже семь-девять атомов дления — почти вечность, а дурманные видения — твёрдая действительность, что размножается, распрямляется, зудит, превращается в кватердециллионы одновременных жизней... Стоп! И обычное бытие до названных секунд — дорассветное мудрствование той же природы, обман, иллюзия, неправильная попытка постижения того не знаю чего — игры пилеволе в волепиле...

²⁰ Вырыв — в отличие от термина начертательной геометрии, само вырванное.

Всходит месяц обнаженный
При лазоревой луне

ПРОЛОГ-111

Всевозможных рукописей Михаила Ревякина осталось немало, хотя он и относился к писателям, еликие до первого приступа геморроя не пользуются туалетной бумагой. "А ведь хранил, хранил! Такую-то фигондерию!" — брезгливо воскликнул я. Кому она понадобится? Небось воображал, сулит великий дар культуре! Расплодилось горе-литераторов больше, чем крыс и воробьев. А бардак и пылища вокруг! Где взять Геракла, который очистит эту конюшню? Сюда бы Прометея с напалмом или Герострата с канистрой бензина. Но стоит ли мечтать? Довольно и спички у Мальчика-с-пальчика. Однако нет. Нужно средство иное. Я ударил кулаком в шкаф из фальшивого ореха и услышал звон металлической дверцы. Пришлось доставать связку с ключами. Их было штук семнадцать. Какой из них подходит? Для передыха сел в шезлонг и принялся размышлять о том о сем. И в первую очередь — о Михаиле.

— Мы с Сидоровым выпиваем по полтора литра водки — и ни в одном глазу, — когда-то бахвалился Ревякин в телефонную трубку.

— Хе-хе, друг! — спрашивал я его на следующий день. — Не ты написал статью о духовной наркотизации России? И приплел туда ни к селу ни к городу Мерло Понти?

— А что? Написал! — воскликнул Михаил и забубнил длинно и туманно о моральных проблемах церковной мыши.

— Вот тебе наркотизация! А сам говорил, полтора литра водяры выпиваешь!.

— Не я говорил, — скромно ответил Ревякин. — На писательские трудодни не проживешь и не напьешься. Подрядился маляром в музей Ивангорода и заодно в заграничный монастырь. Буду ходить по мосту через Нарву до эстонского автобуса.

После того не минуло десяти суток, как Ревякин употребил свои "фронтовые" литературские полтора литра, но почему-то всосались они не совсем типично. Отправился радостно-наркотизированный Михаил в лучший мир, не доехав ни до крепости в Ивангороде, ни до монастыря вблизи Кохтла-Ярве.

Попробовав воткнуть ключ в несгораемый шкаф, я обнаружил в замочной скважине засохшую жевательную резинку. Не собираясь чистить, машинально повернул ручку. Стальной сезам открылся. А в нем — папки. Папки. Здоровенные, архивные. Внизу — ящики с картошкой. Желтые, но аккуратно расположенные куски картона. Да здесь не Михаил Ревякин трудился! Это дело его брата — выпускника Московского историко-архивного института... Что там Михаил сболтнул по пьяни? Де брат —

полковник неких фантастических ДРД-войск. Работник спецслужбы Пи-З-дзет... (или, бзэт?). Слава богу, забыл точное название! Чем меньше знаешь — тем спокойнее. Про существование этой склизкой конторы ни один черт не ведает! Но я ухмыльнулся, отбрасывая в паутину папки с надписями: "М-ский треугольник", "Невидимые ракетопланы", "Плазменные НЛО". О-о! Заметил другие папки! Ах ты, Митрохин номер два хренов — изменник у-родины! Интересно поступал. Проносил копии документов в плавках через проходную! Накручивал на член и наверняка фольгой от плавленных сырков обертывал! Возникла лишь заморока: до Лондона не добрался! Пристукнули, по слухам, на Рязанском проспекте без суда и следствия. Но провести обыск у родственничков за пределами Московской области не догадались! А это? Якобы особо прочные магнитные диски фирмы "Барракуда". Э! Господа-товарищи! Разматывать глючковые терабайты можно всю оставшуюся жизнь — и времени не хватит! Нужно дополнительно сотню жизней подзанять! Ах, пэ-рэ-сэ-тэ! Еще окрашенный под орех шкаф! Не найти только щелкунчика с мощными челюстями, расколоть его оболочку.

* *

За три рейса я вывез нежданное богатство в Рощино. Легко догадаться, ваш покорный слуга оказался не таким уж трудоголиком, чтобы изучать предназначенное для HSIS, а то даже просто для МИБ добро. И конечно, не стал звонить в контору на Литейном, 4. За отсутствием

иных вариантов затеял наобум вытаскивать документы и соединять их в порядке, наиболее подходящем на первый взгляд.

* *

Добавить новую подробность? Опрокинули в омут заворотокишечного закосмического ужаса вовсе не угрозы деятелей ФСБ, ГРУ или внешней разведки. Не марсиане и не потусторонние силы из иных миров. Именно я начал угрожать себе. Вмиг допетрил: некоторые негосударственные, сугубо частные бумаги из секретных шкафов составил сам. Но когда? Ничего из описываемых в них событий не помнил, но вот изобретенные мною словечки, свою манеру выражаться постиг сразу. Не надо приглашать экспертов-матлингвистов! Однако провалами памяти я не страдал, зазоров или покрытых тайной стыков в биографии у меня не было. Прошрое обозримо как пять пальцев на правой руке. Даю левое яйцо на отсечение.

* *

ПРОЛОГ-422

Сов. секретно

Записка подлежит немедленному уничтожению после прочтения

Подпись. /Л. А. Фотиева./

Феликс Эдмундович!

Простите любезно, милейший, но подтверждаю еще раз мое предыдущее распоряжение по этой теме. Признаюсь, Троцкий меня понял неверно, но все-таки гораздо лучше ваших чекистов! В первую очередь обратите внимание тт. Уншлихта и Агранова на религиозную сволочь среди философов и писателей, а равно на зараженных поповщиной ученых. Смотрите, как удобнее: поездом в Ригу или двумя пароходами из Петрограда. Главное — отправить лукобесов вон из страны.

Теперь о буржуазно-феодальных словесниках, логиках, махистах, прудонистах, агностиках, релятивистах и других рупорах светских измышлений. Интеллигентскую нечисть (профессора Борисова, Семковича, Кагатовского и проч.) арестовать, и только позволят обстоятельства, сослать на восток, куда-нибудь дальше Перми, а то и в Сибирь. Пожалуй, больше подходит Сугримск. Пусть живут там сибариты

и нэпствуют, но под строгим присмотром красногвардейцев. И физическую трудовую повинность им часа по полтора в день помимо умствований и торговли! Хотя бы делать порох! Иначе не давать им конских колбас! Не забудьте, что я говорил о тунгусском случае. Благо, перепуганный царь сжег не все бумаги о взрыве. Вот заодно поселенцы поломают головы на досуге. Да охранять их как следует!

Председатель СНК *В. Ульянов (Ленин)*

21 мая 1922 г.

000....

УКАЗ
Президиума Верховного Совета РСФСР
"О переименовании
автономного закрытого города Сугримск-4"

23 октября 1940 г.

Переименовать автономный закрытый город
Сугримск-4 в Бериевск-6.

Председатель Президиума Верховного Со-
вета РСФСР
А. Бадаев

Секретарь Президиума Верховного Совета
РСФСР
П. Бахмутов

Москва, 23 октября 1940 г.

000....

УКАЗ
Президиума Верховного Совета СССР
о переименовании
автономного закрытого города Бериевск-6

27 августа 1953 г.

Переименовать автономный закрытый город
Бериевск-6 в Березовск-8.

Председатель
Президиума Верховного Совета СССР
К. ВОРОШИЛОВ

Секретарь
Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПЕГОВ

Москва, Кремль. 27 августа 1953 г.

* *

Для П. я. 716/443-8
И. № 00 9764-Д

Москва.
Секретариат Президента СССР

Кремль.

Рачинскому Г. Я

Уважаемый Григорий Яковлевич!

Ваши проекты мне на стол положили. Почитал и с удивлением узнал о еще одной злободневной вещи — проблеме раскупорки Березовска. А ведь многое мы без того легализовали. Но вопрос можно повернуть по-другому. Буду откровенен с вами: в Москве о диком фортеле никому не посмел бы сказать. Мы сломали Берлинскую стену. И на тебе — привет! Я почти уверен: стена восстановилась и потихоньку двигается в нашу сторону, уже готова разделить союзные, затем и автономные республики. Или уничтожить их. Европа, похоже, объединяется, а мы... Идет мощное давление. Но пусть люди разберутся.

Я думаю так: если раскупорим Березовск, не закупорится ли СССР? А не закупорим сами, то закупорят нас. Не вообразить всего, потенциально выходящего из закрытых гуманитарных НИИ и расползающегося по планете.

И разве Ваши референты не помнят об Арзамасе-26? Греметь тройным кольцом "ящиков"?

Являть просвещенному миру? Я слышал, у вас могут воскрешать организмы. Воскресите лучше Менакера.

М. С. Горбачев
29 сентября 1991 г.

В последний раз спрашиваю: "Куда там пропало подлинное тело Владимира Ильича?" Пришло время сообщить: пока я Президент СССР — не остановлюсь перед любыми мерами, чтобы это выяснить.

* *

Часть первая

ПЕРИСКОП

Погружение-312

Левый угол стал постепенно оплывать. А настроишь зрение на близь — покажется: из темного нутра торчат сероватые гвоздики. При взгляде в самую даль делается совсем плохо и подташнивает. Нутро первореальности чутся гигантским, в нем свербит не черное, не мрачное — ни с чем не сходное. Стараюсь не дергаться. Можно считать: мы люди, которыми были... Я человек и не более. А всякие углы... Ну их!

Фокусы хоро-медицины слишком обнажают невзрачную действительность. Окочурился бы и окочурился. Бублик от дырки. А здесь живи и бодрствуй. Хи-хи! Без левого нижнего угла! С кипящей в нем первотерией. Пардон! Какой инфантерией?! Едва не купился на академическую лажу. А это? Хо-хи-хи! Телефон позвонил. Чудеса в решете! Точнее, из-под решета!.. Нет разницы между сном и ... Эх, припеки с наварами, пончо мать! Эх, тригонометрия японская! И несомненно, на том конце кто-то одушевленный. Но зачем мне? А решето в моем положении? А сон? Давно забыл о нем. Прежде спускались сон и сновидения. Даже поверить трудно. Так-таки вливались, словно живые. Бытие — воля и представление. Что представляешь — то и есть. А прогуляться? Вот, вельбот! Обычное *выйти на улицу и пройти пару кварталов* — никак нельзя. Потайная пружина втягивает назад. Иногда незримого трона-подиума нет. Это африканское претворение в интактного духа, возвращение сердцевинных истин дается не сразу, а рывками, по частям. Не требуется и голова профессора Доуэля. Фантасты догадались отпиливать голову. Отпиливать чисто воображаемое? Вечное, премудрое шествие из ниоткуда в никуда. Не надо его прятать. О! Зря подумал. Чую пузырение...

Погружение-814

В длинном дворе — старый деревянный дом и маленький домишко с террасой. На ней шумная компания. В главном доме три человека и собака.

— Что там? Что там?

— Там! Там! Да как назвать то, что там! До сих пор не понял. Пьеса только начинается. А начнется ли?

Он распрямил руки, вместе со стулом отодвинулся и зацепил стеклянную безделушку. Раздался звон, а вслед за звоном — тьяканье выскочившей Ринки. Болонка зарычала громче, агрессивнее, выщеривая в качестве кукольной угрозы тонкие зубы. Стало звенеть в ушах.

— Еще не хватало. Всю жизнь о подобном мечтал...

— Хох! Сейчас на террасе узнают о твоём прибытии. Тогда поплачешь.

— Не плакал сто двадцать пять гармошковых лет и сегодня не заплачу, но скверно, если узнают. Впрочем... Плохо будет не мне. Мне уже тутошнее не страшно.

Болонка почувствовала: может оказаться причиной чего-то ужасного, пискнула и замолкла. Она словно бы вспомнила то да сё похожее, но более мелкое по значению, и даже повела носом направо, потом налево. "Способна ли она отменить тяжелое, необоняемо склুবившееся

где-то высоко, выше лежащих на небе белых нестриженных пуделей?"

Георгий воззрился на лоб животного, но проникать в ее душу не хотелось: "Многое там скрывается, хватает иных забот". Он заходил по комнате. Его космы некрасиво сбились на один бок, разрушая форс четырехдневной щетины на щеках.

Мариэтта Петровна глянула в окно на летний домик. Оттуда доносились громкие голоса и смех. "Не пропустить бы, когда кому-то из веселящихся вздумается зайти сюда", — встревожилась она.

У другого окна сидел в меру упитанный флегматик и лениво произнес:

— Не нужно устраивать пе-ре-по-лох. Обнаружат. Сразу побегут докладывать?

— Какой ты, Семен, однако! — воскликнула Мариэтта Петровна.

— Был. Не был. Разница-то в чем? Мир поменялся.

— Но у вас не изменилось ничего, — сквозь зубы проговорил Георгий.

Свет бросил на пол изломанную тень его туловища, а внизу на стену у плинтуса — почти точный профиль лица.

Комната увешана картинами. В них звучало слабое эхо благополучно сгинувших "материковых" нонконформистов, но в целом впечатление оставалось ярче. Эта обстановка подчеркивала двусмысленность ситуации: картины будто собирались бежать.

— Куда теперь? — задала неотвязно нависший вопрос Мариэтта Петровна.

— Имеете в виду легально? Только в материал!

— Ха-ха-ха! — нервически выдавил из себя флегматик. — Зато пожил на славу! Рай и ад посмотрели. В отличие от андропод. Надо же... Всю вселенную насквозь! Не просто Солнечную систему!

— Попрыгунья Стрекоза... — пропел в тон Георгий.

— А я бы согласилась побывать Стрекозой! — заявила Мариэтта Петровна.

— То побывать! — усмехнулся Семен. — Лишь побывать и я бы не отказался.

— Кто мешает вам обоим отправиться в заведение Пафнутия? На триста процентов по-присутствуете.

— Терпеть не могу цирк, носовые платки, слюнявчики и скафандры, — прогудел Семен. — Где наблюдали стрекозу в скафандре?

— И с титановым канализационным коллектором между крылышек, — добавила Мариэтта Петровна.

Трик-экспозиция

Из посадок выбежал молодой лось, скакнул перед бампером автобуса, оглянулся, то се сообразил про себя и помчался к линии горизонта. "Километр в секунду! Был возле — и уже в иной дали!" — прикинул Николай.

— Быстрее самолета, — обронил водитель.

— Ровно артиллерийский снаряд. И представить трудно, — поддакнул Николай.

— Снаряд не снаряд, но... будем считать, искажаются восприятия на этих ясных просторах. Лошадь может показаться размером со слона.

Аэродром пропал из вида. Миновали длинный туннель, и дорога пошла через второе кольцо Арзамаса-26. Здесь Николая настигла мысль: возвращаться назад не придется. А ландшафт? Что за пейзаж? Гигантские застывшие, но еще переливающиеся языки пламени. Ими заполнено пространство вне дороги.

— Красная зона, — отозвался на недоумение водитель. — Подобных зон не счесть. Некоторые ныне пусты и относятся к Березовску, а не к Арзамасу. Пламя сделалось холодным, в нем есть тропинки для туристов. Используют вместо лабиринта.

Возникли напоминающие газоны луга. Над ними возвышались поставленные на попа большие и малые "дирижабли", собранные в сотни

батарей. И рядом с шоссе — поле. Земля чернее антрацита, а в ней — неглубокие ямы-траншеи и согнутые, как при прополке, люди, но выдергивали они из антрацита не сорняки, а модели геометрических фигур: пирамиды, цилиндры, шары, кубы...

— Не заморачивайся, — молвил, поворачивая руль, Харон, — ничего из происходящего нет в природе. Слегка подтаявшие замороженные сновидения.

"Наконец-то дождался комментария!" — подумал Николай и проговорил вслух: — Не внутри ли коры головного мозга мы едем?

— Почти. Но кора вовсе не кора и не принадлежит конкретному субъекту. Не повторяй материковые бредни о коллективном бессознательном... Такого не существует.

— А наличное перед нами?

— Наплав. Вернее, наплыв внутренних соков из человеческого древа, если выражаться фигурально.

— Тогда к чему шары, пара- и криволипеды?

— Ха-ха! Должно, за ними ты сюда и приехал!

У Николая моментально угас интерес к самосущим объемным картинкам ни для кого.

Часть 22827

...дохнуло свежестью. Донеслись звуки, много раз бывшие в предыдущих снах. Словно пластмассой ударили по пластмассе. Да какая пластмасса! Отчетливее послышалось: "Карр-лл!", "Кар-р-лл!", "Карр-лл!". Наваждения ушли, но остается их звон, их эхо. Но "Карр-лл!", "Карр-лл!", "Карр-лл!" летит через широкую форточку с Шахматной площади. Ясно представляются черные и белые квадраты из огромных искусственных минералов, бронзовые часы-фонтан в центре. Он не помнит фигуры, поддерживающие часы: амурчики не амурчики, ангелочки не ангелочки, лели не лели; всё единое бронзовое сооружение. Чуть не из позапрошлой жизни. Не исключено, звук "Карр-лл!", "Карр-лл!" производит не ворона. Куда ей, серой! То иная птица, черно-бело-шахматная с длинным хвостом, жуткий гибрид чайки, сойки и галки. Да! Больше в ней галки, но только крупной и длинной галки-кларки. Может ли она делать "Карр-лл!"? И догадаться сложно: прыгают по фигурам фонтана одни, а в стороне карлкают другие. Карл. Клары... Вот-вот! Где, где мои кораллы?! А в сновидении были шахматные пластиковые кораллы и стучали друг о друга.

Не сразу понял: нынешняя площадь напоминает рыночную. Ту самую с двумя купцами — основателями города Сугримска. Чем? Чем? Ни грана общего! Здесь если не оригинальность, то явно триестское, пражское, рижское. А там? Сотворенные из обручей абстрактные "Минин" и "Пожарский"! Плюс топоры да срубы, камни и кирпичи... Контур стогна аналогичный, но непохожи здания. Стоп! Еще рифма! Площадь Эрнста Маха с памятником²¹ Маху из спирального мебиусно свернутого сплюснутого бублика. Главная дырка внутри спирали специально увеличена, чтобы издалека не виделись меньшие просветы. Дырка в форме земного шара. Весь мир — дырка и ничего в придачу. Не сообразил: часы на Шахматной такие же... Имеющие форму маховской дырки. Мы далеко потопаем! Как всё подстроено — и ни слова в проспектах! Постигайте, пожалуйста! Хорошо! Пусть Мах. Пусть часы. Шахматы. А купцы при чем? При том! Вымостка тех же размеров, одинаковоугольная, по золотому сечению расчерченная; пешеходные дороги проходят в стороне или внизу.

²¹ Воздвигнут в 1926 г по распоряжениям А. Луначарского от 1921 и 1923 гг., но эскизы наркома отвергнуты из-за эстетических разногласий. Иногда к авторам проекта ошибочно относят Александра Родченко. Современный модифицированный вид сооружение приобрело только в 1955 г.

Субпролог

минус 17819164 логопарсек (лп)

Купцы Фома Крыжак, сын Рогов, и Петр Скворица из земли Галицкой, в волости Пиштымской находясь и разговоры казаков Семенушинных проведав, остановица доле решиша у Пиштымки-реки, а оставшись до мисяца иулия, испросиша у Макария, дьяка, неприти на взробе рудники серебряны. Думава зело, да приняв в дар от купцов шесь жбанов вина монастырскаго, дозволе дьяк рудник почати между Пиштымкою и Сугримкою, но не захоте дать казаков и казачонков в помозь, вдругорядь три бадьи вина запросив. Тады ины поступиша Крыжак и Скворица, самоуправство чинити. Для того созвах Крыжак голытьбу из трех деревень Арашуских и рече: "Освободе кто желае от болярина, приходе сюды насовсем. Крепости нет на вас, не перед кем отчет держати. Пахати неча зря неудобь и бысть задаром чужими холопиями".

Но посла болярин Арашуский за казаками устьинскими — и притопе на сход ясаул из стана со казаками от Большой Пишты. По сем же пред беднотою вопрошати ясаул глаголя: "Аще ли будете из огни да в полымя, иттить в ново томительство?" Холопия, рты пораскрыв, на мисти своем соосташа.

Ясаул тот быв росту саженого, а ума слабого, трезвости не зна. В шинок зашед со кумпанией из Пишты. Бит бысь шкердами нещадно в оный же день. Премного пив после того, да захмелев гораздо, конёв потеря. Егда же пияница сей истребовати хуторских конев шед,

пияный полезаша мимо броду в Сугримку и утонеша со двумя товарищи.

А Фома Крыжак и Петр Скворица основаша рудники разны медны и золоты и слобод создаша числом немало, и оные назваху гарадом Сугримским через осемнадцать годов.

Глава 878 · $\sqrt{-1}$

.....

— Почему?

— А я обхожусь без сахара и соли! — зашелся в хохоте Тришкин. — Для чуяния вкуса вещей, не надо его забивать! Мы не ведаем, как устроен мир, поскольку от него занавешиваемся! Искусство, литература, телевидение тем и занимаются, что прячут от нас истинный смысл вселенной, прицепляют свое, несуществующее! Недвижный кто-то, тайный кто-то очень боится времени, когда свободный человек станет йогом-богом. Инстинктивному самосовершенствованию препятствуют подсунутые нам религиозные сказки, философия, наука, спорт и азартные игры — всякая-длякая ерунда.

Федор заметил на подоконнике высокий дырчатый цилиндр:

— Можно взглянуть?

— Сколько угодно. Радиации от таких штук нет.

Ровный цилиндр из желтого металла. Усеян десятками круглых окошек. Внутри? Без ажурных механизмов с шестеренками. Просто мощ-

ная пружина между гранями. Федор донельзя удивился:

— Не отгадка ли загадок? Проще этого не видел!

— Сплав, кажется, среднее между дюралем, латуњью и титаном, однако, — Тришкин вынул из архаичного настенного отрывного календаря иголку и царапнул ею по цилиндру, — есть там металл вроде олова, но легкий. Подозреваю, в начале цикла цилиндр сжимала страшная сила, а в конце — растягивала толстая пружина.

— Свежо предание! — усомнился Федор. — Искрошился бы! Да и пружина не смогла бы разжать!

— Ха-ха! Да кто тебе сказал, что таинство происходило в комнатных условиях? Или температура была за пятьсот Цельсия, или конструкция обреталась в особом поле. Скорее — второе. Да и сплав того... необычный, отработанные изделия из него на выброс идут. Если существуют железобетон, металлопластик, то должны быть бетонометалл, пластодюраль. Но не пластик затаен, а субстанция хитрая, превращающая плавку лома в нелепость. Меньше надо братьев Стругацких читать, тогда и пикников на обочине не будет.

— Ну ты учудил! Местный пикник расцвел, лишь только-только у Аркадия Стругацкого усики пробились. Натырено у фашистов чертежей и рецептов, с какими еще сто лет можно разбираться. Да и забыли половину, секреты германских красителей и то ухитрились где-то посеять. Облупливаться всё стало, а старые примусы почистить — поверхность заблестит не хуже новой.

— Смотри в корень! Я больше твоего по Арзамасу побегал. Не от фашистов эти финтифлюшки и не от пришлецов. Эсеры-бомбисты многое утаили. Даже схемы, которые Николай II строжайше велел уничтожить. Уничтожил, дурак, а потом затрещал под напором кузена Вильгельма и революции. А ты — фашисты! Наоборот, они важное унюхали, аж сюда ряженные зондеркоманды присылали. От них низенький могильный курганчик остался.

— Фу на тебя! И на гуманитарную палату! Историю пишут полосатые плуты и пропитанные рыбосучеством караси-идеалисты. Нам не постичь, что было! Вот тебе факт! Спорим, через два дня царапины на металлической желтяшке затянутся?

Здесь Федор обнаружил на блистере из-под "пивных дрожжей" надпись: *Phytinum*.

* *

Субпролог минус 17822317 лп

...пылающая дыра тама, куды ворона с ломаным крылом привела. И округ дыры ворона: прыг! прыг! Отверды край: шкряб! шкряб!

Фома-то Крыжак подходе к дыре отой, задрожа, увес забившиси. И че несет оттудова! Индо полымя, ыскры. Ворона: прыг! прыг! Ближе, клюво раскрыла. А! Да тут и Крыжак, не памя ся, не бежать принявши, а в горящую дыру сигану. За вороной вослед!

Как вышел — не зна сам. Но ворону в шуйце держа. А ворона-то "Карл-лл!", "Кар-рр-ллл!" Проясняше в глазах Крыжака. Вспомне

он всё, да тут упаде на земли, кататися начати и ворону упусте. А птица та — "Карр-лл!", "Каррлл". Хвост подверну, крылом махне, да и сдохла. А Фома головой кача сё, кача.

— Что, Фома? В своем ты уме? — пытаюши у него.

— В своем, в своем, — отвеча Фома, одежи отряхая, по тулову стуча. — Горю, православные, горю, да дыма и полымени не вижу! Яко угли на мене каменные пылають, яко железо адское в рёбры тычет.

Параграф минус 134/17 лп

ИЗОГНУТАЯ ЧО

(Дело № 5798 К.

Из записок Ильи Кретова)

Игрид я встречал дважды и оба раза — гуляя с собакой. В первом случае собаку спасти не удалось. Почему-то увидеть этих существ удается только мельком: слишком быстро они "надвигаются". Да и как они надвигаются? Вопрос. Пожалуй, у них и ног нет. Похожи они на вставших на хвосты и набычившихся внушительных черных рыб, идут в количестве одна-две. Способ их перемещения — проскальзывание-квантование. Не утихли дебаты о том, сколько их появляется: по одной? — по две? — по полторы? Сложно наблюдать за этими убийцами; нужно осторожно выглядывать из-за пре-

пятствия: обрыва реки, холма, заросшего кривыми деревьями болотца. Вначале возникает чувство ужаса и затем — в качестве его зримого воплощения — сами игриды: молчаливые, молниеносные, пришедшие с того света. Но чтобы умереть с их помощью, не обязательно их замечать. Часто исчезают за просто так люди и животные. И главное: следов не найти! Поди, докажи.

У игрид нет слуха и обоняния, видят они исключительно впереди себя: лежащее на пути их движения и не более чем метров на пятнадцать. Поэтому жизнь на планете еще не прекратилась. А впечатление, оставляемое ими! Удар током, укол булатным ножом в сердце. Для многих неподготовленных — беспмятство...

— Игриды — оболочки. Ядро спрятано где-то вне них, а это отрицательная масса, — изрек С.

— Антивещество? — переспросил я.

— Хо! Другое, но задрапированное...

— Да ерунду говоришь! Мчатся должна отрицательная масса вон. И с третьей космической скоростью!

— Даешь! Забыл об оболочках! Отрицательной массой, за здоровеньки булы, окажешься ты, когда игриды тебя слопают! И полетишь отсюда вон в неизведанную степь! И скорость у тебя будет тридцать третья метафизическая!

Мысленно я послал приятеля к черту. У меня был хороший нюх на белиберду. Однако в протараторенных утверждениях С. промелькнула скромная и весьма маловнятная идея. Само со-

бой, естественная геомагнитная скважина близ Старого Сугримска, обрамляющие ее холмы особенно привлекательны для игрид... Пусть гораздо реже, зловещие твари бродят по всему земному шару! Никому и дела нет! Дайте, господа, музыку Рихарда Вагнера!

Эпизод Ц-3774

Напрягся. Напрягся. Сосредоточился. По правую руку появился титан с ослиными ушами. Существо грозное, мощное, ехидное, серо-сумрачное. В ширину оно узко, сантиметров семьдесят, а с высотой творилось невообразимое: фигура — не меньше четырех метров, но и не выше двадцати. Морда титана не звериная, не человечья, именно мордная, как ей и подобает, а тело оказалось почти неопределенным. Было что-то похожее на плечи, прочее недорисовано, словно бы соткано из дыма. Рядом с инферником М. воспринял себя увереннее. Гигант виделся не глазами, дистантно ощущался кожей и головой.

"А по левую сторону?" — И в тот же миг по левую руку вынырнул титан с мышьиными ушами. И в остальном он несколько другой, чем первый, но есть между ними общее, негеометрическое, бестелесное, будь духи и противоположностями.

И постиг М.: теперь он защищен от любых козней, прозрел могущество свое и грядущую власть.

ОСКОЛКИ АСТРАЛОВ

Облагороженно-ненасытые блуждания облаков. Что, кроме грома-молнии-дождя в устремлениях белых?

"Мы испаряемся, как вода. Мы, облака, испаряемся в Космос..."

Кто бы подумал? Если туда испаряется хоть миллиардная часть, в том и смысл их жизни. Но кто это сказал? Они сказали?

Язык виноват во всем. Он враг истины. Наличие в языке присутствует и в сознании, а живущее только в сознании? Того яко нет. Устройство языка каламбурит ребра небытия.

Подтопорный плач кленов и берез... Как всхлип глины, ударенной павшим камнем.

Шевеление, шевеление в искровых недрах беспредметного.

Клекот, кrekот, колочение...

Умер горизонт. Разбросанные домишки без оград превратились в статуи-надгробия. Местность — кладбище, ждущее сов и летучих мышей. Не хватает серой мертвенной луны. Но без нее — еще лучше. В оврагах и впадинах мутные полупрозрачные существа. Прижима-

ются к лужам, расплываются, тонут, вскоре всплывают. И уже всё кажется, кажется всё. Представь что хочешь — и оно будет.

Мигнул. И... на площадях, улицах — ярмарка. Побрякушки на фоне синего льда. Холод уползает к углам и стенам от яркости пахучих деревянных поделок. Только небо равнодушно. Оно не замечает красных от сивухи лиц. Небесный хлад чувствует себя вольно, клубится. Середина его светлеет — и он спешит уйти. На северные кромки ветров.

Двадцатиметровая гора из песка насыпана в реку. Справа ее подошвы — сигнальный флажок. Символ утопленника. Видимость что-то напоминает. Мокрую переводную картинку. Но видимость — и так картинка. По крайней мере, сегодня.

Небытие памяти. Перепространство. Недотопология. Не мелькает, но порождается. Не рождается, но выходит из гармошки. Но гармошка сжата. Ее растягивание — мир иллюзий. Идут повторы. Отсюда сцепления, мнящиеся следами, гаданиями на приболотных промоинах.

Субстрата нет. Его вымучивают, но как его удерживают? Сознание делится на кластеры... один отчуждается от другого... поэтому иллюзия материи... выдумка времени для размещения сот со съеденными границами. Но здесь идет замена деления потенцированием... Резаные разные профили.

Страшен звук, претворяющийся в быстротекучую стихию внутри сна. Не в момент срыва типа прозябания или отвлечения в сторону, но за пару мгновений до того.

Сушь. Осень. Запечатанный листопад. Скрип деревьев. Безлюдье. Вырубка. Остановленность. Никуда-не-идушь. Ничего-не-надоть. Само-посебеть.

Проваливание в сон чернее и чернее. В прогалинах глубины — истошная лиловость. Чем больше потемненность — тем больше возможностей. Вот подземное озеро с плавающими на торцах кругами-ликарами. Дальше — похожее озеро, но с вывернутыми наизнанку груздями-водоворотами. А на них кэлэ... кэлэ... э лэ тэ лэ! Сэд!

И навязанное слово "грех". Ему нужно придать иное наполнение. Мохнато-когтистое томление — мениск благодати. А окна нельзя открывать. Даже заплеванной мыслью. Штиль еще тот.

ВТОРОЕ ОБЛАКО СМЕРТИ С КОЛЬЦА

Что за идальго, закутанный в сизые полотнища, идет навстречу дождю? Он безглазый. Он несет вихри. Голова в тучах. Борода распускается туманом. Близко. Близко. Но уже был конец всему. Здравствуй, новый смерч!

ЭПИЛОГ-22

Берёзовск не умер. Он слишком много дал протуберанцев. У него масса защит. Его гибель невозможна.

Он спас себя и Землю от Арзамаса. Возможно, сохранил и Арзамас.

Я иду через кочки, слои пыли и пепла. Горелое царство. Где тут Березовск-8? Где Арзамас-26? Где кольца-зоны? Куда они спрятались? Где опять закупорились?

Содержание

Большой рассвет	4
Под новым склонением	7
Абальмантовое дерево	11
Цветной рейд	15
Шапито	19
Мистерия	24
Струнный случай	30
Перелом	33
Как тогда было	40
Суп из топора	44
Напарница	49
Омолок	58
Лиловый мотив	72
Баллада о высоком дворце с овальными окнами (женский текст)	86
Пузыри на сетчатке (мужской текст).....	116
Хеппи-энд	151
Да-а!	155
Техника безопасности	158
Другие	159
Разноцветный зодчий	160
 СИНЕРГЕТИКИ (повесть)	 163
ЧУЖАЯ ВСЕЛЕННАЯ (слой хроноцикла)	244
ЧАЙ С МАНДОЛИНОЙ (роман)	365
 Творческая лаборатория ("Березовск-8 за Арзамасом-26". Фрагменты и вырывы)	 669

Некоторые работы автора:

1. Послание вундерменам. Проза. СПб., 2003, 2010.
2. В поисках беспредметного, или Вести из междумирья. Шесть книг стихотворений. СПб., 2002, 2008. С приложением статей о поэзии. СПб., 2016.
3. Буквы философии. Т. 1: СПб., 2001; Т. 2: СПб., 2003. Третье издание. СПб., 2017.
4. Этюды. Нефигуративные изображения. СПб., 2008.
5. Скважина. Статьи по литературной критике, культурологии, философии. СПб., 2009.
6. Летящая стрела (Хулиганские парадоксы-секреты здоровья, лечения, питания, или Кунштюки с дразнилками для ортодоксов). СПб., 2016.
7. Камень от входа, или Попытка мощи. Литературная критика, введения в философию. Торонто, 2017.
8. Нечетные страницы Петербурга. Альбом фотографий. Торонто, 2019.
9. Ключевая философия и ее окрестность.: Сборка, СПб., 2023.

Литературно-художественное издание

Для научных библиотек
и творческих союзов

16+

Александр Акулов. Плазма. Проза для высоко-
лобых. Издание третье, измененное. — СПб.: ИПК
"Печатный элемент". 2022. — 700 с.

Оппонент проекта: Б. Ошич

ISBN 978-5-91281-088-6

ISBN 978-5-91281-088-6

Цифровая печать 08.04.2022. Верстка *Oculist*.
Формат 60x84 ¹/₁₆. Усл. п. л. 44. Зак. № 4-10.
Типография "Печатный элемент". Санкт-Петербург,
пр. Юрия Гагарина, 24, к. 3.
+7(812)378-04-66
WWW.el-p.su

